ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

~ 2026. Выпуск 9 ~

Редакционная коллегия:

КИЛИНА И.В. (главный редактор), к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

КУЗНЕЦОВА О.А., д.ю.н., профессор кафедры гражданского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Москва;

АРИСТОВ Е.В., д.ю.н., доцент, зав. кафедрой конституционного и административного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

АФАНАСЬЕВА С.И., к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

БОРОВЫХ Л.В., к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

ВАСИЛЬЕВА Ю.В., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

КРУГЛОВ Д.Н., канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

ШЕРШЕНЬ Т.В., к.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.

Редакционный совет:

ГОЛУБЦОВ В.Г. (председатель), д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

ГАБОВ А.В., д.ю.н., член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

ГОНГАЛО Б.М., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, г. Екатеринбург;

ВАВИЛИН Е.В., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, г. Москва;

ВАЛЕЕВ Д.Х., д.ю.н., профессор, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Журнал выходит один раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Пермский юридический альманах» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, необязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

ISSN 2618-8260
Рег. номер: серия ПИ № ФС 77-73155 от 22 июня 2018 г.
(зарегистрирован Роскомнадзором)

Учредитель:
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Редакция:
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: +7 (342) 2396-275;
e-mail: almanach59@mail.ru;
http://almanack.psu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Статут»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2
Тел.: +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru
www.estatut.ru

PERM STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

PERM LEGAL ALMANAC

ANNUAL SCIENTIFIC JOURNAL

~ 2026. ISSUE 9 ~

Editorial Staff:

KILINA I.V. (Editor-in-Chief) – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for Research of the Law Faculty, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, Perm;

KUZNETSOVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University; Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State National Research University, Moscow;

ARISTOV E.V. – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative law of the Law Faculty, Perm State National Research University, Perm;

AFANASYEVA S.I. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, Perm;

BOROVYKH L.V. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Prosecutor's Supervision, Perm State National Research University, Perm;

VASILYEVA YU.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State National Research University, Perm;

KRUGLOV D.N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Theories and Histories of State and Law of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

SHERSHEN T.V. – Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Perm State National Research University, Perm.

Editorial Council:

GOLUBTSOV V.G. – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State National Research University, Perm;

GABOV A.V. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation;

GONGALO B.M. – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Yekaterinburg (Russian Federation);

VAVILIN E.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University;

VALEEV D.H. – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm; Deputy Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan.

The journal is published one time a year (annual)

Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2618-8260
Reg. No. FS77-73155 of 22 June 2018

Founder:
Perm State National Research University

Editors office:
614068, Russia, Perm, Bukireva str., 15.
Phone: +7 (342) 2396-275;
e-mail: almanach59@mail.ru;
http://almanack.psu.ru

Publisher:
LLC «Publishing House «Statut»».
119454, Moscow, Lobachevskogo str., 92, Bldg. 2.
Phone: +7 (495) 649-18-06;
e-mail: market@estatut.ru;
www.estatut.ru

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Антонян А.К.
Принцип неприкосновенности собственности – основополагающий аспект верховенства права или самостоятельный межотраслевой принцип? 12

Трапезникова Е.В.
Неопределенность компетенционных предписаний, адресованных судебным органам 23

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Дзюба А.П.
Государственное регулирование энергосбытовой деятельности в России 38

Куракина С.И.
Правовое регулирование вопросов собственности Союзного государства России и Беларуси 61

Худолей Д.М.
О критериях равенства избирателей и кандидатов 69

Худолей К.М.
Предварительный конституционный надзор законопроектов о поправках к конституциям (уставам) субъектов РФ конституционными (уставными) советами 81

Шебалов В.А.
Анализ российского законодательства, регулирующего добычу природных ресурсов в период с 1682 до 1917 года 94

III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Белоусова Д.С.
Актуальные тенденции в области защиты прокурором публичной собственности в судебном порядке 105

Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю.
Проблемы правового регулирования судебной защиты прав на интеллектуальную собственность 118

Кокова Д.А.
Система правового регулирования семейных отношений 128

Крыцула А.А.
Правовое регулирование платформенных решений: унификация и дифференциация 140

Матвеев А.Г.
Актуальные обоснования правовой охраны интеллектуальной собственности 200–300 лет назад и в настоящее время 152

Назаров М.Ю.
Критерии неиспользования земельных участков: количество vs качество 164

Седова Ж.И.
Проблемы собственников, владеющих сложносоставными объектами, и их влияние на публичные интересы 174

Федяев Д.А.
Адвокатская монополия – инструмент повышения эффективности экономического правосудия? 185

Хабичев Р.Х.
Правовые (законные) интересы в гражданском праве: вещно-правовой аспект 198

Харина К.С.
О значении статуса ответственного предпринимателя в контексте развития социального предпринимательства в Российской Федерации 212

IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Афанасьев А.Б., Афанасьева С.И.
Приостановление операций по банковским счетам: проблемы правового регулирования и практики применения 222

Голикова А.В.
Метаморфозы предмета хищения 235

Жданов А.Н.
Проявление принципа правовой определенности уголовного закона в признаках составов хищения 243

Заборский М.Я.
Согласие на причинение вреда и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния: вопросы соотношения, разграничения и конкуренции 253

Кучукбаев Д.А.
Определение признаков предмета хищения – ключевой вопрос преступлений против собственности..... 269

Малыгин К.В.
Искусственный интеллект и алгоритмизация в деятельности по отправлению правосудия как средства повышения ее качества и эффективности 278

Павлов А.С.
Неосторожные преступления против собственности: эволюция уголовно-правового регулирования в России 296

Пастухов П.С.
Мегаиндустриальное значение цифровой информации в уголовном судопроизводстве 308

Соловьева Е.А.
Предмет преступления и преступные последствия: о взаимосвязи признаков в составах преступлений против собственности..... 325

Филиппов М.Н.
Современные возможности получения и анализа данных о движении автотранспортных средств в ходе расследования дорожно-транспортных преступлений 333

Холоимова А.С.
Потенциал искусственного интеллекта в медиации по уголовным делам 343

Шадрин М.А.
Проблемы доказывания в суде присяжных в условиях развития современных технологий 355

РЕТРАКЦИЯ СТАТЬИ

Ретрагирована статья: *Клепалова Ю.И.* К вопросу о возможности использования простой электронной подписи в кадровом делопроизводстве / Ю.И. Клепалова // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 566–571.

CONTENTS

I. THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Antonyan A.K.
Is the Principle of Inviolability of Property a Fundamental Aspect of the Rule of Law or an Independent Cross-Sectoral Principle? 12

Trapeznikova E.V.
Uncertainty of Competence Prescriptions, Addressed to Judicial Bodies 23

II. CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND INTERNATIONAL LAW

Dzyuba A.P.
State Regulation of Energy Marketing Activities in Russia 38

Kurakina S.I.
Legal Regulation of Property Issues in the Union State of Russia and Belarus 61

Khudoley D.M.
On the Criteria for Equality of Voters and Candidates 69

Khudoley K.M.
Preliminary Constitutional Review of Bills on Amendments to the Constitutions (Statutes) of the Subjects of the Russian Federation by Constitutional (Statutory) Councils 81

Shebalov V.A.
Analysis of Russian Legislation Regulating the Extraction of Natural Resources in the Period from 1682 to 1917 94

III. CIVIL LAW AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Belousova D.S.
Current Trends in the Field of Public Property Protection by the Prosecutor in Court 105

Zarapina L.V., Belokopytova N.Yu.
Problems of Legal Regulation of Judicial Protection of Intellectual Property Rights.....118

Kokova D.A.
System of Legal Regulation of Family Relations.....128

Krytsula A.A.
Digital Platforms for Interaction of Professional Market Participants (B2B Segment).....140

Matveev A.G.
Current Justifications for the Legal Protection of Intellectual Property 200–300 Years Ago and at the Present Time 152

Nazarov M.Yu.
Criteria for the Non-Use of Land Plots: Quantity vs. Quality.....164

Sedova Z.I.
Problems of Owners Owning Complex Objects and Their Impact on Public Interests.....174

Fedyaev D.A.
Lawyer's Monopoly – a Tool for Increasing the Efficiency of Economic Justice?.....185

Khabichev R.Kh.
Legal (Legitimate) Interests in Civil Law: The Substantive and Legal Aspect 198

Kharina K.S.
On the Importance of the Status of Responsible Entrepreneur in the Context of the Development of Social Entrepreneurship in the Russian Federation 212

IV. CRIMINAL LAW AND PROCESS

Afanasev A.B., Afanaseva S.I.
Suspension of Operations for Bank Accounts: Legal Issues Regulation and Application Practices.....222

Golikova A.V.
Metamorphoses of the Theft Object 235

Zhdanov A.N.
The Manifestation of the Principle of Legal Certainty of the Criminal Law in the Signs of Theft 243

Zaborskiy M.Y.
Consent to Cause of Harm and Other Circumstances That Exclude the Criminality of the Act: Issues of Ratio, Differentiation and Competition 253

Kuchukbaev D.A.
Determining the Signs of a Theft Is a Key Issue in Crimes Against Property 269

Malygin K.V.
Artificial Intelligence and Algorithmization in the Administration of Justice as a Means of Enhancing Its Quality and Efficiency..... 278

Pavlov A.S.
Negligent Crimes Against Property: Evolution of Criminal Law Regulation in Russia 296

Pastukhov P.S.
The Mega-Industrial Importance of Digital Information in Criminal Proceedings 308

Soloveva E.A.
The Object of the Crime and Criminal Consequences: On the Relationship Between Elements in Offences Against Property ... 325

Filippov M.N.
Modern Possibilities for Obtaining and Analyzing Data on the Movement of Motor Vehicles During the Investigation of Traffic Crimes..... 333

Kholoimova A.S.
The Potential of Artificial Intelligence in Mediation of Criminal Cases..... 343

Shadrin M.A.
Problems of Proving in Jury Trials in the Context of the Development of Modern Technologies..... 355

УДК: 34.01

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ АСПЕКТ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРИНЦИП?

А.К. Антонян
Ассистент кафедры теории и истории государства и права.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: armenantonyan2000@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется место принципа неприкосновенности собственности в правовой системе России. Выявляется связь принципа неприкосновенности собственности с принципом верховенства права. Отмечается слабая разработанность в литературе публично-правового значения и содержания принципа неприкосновенности собственности, гарантирующего естественное право собственности. Автор приходит к выводу о том, что принцип неприкосновенности собственности является межотраслевым принципом частного и публичного права, а также служит необходимой предпосылкой принципа верховенства права, а не элементом его содержания.

Ключевые слова: неприкосновенность собственности, верховенство права, приоритет личности, права человека, естественные права человека.

IS THE PRINCIPLE OF INVIOLABILITY OF PROPERTY A FUNDAMENTAL ASPECT OF THE RULE OF LAW OR AN INDEPENDENT CROSS-SECTORAL PRINCIPLE?

A.K. Antonyan
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: armenantonyan2000@gmail.com

Abstract. The article analyzes the place of the principle of inviolability of property in the legal system of Russia. The connection between the principle of inviolability of property and the principle of the rule of law is revealed. There is a weak elaboration in the literature of the public-legal significance and content of the principle of inviolability of property, which guarantees the natural right of ownership. The author comes to the conclusion that the principle of inviolability of property is an interdisciplinary principle of private and public law, and also serves as a necessary prerequisite for the rule of law, rather than an element of its content.

Keywords: inviolability of property, rule of law, priority of personality, human rights, natural human rights.

Определение места принципа неприкосновенности собственности в системе права Российской Федерации носит дискуссионный характер. Большинство ученых-цивилистов относят принцип неприкосновенности собственности к основным началам (принципам) гражданского права и законодательства[1]. Вместе с тем в литературе встречаются и другие точки зрения. Так, А.С. Гайдук утверждает, что гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности в силу своей близости к фундаментальным общеправовым принципам, в том числе к началу справедливости, по своему значению выходит за рамки гражданского права и сближается с межотраслевыми принципами[2]. Н.Л. Бондаренко относит принцип неприкосновенности

[1] См.: *Щенникова Л.В.* Принцип неприкосновенности собственности: проблемы понимания и практической реализации // Законодательство. 2018. № 5. С. 12: *Кузнецова О.А.* Обзор судебной практики «Применение судами принципа неприкосновенности собственности» // Арбитражное правосудие в России. 2007. № 5. Доступ из СПС «ГАРАНТ»; Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. I: Общая часть. С. 45–46.

[2] *Гайдук А.С.* Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 9–10.

собственности к числу межотраслевых принципов права, поскольку он находит свое выражение в гражданском, семейном, трудовом и земельном праве как отраслях частного права[1]. При этом Н.Л. Бондаренко также пишет о том, что следует согласиться с утверждением о том, что неприкосновенность собственности является общеправовым, конституционным принципом[2].

Е.Г. Комиссарова неприкосновенность собственности называет «субпринципом, являющимся заглавным для ограниченной группы гражданско-правовых норм»[3]. С этим утверждением не соглашается О.А. Кузнецова с указанием на то, что принцип неприкосновенности собственности пронизывает не только вещное право, но и все институты обязательственного права, наследственное право[4].

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения[5]. Верховный Суд РФ указывает, что указанный конституционный принцип неприкосновенности собственности реализуется в ряде норм гражданского и земельного законодательства, регулирующего вопрос изъятия земельных участков для публичных нужд[6].

На фундаментальную правовую природу принципа неприкосновенности собственности указывает Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ). Так, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях от 10 ноября 2016 г. № 23-П и от 26 ноября 2020 г. № 48-П указал, что многочисленные положения Конституции Российской Федерации выражают один

---

[1] *Бондаренко Н.Л.* Место принципа неприкосновенности собственности в системе общеправовых и отраслевых принципов гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2017. № 2. С. 11.

[2] *Бондаренко Н.Л.* Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 1. С. 90.

[3] *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень: Тюменский гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2001. С. 114.

[4] *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 76.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[6] См., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2024 г. № 305-ЭС24-6841 по делу № А40-6377/2023. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих... Конституционный Суд РФ обращает особое внимание на недопустимость произвольного вмешательства государства в экономическую деятельность и в отношения собственности в силу принципа верховенства права (Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2022 г. № 59-П).

Кроме того, Конституционный Суд РФ, касаясь принципа неприкосновенности собственности, отмечал, что вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и не должно нарушать равновесие между интересами общества и необходимыми условиями защиты прав личности. Это предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы поддерживался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерным обременениям (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П и др.).

Указанные правовые позиции Конституционного Суда РФ являются свидетельством непосредственного действия в сфере вмешательства государства в отношения собственности принципа верховенства права, который по своей природе всегда рассматривался как инструмент ограничения широких дискреционных полномочий органов публичной власти. Так, в зарубежной литературе со времен фундаментального труда А.В. Дайси[1] и по сей день доктрина верховенства права рассматривается как необходимый правовой инструмент ограничения постоянно усиливающейся дискреционной власти государственных органов.

Для легального сдерживания исполнительной власти Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) выработан подход, согласно которому предоставление ей неограниченных дискреционных полномочий противоречит принципу верховенства права[2]. Указанное свидетельствует о том, что принцип верховенства права может действовать как непосредственный правовой противовес неограниченной (произвольной) дискреционной власти административного органа, который

[1] *Дайси А.В.* Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой; под ред. П.Г. Виноградова. М., 1907. С. 150.

[2] См., например, п. 230 Постановления ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. по делу «Роман Захаров против Российской Федерации»; Постановление ЕСПЧ от 28 ноября 2002 г. по делу «Лавентс против Латвии»; п. 42 Постановления ЕСПЧ от 10 апреля 2018 г. по делу «Лю (Liu) против Российской Федерации»; Постановление ЕСПЧ от 17 сентября 2009 г. по делу «Энеа против Италии». Доступ из СПС «ГАРАНТ».

уполномочен на принятие решения о принудительном отчуждении имущества для государственных нужд.

В зарубежной и отечественной правовой литературе принцип неприкосновенности собственности сам по себе непосредственно не включается в содержание доктрины верховенства права. При этом одним из элементов принципа верховенства права рассматривается приоритет личности, ее субъективных прав[1]. Представляется, что одно из центральных мест в системе субъективных прав личности современных демократических государств исторически занимает именно право собственности как естественное, неотъемлемое право человека.

В связи с чем видится, что Конституционный Суд РФ, признавая принцип неприкосновенности собственности в качестве элемента многогранного принципа верховенства права, исходил из естественно-правовой природы права собственности. На естественно-правовой (неотчуждаемый) характер конституционных прав указывает и Г.А. Гаджиев, который пишет о правовой реальности «протоправ» в правовой системе России[2].

В западном обществе со времен передовой для своего времени концепции естественных прав Джона Локка, включающей право собственности, завоеваний Великой французской революции 1789 г., провозгласившей священность и неприкосновенность собственности, сложилось стойкое уважение к имущественной самостоятельности и независимости индивида, характерное для современного капиталистического общества в целом.

В своем известном труде «Два трактата о правлении» Джон Локк выделяет право на жизнь, свободу и собственность как три основных прирожденных права личности, которые индивиды признают друг за другом в «естественном состоянии» и которые затем гарантируются самим государством. При этом, как отмечает Э.Ю. Соловьев, право на свободное распоряжение собственностью выступает как итоговое, результирующее, интегративное, а право на свободу и жизнь – как его предпосылка.

---

[1] См.: *Фуллер Л.Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 190–205; *Аллан Т.* Свобода, Равенство, Законность // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. статей / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 396–401; *Елистратов А.И.* Очерк государственного права (конституционное право). М.: Тип. «Мысль», 1915. С. 25; *Варламова Н.В.* Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Гаджиев Г.А.* О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 20–21.

В статье «Феномен Локка» он пишет: «На первом плане естественно-правовой концепции Локка стоит право собственности. Оно включает в себя право на жизнь и свободу и нередко фигурирует в тексте локковского трактата как наиболее общее обозначение политико-юридического статуса личности. «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства, – заявляет Локк, – является сохранение ими собственности»»[1].

Э.Ю. Соловьев также поясняет, что в собственности, по Локку, личность возвышается над самой собой как эмпирической индивидуальностью... Собственность священна, более священна, чем само существование ее эмпирического носителя. Объяснение этой парадоксальной максимы Локк видит в том, что собственность воплощает в себе труд, то есть целенаправленную, сознательную и планомерную деятельность субъекта посредством которой он сам себя впервые конституирует в качестве лица и признанного члена человеческого сообщества[2].

Таким образом, собственность, по Локку, выступает в качестве базового, неотъемлемого права личности, результата его свободного труда, что не только конструирует постулируемую частным правом имущественную самостоятельность и автономию воли индивида, но и позволяет ему иметь свободные убеждения, независимые от церкви и государства, что соответствует конституционно-правовым (публичным) нормам признания человека высшей ценностью по отношению к государству, гарантирует светский характер государства, свободу слова и мысли.

Представляется, что в сущности о том же пишут авторы комментария к Конституции РФ: «Неприкосновенность частной собственности подтверждает признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью». Основополагающий принцип развития и регулирования имущественных отношений в современной экономике заключается в обеспечении неприкосновенности, всемерной охране и признании права частной собственности[3].

В связи с этим необходимой представляется интерпретация малоисследованного публично-правового значения права собственности.

---

[1] См.: *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М.: Социум, 2020. С. 348; *Соловьев Э.Ю.* Феномен Локка // Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. С. 154–159.

[2] *Соловьев Э.Ю.* Указ. соч. С. 159–164.

[3] Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т.Я. Хабриевой; Обращение к читателям В.В. Путина. М.: ИНФРА-М, 2021. 368 с. DOI 10.12737/1836403.

Цивилисты, говоря о принципе неприкосновенности собственности, часто просто отмечают, что данный принцип закреплен в конституционном тексте (ст. 35) в силу особой важности регулирования новой рыночной модели экономики. Однако этого мало, поскольку не раскрывается, а просто декларируется не менее значимый публичный элемент естественного права собственности, который присутствовал у Локка и заложен в «дух» действующей российской Конституции.

Представляется, что «публичный элемент» права собственности достаточно подробно и обоснованно раскрывается в труде С.С. Алексеева «Право собственности. Проблемы теории». Так, С.С. Алексеев, раскрывая сущность собственности, пишет: «Человек как мыслящее и творческое существо продолжает себя во внешнем мире, и тем самым для него открывается возможность сознательно (интеллектуально, творчески и, в конце концов, физически) осваивать его»[1]. «Именно в собственности утверждается положение субъекта, обладающего неотъемлемыми правами, и раскрываются качества собственности, выраженные в категориях «свобода», «умственная принадлежность», «метафизическая природа личности»»[2].

О социальном (публично-правовом) аспекте права собственности пишет и Л.В. Щенникова: «...в праве собственности кроется и другая сторона – социальная, которая все отчетливее проявляется с развитием цивилизации... Социальная сторона или функция права собственности позволяет поставить использование богатства на службу обществу, соответственно, задача гражданско-правового регулирования – придать этому ключевому праву необходимое социально-гуманитарное значение. Социальная функция права собственности в какой-то степени придает ему статус публичной категории, отражаясь в конституционно-правовом регулировании»[3]. Более того, Л.В. Щенникова указывает на то, что законодательство должно провозглашать общественно-социальные цели для эффективной и полноценной реализации принципа неприкосновенности собственности[4].

Л.В. Щенникова в своей статье приходит к выводу о том, что современная цивилистика видит в исследуемом институте значительную социальную энергию и социальную ответственность, которые должны

---

[1] *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2010. С. 17.

[2] Там же. С. 20.

[3] *Щенникова Л.В.* Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 332.

[4] Там же. С. 348.

быть заложены в механизмах гражданско-правового регулирования. Зарубежная гражданско-правовая литература акцентирует внимание на созидательных возможностях права собственности, его мотивационной роли, дающей импульсы для развития хозяйственной деятельности, а значит, развития общества и наращивания его богатства[1].

Таким образом, Л.В. Щенникова, как и С.С. Алексеев, отмечает важность познания социальной стороны собственности, а также значимость созидательной, мотивационной роли собственности для стабильного развития общества.

С.С. Алексеев вслед за Дж. Локком указывает на неразрывную связь собственности и труда. Автор пишет: «Нужно учитывать, что собственность в сфере производства неотделима от труда – физического и интеллектуального»[2]. Для иллюстрации значимости собственности для правопорядка в целом С.С. Алексеев выделяет «социальную функцию собственности», которую он раскрывает через обладание субъектами права собственности всем объемом ее качеств независимо от устремлений власти, что создает твердую основу для стабильности в экономической, социальной и политической областях; содержит твердые предпосылки для утверждения в обществе строгих и незыблемых правовых ценностей и идеалов, т.е. развитой правовой системы с независимым и всесильным судом, а также дает импульсы развитию в обществе демократического, политического режима[3].

Л.В. Щенникова также указывает, что современная зарубежная цивилистическая наука активно занимается сегодня определением роли права собственности в формировании фундаментальных основ современного общества[4]. Все вышеуказанные признаки: стабильность основных социальных институтов, независимый суд, демократический режим выделяются разными авторами в числе императивов принципа верховенства права[5]. В свою очередь свободное право собственности

---

[1] *Щенникова Л.В.* Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 339.

[2] *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2010. С. 54.

[3] См. там же. С. 56–57.

[4] *Щенникова Л.В.* Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 349.

[5] См.: *Allan T.R.S.* The Sovereignty of Law: Freedom, Constitution and Common Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 88–111; *Bingham T.* The Rule of Law. London: Lane, 2010. P. 105–115; *Bradley A.W., Ewing K.D.* Constitutional and Administrative Law. Harlow: Pearson Education, 2007. P. 99–103; *Раз Д.* Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер.

само по себе является не элементом, а скорее необходимой предпосылкой для становления и развития в том или ином демократическом обществе принципа верховенства права.

С.С. Алексеев в публикации «У истоков Конституции России: субъективные заметки» писал, что особо печальным и в чем-то странным следует признать исчезновение из окончательного текста Конституции положения о том, что частная собственность является естественным правом человека[1]. Думается, что прямое конституционное закрепление естественной природы права собственности способствовало бы его более эффективной защите, в том числе в спорах граждан и организаций с государством.

Таким образом, рассматриваемая правовая позиция Конституционного Суда РФ имеет под собой философские и правовые основания, представляется не случайной, соответствует историко-правовому развитию института частной собственности в западном (капиталистическом) обществе и верно подмечает его взаимосвязь с принципом верховенства права. Однако определенное возражение вызывает указание Конституционным Судом РФ на принцип неприкосновенности частной собственности как аспект верховенства права. Таковой следует относить, как указано выше, к предпосылке для формирования правопорядка, основанного на принципе верховенства права.

В то же время данный вывод не противоречит и одновременной квалификации принципа неприкосновенности частной собственности в качестве самостоятельного принципа гражданского права или межотраслевого принципа, характерного для самостоятельных отраслей частного права (права гражданского, семейного и трудового, в последнем оно проявляется с помощью таких категорий, как «свобода труда», право каждого распоряжаться своими способностями к труду). Однако наиболее близким к истине с учетом конституционной природы принципа неприкосновенности собственности и его связи с общеправовым принципом верховенства права представляется его межотраслевой характер, что предполагает действие рассматриваемого принципа в отраслях частного и публичного права.

В связи с этим неверно определять природу принципа неприкосновенности собственности исключительно как принципа подотрасли вещного права или только гражданского права. Такая квалификация

с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 365.

[1] *Алексеев С.С.* У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 25.

лишает данный принцип имплицитно присущих ему социально значимых характеристик. Определять принцип неприкосновенности частной собственности как конституционный только по той причине, что он закреплен в Конституции, также неверно, поскольку Конституция, закрепляя основы экономической системы государства, не предопределяет правовую природу всех поименованных в ней принципов права. Последняя должна определяться обоснованным образом научным сообществом исходя из места принципа права в объективно сложившейся системе права России.

Таким образом, исключительно гражданско-правовое содержание принципа неприкосновенности собственности не позволяет уловить всех граней его значимого, социального (публично-правового) содержания. Именно такую публично-правовую грань рассматриваемого принципа в своих решениях подтверждают Конституционный Суд РФ, а также труды философов Дж. Локка, Э.Ю. Соловьева и правоведов С.С. Алексеева и Л.В. Щенниковой.

Библиографический список

Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2010. 240 с.

Алексеев С.С. У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. 42 с.

Аллан Т. Свобода, Равенство, Законность // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 396–419.

Бондаренко Н.Л. Место принципа неприкосновенности собственности в системе общеправовых и отраслевых принципов гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2017. № 2. С. 6–19.

Бондаренко Н.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 1. С. 89–94.

Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. С. 146–171.

Гаджиев Г.А. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 12–25.

Гайдук А.С. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 28 с.

Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. I: Общая часть. 576 с.

Дайси А.В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой; под ред. П.Г. Виноградова. М., 1907. 370 с.

Елистратов А.И. Очерк государственного права (конституционное право). М.: Тип. «Мысль», 1915. 166 с.

Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень: Тюменский гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2001. С. 128.

Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т.Я. Хабриевой; Обращение к читателям В.В. Путина. М.: ИНФРА-М, 2021. 368 с. DOI 10.12737/1836403.

Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 267 с.

Кузнецова О.А. Обзор судебной практики «Применение судами принципа неприкосновенности собственности» // Арбитражное правосудие в России. 2007. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М.: Социум, 2020. 496 с.

Раз Д. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 550 с.

Соловьев Э.Ю. Феномен Локка // Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. С. 144–166.

Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 305 с.

Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 329–351.

Щенникова Л.В. Принцип неприкосновенности собственности: проблемы понимания и практической реализации // Законодательство. 2018. № 5. С. 12–16.

Allan T.R.S. The Sovereignty of Law: Freedom, Constitution and Common Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. 361 p.

Bingham T. The Rule of Law. London: Lane, 2010. 213 p.

Bradley A.W., Ewing K.D. Constitutional and Administrative Law. Harlow: Pearson Education, 2007. 922 p.

УДК 34.07

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КОМПЕТЕНЦИОННЫХ ПРЕДПИСАНИЙ, АДРЕСОВАННЫХ СУДЕБНЫМ ОРГАНАМ

Е.В. Трапезникова
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права.
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Аннотация. В статье на примерах судебной практики показано, как судебные органы путем самовластного толкования права изменяют содержание адресованных им нормативных правовых предписаний, что влечет произвольное правоприменение, ограничение прав граждан и организаций, невыполнение государственных задач и функций. Это проявляется, например, в отказе от исследования заявленных сторонами доказательств со ссылкой на право на оценку доказательств по внутреннему убеждению; толковании обязанностей в качестве субъективных прав, используемых по усмотрению; утверждении о пробеле в праве относительно обстоятельств, освобождающих суд от исполнения обязанностей; преобразовании содержания одних объективированных в законе нормативных предписаний в иные, прямо законом не предусмотренные; непоследовательности принятия решений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания или освобождении от уголовной ответственности в уголовном процессе.

Ключевые слова: правовая неопределенность, компетенционные предписания, компетенция суда, судебное толкование права, толкование *contra legem*.

UNCERTAINTY OF COMPETENCE PRESCRIPTIONS, ADDRESSED TO JUDICIAL BODIES

E.V. Trapeznikova
Perm State University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Abstract. The article uses examples from judicial practice to show how judicial bodies, through their arbitrary interpretation of the law, change the content of legal prescriptions addressed to them, which leads to arbitrary law enforcement, restrictions on the rights of citizens and organizations, and failure to fulfill state tasks and functions. This manifests itself, for example, in the refusal to examine the evidence presented by the parties, with reference to the right to evaluate evidence on the basis of one's own conviction; in the interpretation of obligations as subjective rights that can be exercised at the discretion of the court; in the assertion of a gap in the law regarding the circumstances that exempt the court from fulfilling its obligations; in the transformation of the content of certain legal norms into others that are not explicitly provided for by law; and in the inconsistency of decisions regarding conditional release from punishment, the substitution of a more lenient form of punishment for the unserved portion of the sentence, or the release from criminal liability in a criminal proceeding.

Keywords: legal uncertainty, competence prescriptions, court competence, judicial interpretation of law, interpretation contra legem.

В зависимости от собственных, порой ошибочных, представлений должностные лица государственных органов способны в одних случаях интерпретировать свои неконкретизированные полномочия как субъективные права, а в других – как юридические обязанности. Давно выявлена суть бюрократизации, заключающаяся в том, что жизненные принципы формируются с целью приспособления к деятельности чиновника, собственные интересы его подменяют цель, для которой он создан[1]. Вследствие этого возможно превышение публичным субъектом своих полномочий или пассивное поведение при обязанности действовать. Нарушение компетенционной нормы – всегда деяние конкретного субъекта, выражающееся в действии или бездействии.

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 89.

В науке есть мнение, что судья или иной правоприменитель априори имеет ограниченное право выбора, которое по своей сути является формальным, поскольку лицо или орган, применяющий право, не является полностью свободным ни в выборе средств аргументации, ни в выборе приемов интерпретации[1]. Мы поддерживаем указанный подход, однако на практике, несмотря на ограниченное число способов толкования, разработанных в науке, судьи, следуя им, могут приходить к абсолютно противоположным выводам. Соответственно, говорить о такой сдерживающей «несвободе» не совсем оправданно.

Установление процессуальных норм минимизирует возможности субъективистских отклонений от заданных целей деятельности и способствует повышению эффективности управления в целом[2]. Но когда суды толкуют предписания, адресованные им, и становятся «судьями в собственном деле», обнаруживается отход ими от правил судебного толкования компетенционных предписаний, адресованных иным публичным лицам.

Возникает новый ракурс неопределенности компетенционных предписаний, даже противное букве закона их толкование и порождение прав суда, в законе не указанных, или самоосвобождение от обязанностей, прямо предписанных законом.

1. Суды право на оценку доказательств по внутреннему убеждению (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ) толкуют как право не исследовать определенные доказательства, о которых заявляют стороны.

Суд кассационной инстанции, обосновывая законность решения суда первой инстанции, указал: «по смыслу статьи 88 АПК РФ вызов лица в качестве свидетеля является правом, а не обязанностью суда. Суд первой инстанции, в данном случае, посчитал возможным рассмотреть дело на основе имеющихся доказательств»[3]. При этом нет доводов о том, что показания свидетелей не отвечают требованию относимости доказательств.

Пункт 1 ст. 88 АПК РФ: «по ходатайству лица, участвующего в деле, арбитражный суд *вызывает* свидетеля для участия в арбитражном процессе». В юридической доктрине поясняется, что использование глаголов настоящего времени в действительном залоге направлено на краткость формулировок нормы права и не фиксирует то, что проис-

---

[1] *Корнев В. Н.* Правотворчество, правоприменение и содержание права // Научные ведомости. 2008. № 8 (48). С. 37.

[2] *Егоров К.И.* Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 66–69.

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2023 г. по делу № А40-28893/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ходит в действительности, а обязывает субъектов права к совершению определенных действий[1], следовательно, данной формой глаголов устанавливают обязанности, а не права адресатов предписания. Несмотря на легальную обязанность суда оказать содействие сторонам в собирании и истребовании доказательств, если сторонам их предоставить самостоятельно затруднительно (абз. 2 п. 1 ст. 57 ГПК РФ, абз. 3 п. 4 ст. 66 АПК РФ), а также фактически признав недостаток в работе судов нижестоящей инстанции, суд включил в текст судебного акта клише «обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены судами первой и апелляционной инстанций на основании полного, всестороннего и объективного исследования имеющихся в деле доказательств с учетом всех доводов и возражений участвующих в деле лиц, а окончательные выводы судов соответствуют фактическим обстоятельствам и представленным доказательствам, основаны на правильном применении норм материального и процессуального права». В кассационном постановлении не указаны пути постижения «смысла» предписания, отличного от общеупотребимых правил толкования.

В некоторых случаях подобное сужение судами объема процессуальной обязанности исправлялось вышестоящими судебными инстанциями[2].

Обнаружены иные примеры отклонения обязанности судов по исследованию доказательств в судебном процессе: право суда произвольно отказывать в удовлетворении ходатайств заявителя об истребовании и проверке доказательств действительности хозяйственных операций[3], отказывать в приобщении письменного доказательства[4] и в назначении экспертизы[5].

В судебных актах выявлена позиция об отсутствии обязанности суда давать оценку всем доказательствам или доводам сторон со ссылкой на Верховый Суд РФ: «Доводы заявителя жалобы о том, что судом не была дана оценка всем доводам Общества, отклоняются судебной

---

[1] См.: *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста. М.: БЕК, 1997. С. 54–55; Справочник по нормотворческой технике: пер. с нем. 2-е изд., перераб. М.: БЕК, 2002. С. 32.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 8-КГ23-8-К2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 4.

[3] Постановления Арбитражного суда Московского округа от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019. Документ опубликован не был; от 6 марта 2023 г. по делу № А40-29405/2022. Документ опубликован не был; от 8 июня 2023 г. по делу № А41-51523/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановления Арбитражного суда Московского округа от 27 марта 2023 г. по делу № А41-78569/2021. Документ опубликован не был; от 7 апреля 2023 г. по делу № А40-91502/2022 . Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

коллегией, поскольку нормы статей 170 и 271 АПК РФ не предъявляют конкретных требований к фактической полноте судебных актов. Указание арбитражными судами только выводов, в том числе по итогам непосредственной оценки документов, содержание которых исключает согласие суда с доводами участвующего в деле лица, не является нарушением указанных норм процессуального права.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2017 г. № 305-КГ17-13553 указано, что неотражение в судебных актах всех имеющихся в деле доказательств и доводов Заявителя не свидетельствует об отсутствии их надлежащей судебной проверки и оценки. Данная позиция подтверждается сложившейся судебной практикой, в том числе определениями Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2016 г. № 302-КГ16-16864, от 27 марта 2017 г. № 304-КГ17-1427, от 29 ноября 2016 г. № 304-КГ16-15626»[1].

2. Отдельные процессуальные действия суды рассматривают как свои права (возможности, которые используют по своему усмотрению), а не обязанности. Иногда вышестоящие судебные инстанции отменяют судебные акты, толкуя процессуальные возможности в качестве обязательных для совершения действий.

К примеру, судебные инстанции в мотивировочной части выходили за предмет доказывания и давали правовую оценку обстоятельств за пределами исковых требований. Верховный Суд РФ отметил, что суд не вправе самостоятельно изменять предмет или основание иска, а должен принять решение только по заявленным требованиям и может выйти за их пределы лишь в тех случаях, когда это предусмотрено действующим законодательством[2].

Законом предусмотрено: «третьи лица могут быть привлечены к участию в деле... по инициативе суда» (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ). Несмотря на управомочивающее для суда предписание, привлечение к участию в деле третьих лиц, права и обязанности которых могут быть затронуты вынесенным решением, является его процессуальной обязанностью. Судебные акты, затрагивающие права и обязанности лиц, не привлеченных к процессу, подлежат отмене как принятые в нарушение норм процессуального права[3].

---

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 марта 2023 г. по делу № А40-98693/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 16-КГ18-44. Документ опубликован не был; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 сентября 2022 г. по делу № А45-18234/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Апелляционные определения Московского городского суда от 10 июня 2019 г. по делу № 33а-4042. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант-

Судебные акты, в основу которых положено недопустимое доказательство – судебное экспертное заключение, подлежат отмене ввиду лишения стороны процессуального права на проведение экспертизы в случае, когда суд не произвел отвод заявленного эксперта по основаниям, предусмотренным законом. Следовательно, отвод эксперта является обязанностью суда, когда это предусмотрено процессуальным законодательством[1].

Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1409-О «статья 24 АПК РФ и статья 18 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», устанавливающие обязанность эксперта заявить самоотвод, а также обязательность отвода эксперта от участия в производстве судебной экспертизы и необходимость немедленного прекращения ее производства, если она ему поручена, при наличии предусмотренных процессуальным законом оснований, в том числе при заинтересованности в исходе дела, направлены на расширение гарантий судебной защиты прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства. Положения ст. 24 АПК РФ не предполагают произвольного применения: при наличии установленных ст. 21 и 23 АПК РФ оснований рассмотрение вопроса об отводе эксперта является не правом, а обязанностью арбитражного суда, рассматривающего конкретное дело»[2].

Широко в практике судов распространена позиция о том, что назначение повторной экспертизы является правом, а не обязанностью суда. Суды отмечают: по смыслу ст. 20 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[3] («производство дополнительной судебной

Плюс»; от 6 декабря 2019 г. по делу № 33а-6124. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[1] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 августа 2021 г. по делу № А45-10144/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1409-О/2012 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 18 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2001. № 106. 5 июня.

экспертизы, назначенной в случае недостаточной ясности или полноты ранее данного заключения, поручается тому же или другому эксперту») повторная экспертиза назначается, если выводы эксперта противоречат фактическим обстоятельствам дела, сделаны без учета фактических обстоятельств дела, во время судебного разбирательства установлены новые данные, которые могут повлиять на выводы эксперта[1]. На наш взгляд, если судебный орган обнаруживает основания для проведения повторной экспертизы, он именно обязан оформить соответствующее процессуальное решение. Данный вывод мы делаем из деонтического смысла глаголов настоящего времени.

3. Для освобождения от процессуальных обязанностей суды используют утверждение о пробеле в праве относительно обстоятельств, освобождающих его от исполнения обязанности.

Так, судом пробелом в праве названо отсутствие в Кодексе об административных правонарушениях РФ требований, предъявляемых к содержанию жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Суд применил аналогию закона (правила ст. 30.4, 30.6 и 30.7 КоАП РФ, предусматривающие порядок подготовки и рассмотрения дела по жалобе) и указал, что в жалобе должны быть указаны данные о том, чьи именно права и каким образом нарушены, указаны место совершения правонарушения и дата получения обжалуемого постановления правонарушителем, к жалобе должны быть приложены оспариваемые постановление и решение вышестоящего должностного лица.

Ссылаясь на отсутствие перечисленных данных, невозможность определить место совершения правонарушения (а значит, и подсудность рассмотрения данной жалобы), сроки рассмотрения, суд отказал в принятии указанной жалобы к производству суда[2].

Таким образом, процессуальные обязанности суда, предусмотренные ст. 30.4, 30.6, 30.7 КоАП РФ, суд самостоятельно переложил на заявителя и освободил себя от предусмотренных законом обязанностей,

---

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 апреля 2024 г. по делу № А40-63653/2023. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 ноября 2023 г. по делу № А63-12208/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17 февраля 2021 г. по делу № А83-3611/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 июня 2020 г. по делу № А53-23826/2019. Документ опубликован не был; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 августа 2019 г. по делу № А49-9649/2016. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Решение Самарского областного суда от 23 апреля 2020 г. по делу № 21-673/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мотивируя это требованием общей правовой позиции Конституционного Суда РФ о процессуальной аналогии закона, не связанной с процедурой принятия жалоб на постановления о привлечении к административной ответственности.

4. Судебные органы в ходе правоприменения преобразовывают содержание одних объективированных в законе нормативных предписаний в иные, прямо законом не предусмотренные. Правоприменительная компетенция тем самым судебной властью расширяется до правотворческой.

1) Частями 2 и 3 ст. 389.2 УПК РФ предусмотрено: «определения или постановления... об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства... *обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу*, за исключением постановлений... других судебных решений, затрагивающих права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующих дальнейшему движению дела, а также частных определений или постановлений». Правоприменительные органы, в том числе суд, толковали данное предписание как запрет обжаловать постановление об отказе от направления подсудимого на медицинское освидетельствование до вынесения итогового решения по делу.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 апреля 2022 г. № 16-П указал, что апелляционное обжалование постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении подсудимого на медицинское освидетельствование для установления у него заболевания, препятствующего содержанию под стражей, лишь одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, исключая возможность незамедлительного апелляционного обжалования означенного отказа, ведет к ограничению права на судебную защиту и признается не соответствующим Конституции РФ[1].

2) Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П обоснована ошибка правоприменительной практики в определении предмета регулирования Закона РФ «О государственной тайне». Судебные органы установленный законом порядок допуска лиц к государственной тайне толковали как запрет обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката по мотивам

[1] По делу о проверке конституционности части первой статьи 110 и статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И. Мургиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2022 г. № 16-П // Российская газета. 2022. № 99. 11 мая.

отсутствия у последнего допуска к государственной тайне. Тем самым придавался смысл, в соответствии с которым именно указанный Закон, а не уголовно-процессуальные нормы являлись правовым основанием для отстранения от участия в уголовном деле адвоката, не имеющего допуска к государственной тайне.

Конституционный Суд РФ указал, что распространение положений ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне», устанавливающих порядок допуска лиц к государственной тайне, на сферу уголовного судопроизводства неправомерно ограничивает конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника. Указанные конституционные права в силу ст. 56 (ч. 3) Конституции РФ не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах[1].

3) Часть 5 ст. 209 УПК РСФСР устанавливала правило, в соответствии с которым постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное в стадии предварительного расследования, может быть обжаловано прокурору. Вместе с тем рассматриваемое положение воспринималось судами и иными правоприменительными органами не только как предоставляющее заинтересованным лицам право обжаловать прекращение дела прокурору, но и как исключающее возможность подачи аналогичной жалобы в суд. Следовательно, право обжалования постановления прокурору толковалось как запрет обжаловать указанное постановление в суде.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П смысл, придаваемый ч. 5 ст. 209 УПК РФ сложившейся правоприменительной практикой, признан не соответствующим Конституции РФ, поскольку ограничивал возможность судебного обжалования постановлений о прекращении уголовного дела.

4) Правоприменительная практика ч. 3.1 ст. 147 ЖК РФ («...член правления товарищества собственников жилья не может совмещать свою деятельность в правлении товарищества с работой в товариществе по трудовому договору, а также поручать, доверять другому лицу или иным образом возлагать на него исполнение своих обязанностей члена правления товарищества») толковала как запрет заключать трудовой договор с единоличным исполнительным органом (председателем правления) или членом правления ТСЖ.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 июля 2022 г. № 28-П указал, что по буквальному смыслу запрет, установленный

[1] По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

оспариваемой нормой, может рассматриваться как имеющий целью исключить злоупотребления со стороны членов правления, что допускает отсутствие возможности у председателя правления товарищества осуществлять в товариществе иную деятельность, кроме выполнения функции единоличного исполнительного органа, не запрещая, однако, заключение трудового договора о выполнении работы в качестве председателя правления товарищества[1].

5. В уголовно-правовой науке и практике не решена проблема содержания компетенции судов при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания или освобождении от уголовной ответственности: право или обязанность адресованы суду.

К примеру, осужденный Г. обжаловал решения судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении его ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Он ссылался на нормы ч. 1 ст. 80 УК РФ («лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, *суд может заменить* оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания по отбытии осужденным установленного законом срока наказания») и ч. 4 ст. 80 УК РФ («при рассмотрении ходатайства осужденного о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания *суд учитывает поведение* осужденного, его отношение к труду и учебе в течение всего периода отбывания наказания, отношение осужденного к совершенному деянию, возмещение причиненного преступлением ущерба»).

Суды нижестоящих инстанций отмечали, что замена неотбытой части наказания является правом, а не обязанностью суда, поскольку диспозиция нормы выражена словом «вправе». Исследовав обстоятельства дела, применив телеологическое толкование указанных норм, суд кассационной инстанции пришел к выводу, что «наличие поощрений и примерное поведение в силу норм уголовно-исполнительного законодательства является обязанностью осужденного и свидетельствует о положительных тенденциях в его поведении, при этом суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания по основаниям, не указанным в законе. Данные требования судами нижестоящих инстанций нарушены.

Как следует из представленных материалов, осужденный Г. отбыл установленную законом часть назначенного наказания, нарушений

[1] По делу о проверке конституционности части 3.1 статьи 147 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Руденко: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2022 г. № 28-П // Российская газета. 2022. № 160. 22 июля.

режима отбывания наказания не допускал, имеет пять поощрений, взысканий не имеет, участвует в воспитательных мероприятиях, делает для себя положительные выводы, принимает активное участие в благоустройстве исправительного учреждения, вину в совершении преступления признал, раскаивается в содеянном, иска не имеет, поддерживает связь с родственниками. Таким образом, суд не привел обстоятельств, которые предусмотрены законом в качестве основания для отказа в удовлетворении ходатайства, в связи с чем принятое решение нельзя признать законным и обоснованным»[1].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 указано, что основанием для замены неотбытой части наказания более мягким видом является поведение осужденного, свидетельствующее о том, что цели наказания могут быть достигнуты путем замены неотбытой части наказания более мягким наказанием. Суду также надлежит учитывать данные о личности осужденного, его отношение к труду и учебе во время отбывания наказания. Суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания по основаниям, не указанным в законе, таким как наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений и т.д.

При этом решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, содержать подробное обоснование выводов, к которым суд пришел в результате рассмотрения ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания либо ходатайства или представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В случае отказа в удовлетворении ходатайства или представления в решении суда должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, исключающие возможность условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Выводы о наличии таких обстоятельств не могут быть основаны на сведениях, не проверенных в судебном заседании[2].

В ином деле сотрудник территориального управления ГУ ФСИН России ходатайствовал об отмене условного осуждения и снятии су-

[1] Постановление президиума Свердловского областного суда от 20 декабря 2017 г. № 44У-207/2017-4У-2948/2017 по делу № 4/5-76/2017. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 // Российская газета. 2009. № 75. 29 апреля.

димости в отношении гражданина В. Данное ходатайство было поддержано прокурором и самим осужденным. Осужденный положительно характеризуется по месту жительства соседями, по месту работы, на учете у врачей не состоит, к уголовной ответственности после осуждения не привлекался, штрафы за привлечение к административной ответственности в области дорожного движения уплачены, исполнительных производств нет, возложенные приговором суда обязанности исполняются.

Несмотря на положительную характеристику осужденного, ходатайства органов исполнения наказания и прокуратуры, суд первой инстанции посчитал, что отсутствуют достаточные сведения, однозначно свидетельствующие об исправлении осужденного В., и отказал в удовлетворении ходатайства[1].

Указанные примеры демонстрируют отсутствие унифицированного практического подхода к дискреционным полномочиям судей в уголовно-правовой сфере.

В юридической литературе существование дискреционных, субъективных оснований для освобождения от уголовной ответственности также оценивается по-разному. Многие признают их разумность и неизбежность. Другие настаивают на отказе от них, переведя в разряд императивных. Одним из главных недостатков дискреционных оснований называются неопределенность, размытость условий их применения: поскольку для выполнения преследуемым лицом названных в законе условий дискреционного основания недостаточно для его освобождения, то оценке со стороны правоприменителя подлежат дополнительные критерии, условия, в закон не включенные. Такое положение вещей в свою очередь приводит к субъективизму, не исключающему произвол[2]. Более того, в уголовно-правовой политике своеволие и неопределенность затрагивают основу: определение границы преступного поведения от непреступного[3].

На недостаточность учета тех условий, что прямо закреплены в нормах об освобождении от уголовной ответственности по субъективным

---

[1] Постановление Свердловского районного суда г. Перми от 4 октября 2023 г. по делу № 4/17-332/2023. Документ опубликован не был. Доступ из архива Свердловского районного суда г. Перми.

[2] *Вдовцев П.В.* Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? // Мировой судья. 2024. № 6. С. 30.

[3] См.: *Колоколов Н.А.* Малозначительность: как отделить преступное от непреступного (анализ спорных примеров из судебной практики по уголовным делам) // Мировой судья. 2018. № 11. С. 17–26.

основаниям, указано и в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19[1].

П.В. Вдовцев приходит к выводу об оправданности дискреционной возможности освобождения от уголовной ответственности как учитывающей общественно опасную природу уголовно-правового конфликта. «Такая формулировка субъективных (дискреционных) по своей природе оснований, как «лицо... освобождается», «подлежит освобождению», демонстрирует уголовно-правовую реакцию, не учитывающую общественную опасность деяния. Если же они сформулированы как «лицо... может быть освобождено» (именно так изложены действующие редакции ст. 75, 76, 76.2, 80, 90 УК РФ), то налицо уголовно-правовая реакция, предполагающая в первую очередь учет общественной опасности деяния»[2].

О.С. Долгова пишет, что освобождение от уголовной ответственности или наказания при утрате общественной опасности деяния должно носить безусловный характер (является обязанностью суда. – *Доп. Е.Т.*), а при установлении утраты общественной опасности лица – условный характер[3] (является правом суда. – *Доп. Е.Т.*).

Право суда решать в каждом конкретном случае на практике может превращаться в произвольное усмотрение (хочу – делаю, хочу – нет) и отказ в ходатайстве осужденного по причине личного усмотрения судьи, не связанного требованиями закона.

В соответствии с принципом законности при обжаловании решения уполномоченного органа суд должен оценить возможность применения дискреционного решения с учетом негативных его последствий для обеспечения личных прав вне зависимости от формального соответствия решения уполномоченного органа требованиям закона.

Таким образом, признание дискреционных полномочий суда не ставит точку в определении содержания таких предписаний. При реализации дискреции суд *обязан* выяснить конкретные фактические обстоятельства, дающие основание для итогового принятия решения. И на втором шаге (формулирование вывода) суд должен быть связан исследованными доказательствами, следовательно, вывод его предрешен. Суд либо обязан удовлетворить ходатайство при совокупности указанных в законе обстоятельств, либо обязан отказать в его удовлетворении (не должно быть необоснованного улучшения положе-

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Российская газета. 2013. № 145. 5 июля.

[2] *Вдовцев П.В.* Указ. соч. С. 31.

[3] *Долгова О.С.* Изменение обстановки как уголовно-правовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2024. С. 9.

ния). Следовательно, дискреционные права связаны с обязанностью соблюдения процедуры и иных требований закона при принятии усмотрительного решения.

Обоснованно утверждать, что права государственных органов и их должностных лиц являются не правом в чистом виде, когда субъект по своему желанию определяет меру его использования, а прерогативой действовать известным образом, данной только указанным субъектам и никому более. Следовательно, каждая обязанность публичного органа или должностного лица содержит прерогативу (право) исключительно данного органа или должностного лица исполнять данную обязанность. И наоборот, любое право публичного лица, предоставленное ему для удовлетворения публичных интересов, должно неукоснительно соблюдаться и исполняться как обязанность. Для исполнения дискреционных полномочий это означает обязанность принять мотивированное решение, основанное на законе, соблюдая баланс частных и публичных интересов.

Свободы усмотрения права без ограничений определять исход правовых споров у суда нет. Свобода усмотрения состоит в обязанности точно определить вид и меру поведения сторон правоотношения (права и обязанности), в том числе конкретизировать их согласно предмету спора при неопределенном законе. Задача суда – найти критерии конкретизации (например, характер нарушения, учет принципов справедливости и соразмерности и др.). Если все «права» суда были бы только видом и мерой возможного поведения, то отмена вышестоящими судами решений судов, в которых «права» не использовались, была бы невозможна. Но особенности процессуальных правоотношений предполагают, что суд действует от имени государства и находится с ним в отношении, тесной связи. Поэтому реализация прав судами должна соизмеряться с задачами судопроизводства, поставленными государством.

Подводя итог, отметим, что в деятельности судебных органов широко наблюдается превращение обязанностей или запретов в субъективное право судов толкования закона *contra legem*. Широкое использование диспозитивности приводит к самоосвобождению публичных органов от публичных обязанностей с целью удовлетворения корпоративного интереса. Однозначно это не приводит к правовой определенности, а, напротив, является причиной правовой неопределенности.

Библиографический список

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.

Вдовцев П.В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? // Мировой судья. 2024. № 6. С. 27–32.

Долгова О.С. Изменение обстановки как уголовно-правовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2024. 28 с.

Егоров К.И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 66–69.

Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М.: БЕК, 1997. 333 с.

Колоколов Н.А. Малозначительность: как отделить преступное от непреступного (анализ спорных примеров из судебной практики по уголовным делам) // Мировой судья. 2018. № 11. С. 17–26.

Корнев В.Н. Правотворчество, правоприменение и содержание права // Научные ведомости. 2008. № 8 (48). С. 35–42.

Справочник по нормотворческой технике: пер. с нем. 2-е изд., перераб. М.: БЕК, 2002. 260 с.

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 346.6 + 346.7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГОСБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

А.П. Дзюба
Доктор экономических наук,
профессор кафедры систем управления энергетикой
и промышленными предприятиями.
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина.
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, И-520.
E-mail: dzyuba-a@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена обзорному исследованию российского законодательства, осуществляющего нормативно-правовое регулирование деятельности в области сбыта энергетических ресурсов. В материалах проводится обзор нормативно-правовых актов, регулирующих энергосбытовую деятельность организаций, осуществляющих функции в области сбыта электрической и тепловой энергии, природного газа, услуг горячего и холодного водоснабжения. В статье также представлено описание особенностей сбыта энергетических ресурсов различными энергосбытовыми компаниями как по видам отпускаемой энергии, так и по правовому статусу таких компаний, например, гарантирующих поставщиков электроэнергии и независимых энергосбытовых компаний. В статье представлены основные нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие установление сбытовых надбавок для различных организаций, осуществляющих сбыт энергетических ресурсов, в том числе касающиеся процесса установления таких надбавок. В материалах приводятся примеры сбытовых надбавок для организаций в области сбыта различных видов энергетических ресурсов с описанием их особенностей по отношению к каждой отдельной группе потребителей. Теоретические результаты, представленные в материалах статьи, могут быть полезны в практической работе сотрудников энергосбытовых компаний, а также органов исполнительной власти

в области регулирования деятельности российских энергосбытовых компаний и иных субъектов электроэнергетики.

Ключевые слова: энергосбытовая деятельность, энергосбыт, экономика промышленности, промышленная энергетика, рынки энергии, энергетическая эффективность, сбыт электроэнергии, сбыт тепловой энергии, сбыт природного газа, сбыт ГВС и ХВС.

STATE REGULATION OF ENERGY MARKETING ACTIVITIES IN RUSSIA

A.P. Dzyuba
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.
I-520, 19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia.
E-mail: dzyuba-a@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to an overview study of the Russian legislation implementing the legal regulation of activities in the field of energy resources marketing. The materials provide an overview of regulatory legal acts regulating the energy marketing activities of organizations that perform functions in the field of sales of electric energy, sales of thermal energy, sales of natural gas, sales of hot and cold water services. The article also describes the specifics of the sale of energy resources by various energy marketing companies, both by type of energy supplied and by the legal status of such companies, for example, guaranteeing electricity suppliers and independent energy marketing companies. The article presents the main regulatory legal acts of the Russian Federation regulating the establishment of marketing allowances for various organizations engaged in the sale of energy resources, including regulating the organization of the process of establishing such marketing allowances. The materials provide examples of marketing surcharges of organizations in the field of marketing various types of energy resources with a description of their establishment features in relation to each individual consumer group. The theoretical results presented in the materials of the article can be useful in practical activities for employees of energy marketing companies, as well as executive authorities in the field of regulating the activities of Russian energy marketing companies and other subjects of the electric power industry.

Keywords: energy marketing activities, energy marketing, industrial economics, industrial energy, energy markets, energy efficiency, electricity sales, heat sales, natural gas sales, hot water and HVAC sales.

Основная часть организаций, осуществляющих функции по сбыту энергетических ресурсов, являются субъектами естественно-монопольных видов деятельности и подпадают под критерий организаций, осуществляющих «регулируемые виды деятельности», которые в профессиональном сленге также имеют название «регулируемые организации». Порядок, условия и критерии отнесения таких организаций к организациям, осуществляющим регулируемые действия, определяются законодательством РФ, прежде всего Федеральным законом от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях»[1].

Естественная монополия – состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров.

При этом, согласно Закону № 147-ФЗ, деятельность по сбыту энергоресурсов не выделяется в качестве самостоятельной сферы деятельности субъектов естественных монополий (в законе перечислены различные виды передачи энергетических ресурсов). Поэтому тарифы на оказание услуг по сбыту энергетических ресурсов для определенных организаций регулируются (устанавливаются) органами власти, а сами такие организации являются регулируемыми. Регулирование тарифов (цен) на оказываемые услуги организациями, осуществляющими регулируемые виды деятельности, осуществляется Федеральной антимонопольной службой либо региональными органами власти, осуществляющими функции в области регулирования тарифов.

Учитывая выявленную специфику потребления каждого вида энергетического ресурса, российское законодательство, регулирующее функции по сбыту энергетических ресурсов, регулирует каждую сферу в отдельности.

1. Регулирование в области сбыта электроэнергии (мощности)

Законодательство в области регулирования в электроэнергетике является самым обширным, сложным и развитым среди регулирования

[1] О естественных монополиях: Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

всех видов обращаемых топливно-энергетических ресурсов. Прежде всего развитие законодательства в данной отрасли связано с масштабным реформированием электроэнергетики страны, начало которому было положено в 2003 г. при реформировании государственной монополии РАО «ЕЭС России». С этого периода в электроэнергетике России создано значительное количество новых субъектов, имеющих уникальные функциональные качества (организации по генерации, передаче и распределению электроэнергии, по сбыту электроэнергии), сформированы конкурентные отношения при сохранении естественно-монопольных субъектов, появились оптовый и розничный рынки электроэнергии, полностью переформатирован подход в области реализации инвестиционных программ в отрасли, что в целом направлено на ее эффективное развитие с учетом сохранения надежности энергоснабжения и обеспечения экономически обоснованных цен на электроэнергию (мощность).

Согласно ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[1] энергосбытовая деятельность – это деятельность по продаже произведенной и (или) приобретенной электрической энергии (за исключением деятельности по зарядке электрической энергией аккумуляторных батарей, в том числе аккумуляторных батарей транспортных средств, оборудованных электродвигателями), осуществляемая на розничных рынках в пределах Единой энергетической системы России и на территориях, технологическое соединение которых с Единой энергетической системой России отсутствует.

Организации, осуществляющие энергосбытовую деятельность в области электроэнергетики, принципиально делятся на две категории: гарантирующие поставщики и независимые энергосбытовые компании. Сравнение гарантирующих поставщиков и независимых энергосбытовых организаций представлено в табл. 1.

Как следует из определения, гарантирующие поставщики осуществляют энергосбытовую деятельность для базовых потребителей, действующих в рамках территории их обслуживания (географическая территория субъекта Федерации либо часть территории субъекта Федерации).

Основная особенность гарантирующих поставщиков проявляется в том, что они наделены обязанностью по обязательному заключению договора энергоснабжения с любым обратившимся к ним лицом (п. 32 постановления Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 «О функ-

[1] Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ционировании розничных рынков электрической энергии...»)[1]. Эта обязанность делегирована гарантирующим поставщикам для гарантированного обеспечения поставки электрической энергии всем вновь подключаемым и действующим потребителям. Учитывая исключительную обязанность гарантирующих поставщиков, дающую им определенные преимущества перед другими поставщиками электроэнергии, цены, отпускаемые гарантирующими поставщиками электроэнергии, а также сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков подлежат государственному регулированию[2].

Также существенной особенностью деятельности гарантирующих поставщиков является их исключительное право сбыта электрической энергии населению и приравненным к нему категориям потребителей.

Таблица 1. **Сравнение гарантирующих поставщиков и независимых энергосбытовых компаний**

Параметр	Гарантирующие поставщики	Независимые энергосбытовые организации (действующие на территории ценовых зон)
Определение	Коммерческая организация, которой в соответствии с законодательством РФ присвоен статус гарантирующего поставщика, которая осуществляет энергосбытовую деятельность и обязана в соответствии с настоящим ФЗ заключить договор энергоснабжения, договор купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности) с любым обратившимся к ней потребителем электрической энергии либо с лицом, действующим от своего имени или от имени потребителя электрической энергии и в интересах указанного потребителя электрической энергии и желающим приобрести электрическую энергию (ст. 3 ФЗ № 35 «Об электроэнергетике»)	Организации, осуществляющие энергосбытовую деятельность (ст. 3 ФЗ № 35 «Об электроэнергетике»), либо коммерческая организация, которая в соответствии с законодательством РФ может заключить договор энергоснабжения, договор купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности), но на взаимовыгодных условиях, достигнутых между энергосбытовой организацией и потребителем (покупателем) электроэнергии

[1] О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии (вместе с Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии, Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии): Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (ред. от 27.12.2024).

[2] *Дзюба А.П.* Исследование и группировка типов договоров, применяемых в отрасли энергетического права России в процессе создания и использования ВИЭ // Пермский юридический альманах. 2024. № 7. С. 178–190.

Параметр	Гарантирующие поставщики	Независимые энергосбытовые организации (действующие на территории ценовых зон)
Регулирующие нормативные акты	ПП РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (п. 63)[1]	Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ст. 40, ч. 2)
Порядок регулирования сбытовой надбавки	Исполнительные органы субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов в соответствии с методическими указаниями утверждают сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков	Цены (тарифы) на электрическую энергию (мощность), поставляемую потребителям электрической энергии энергосбытовыми организациями, не являющимися гарантирующими поставщиками, являются свободными, складываются под воздействием спроса и предложения и не подлежат государственному регулированию
Основные потребители	Население и приравненные к нему категории потребителей	Промышленность и иные группы крупных потребителей электроэнергии
Отдельные условия	Юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также аффилированным лицам в границах одной ценовой зоны оптового рынка запрещается совмещать деятельность по передаче электрической энергии и (или) оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике с деятельностью по производству и (или) купле-продаже электрической энергии (ст. 5 ФЗ от 26.03.2003 № 36 «Об особенностях функционирования электроэнергетики...»[2])	

Говоря о поставке электроэнергии населению, следует подчеркнуть, что население в России относится к социально защищенной группе потребителей, для которой тарифы на отпускаемую электроэнергию подлежат жесткому регулированию и не формируются на основе рыночных механизмов ценообразования в рамках оптового рынка электроэнергии.

Независимые энергосбытовые организации имеют перед потребителями электрической энергии фактически такие же права и обязанности, как и гарантирующие поставщики. При этом независи-

[1] О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике (вместе с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике): Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 (ред. от 20.02.2025).

[2] Об особенностях функционирования электроэнергетики и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об электроэнергетике»: Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 36-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

мые энергосбытовые организации, во-первых, заключают договоры энергоснабжения с потребителями исключительно на взаимовыгодных условиях, во-вторых, не имеют права осуществления поставки электрической энергии потребителям, относящимся к категории населения.

Учитывая то, что гарантирующие поставщики осуществляют закупку электроэнергии на оптовом рынке и реализуют ее потребителям, они взимают плату за выполнение собственных услуг, что выражается в «сбытовой надбавке», которая включается в каждый 1 кВт • ч реализованной электроэнергии каждому потребителю.

В табл. 2 представлены примеры сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков электрической энергии, поставляющих электрическую энергию (мощность) на розничном рынке на территории Московской области, на 2024 г. Как следует из таблицы, на территории Московской области действуют пять гарантирующих поставщиков, между которыми поделена зона обслуживания субъекта Федерации, т.е. они не работают одновременно на одной и той же территории.

Как следует из представленных примеров, сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков имеют ряд особенностей:

1. Для различных гарантирующих поставщиков, действующих в рамках одного субъекта Федерации (но на разных территориях деятельности), устанавливаются индивидуальные величины сбытовых надбавок;

2. Сбытовые надбавки дифференцируются по группам потребителей (население, сетевые организации, прочие потребители);

3. Сбытовые надбавки для различных групп потребителей могут существенно различаться;

4. Для потребителей с более значительной величиной максимальной мощности энергопринимающих устройств сбытовые надбавки меньше, чем для потребителей с более низкими аналогичными показателями;

5. Сбытовые надбавки могут индексироваться для различных периодов регулирования (как правило, индексирование ведет к росту сбытовых надбавок).

Также величины сбытовых надбавок имеют существенные различия для разных субъектов Федерации. В табл. 3 представлены сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков регионов Уральского и Сибирского федеральных округов, утвержденные на второе полугодие 2024 г. В указанный период самые значительные величины сбытовых надбавок наблюдались в Тюменской области, Алтайском крае и Томской области. Самые же низкие сбытовые надбавки были установлены в Свердловской и Кемеровской областях, республиках Тыва и Хакасия.

Таблица 2. **Сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков электрической энергии, поставляющих электрическую энергию (мощность) на розничном рынке на территории Московской области, на 2024 год (утверждены распоряжением Комитета по ценам и тарифам Московской области от 20.12.2023 № 279-Р[1])**

№	Наименование гарантирующего поставщика в Московской области	ИНН	Население и приравненные к нему категории потребителей		Сетевые организации, покупающие электрическую энергию для компенсации потерь		Прочие потребители с максимальной мощностью принадлежащих им энергопринимающих устройств менее 670 кВт		Прочие потребители с максимальной мощностью принадлежащих им энергопринимающих устройств от 670 кВт до 10 МВт		Прочие потребители с максимальной мощностью принадлежащих им энергопринимающих устройств не менее 10 МВт	
			I полугодие	II полугодие	I полугодие	II полугодие	I полугодие	II полугодие	I полугодие	II полугодие	I полугодие	II полугодие
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	АО «ИЭК»	5038152869	0,33989	0,40755	0,00000	0,00000	0,35612	0,49743	0,17658	0,24424	0,11871	0,16581
2	ООО «РУС-ЭНЕРГОСБЫТ»	7706284124	0,42256	0,48134	0,41096	0,44645	0,25538	0,31092	0,11301	0,13680	0,08513	0,10364
3	АО «Мосэнергосбыт»	7736520080	0,44673	0,53608	0,36706	0,51435	0,25433	0,31351	0,18959	0,22719	0,08478	0,10451
4	ЗАО «БЭЛС»	5001003540	0,24133	0,28959	0,00000	0,00000	0,24825	0,34245	0,11921	0,17288	0,08275	0,11415
5	АО «Электросеть»	5029087589	0,24980	0,29973	0,00000	0,00000	0,32109	0,47241	0,18628	0,26143	0,10703	0,15747

[1] Об установлении сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков электрической энергии, поставляющих электрическую энергию (мощность) на розничном рынке на территории Московской области, на 2024 год. URL: https://ktc.mosreg.ru/download/document/12868460?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f.

1.1. Установление сбытовых надбавок

Установление сбытовых надбавок производится в соответствии с законодательством РФ в области электроэнергетики.

В соответствии со ст. 23.1 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» государственному регулированию цен (тарифов) в электроэнергетике подлежат сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков.

Также в соответствии с п. 6.3 ст. 23.1 Федерального закона «Об электроэнергетике» расходы гарантирующего поставщика, понесенные им для исполнения обязательств, предусмотренных законодательством, подлежат включению в состав сбытовой надбавки гарантирующего поставщика.

В соответствии с ПП РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков входят в систему регулируемых тарифов на розничном рынке (п. 3).

Согласно п. 63 Постановления Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков утверждаются исполнительными органами субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов.

Таблица 3. **Сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков регионов Уральского и Сибирского федеральных округов, утвержденные на 2-е полугодие 2024 г. (в руб./кВт • ч без учета НДС)**

Субъект РФ	Наименование гарантирующего поставщика	Группа потребителей с максимальной мощностью энергопринимающих устройств		
		до 670 кВт	от 670 до 10 МВт	от 10 МВт
Уральский федеральный округ				
Курганская область	АО «ЭК «Восток»»	0,958	0,380	0,379
Свердловская область	АО «ЕЭнС»	0,633	0,225	0,211
	АО «Энергосбыт Плюс»	0,650	0,217	0,217
	АО «НТЭСК»	1,377	1,100	1,100
	АО «РИР»	1,377	0,571	0,571

Субъект РФ	Наименование гарантирующего поставщика	Группа потребителей с максимальной мощностью энергопринимающих устройств		
		до 670 кВт	от 670 до 10 МВт	от 10 МВт
Тюменская область (в том числе ХМАО и ЯНАО)	АО «ЭК «Восток»»	1,120	0,687	0,390
	АО «Салехардэнерго»	1,222	0,566	0,407
	АО «ЮТЭК»	1,377	0,830	0,459
	АО «Газпром энергосбыт Тюмень»	0,935	0,588	0,311
	ООО «НЭСКО»	1,377	0,938	0,459
	ООО «ГЭС»	1,377	0,830	0,459
Челябинская область	ООО «Уралэнергосбыт»	0,853	0,328	0,284
	ООО «МЭК» (г. Магнитогорск)	0,751	0,371	0,250
Сибирский федеральный округ				
Республика Алтай	АО «Алтайэнергосбыт»	0,745	0,416	0,248
Республика Тыва	АО «Россети Сибирь Тываэнерго»	1,288	1,288	0,698
Республика Хакасия	ООО «АтомЭнергоСбыт Бизнес»	0,724	0,369	0,241
	ООО «РУСЭНЕРГОСБЫТ»	0,667	0,287	0,222
	ООО «Абаканэнергосбыт»	1,064	0,504	0,354
Алтайский край	АО «Алтайэнергосбыт»	0,670	0,342	0,223
	АО «Алтайкрайэнерго»	0,670	0,354	0,223
	АО «Барнаульская горэлектросеть»	1,094	0,364	0,364
	ООО «Заринская горэлектросеть»	1,559	0,519	0,519
Красноярский край	ПАО «Красноярскэнергосбыт»	0,430	0,424	0,338
Иркутская область	ООО «Иркутскэнергосбыт»	0,400	0,133	0,133
	ООО «РУСЭНЕРГОСБЫТ»	0,422	0,141	0,140
	АО «Витимэнергосбыт»	0,706	0,243	0,235

Субъект РФ	Наименование гарантирующего поставщика	Группа потребителей с максимальной мощностью энергопринимающих устройств		
		до 670 кВт	от 670 до 10 МВт	от 10 МВт
Кемеровская область	ПАО «Кузбассэнергосбыт»	0,657	0,243	0,219
	ООО «Металлэнергофинанс	1,096	0,437	0,365
Новосибирская область	АО «Новосибирскэнергосбыт»	0,536	0,184	0,184
Омская область	ООО «ОЭК»	0,842	0,352	0,280
Томская область	АО «Томскэнергосбыт»	1,290	0,828	0,430

Согласно п. 65 Постановления Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 при определении необходимой валовой выручки гарантирующего поставщика для расчета сбытовых надбавок учитываются в соответствии с методическими указаниями по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов, утверждаемыми Федеральной антимонопольной службой:

1) экономически обоснованные расходы организации, связанные с обеспечением ее регулируемой деятельности в качестве гарантирующего поставщика по соответствующим группам (категориям) потребителей и определяемые методом экономически обоснованных затрат[1];

2) эталонная выручка гарантирующего поставщика;

3) неподконтрольные расходы гарантирующего поставщика, включающие амортизацию основных средств, налоги, капитальные вложения из прибыли, в том числе на инвестиции, включая не учтенные в инвестиционной программе, и расходы, не относящиеся к капитальным вложениям, определенные в соответствии с нормативами предельного объема финансовых потребностей.

При установлении сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков в отношении сетевых организаций учитываются величина перекрестного субсидирования, а также отклонение фактической величины перекрестного субсидирования от величины, учтенной при установ-

[1] *Дзюба А.П.* Нормативно-правовое регулирование стимулирования создания инвестиционных проектов в области возобновляемых источников энергии в России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2023. № 2. С. 26–40.

лении сбытовых надбавок гарантирующего поставщика в отношении сетевых организаций.

Перекрестное субсидирование – механизм сдерживания роста тарифов, при котором для одних покупателей цена устанавливается выше предельных издержек, а для других – ниже, что в целом приводит к ценам, равным средним издержкам. Перекрестное субсидирование рассматривается государством как мера социальной поддержки населения, но в то же время приводит к некоторым негативным последствиям, включая распределение большей части субсидий домохозяйствам с высокими доходами и повышение издержек бизнеса, которые закладываются в себестоимость товаров и услуг[1].

Эталонная выручка гарантирующего поставщика определяется методом сравнения аналогов, предусматривающим в том числе нормирование затрат по статьям расходов в порядке, установленном методическими указаниями по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов.

Особенности расчета сбытовых надбавок регулируются постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии».

Сбытовые надбавки рассчитываются в соответствии с приказом ФАС России от 21 ноября 2017 г. № 1554/17 «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов».

Процедура установления сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков утверждена приказом ФАС России от 10 марта 2022 г. № 196/22 «Об утверждении Регламента установления цен (тарифов) и (или) их предельных уровней, предусматривающего порядок регистрации, принятия к рассмотрению и выдачи отказов в рассмотрении заявлений об установлении цен (тарифов) и (или) их предельных уровней, и формы решения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов».

2. Регулирование в области сбыта природного газа

Учитывая то, что деятельность по сбыту природного газа также является регулируемым видом деятельности, на услуги по сбыту природного газа также устанавливаются своего рода надбавки, называемые «плата за снабженческо-сбытовые услуги».

[1] URL: https://vgmu.hse.ru/2020--2/371812582.html.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 29 декабря 2000 г. № 1021 «регулируемая плата за снабженческо-сбытовые услуги» – это утвержденная в установленном порядке плата за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа его поставщиками (газоснабжающими организациями), взимаемая сверх регулируемой оптовой цены на газ.

На рис. 1 представлено приложение к приказу ФАС России от 30 декабря 2021 г. № 1573/21 об утверждении размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа АО «Газпром межрегионгаз Нижний Новгород» на территории Нижегородской области. Как следует из представленных показателей снабженческо-сбытовых услуг, можно выделить ряд ключевых особенностей:

1. Размер платы за снабженческо-сбытовые услуги утверждается исходя из расчета обьема потребления газа (в 1000 куб. м);

2. Размер платы за снабженческо-сбытовые услуги утверждается для различных групп потребителей, среди которых выделяется население, а также прочие потребители с дифференцированными объемами годового потребления газа;

3. Удельный размер платы за снабженческо-сбытовые услуги увеличивается по мере снижения годового объема потребления природного газа потребителями.

В табл. 4 представлена выписка из приложения приказа ФАС России от 31.10.2022 № 975/22 об утверждении размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа. Как следует из таблицы, показатели размеров снабженческо-сбытовых услуг для разных регионов страны могут существенно различаться, что связано с внутренними экономическими особенностями деятельности организации по сбыту природного газа в регионах. Также в представленном документе указаны наименования организаций по сбыту газа, действующих в каждом регионе России, например: АО «Газпром межрегионгаз Дальний Восток» на территории Амурской области, АО «Газпром межрегионгаз Ухта» на территории Архангельской области, АО «Газпром межрегионгаз Волгоград» на территории Волгоградской области и т.п.

Также показатели размера платы за снабженческо-сбытовые услуги подлежат ежегодной индексации, величина которой регулируется соответствующими нормативно-правовыми актами.

Регулирование организаций, осуществляющих услуги по сбыту природного газа, осуществляется в соответствии с нормами, указанными в ряде нормативно-правовых актов, а именно:

1. Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (определяет правовые, экономические

Таблица 4. **Выписка из приложения приказа ФАС от 31.10.2022 № 975/22 об утверждении размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа**[1]

Размер платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа (руб./1000 м^3)										
По группам потребителей с объемом потребления газа (млн м^3/год)										
№ п/п	Наименование организации, оказывающей снабженческо-сбытовые услуги	Субъект Российской Федерации	свыше 500	от 100 до 500 включительно	от 10 до 100 включительно	от 1 до 10 включительно	от 0,1 до 1 включительно	от 0,01 до 0,1 включительно	до 0,01 включительно	население
1	ООО «Газпром межрегионгаз Новосибирск»	Алтайский край	19,40	29,09	79,72	99,71	109,73	114,77	120,83	419,65
2	ООО «Газпром межрегионгаз Дальний Восток»	Амурская область	–	39,09	78,18	–	–	–	–	–
3	ООО «Газпром межрегионгаз Ухта»	Архангельская область	98,93	102,53	108,59	117,83	120,21	121,38	122,57	172,64
4	ООО «Газпром межрегионгаз Белгород»	Белгородская область	104,53	115,52	126,52	160,81	164,04	167,03	170,05	234,30
5	ООО «Газпром межрегионгаз Брянск»	Брянская область	156,15	159,88	169,29	188,11	191,87	195,63	199,40	265,64
6	ООО «Газпром межрегионгаз Владимир»	Владимирская область	132,86	134,55	142,40	167,68	175,12	176,85	178,60	255,47

[1] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212010061?index=13.

№ п/п	Наименование организации, оказывающей снабженческо-сбытовые услуги	Субъект Российской Федерации	свыше 500	от 100 до 500 включительно	от 10 до 100 включительно	от 1 до 10 включительно	от 0,1 до 1 включительно	от 0,01 до 0,1 включительно	до 0,01 включительно	население
7	ООО «Газпром межрегионгаз Волгоград»	Волгоградская область	133,73	135,30	143,26	159,18	162,35	165,56	168,71	199,09
8	ООО «Газпром межрегионгаз Вологда»	Вологодская область	75,77	85,88	95,19	107,82	111,04	116,34	119,54	135,95
9	ООО «Газпром межрегионгаз Воронеж»	Воронежская область	118,37	124,61	135,28	155,39	161,67	171,07	178,77	240,02
10	ООО «Газпром межрегионгаз Иваново»	Ивановская область	199,07	203,92	218,50	242,77	247,63	252,47	257,34	338,92
11	ООО «Газпром межрегионгаз Нальчик»	Кабардино-Балкарская Республика	72,25	170,96	183,02	204,71	227,56	250,44	264,89	319,25
12	ООО «Газпром межрегионгаз Санкт-Петербург»	Калининградская область	47,36	48,16	64,85	89,19	105,41	145,96	202,70	339,67
13	ООО «Газпром межрегионгаз Калуга»	Калужская область	191,26	191,26	204,91	227,68	229,96	231,77	234,50	278,53
14	ООО «Газпром межрегионгаз Дальний Восток»	Камчатский край	119,74	149,68	155,66	178,99	195,26	211,53	227,80	235,55
15	ООО «Газпром межрегионгаз Черкесск»	Карачаево-Черкесская Республика	66,80	221,31	236,91	264,97	294,57	324,18	342,89	402,94
16	ООО «Газпром межрегионгаз Кемерово»	Кемеровская область – Кузбасс	33,62	40,76	45,85	53,49	57,05	61,14	76,42	265,68
17	ООО «Газпром межрегионгаз Киров»	Кировская область	129,84	140,81	178,43	209,20	217,10	222,55	227,32	330,49

№ п/п	Наименование организации, оказывающей снабженческо-сбытовые услуги	Субъект Российской Федерации	свыше 500	от 100 до 500 включительно	от 10 до 100 включительно	от 1 до 10 включительно	от 0,1 до 1 включительно	от 0,01 до 0,1 включительно	до 0,01 включительно	население
18	ООО «Газпром межрегионгаз Краснодар»	Краснодарский край (за исключением г. Краснодара, Усть-Лабинского и Славянского районов)	68,17	84,63	150,92	224,97	235,42	256,17	266,69	348,91
19	ООО «Газпром межрегионгаз Краснодар»	Краснодарский край (г. Краснодар)	68,17	84,63	150,92	224,97	235,42	256,17	266,69	198,80
20	ООО «Газпром межрегионгаз Краснодар»	Краснодарский край (Усть-Лабинский район Краснодарского края)	68,17	84,63	150,92	224,97	235,42	256,17	266,69	163,08

и организационные основы отношений в области газоснабжения в Российской Федерации);

2. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» (в рамках полномочий ФАС закрепляется принятие и согласование размеров платы за снабженческо-сбытовые услуги);

Рисунок 1. **Приложение к приказу ФАС России от 30.12.2021 № 1573/21 об утверждении размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа АО «Газпром межрегионгаз Нижний Новгород» на территории Нижегородской области**[1]

Размер платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа АО «Газпром межрегионгаз Нижний Новгород» на территории Нижегородской области (без НДС)								
Показатель	**свыше 500**	**от 100 до 500 включительно**	**от 10 до 100 включительно**	**от 1 до 10 включительно**	**от 0,1 до 1 включительно**	**от 0,01 до 0,1 включительно**	**до 0,01 включительно**	**население**
Размер платы за снабженческо-сбытовые услуги (руб./1000 м³) по группам потребителей с объемом потребления газа (млн м³/год)	117,80	120,67	130,06	150,63	154,61	157,87	161,13	172,83

3. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2000 г. № 1021 «О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке, платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации и платы за технологическое присоединение к магистральным газопроводам строящихся и реконструируемых газопроводов, предназначенных для транспортировки газа от магистральных газопроводов до объектов капитального строительства, и газопроводов, предназначенных для транспортировки газа от месторождений природного газа до магистрального газопровода»

[1] Приказ ФАС России от 30 декабря 2021 г. № 1573/21 «Об утверждении размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа АО «Газпром межрегионгаз Нижний Новгород» на территории Нижегородской области» (зарегистрировано в Минюсте России 03.02.2022 № 67132). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

(регулирует общий порядок формирования цен на газ и их структуры, отпускаемой на территории РФ);

4. Приказ Федеральной службы по тарифам от 15 декабря 2009 г. № 412-э/8 «Об утверждении Методических указаний по регулированию размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые конечным потребителям поставщиками газа» (регулируют и формализуют процесс расчета и утверждения размера платы за снабженческо-сбытовые услуги).

3. Регулирование в области сбыта тепловой энергии

Как было упомянуто выше, учитывая ограниченное число потребителей, которые могли бы рассматривать различные варианты использования котельной либо теплоэлектроцентрали, функция сбыта тепловой энергии фокусируется на обеспечении отдельных территорий города, района либо муниципального образования. Это обстоятельство упрощает работу по обеспечению сбыта тепловой энергии и выделять данную функцию в отдельное юридическое лицо является экономически нецелесообразным.

Поэтому функции по сбыту тепловой энергии выполняют организации – производители тепловой энергии, либо организации – транспортировщики тепловой энергии, либо организации, совмещающие все функции в области теплоснабжения.

Таким образом, в сфере теплоснабжения отсутствуют отдельно выделяемые показатели надбавок (тарифов либо цен) для обеспечения функции сбыта тепловой энергии. Затраты на обеспечение функции сбыта тепловой энергии включаются в состав тарифов на производство тепловой энергии либо на передачу тепловой энергии (в зависимости от того, какая организация реализует функцию сбыта тепловой энергии в той или иной территории теплоснабжения).

На рис. 2 представлено приложение к приказу Министерства тарифной политики Красноярского края от 24.09.2024 «Об установлении тарифов на тепловую энергию, поставляемую потребителям АО «Красноярская региональная энергетическая компания»».

При формировании тарифных решений региональными регуляторами не выделяются отдельной строкой составляющие тарифов, учитывающих исполнение функций по сбыту тепловой энергии. Однако при защите тарифов на отпуск тепловой энергии затраты на обеспечение функций по сбыту тепловой энергии, во-первых, выделяются для учета в составе общих затрат, во-вторых, учитываются и включаются в общий тариф на отпуск тепловой энергии, в-третьих, таким затратам при защите тарифов со стороны регулятора уделяется отдельное внимание.

Рисунок 2. **Приложение к приказу Министерства тарифной политики Красноярского края от 24 сентября 2024 г. «Об установлении тарифов на тепловую энергию, поставляемую потребителям АО «Красноярская региональная энергетическая компания»»**

Тарифы на тепловую энергию (мощность), поставляемую потребителям акционерного общества «Красноярская региональная энергетическая компания» (г. Красноярск, ИНН 2460087269) (далее – АО «КрасЭКо») по СЦТ № 30 «Минусинский район»									
№ п/п	**Наименование регулируемой организации**	**Вид тарифа**	**Год**	**вода**	**со дня введения тарифов в действие по 31.12.2024: от 1,2 до 2,5 кгс/см²**	**со дня введения тарифов в действие по 31.12.2024: от 2,5 до 7,0 кгс/см²**	**со дня введения тарифов в действие по 31.12.2024: от 7,0 до 13,0 кгс/см²**	**со дня введения тарифов в действие по 31.12.2024: свыше 13,0 кгс/см²**	**острый и редуцированный пар**
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	АО «КрасЭКо»	Для потребителей в случае отсутствия дифференциации тарифов по схеме подключения							
1.1		одноставочный, руб./Гкал	2024	9944,59	–	–	–	–	–
2		Население (тарифы указываются с учетом НДС)							
2.2		одноставочный, руб./Гкал	2024	11933,51	–	–	–	–	–

Приложение № 1
к приказу министерства тарифной
политики Красноярского края
от 24.09.2024 № 42-п

Тарифы на тепловую энергию (мощность), поставляемую потребителям акционерного общества «Красноярская региональная энергетическая компания» (г. Красноярск, ИНН 2460087269) (далее - АО «КрасЭКо») по СЦТ № 30 «Минусинский район»

№ п/п	Наименование регулируемой организации	Вид тарифа	Год	со дня введения тарифов в действие по 31.12.2024					
				вода	отборный пар давлением				острый и редуцированный пар
					от 1,2 до 2,5 кг/см²	от 2,5 до 7,0 кг/см²	от 7,0 до 13,0 кг/см²	свыше 13,0 кг/см²	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	АО «КрасЭКо»	Для потребителей, в случае отсутствия дифференциации тарифов по схеме подключения							
1.1		одноставочный, руб./Гкал	2024	9944,59	-	-	-	-	-
2		Население (тарифы указываются с учетом НДС)							
2.2		одноставочный, руб./Гкал	2024	11933,51	-	-	-	-	-

Регулирование функций по осуществлению услуги по сбыту тепловой энергии осуществляется в соответствии нормами, указанными в ряде нормативных правовых актов, а именно:

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении»;

2. Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

3. Постановление Правительства РФ от 22 октября 2012 г. № 1075 (ред. от 29 августа 2026 г.) «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» (вместе с Основами ценообразования в сфере теплоснабжения, Правилами регулирования цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, Правилами установления долгосрочных параметров регулирования деятельности организаций в отнесенной законодательством Российской Федерации к сферам деятельности субъектов естественных монополий сфере теплоснабжения и (или) цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, которые подлежат регулированию в соответствии с перечнем, определенным статьей 8 Федерального закона «О теплоснабжении», Правилами определения стоимости активов и инвестированного капитала и ведения их раздельного учета, применяемыми при осуществлении деятельности, регулируемой с использованием метода обеспечения доходности инвестированного капитала, Правилами заключения долгосрочных договоров теплоснабжения по ценам, определенным соглашением сторон, в целях обеспечения потребления тепловой энергии (мощности) и теплоносителя объектами, потребляющими тепловую энергию (мощность) и теплоноситель и введенными в эксплуатацию после 1 января 2010 г., Правилами распределения удельного расхода топлива при производстве электрической и тепловой энергии в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии);

4. Приказ ФСТ России от 13 июня 2013 г. № 760-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения».

4. Регулирование в области сбыта ГВС и ХВС

Как и в случае с тепловой энергией, в процессе реализации услуг горячего и холодного водоснабжения выделение функций по сбыту ГВС и ХВС в отдельное юридическое лицо не является экономически целесообразным. Поэтому затраты на сбыт ГВС и ХВС также включаются в конечные тарифы на услуги, оплачиваемые потребителями.

Среди нормативных актов наиболее ключевые регулирующие функции сбыта ГВС и ХВС можно выделить:

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»;

2. Постановление Правительства РФ от 13 мая 2013 г. № 406 (ред. от 30.11.2023) «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения» (вместе с Основами ценообразования в сфере водоснабжения и водоотведения, Правилами регулирования тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения, Правилами определения размера инвестированного капитала в сфере водоснабжения и водоотведения и порядка ведения его учета, Правилами расчета нормы доходности инвестированного капитала в сфере водоснабжения и водоотведения);

3. Методические указания по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения, утвержденные приказом ФСТ России от 27 декабря 2013 г. № 1746-э.

В результате проведенного исследования в качестве заключительных выводов можно констатировать следующее:

1. Исследование законодательства в области регулирования деятельности по сбыту электрической энергии позволяет сделать вывод о том, что оно является самым обширным, сложным и развитым среди регулирования всех видов обращаемых топливно-энергетических ресурсов. Развитие законодательства в области электроэнергетики связано с масштабным реформированием электроэнергетики страны, начало которому было положено в 2003 г. при реформировании государственной монополии РАО «ЕЭС России»;

2. Организации, осуществляющие энергосбытовую деятельность в области поставки электроэнергии, принципиально делятся на две категории: гарантирующие поставщики и независимые энергосбытовые компании. Основная особенность гарантирующих поставщиков проявляется в том, что гарантирующие поставщики наделены обязанностью в обязательном заключении договора энергоснабжения с любым обратившимся к нему лицом, а также их исключительным правом сбыта электрической энергии населению и приравненным к нему категориям потребителей. Проведенное в статье сравнение гарантирующих поставщиков и независимых энергосбытовых организаций позволило сделать вывод о преимуществах и недостатках каждой категории поставщиков по отношению к потребителям электрической энергии;

3. Процесс установления сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков электроэнергии регулируется специализированным процессуальным порядком, установленным перечисленными в материалах нормативно-правовыми актами. При определении необходимой вало-

вой выручки гарантирующего поставщика для расчета сбытовых надбавок учитываются экономически обоснованные расходы организаций, эталонная выручка гарантирующего поставщика, неподконтрольные расходы гарантирующего поставщика и т.п.;

4. Организации, осуществляющие энергосбытовую деятельность в области поставки природного газа, сбыта тепловой энергии, сбыта ГВС и ХВС, также регулируются государственными органами исполнительной власти в области регулирования тарифов. Такое регулирование осуществляется на основе ряда нормативных актов, представленных в материалах статьи. Несмотря на регулирование всех указанных видов деятельности в области сбыта энергетических ресурсов, порядок установления сбытовых надбавок определяется различными способами и дифференцируется в рамках применения различных методик в зависимости от особенностей потребляемых энергоресурсов.

УДК 341.213.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СОБСТВЕННОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

С.И. Куракина
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: kursi@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования вопросов собственности Союзного государства России и Беларуси через призму действующего союзного законодательства, национального законодательства России и Беларуси и имеющихся научных изысканий в данной области. Выявлены проблемы, требующие правового урегулирования. Например, необходимость унификации национальных законодательств в части ключевых понятий института собственности; формирование единого концептуального подхода к основным положениям о собственности; проблема определения правового статуса интеллектуальной собственности Союзного государства. В статье сформулированы конкретные рекомендации по дальнейшему законодательному урегулированию указанных вопросов.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, Союзное государство, собственность Союзного государства, союзная собственность, государственная собственность.

LEGAL REGULATION OF PROPERTY ISSUES IN THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

S.I. Kurakina
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: kursi@inbox.ru

Abstract. The article examines the specifics of the legal regulation of property issues of the Union State of Russia and Belarus through the prism of the current union legislation, the national legislation of Russia and Belarus

and the available scientific research in this field. Problems requiring legal settlement have been identified. For example, the need to unify national legislation in terms of key concepts of the institution of property; the formation of a unified conceptual approach to the basic provisions on property; the problem of determining the legal status of intellectual property of the Union State. The article provides specific recommendations for further legislative regulation of these issues.

Keywords: Russia, Belarus, the Union State, Union State property, federal property, state property

---

В декабре 2025 г. мы отмечали 26-летие с момента подписания Договора о Союзном государстве – ключевого документа, закрепляющего создание Союзного государства между Россией и Беларусью (далее – Договор)[1]. Отодвинув на второй план академические дебаты о юридической сущности данного образования, поскольку его полноценное государственное оформление еще не завершено, сосредоточимся на отдельных интеграционных вопросах, так как в свете последних политических событий перспективы государственного строительства в рамках Союзного государства (далее – Союз) приобретают новый виток правовой актуальности.

В декабре 1999 г. подписанием Договора о создании Союзного государства были поставлены главные цели данного объединения: постепенная интеграция политических, экономических, культурных и оборонных структур двух стран и в конечном счете принятие Конституционного акта Союзного государства как высшего акта единого государства. Спустя почти три десятилетия после учреждения Союза текущее правовое положение Союзного государства вызывает много вопросов, возникает необходимость анализа достигнутых результатов и перспектив дальнейшей деятельности. Бесспорным остается то, что Союзное государство представляет собой уникальный опыт тесного межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве двух соседних стран, имеющих общую историю, культурные корни и экономические связи.

Что касается института собственности Союзного государства (далее – союзная собственность), то его правовое развитие и оформление также имеют важное значение в контексте дальнейших перспектив союзной интеграции. Более того, на наш взгляд, именно единый концептуальный

---

[1] Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правовой подход к основным положениям о собственности в Республике Беларусь и Российской Федерации может придать дальнейший важный интеграционный импульс Союзному государству.

Согласно действующему Договору Союзное государство может владеть как движимым, так и недвижимым имуществом (ст. 9), управление которым находится в исключительной компетенции Союза (ст. 17) и осуществляется Советом Министров (ст. 46). Кроме того, в 2006 г. было заключено дополнительное Соглашение между Россией и Беларусью, урегулировавшее, казалось бы, вопросы собственности Союза[1]. Во всяком случае этот документ устанавливает основания возникновения и прекращения права собственности Союза, определяет перечень имущества, которое может принадлежать Союзу, и другие важные аспекты. Вместе с тем приходится признать, что на данный момент регулирование в этой области в значительной степени определяется национальным законодательством государств-участников. В частности, Соглашение устанавливает, что вопрос охраны имущественных прав Союза регулируется законодательством страны, на территории которой находится данное имущество, при этом Союз участвует в гражданско-правовых отношениях на общих основаниях с другими субъектами. Это означает, что до тех пор, пока у Союза отсутствует *собственный* правовой механизм управления имуществом, все спорные вопросы решаются в рамках национального законодательства каждой страны (например, в части налогообложения, регистрации и т.п.). Отметим, что Конституция Российской Федерации в ст. 8 закрепляет четыре вида собственности: частную, государственную, муниципальную и так называемую иную собственность. В Республике Беларусь, согласно ст. 13 Конституции, признается только государственная и частная собственность, другие формы собственности не допускаются[2]. Гражданский кодекс Республики Беларусь (ст. 213, 215) уточняет этот перечень, выделяя в рамках государственной собственности республиканскую собственность (собственность Республики Беларусь) и коммунальную собственность (собственность административно-территориальных единиц)[3]. Аналогичная структура собственности существует и в России, где государственная собственность делится на федеральную (собственность Российской Федерации) и собственность субъектов РФ.

[1] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 24 января 2006 г. «О регулировании вопросов собственности Союзного государства» // Бюллетень международных договоров. 2009. № 6.

[2] Конституция Республики Беларусь 1994 г. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/.

[3] Гражданский кодекс Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218.

Ключевое различие между коммунальной собственностью в Беларуси и региональной собственностью в России заключается в том, что первая охватывает имущество не только областей, но и районов, городов и сельских советов. В России, напротив, муниципальные образования, находящиеся на уровне ниже субъектов Федерации, являются отдельными от государства единицами с собственным имуществом, принадлежащим им на праве муниципальной собственности. Эта собственность представляет собой самостоятельную форму, которая вместе с государственной собственностью входит в доктринальную категорию публичной собственности.

В связи с этим в научной работе А.Д. Иванова и А.В. Касаткина было высказано предложение, касающееся основных правовых проблем, мешающих эффективной работе имущественного механизма Союза. Они указывают на конституционные ограничения и подчеркивают необходимость внесения изменений в Конституцию Российской Федерации и Конституцию Республики Беларусь для приведения их в соответствие положениям Договора, например, о введении единой валюты и равенстве имущественных прав. Также различия в подходах к формам собственности затрудняют признание «союзной» собственности как отдельной категории, поскольку в России она может быть зафиксирована в ЕГРН как «иная публичная», а в Беларуси аналогичной формы собственности нет[1]. Поэтому, например, Е.П. Акулич предлагает внести изменения в ст. 213 Гражданского кодекса Республики Беларусь, дополнив ее пунктом об «иной» собственности, что позволит адаптировать национальное законодательство к интеграционным процессам[2].

Среди других проблем, требующих правового решения, «главной» остается унификация законодательства Беларуси и России по ключевым вопросам института собственности. Полагаем, что назрела необходимость в законодательном определении понятия собственности Союза, уточнении ее статуса – является ли она «единой неделимой», «долевой» и т.д. На наш взгляд, заслуживают внимания высказывания В.П. Николайкина, председателя Комиссии Парламентского Собрания Беларуси и России по экономическим вопросам, относительно проблем, возникающих из-за отсутствия четких законодательных актов Союзного государства, которые бы регламентировали учет, владение

[1] *Иванов А.Д., Касаткин А.В.* Современное состояние правового регулирования собственности Союзного государства // Право и экономика Союзного государства. 2025. Вып. 2.

[2] *Акулич Е.П.* Правовое регулирование права собственности в Республике Беларусь // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сб. статей III Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 27–30.

и управление его активами[1]. Это действительно приводит к разночтению между российскими и белорусскими реестрами: к примеру, в докладе Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь указано свыше 730 тыс. объектов союзной собственности, в то время как в отчетности Росимущества фигурирует всего около 8,3 тыс. объектов. Также с точки зрения права остаются открытыми вопросы, связанные с налогообложением совместно принадлежащих активов, требующие детального юридического анализа. В частности, необходимо четко определить, как будут распределяться налоговые обязательства, возникающие при владении общими активами. Согласно действующим правилам налоги уплачиваются по месту расположения недвижимости или по месту регистрации компании, если речь идет о движимом имуществе. Однако применение этих правил на практике нередко вызывает сложности из-за различий в законодательствах двух стран. Примером может служить отсутствие общих подходов к правовой оценке стоимости имущества и условиям его приватизации. Безусловно, одним из способов решения этих проблем опять же могла бы стать гармонизация законодательств двух государств через принятие единых нормативных актов, которые бы стандартизировали порядок управления совместными активами. Однако до сих пор сохраняется приоритет национального законодательства: даже если положения Союзного государства носят обязательный характер, они не могут преодолеть силу национальных конституций без внесения соответствующих изменений или принятия долгожданного «Конституционного акта Союзного государства».

Также полагаем, что было бы целесообразно возобновить работу над одним из незавершенных этапов союзного строительства – созданием специализированных судебных органов, уполномоченных рассматривать споры, возникающие в рамках правоотношений Союзного государства[2]. Речь идет о *Суде Союзного государства*, который предусмотрен Договором 1999 г.

Еще более сложная ситуация складывается с вопросом интеллектуальной собственности Союзного государства. Не секрет, что на сегодняшний день интеллектуальные права играют ключевую роль в современных экономических системах, стимулируя инновационную активность и повышая конкурентное преимущество. В контексте усиления интеграционных связей между Россией и Беларусью, дума-

[1] Как поступать с союзной собственностью // Союзное вече. 2025. URL: https://belrus.ru/info/kak-postupat-s-soyuznoj-sobstvennostyu/.

[2] *Куракина С.И.* Союзное государство Беларуси и России: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 7.

ется, необходимо делать акцент на формировании общей стратегии по охране интеллектуальных прав, которая будет способствовать совместным инновационным инициативам и плотному экономическому взаимодействию. Приоритетными направлениями в сфере правового регулирования, на наш взгляд, должны стать организация эффективной системы регистрации товарных знаков, укрепление таможенной защиты интеллектуальных активов, четкое обозначение происхождения продукции, а также расширение международного сотрудничества Союзного государства. Опять же в первую очередь с точки зрения права здесь необходимо уделить внимание разработке унифицированной терминологии, отражающей современные тенденции, включая проекты, созданные с помощью искусственного интеллекта и нейронных сетей. Одним из подтверждений существующих проблем в этой области, по мнению В. Гурского, главного ученого секретаря НАН Беларуси, является то, что отсутствие унифицированного законодательства Союзного государства в сфере интеллектуальных прав среди прочего уже оказывает негативное влияние на развитие космической отрасли. В частности, в ходе совместной работы над созданием программно-аппаратных решений для имитации космических условий белорусские специалисты разработали высокочувствительные компоненты датчиков на основе наноструктурных материалов с особыми характеристиками, тогда как российская сторона взяла на себя задачи проектирования, изготовления и настройки устройства. Однако существующие законодательные рамки не позволяют сторонам передавать друг другу объекты, созданные в рамках совместной программы, в пользование на безвозмездной основе с полным правом владения, эксплуатации и распоряжения ими. Это связано с тем, что предприятия, участвующие в проекте, находятся под юрисдикцией различных государств и, следовательно, имущество должно быть возвращено в исходном состоянии. Но в процессе испытаний оборудование может претерпеть изменения, что делает невозможным его возврат в первоначальном виде. В связи с этим уникальные элементы, изготовленные белорусской стороной, уже не могут быть возвращены в рабочем состоянии, поскольку их демонтаж приведет к разрушению разработанного ноу-хау. Такие противоречия мешают полноценной коммерциализации достигнутых результатов и являются серьезным препятствием для эффективного интеграционного сотрудничества в области научных исследований[1].

[1] Россия и Беларусь разрабатывают единую систему учета союзной собственности. URL: https://belros.tv/news/obschestvo/rossiya-i-belarus-razrabatyvayut-edinuyu-sistemu-ucheta-soyuznoy-sobstvennosti-/?ysclid=mkgjq34qir170004519.

В этом контексте особое значение приобретают мероприятия, направленные на устранение существующих правовых проблем и шероховатостей. Так, 21–22 мая 2024 г. в г. Минске прошло заседание постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России, посвященное вопросам формирования Союзного государства и обсуждавшее тему «Собственность Союзного государства: вопросы организации учета и управления». Участники семинара, подчеркивая исключительную важность разработки научно обоснованных подходов к нормативно-правовому регулированию вопросов союзной собственности, пришли к выводу о необходимости создания единого механизма учета и управления активами Союзного государства, а также формирования общего правового пространства, способствующего не только сотрудничеству в области интеллектуальной собственности, но и дальнейшему интеграционному процессу. В результате были сформулированы конкретные рекомендации по дальнейшему законодательному регулированию указанных вопросов[1]. В частности, Совету Министров Союзного государства совместно с соответствующими министерствами и ведомствами Российской Федерации и Республики Беларусь было предложено разработать и утвердить механизмы передачи объектов союзной собственности, включая результаты интеллектуальной деятельности, с целью последующей коммерциализации и получения экономической выгоды, существующую систему лицензирования дополнить опцией передачи прав на результаты творческой деятельности. На наш взгляд, одним из актуальных правовых вопросов в исследуемой сфере остается необходимость разработки унифицированного словаря терминов, касающихся объектов, находящихся в общей собственности государств-участников (включая интеллектуальную собственность), с учетом новейших достижений в области искусственного интеллекта и нейронных сетей. Далее, следует определить перечень сведений, которые в процессе создания интеллектуальных продуктов будут относиться к категории охраняемых законом секретов (будь то государственные, коммерческие, служебные и пр.).

Таким образом, правовая система, регулирующая имущественные отношения в Союзном государстве, нуждается в дополнительной проработке и уточнении. Несмотря на наличие значимых соглашений, в союзном и национальном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь все еще присутствуют противоречия и пробелы,

[1] В Минске 21 мая 2024 г. стартовало заседание семинара по строительству Союзного государства. URL: https://посткомсг.рф/news/politika_ekonomika/239440/?ysclid=mkf1i08cgo45248135.

особенно в части учета и охраны союзной собственности. Полагаем, что для успешного функционирования Союзного государства требуется принятие новых законодательных актов, касающихся управления имуществом Союза, что позволит устранить существующие правовые нестыковки и увеличить прозрачность в сфере управления общими активами.

Как совершенно справедливо подчеркивает доцент В.В. Попов, возможно, что имущество Союзного государства (союзную собственность) следует рассматривать как особый вид государственной собственности, аналогичный федеральной и региональной собственности в Российской Федерации, а также республиканской и коммунальной в Республике Беларусь[1]. Согласимся, что такое признание союзной собственности как полноценного вида государственной собственности может позволить ей стать экономической основой для дальнейших интеграционных процессов, лечь в основу ключевых положений Конституционного акта, а также с учетом напряженной международной ситуации предупредить потенциальные внешние угрозы как для союзного имущества, так и для Союзного государства в целом.

Библиографический список

Акулич Е.П. Правовое регулирование права собственности в Республике Беларусь // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сб. статей III междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 27–30.

Иванов А.Д., Касаткин А.В. Современное состояние правового регулирования собственности Союзного государства // Право и экономика Союзного государства. 2025. Вып. 2. URL: https://pravoeconomic.ru/S0035016-7-1.

Куракина С.И. Союзное государство Беларуси и России: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 187 с.

Попов В.В. Правовой режим собственности Союзного государства // Вестник экономической безопасности. 2024. С. 103–107.

[1] *Попов В.В.* Правовой режим собственности Союзного государства // Вестник экономической безопасности. 2024. С. 103–107.

УДК 342.8

О КРИТЕРИЯХ РАВЕНСТВА ИЗБИРАТЕЛЕЙ И КАНДИДАТОВ

Д.М. Худолей
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного
и конституционного права.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируются математические критерии равенства избирателей и кандидатов, определяющие три уровня их равноправия. В частности, правила отсутствия диктатора и навязанного выбора устанавливают лишь равное всеобщее избирательное право (низший уровень равноправия). Правила анонимности и нейтральности устанавливают равное активное и пассивное избирательное право (средний уровень равноправия). Правила отменяющего голоса и обратной симметрии устанавливают полное равноправие граждан, гарантирующее проведение не только равных, но и свободных и справедливых выборов.

Ключевые слова: выборы, равное избирательное право, равенство, голосование, избирательная система.

ON THE CRITERIA FOR EQUALITY OF VOTERS AND CANDIDATES

D.M. Khudoley
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the mathematical criteria of equality of voters and candidates, defining three levels of their equality. In particular, the rules of the absence of a dictator and imposed choice establish only equal universal suffrage (the lowest level of equality). The rules of anonymity and neutrality establish equal active and passive suffrage (the middle level of equality). The rules of the canceling vote and inverse symmetry establish

complete equality of citizens, guaranteeing the conduct of not only equal, but also free and fair elections.

Keywords: elections, equal suffrage, equality, voting, electoral system.

Демократические выборы должны быть равными[1]. Этот принцип, известный любому студенту, кажется, не требует пояснения. Однако это абстрактное положение необходимо наполнить конкретным содержанием, в противном случае оно превратится в «голое право», которым можно манипулировать как в сторону диктатуры, так и абсолютной анархии. Мы предлагаем использовать современный математический инструментарий, которые позволит выявить нарушения принципа равных выборов на практике.

Можно выделить три критерия равенства избирателей и кандидатов, соответствующих низкой, средней и высокой степени равноправия. В первую группу входят наименее строгие правила, связанные с установлением равной правосубъектности. Иначе говоря, это математические критерии всеобщего избирательного права. Так, правило отсутствия диктатора (*non-dictatorship*) требует учета мнения всех граждан, а не конкретно определенного лица. Таким образом, равенство выступает гарантией свободы граждан. К. Эрроу подчеркнул, что свобода избирателей не может существовать без их равенства[2]. В идеале диктатор должен отсутствовать, т.е. результат выборов должен зависеть от волеизъявления всех граждан. Следовательно, не должно быть избирателя со 100%-ными шансами повлиять на исход голосования. Как правило, этот избиратель неизвестен, поэтому данный математический критерий подразумевает юридический принцип тайны голосования. Таким образом, принцип отсутствия диктатора является самым «слабым» требованием к равенству избирателей. Возможно проведение неравных выборов, на которых равенство голосов избирателей нарушается, но диктатор все-таки отсутствует.

Отсутствие навязанного выбора (*citizen sovereignty*, *non-imposition*) – это достижимость результата выборов итогами голосования. С точки зрения математики это означает, что математическая функция (т.е. избирательная система) носит сюръективный характер, никак не ограничена область значения функции (ее кодомен). Система должна допускать любой итог в виде n перестановок (n – это число кандидатов).

---

[1] Конституционное (государственное) право зарубежных стран: часть общая / под ред. Б.А. Страшуна. М.: БЕК, 2000. Т. 1–2. С. 22.

[2] *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values: Wiley. New York, 1951. P. 40.

Таким образом, любой кандидат при определенных обстоятельствах должен иметь 100%-ные математические шансы на победу. При этом результат сравнения любой пары альтернатив (кандидатов) должен быть определен избирателями. Юридическим выражением этого требования выступает всеобщее пассивное избирательное право, гарантирующее свободу выборов. Любые навязанные правила объявляют граждан равными в своем бесправии – от их воли не зависит судьба решения, принимаемого в рамках коллективного выбора. Наиболее характерный пример навязанного правила – система престолонаследия, которая объявляет того или иного индивида монархом вплоть до его смерти независимо от воли иных лиц. Следовательно, юридическим требованием ненавязанности выступает принцип периодических выборов.

Навязанное правило может применяться на выборах в России в качестве правила, разрешающего ничейный результат (избранным признается кандидат, зарегистрированный ранее). Так, на выборах в Прионежском районе Республики Карелия два кандидата набрали равное число голосов, что при проведении местных выборов в малонаселенных муниципальных образованиях встречается не так редко. Однако в данном случае оба таких кандидата были зарегистрированы в один и тот же день, и решающее значение приобрело время принятия решения о регистрации, зафиксированное в протоколе избирательной комиссии. В конечном счете избранным признали кандидата, который был зарегистрирован на 9 минут ранее!!![1] Конституционный Суд Республики Карелия вполне обоснованно признал нормы избирательного законодательства неконституционными.

Другим юридическим воплощением требования ненавязанности выступает принцип прямого избирательного права. Так, ненавязанным признается любая система, которая связывает результат выборов с волеизъявлением хотя бы одного гражданина. Поэтому при проведении косвенных выборов, на которых выборщики наделены свободным мандатом, также присутствует навязанное правило. По нашему мнению, такую процедуру в принципе нельзя называть выборами (это назначение). С другой стороны, многоступенчатые выборы, а также модель избрания президента в США данному правилу соответствуют.

Примером нарушения правила ненавязанности также являются чрезмерные препятствия для реализации пассивного избирательного права. Так, муниципальный фильтр на губернаторских выборах, по нашему мнению, явно противоречит этому требованию. Де-факто на таких выборах число кандидатов редко превышает пять, а среднее

[1] Решение Конституционного Суда Республики Карелия от 12 марта 2003 г. // Карелия (газета). 2003. 24 мая.

число еще меньше (известны прецеденты с участием лишь двух или даже одного кандидата). В силу этого стоит не согласиться с известным решением Конституционного Суда РФ о допустимости установления на региональных выборах такого фильтра, который устанавливает более строгие требования, чем к кандидатам на пост Президента РФ[1]. Указанный факт в очередной раз доказывает математическую связь принципов равенства и свободы.

Юридическим выражением рассмотренного требования ненавязанности можно считать и принцип альтернативности выборов. Референдумы, как правило, безальтернативны. Участник референдума не вправе частично согласиться с вопросом, выносимым на голосование. Он может только в целом проголосовать за или в целом проголосовать против. Наоборот, при проведении так называемого народного выбора (особых референдумов, на которых изначально представлено несколько вариантов ответа) альтернатива присутствует. Например, в 1992 г. в Новой Зеландии гражданам был задан вопрос о допустимости дальнейшего использования системы относительного большинства. В случае отрицательного ответа избиратель мог выбрать один из четырех вариантов: система альтернативного голосования; связанная смешанная система; система дополнительного голоса; система единого передаваемого голоса. Большинство граждан проголосовало против системы относительного большинства и избрало смешанную систему[2].

В некоторых странах мира до сих пор разрешены безальтернативные выборы (КНДР, Китай, Куба). В США и Канаде такие выборы формально не проводятся, но единственный зарегистрированный в округе кандидат автоматически объявляется победителем (акклама-ция). В Российской Федерации безальтернативное голосование может проводиться при проведении муниципальных выборов. Повторное голосование (второй тур) также может проводиться по безальтернативным правилам. Мы не согласны с мнением Конституционного Суда РФ[3] о допустимости проведения безальтернативных выборов в демократическом и правовом государстве.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 5. Ст. 8062.

[2] *Reynolds A., Reilly B., Ellis A.* Electoral System Design*:* The New International IDEA Handbook. Stockholm, 2008. P. 205.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2002 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32,

При проведении выборов в России по многомандатным округам число участвующих кандидатов должно превышать общее число замещаемых мандатов в округе. Следовательно, участие лишь шести кандидатов в пятимандатном округе будет признано допустимым. Очевидно, что в этом случае будет проведено альтернативное голосование лишь при замещении одного мандата, голосование по оставшимся четырем местам будет безальтернативным (2+4)[1].

Во вторую группу критериев равенства входят требования анонимности и нейтральности (*anonimity*, *neutrality*). Все однозначные анонимные или нейтральные системы автоматически соответствуют правилам отсутствия диктатора или ненавязанности. Это математические критерии равенства активного и пассивного избирательного права. Равенство в математике – это взаимозаменяемость. Поэтому если любые два избирателя поменяются своими бюллетенями в пользу победителя и проигравшего, то результат выборов не должен поменяться. Значит, при ничейном результате не должно быть избирателя, чей голос будет определять победителя. Следовательно, все избиратели неразличимы («анонимны») для избирательной системы. Наверное, правильно говорить именно о равенстве возможностей (математических шансов) избирателей влиять на результат выборов. Эти математические шансы определяются как «вес» голоса, т.е. норма представительства (отношение замещаемых мандатов к общему числу избирателей в округе), умноженная на число голосов у избирателя при ничейных преференциях. Так, при избрании одного кандидата в округе, где проживают 100 избирателей, каждый из которых наделен лишь одним голосом, математические шансы повлиять на результат выборов должны быть строго равны одному проценту. В Российской Федерации это соотношение прямо не установлено, но предполагается. Так, при проведении выборов в разномандатных округах (например, одновременно в двух- и трехмандатных) все избиратели будут наделены двумя голосами, что сохранит вышеуказанное равенство математических шансов избирателей[2] («один избиратель – один голос»).

пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 25. Ст. 2515.

[1] *Любарев А.Е.* Избирательные системы: российский и мировой опыт. М.: Литагент, 2016. С. 55.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2000 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 3 Закона Оренбургской области от 18 сентября 1997 г. «О выборах депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области» в связи с жалобой граждан Г.С. Борисова, А.П. Бучнева, В.И. Лошманова и Л.Г. Маховой» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 13. Ст. 1429.

Наделение избирателей неравным числом голосов либо голосов с неравным «весом» приведет к нарушению требования анонимности (равенства избирателей). В науке такие системы называются методами избрания с «различным весом голоса» (*weighted voting systems*). В итоге результаты выборов могут быть явно несправедливыми. Математическое равенство шансов избирателей также может нарушаться при проведении непрямых или куриальных выборов. Яркий пример: выборы Президента США. В большинстве штатов применяется принцип «победитель получает все» при формировании членов коллегии выборщиков. За каждым штатом заранее фиксируется число этих членов в зависимости от численности населения. Как результат кандидаты на пост ведут наиболее активную борьбу именно в крупных штатах (Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида), так как победа в них гарантирует наибольшее число мест в коллегии (аналог системы голосования по очкам). Голос избирателя в штате Калифорния во много раз важнее, чем голос жителя штата Вайоминг. Аналогичное неравенство существовало при использовании системы двойного одновременного голоса в Танганьике: избранный президент должен победить в большинстве округов страны. Другим примером неравенства избирателей является часто используемое правило о приоритете мнения председателя (таким является голос вице-президента США на заседаниях Сената при равенстве голосов[1]).

В Российской Федерации равенство избирателей нарушается при проведении выборов в Государственную Думу по одномандатным округам (хотя бы один округ должен быть сформирован в пределах субъекта РФ). В итоге голоса избирателей различаются по математическим значениям в десятки раз!!![2] Также равенство может быть нарушено при проведении выборов депутатов муниципальных районов (от каждого поселения не может быть избрано более $^{2}/_{5}$ от общего числа представителей). Наконец, де-факто в России проводятся непрямые выборы (при наделении полномочиями губернаторов[3] и сенаторов Совета Федерации[4], а также допускается при избрании представительных

[1] Конституция США // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. проф. В.В. Маклаков. М.: Изд-во «БЕК». С. 11.

[2] Статьи 4 и 5 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 23.05.2025) (Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740).

[3] Статья 22 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024) (Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ст. 8973).

[4] Статьи 4 и 5 Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2024) (Собрание законодательства РФ. 2020. № 52. Ст. 8585).

органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением)[1], которые также не соответствуют математическому критерию анонимности.

Нейтральность кандидатов означает, что если при отсутствии ничьи победитель поменяется своими голосами с другим проигравшим кандидатом, то результат выборов должен измениться. Иначе говоря, если преференции кандидата-победителя *A* и кандидата-проигравшего *B* будут изменены на противоположные (т.е. инвертированы), то прежний победитель должен смениться другим кандидатом. Наоборот, при ничейном результате не должно быть заранее определенного победителя. Кандидаты также должны иметь равные математические шансы на победу. Эти шансы определяются как отношение числа замещаемых мандатов к общему числу кандидатов в гипотетически ничейных результатах голосования, умноженное на число округов, в которых баллотируется конкретный кандидат. Например, при участии трех кандидатов в одномандатном округе математические шансы каждого претендента победить должны строго равняться $^1/_3$. Так, если один избиратель считает, что $A > B > C$, второй – $B > C > A$, а третий – $C > A > B$, то подавляющее большинство избирательных систем установит равные шансы кандидатов на избрание. Следовательно, такие альтернативы (кандидаты) для избирательной системы являются нейтральными (т.е. равными).

В Российской Федерации выборы в разномандатных округах могут проводиться при условии наделения избирателей равным числом голосов. Однако этого недостаточно, так как шансы кандидатов могут значительно различаться. Следовательно, выборы необходимо проводить лишь в единых округах или в нескольких, но с равным числом (например, 10–15) замещаемых мандатов.

Очевидно, что необходимо запретить выдвижение кандидатов в нескольких округах (например, в одномандатном и едином, в котором выборы проходят по партийным спискам). Именно это положение и нарушается в России при проведении смешанных выборов, которые, как правило, не допускают самостоятельного участия независимых кандидатов в выборах по партийным спискам (например, в виде образования виртуального списка кандидатов-самовыдвиженцев). При этом вполне допустимо установление квотирования мест в списках кандидатов для представителей малочисленных субъектов РФ, чтобы соблюсти требования правовой позиции Кон-

[1] Пункт 1 ч. 10 ст. 89 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200).

ституционного Суда РФ[1]. Иначе говоря, кроме требования «один избиратель – один голос» нужно добавить еще одно: «один кандидат – один округ». К сожалению, именно этот критерий математического равенства кандидатов в России нарушается.

Неравенство альтернатив (неравные математические шансы на победу) в избирательных системах очень редко фиксируется. Однако оно может устанавливаться при разрешении ничейного результата. Так, метод старшинства, по сути, применяется в России, так как на выборах депутатов Государственной Думы в одномандатных округах при равенстве голосов приоритет имеет кандидат, зарегистрированный ранее. Фактически идет речь о факультативном навязанном правиле, которое может применяться при ничейном результате.

Избирательная система, которая явно противоречит правилу нейтральности, предусматривая правило повестки дня и ее модификации, получила название «олимпийская система» (правило кубковых встреч, плей-офф). На выборах эти методики не применяются, но широко используются при проведении спортивных состязаний, а также при обсуждении поправок к законопроекту. Данная система определяет победителя в серии парных сравнений («личных встреч»). Пары определяются случайным образом в ходе жеребьевки, или исходя из каких-то параметров (количество очков в предварительной стадии, например), или по воле конкретного лица (т.е. диктатора). Последний вариант чаще встречается в парламентах англосаксонских стран, предоставляющих спикеру неограниченную свободу при определении порядка рассмотрения поправок («правило кенгуру»)[2].

Метод консенсуса (принятие решений аккламацией, без голосования с возможностью заявить вето) – менее очевидный пример нарушения требования нейтральности. В отличие от «тирании большинства» здесь решение должно устраивать абсолютно всех избирателей. Разумеется, речь идет об анархии. Отдельные племена бушменов, североамериканских индейцев, общины квакеров, объединения анархистов до сих пор используют этот метод. Во многих странах мира коллегии присяжных выносят свой вердикт лишь на основании единогласного мнения. Право консенсуса нередко используется в международном праве (принятие новых членов блока НАТО, принятие основополагающих решений Европейским союзом). Де-факто деятельность Совета Безопасности

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 1.

[2] Конституционное (государственное) право зарубежных стран: часть общая / под ред. Б.А. Страшуна. М.: БЕК, 2000. Т. 1–2. С. 230.

ООН частично строится на принципе консенсуса[1]. Один из постоянных членов Совета может заблокировать решение, которое поддерживается всеми другими членами. Следует иметь в виду, что в случае использования на выборах метода консенсуса и квалифицированного большинства с квотой более 50% неравенство кандидатов не устанавливается, если предусматривается проведение второго тура или повторных выборов при нерезультативном голосовании. Говоря языком математики, такие избирательные системы не сохраняют статус-кво в случае ничейного результата. Также примером правила статус-кво является требование кворума (явки избирателей). Наоборот, при проведении голосования в парламенте или на референдуме статус-кво (непринятие определенного решения) сохраняется, и это нарушает требование нейтральности альтернатив. Без правила статус-кво метод консенсуса не используется по причине своей нерезультативности – достаточно одному проголосовать против – и решение не принимается.

Наоборот, в случае проведения безальтернативных выборов, голосований по отзыву выборных должностных лиц и референдумов нейтральность нарушается в случае разделения голосов избирателей поровну (кандидат считается избранным, а решение на голосовании по отзыву или на референдуме – непринятым[2]). Данные правила создают коллизию: в одном случае равенство голосов означает принятие решения, в других – нет. Очевидно, что решение должно выноситься большинством голосов.

В третью группу критериев равенства следует отнести критерии, которые развивают положения анонимности и нейтральности. В настоящий момент в науке предложен критерий отменяющего голоса (*cancellation vote criterion*). При участии только двух кандидатов любая анонимная система удовлетворяет этому критерию. Однако лишь некоторые системы обеспечивают равенство избирателей при симметричности их преференций в случае участия трех и более кандидатов. Следовательно, все однозначные системы, соответствующие правилу отменяющего голоса, автоматически признаются анонимными. Как и критерий анонимности, отменяющий критерий требует, что система должна признавать ничью в случае равенства в парном сравнении всех участвующих в выборах кандидатов. При этом должна существовать возможность подачи пары голосов, которые взаимно уравновесят (или

[1] Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г., с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.

[2] См. ч. 7 ст. 80 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2021) (Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710).

отменят друг друга), т.е. ничейный результат останется неизменным. При этом все преференции симметричны. Преференции или равноценны, или их значимость соразмерно (т.е. в арифметической прогрессии) изменяется соответственно порядку. Таким образом, рассматриваемый критерий устанавливает равный «вес» соответствующих преференций, причем его значимость соразмерно возрастает с порядком предпочтений граждан. Напомним, что практически любую разновидность голосования (оценочное, категорическое, преференциальное) можно представить в виде рейтингового вотума. Критерий анонимности устанавливает равенство голосов, а критерий отменяющего голоса – равенство преференций как его составных частей.

Системы категорического вотума (FPTP и пр.) не соответствуют отменяющему критерию, так как допускают только два уровня градации преференций, причем первую преференцию может получить лишь один кандидат (победитель получает все, а второй – это лишь первый среди проигравших).

Система альтернативного вотума (единого передаваемого голоса) предоставляет избирателю право голосовать преференциально, но только первая преференция имеет наибольшее юридическое значение (победитель определяется по числу первых голосов)[1]. На практике именно системы категорического и единого передаваемого голоса являются методами, которые при их использовании на практике продуцируют наибольший процент недействительных бюллетеней. Такие алгоритмы ставят избирателей в чрезмерно жесткие рамки, не позволяющие им полностью выразить свои предпочтения. Попытки не осведомленных в тонкостях избирательного законодательства избирателей выразить свою волю наиболее полным образом приводят к дискриминации: их голос не учитывается. Наоборот, юридически грамотным избирателям придется голосовать неискренне (нечестно). Одним из таких вариантов является «ослиное голосование» (*donkey vote*) – избиратель полностью или частично голосует за кандидатов в том порядке, в котором они были определены избирательной комиссией и напечатаны в избирательном бюллетене. Так, в Австралии установлен обязательный вотум в рамках системы единого передаваемого голоса, не допускающего подачу усеченного бюллетеня (т.е. избиратель обязан определить полный рейтинг из всех участвующих кандидатов, в противном случае его бюллетень будет признан недействительным). Такие весьма жесткие правила подталкивают граждан прибегать к «ослиному голосованию»: гражданин голосует за желаемого кандидата, а всех

[1] *Лейкман Э., Ламберт Д.Д.* Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. С. 122.

последующих лиц в рейтинге он указывает согласно их месту в напечатанном бюллетене. Как правило, на выборах в Австралии 1–2% избирателей голосуют подобным образом[1].

Таким образом, критерий отменяющего голоса позволяет выявить те системы, которые заставляют избирателей голосовать неискренне, «разделяя» свои голоса между желаемыми кандидатами. Это уменьшает шансы таких кандидатов на избрание (эффект разделения голосов при участии так называемого спойлера). Разумеется, это уменьшает и значимость голоса подобных избирателей, которые, как правило, придерживаются центристских (умеренных) взглядов.

С другой стороны, большинство систем оценочного кардиналистского вотума (диапазонный вотум и пр.), а также кондорсетовые преференциальные методики основаны на правиле отменяющего голоса.

Самым строгим критерием равенства кандидатов выступает правило обратной симметрии (*reversal symmetry*). Данный критерий определяет равенство между тремя и более кандидатами при симметричных преференциях избирателей. Это требование развивает правило нейтральных систем о равенстве шансов на избрание. Поэтому, как и при нейтральности, если в обратном порядке изменить все предпочтения у трех и более кандидатов, то результат выборов должен измениться. Отметим, что лишь некоторые нейтральные системы соответствуют правилу обратной симметрии в случае участия трех и более кандидатов. Очевидно, что все однозначные системы, соответствующие правилу обратной симметрии, автоматически признаются нейтральными.

Системы категорического вотума и ряд преференциальных методик, моделирующих второй тур, устанавливают различный «вес» преференций и голосов, так как обычно лишь первая преференция имеет значение. Ущемление прав избирателей так или иначе приводит к дискриминации и кандидатов. В итоге в случае участия в выборах трех и более кандидатов нарушается их равенство шансов на избрание.

Практическое значение этого критерия отражено в самом названии: на выборах не должен победить кандидат, который одновременно является и лучшим, и худшим. Обычно такими являются кандидаты-экстремисты, придерживающиеся радикальных взглядов. Системы, не соответствующие критерию обратной симметрии, порождают парадокс «лучшего-худшего» (*best-is-worst*) и в условиях потери голосов создают математические преимущества для кандидатов-радикалов (так как их последние преференции игнорируются, например, при признании соответствующих бюллетеней недействительными). Таким

[1] *McLean I., Nanson E.J.* Social Choice and Electoral Reform // Australian Journal of Political Science. 1996. Vol. 31. Issue 3. P. 369–385. DOI: 10.1080/10361149651102. P. 380.

образом, критерии отменяющего голоса и обратной симметрии позволяют выявить системы, которые основаны на полном равноправии граждан, позволяющие проводить не только равные, но и свободные и справедливые выборы.

В науке теории выборов сумма критериев равенства избирателей и кандидатов обычно называется симметрией. На наш взгляд, полноценная симметрия существует лишь при соблюдении всех шести критериев равенства избирателей и кандидатов. Таким образом, справедливость невозможна без всеобщего и равного избирательного права. Юридически выражением математического равенства выступает комплексный принцип равных участников выборов, который в настоящий момент институционализируется на международном уровне[1].

Таким образом, три критерия равенства избирателей гарантируют их равную правосубъектность, равенство голосов и преференций при любом числе участвующих кандидатов. Три критерия равенства кандидатов также гарантируют их равную правосубъектность, а также равенство шансов на избрание при равенстве полученных голосов и преференций граждан при любом числе участников выборов.

Библиографический список

Конституционное (государственное) право зарубежных стран: часть общая / под ред. Б.А. Страшуна. М.: БЕК, 2000. Т. 1–2. 784 с.

Лейкман Э., Ламберт Д.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 366 с.

Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М.: Литагент, 2016. 632 с.

Arrow K.J. Social Choice and Individual Values: Wiley. New York, 1951. 124 p.

McLean I., Nanson E.J. Social Choice and Electoral Reform // Australian Journal of Political Science. 1996. Vol. 31. Issue 3. P. 369–385. DOI: 10.1080/10361149651102.

Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. Stockholm, 2008. 237 p.

[1] Статья 10 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод государств – участников СНГ 2002 г. (Международные избирательные стандарты: сб. документов / отв. ред. А.А. Вешняков. М.: Весь Мир, 2004. С. 762–777).

УДК 342.5

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ НАДЗОР ЗАКОНОПРОЕКТОВ О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИЯМ (УСТАВАМ) СУБЪЕКТОВ РФ КОНСТИТУЦИОННЫМИ (УСТАВНЫМИ) СОВЕТАМИ

К.М. Худолей
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и конституционного права.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется компетенция конституционных советов, созданных в субъектах РФ взамен упраздненных конституционных (уставных) судов, по осуществлению предварительного конституционного надзора законов о поправке к региональной конституции. Выделяются проблемы правового регулирования осуществления предварительного обязательного конституционного надзора, осуществляемого конституционными советами. Делается вывод о недостаточности полномочий конституционных советов по обеспечению правовой охраны Основного закона субъекта РФ при осуществлении конституционной реформы.

Ключевые слова: конституционный совет, конституционный контроль, конституционный (уставный) суд, поправка к конституции, законодательный орган субъекта РФ.

PRELIMINARY CONSTITUTIONAL REVIEW OF BILLS ON AMENDMENTS TO THE CONSTITUTIONS (STATUTES) OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION BY CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COUNCILS

K.M. Khudoley
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the competence of constitutional councils created in the subjects of the Russian Federation to replace the abolished con-

stitutional (statutory) courts to carry out preliminary constitutional control of laws on amendments to the regional constitution. The problems of legal regulation of the implementation of preliminary mandatory constitutional control carried out by constitutional councils are highlighted. The conclusion is made that the powers of constitutional councils to ensure legal protection of the Basic Law of the subjects of the Russian Federation are insufficient when implementing constitutional reform.

Keywords: constitutional control, constitutional (statutory) court, constitutional amendment, legislative body of a subject of the Russian Federation.

Полномочиями по предварительному конституционному контролю в отношении законов о внесении поправок к конституции обладают конституционные суды многих стран (Россия, Украина, Молдова, Румыния, Турция, Беларусь, Азербайджан). Подобными полномочиями обладали и некоторые ликвидированные с 1 января 2023 г. конституционные (уставные) суды субъектов РФ (Саха (Якутия), Адыгея, Калининградская область). Аналогичное полномочие можно было встретить и в зарубежных федерациях (например, в Баварии).

Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ обусловила создание в четырех регионах (Адыгея, Саха (Якутия), Татарстан и Башкортостан) конституционных советов «при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ». Причем нередко такая зависимость выражена организационно. Так, деятельность половины созданных конституционных советов (в Адыгее и Башкортостане) обеспечивается аппаратами региональных парламентов. Последнее во многом обусловлено обстоятельством, которое отмечалось в юридической литературе: «предварительный конституционный контроль – это, по сути, особый элемент законодательной процедуры»[1]. Поэтому для надзорных органов, которые не принимают юридические властные решения, предварительный конституционный надзор является основным в отличие от конституционных судов[2]. Действительно, конституционные советы Адыгеи и Башкортостана к настоящему времени выносили решения только в рамках предварительного конституционного надзора (для Адыгеи он вообще является

---

[1] *Василевич Г.А., Остапович И.Ю.* Особенности нормотворческой активности Конституционного Суда России, Конституционного Суда Беларуси и Конституционного Совета Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 191.

[2] *Кургузиков М.С.* Конституционный контроль в странах содружества независимых государств: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 133.

единственным возможным). В силу этого в юридической литературе отмечается, что в деятельности конституционных советов, которые по своему статусу напоминают органы конституционного надзора, замененные впоследствии на конституционные (уставные) суды, предварительный конституционный надзор будет преобладающим[1].

Именно предварительный конституционный надзор в отношении проектов законов о поправках к региональным конституциям осуществляют созданные конституционные советы. Конечно, можно привести ряд решений некоторых органов конституционного контроля на постсоветском пространстве (Украина, Молдова, Кыргызстан), которые признали акты конституционной реформы неконституционными постфактум спустя годы после их принятия. Но это скорее всего исключение из общего правила, так вступивший в силу закон о поправке к конституции становится частью самой конституции. Поскольку региональные конституционные советы в рамках предварительного конституционного надзора не выносят юридически властные акты, постольку они не совершают вторжения в исключительные полномочия парламента, осуществляющего функции конституционного законодателя, а лишь участвуют в его работе[2].

Общим правилом логики института конституционного контроля (надзора) в отношении проверки конституционности актов конституционной реформы является использование форм предварительного и обязательного конституционного контроля (надзора). По материальным основаниям такие акты проверяются на соответствие отдельным положениям конституции, имеющим бóльшую юридическую силу или повышенную конституционную защиту (неизменный или более жесткий порядок внесения в них изменений и дополнений) по сравнению с другими разделами конституции. По процессуальным основаниям такие акты проверяются с точки зрения проверки конституционно установленной процедуры внесения изменений и дополнений в текст конституции. Последующий конституционный контроль (надзор) актов конституционной реформы, как мы ранее сказали, не допускается, что обусловливает использование обязательного конституционного

[1] См.: *Иванова Е.Л.* К вопросу о компетенции конституционных (уставных) советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 1 (87). С. 54; *Данилевская И.Л.* О новом формате регионального конституционного контроля (к вопросу об упразднении конституционной юстиции субъектов Российской Федерации) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 32.

[2] *Курятников В.В.* Конституционный (уставный) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. С. 179.

контроля (надзора), чтобы проверять абсолютно все проекты законов о поправке к конституции до их вступления в силу.

Первым конституционным советом, учрежденным в России, стал Конституционный совет Республики Саха (Якутия). Согласно ч. 4 ст. 3 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» данный орган осуществляет предварительный конституционный надзор конституционных законов, а также законов, предметом регулирования которых являются основы конституционного строя Республики Саха (Якутия), а также национально-государственный статус и административно-территориальное устройство Республики Саха (Якутия)[1].

А.Н. Алексеев отмечает явный законодательный пробел, имеющийся в Республике Саха (Якутия), – Конституция Республики Саха (Якутия) никоим образом не устанавливает ни более высокую юридическую силу, ни неизменный или более жесткий характер внесения изменений в отдельные разделы, в том числе регулирующие основы конституционного строя Республики Саха (Якутия), а также национально-государственный статус и административно-территориальное устройство Республики Саха (Якутия)[2]. В силу этого возникает резонный вопрос: на соответствие чему должен проверять Конституционный совет Республики Саха (Якутия) проекты конституционных законов, к которым, согласно ст. 124 Конституции Республики Саха (Якутия)[3], отнесены в том числе законы о поправке к конституции этой республики? Но указанные проблемы никак не повлияли на деятельность Конституционного совета по проверке конституционных законов. К настоящему времени Конституционный совет Республики Саха (Якутия) дал заключения по трем таким законопроектам, предусматривающим внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Саха (Якутия). По первому делу Конституционный совет признал соответствующим региональной Конституции проект конституционного закона, которым предлагалось создать специальную процедуру установления идентичности текстов конституционных за-

[1] Конституционный закон Республики Саха (Якутия) «О Конституционном Совете Республики Саха (Якутия)» от 26 мая 2021 г. № 2356-З (№ 623-VI). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202105280005.

[2] *Алексеев А.Н.* Предварительный нормоконтроль конституционных поправок в конституционных (уставных) советах субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 29.

[3] Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) (принята на внеочередной одиннадцатой сессии Верховного Совета Республики Саха (Якутия) двенадцатого созыва постановлением от 04.04.1992 № 908-XII) (ред. от 24.11.2022) (текст Конституции (Основного закона) РС(Я) утвержден Законом РС(Я) от 17 октября 2002 г. 54-З № 445-II) // Якутские ведомости. 1992. 26 апреля.

конов на русском языке и языке саха[1]. В рамках рассмотрения второго дела Конституционный совет смог отстоять и сохранить свой правовой статус, признав не соответствующим Конституции Республики Саха (Якутия) проект закона, предполагающий существенное сокращение его полномочий по сравнению с действующей редакцией Основного закона этого региона[2]. По третьему делу Конституционный совет признал соответствующим Конституции Республики Саха (Якутия) проект закона, предполагающий изменение шести статей Основного закона, устанавливающих право на образование, полномочия Главы Республики Саха (Якутия), временное исполнение им своих обязанностей, конституционные основы и гарантию местного самоуправления, а также компетенцию органов местного самоуправления[3].

А.Н. Алексеев также считает неясным вопрос и о том, какой вид конституционного надзора – обязательный либо факультативный должен применяться к актам конституционной реформы в Республике Саха (Якутия)[4]. Думается, что все же законодатель установил для проверки конституционных законов именно форму обязательного конституционного надзора. Данный вывод вытекает из лингвистического анализа ч. 4 ст. 3 указанного Закона – Конституционный совет по этим категориям дел дает заключения не по обращению определенных субъектов, а в силу «направления законопроектов для дачи заключения». Основанием же для рассмотрения дела выступает не обнаружившаяся неясность в конституционности положений, а прямое указание в законодательстве на рассмотрение этой категории дел Конституционным

---

[1] Заключение Конституционного совета Республики Саха (Якутия) от 30 мая 2022 г. № 4-З «О соответствии Конституции (Основному закону) Республики Саха (Якутия) проекта конституционного закона № 422-6 «О внесении изменений в отдельные конституционные законы Республики Саха (Якутия)» (законодательная инициатива Главы Республики Саха (Якутия))». URL: https://konsovet.sakha.gov.ru/api/containers/documents/download/2550-filenam.

[2] Заключение Конституционного совета Республики Саха (Якутия) от 18 мая 2023 г. № 8-З «О соответствии Конституции (Основному закону) Республики Саха (Якутия) проекта конституционного закона Республики Саха (Якутия) № 587-6 «О внесении изменений в Конституционный закон Республики Саха (Якутия) «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)»». URL: https://konsovet.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/2023/05/18/files/Заключение%208.pdf.

[3] Заключение Конституционного совета РС(Я) от 9 октября 2025 г. № 12-З «На проект Конституционного закона Республики Саха (Якутия) № 287-7 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Республики Саха (Якутия)» (конституционная инициатива Главы Республики Саха (Якутия))» // Ил Тумэн. 2025. № 41. 17 октября.

[4] *Алексеев А.Н.* Предварительный нормоконтроль конституционных поправок в конституционных (уставных) советах субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 30.

советом. К тому же, согласно ч. 6 ст. 43 Регламента Конституционного совета Республики Саха (Якутия)[1], проверка конституционности такого законопроекта и принятие соответствующего итогового решения осуществляется Конституционным советом в срок, не превышающий 20 дней с момента регистрации поступления в Конституционный совет этого законопроекта, а никак не обращения. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что ч. 4 ст. 4 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» предписывает, что порядок направления законопроектов и порядок их рассмотрения устанавливаются Регламентом Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Однако действующий регламент парламента этой республики никаких этих особенностей не предусматривает. В то время как утративший силу в настоящий момент Регламент Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 2008 г. такое правило содержал[2]. Так, ч. 8.1 ст. 64 этого Регламента устанавливала, что законопроекты, предметом регулирования которых являются основы конституционного строя Республики Саха (Якутия), а также национально-государственный статус и административно-территориальное устройство Республики Саха (Якутия) рассматриваются Государственным Собранием только при наличии заключения Конституционного совета Республики Саха (Якутия) о соответствии Конституции (Основному закону) Республики Саха (Якутия). Почему действующий Регламент Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) подобную норму не устанавливает, не понятно.

Решение Конституционного совета Республики Саха (Якутия) обязательной силой не обладает. Государственное Собрание (Ил Тумэн) только может внести изменения по результатам рассмотрения заключения Конституционного совета, которое должно произойти не позднее трех месяцев со дня его поступления в Государственное Собрание (ч. 8 ст. 8 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)»). Эта норма применима и к делам о проверке законопроектов о конституционных поправках.

Для Конституционного совета Республики Адыгея осуществление предварительного надзора проектов законов о поправке к региональ-

---

[1] Регламент Конституционного совета Республики Саха (Якутия), утв. решением Конституционного совета Республики Саха (Якутия) от 28 октября 2021 г. РКС № 2-I. URL: https://konsovet.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/2022/10/07/files/Регламент%20с%20изменениями%20от%2028_09_2022.pdf.

[2] Регламент Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия): Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) от 17 апреля 2008 г. № 17-IV (ред. от 21.10.2021).

ной конституции – единственное полномочие[1]. Причем такая деятельность осуществляется в форме обязательного конституционного надзора. Такой вывод можно сделать из анализа ст. 111 Регламента Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея, согласно которой председатель парламента направляет проект конституционного закона в Конституционный совет Республики Адыгея для рассмотрения и дачи заключения[2]. Такое заключение, которое носит рекомендательный характер, должно быть подготовлено Конституционным советом в течение 10 дней и направлено в парламент в течение трех рабочих дней с момента принятия (ч. 5, 6 ст. 3 Закона о Конституционном совете Адыгеи). В юридической литературе высказано мнение о спорности утверждения, что Конституционный совет республики должен проверять проекты конституционных законов на предмет соответствия основам конституционного строя Республики Адыгея, поскольку они не имеют приоритета перед иными нормами Конституции, а поправки к Конституции Республики Адыгея не могут оцениваться на соответствие самой Конституции[3]. Однако обратный вывод вытекает из ст. 17 Конституции Республики Адыгея[4], согласно которой положения Конституции Республики Адыгея об основах конституционного строя имеют приоритет перед остальными положениями этой Конституции. Поэтому, как представляется, осуществление Конституционным советом Республики Адыгея предварительного нормоконтроля проектов законов о поправке к Конституции Республики Адыгея абсолютно оправданно в целях обеспечения правовой охраны основ конституционного строя Республики Адыгея, даже если этот раздел Конституции и не имеет более жесткий характер по порядку внесения в него изменений и дополнений (в отличие от того правила, что установлено в ст. 123 Конституции Республики Татарстан[5]). К настоящему време-

[1] Части 1 и 3 ст. 1 Закона Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» (ред. от 24.04.2024). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0100202205010012.

[2] Регламент Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея, утв. Постановлением Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея от 5 декабря 2012 г. // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2012. № 12 (ч. 2).

[3] *Беньяминова С.А., Баляткеев А.А., Кабанов В.А.* Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: в поисках статуса // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 85.

[4] Конституция Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. (принята сессией ЗС (Хасэ) – Парламента РА 10 марта 1995 г.) (ред. от 22.02.2024) // Ведомости ЗС (Хасэ) – Парламента РА. 1995. № 16.

[5] Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (ред. от 26.01.2023) // Республика Татарстан. 2002. 30 апреля.

ни Конституционный совет Республики Адыгея вынес два решения по проектам конституционных законов.

Намного сложнее выглядит проблема конституционного надзора актов конституционной реформы в Республике Башкортостан. А.Н. Алексеев считает, что в этой республике данный конституционный контроль может проводиться в силу того, что Конституционный совет Башкирии дает заключение о соответствии проектов законов Конституции Республики Башкортостан по обращениям Президиума Государственного Собрания[1]. Однако процедура принятия законов о поправках к Конституции Республики Башкортостан отличается от принятия обычных законов и установлена особым законом[2], который не упоминает об участии Конституционного совета Республики Башкортостан в проверке актов конституционной реформы перед их принятием, что не может не вызывать вопросы.

К тому же Конституционный совет Республики Башкортостан вправе проверять акты конституционной реформы «на входе» по обращениям Президиума Государственного Собрания Республики Башкортостан в силу п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан». Но этот орган также может делать проверку законопроектов «на выходе» в силу ч. 2 ст. 4 этого же Закона по обращению Главы Республики Башкортостан до подписания таких законов, принятых Государственным Собранием. Деятельность Конституционного совета по рассмотрению актов по обращениям Президиума Государственного Собрания и Главы Республики Башкортостан осуществляется в разные сроки. По обращению Президиума Государственного Собрания проверка законопроекта должна быть завершена в пределах срока, установленного самим Президиумом (он составляет шесть месяцев со дня поступления проекта в Конституционный совет Республики Башкортостан, но по решению Президиума может быть сокращен, но не может составлять менее 15 дней[3]), а по обращениям Главы Республики Башкортостан проверка закона до его подписания должна

[1] Пункт 1 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. (ред. от 22.12.2025) № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0200202211220007.

[2] Закон Республики Башкортостан от 28 апреля 2004 г. № 76-з «О порядке внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Башкортостан» (ред. от 02.02.2023) (принят Государственным Собранием – Курултаем РБ 22.04.2004) // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2000. № 10 (184). Ст. 527.

[3] Пункт 1.1 ст. 8 постановления Государственного Собрания – Курултая РБ от 31 октября 2013 г. № ГС-89 «О Регламенте Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан» (ред. от 26.10.2023) // Ведомости Государственного Собрания –

быть закончена Конституционным советом в срок, не превышающий пять дней с момента обращения[1].

Хотя решения Конституционного совета Республики Башкортостан носят рекомендательный характер (ч. 2 ст. 12 Закона «О Конституционном совете Республики Башкортостан»), признание Конституционным советом неконституционным принятого, но не подписанного Главой Республики закона о поправке к Конституции может стать основанием для отклонения принятого закона Главой Республики. В этом случае, согласно законодательству Республики Башкортостан, созывается согласительная комиссия на паритетных началах для выработки согласованного текста закона о поправке к конституции. В отношении принятого повторно закона у Главы Республики права вето нет, а значит, и обращение в Конституционный совет невозможно. Отметим, что законодательство других субъектов РФ никак не допускает проверку конституционности законов о поправках к конституции на «выходе» перед их подписанием главой субъекта РФ, предусматривая только проверку таких законопроектов на «входе» – при их внесении в законодательный орган региона.

При этом проверку законопроектов по обращению Президиума и законов до их подписания по обращению Главы Республики Конституционный совет Республики Башкортостан осуществляет в форме факультативного конституционного надзора, что противоречит самой логике проверки актов конституционной реформы, предполагающей осуществление такой деятельности исключительно в форме обязательного конституционного контроля (надзора). Иначе нивелируется эффект от использования данной процедуры в плане обеспечения правовой охраны Основного закона субъекта РФ.

Все вышеуказанное свидетельствует о существенном законодательном недостатке правового регулирования конституционного надзора в отношении законопроектов о поправках к Конституции Республики Башкортостан, ставящем под сомнение возможность Конституционного совета осуществлять подобную деятельность. К настоящему времени ни одного проекта закона о поправке к Конституции Республики Башкортостан данный орган не рассмотрел. При этом Конституция Республики Башкортостан закрепляет разную юридическую силу отдельных глав самой Конституции, обусловливая необходимость

Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2013. № 33 (435). Ст. 1414.

[1] См. ст. 21 и ч. 8 ст. 28 Регламента Конституционного совета Республики Башкортостан, утв. решением Конституционного Совета Республики Башкортостан от 15 марта 2023 г. № 1-Р. URL: https://ksrb.bashkortostan.ru/upload/uf/0bc/kpuyfrib95s3kj655yg2zrioit19gbt6/REGLAMENT-KS-RB.pdf.

проверки актов конституционной реформы. Так, ст. 16 Конституции Республики Башкортостан устанавливает, что положения иных глав Конституции Башкирии не могут противоречить ее гл. 1, закрепляющей основы конституционного строя[1]. К тому же внесение в законодательный орган законопроекта об изменении гл. 1 и 11 разд. 1 Конституции Республики Башкортостан допустимо только в случае сбора свыше 50 000 подписей избирателей, а для формулирования изменений в этих главах допускается и созыв конституционной комиссии (ст. 4, 5 Закона Республики Башкортостан «О порядке внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Башкортостан»).

В Республике Татарстан Конституционный совет выносит заключения по проектам законов Республики Татарстан о принятии Конституции Республики Татарстан, внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан, внесенных в Государственный Совет Республики Татарстан[2]. Можно сделать вывод, что проверка таких законопроектов также осуществляется в форме обязательного конституционного контроля. Это вытекает из ч. 2.1 ст. 87 Регламента Государственного Собрания Республики Татарстан[3], согласно которой эти законопроекты направляются Председателем Государственного Совета в Конституционный совет Республики Татарстан для дачи заключения. Принятие соответствующего итогового решения осуществляется Конституционным советом в срок, не превышающий 30 дней со дня регистрации поступления в Конституционный совет соответствующего обращения[4]. Конституция Республики Татарстан устанавливает как более высокую юридическую силу основ конституционного строя, которым должны соответствовать другие разделы Конституции (ч. 2 ст. 28 Конституции Республики Татарстан), так и более жесткий характер изменения ст. 1 и 123 исключительно в порядке референдума (ст. 123 Конституции Республики Татарстан). Поэтому проверка законопроекта о поправке к конституции должна

---

[1] Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 (ред. от 01.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Республика Башкортостан. 2002. 6 декабря.

[2] Часть 3 ст. 5 Закона от 13 июня 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» (ред. от 11.12.2025) (принят ГС РТ 08.06.2023) (Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. № 48 (ч. 1). Ст. 1430).

[3] Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 26 февраля 2004 г. № 2632 «О Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан» (ред. от 29.03.2024) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2004. № 2 (ч. 1).

[4] Регламент Конституционного совета Республики Татарстан, утв. решением Конституционного совета Республики Татарстан от 11 октября 2023 г. № 2-Р (ред. от 14.11.2023). URL: https://konsov.tatarstan.ru/pravovie-osnovi-deyatelnosti.htm.

осуществляться на предмет соблюдения указанных критериев. К настоящему времени ни одного проекта закона о поправке к Конституции Республики Татарстан данный орган не рассмотрел.

Учитывая рекомендательный характер заключений, можно сделать вывод о недостаточном характере правовой защиты основных законов субъектов РФ в рамках существующей модели конституционного надзора конституционными (уставными) советами в отличие от модели конституционного контроля, осуществляемого упраздненными конституционными (уставными) судами. Региональный законодатель может игнорировать решения конституционных советов, признавших акты конституционной реформы неконституционными. Думается, если региональный парламент решил проигнорировать решения конституционного (уставного) совета, ранее признавшего законопроект о поправке к основному закону субъекта РФ не соответствующим конституции (уставу) субъекта РФ, то глава региона перед подписанием такого закона должен обратиться к Президенту РФ для обращения в Конституционный Суд РФ для обжалования этого акта в порядке, установленном п. «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ, включенном в текст Основного закона реформой 2020 г.[1] Примечательно, что данная норма права не требует, чтобы оспариваемые положения находились в пределах ведения органов государственной власти Российской Федерации или совместного ведения органов государственной власти РФ и субъектов РФ, как это установлено, например, в п. «б» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ применительно к проверке конституций (уставов) субъектов РФ. Получается, что проверке в Конституционном Суде РФ в рамках данных полномочий подлежат любые положения регионального закона до его подписания главой субъекта РФ, в том числе и те, которые входят в сферу исключительного ведения самого субъекта РФ (ст. 73 Конституции РФ). Поэтому вступившие в силу положения закона субъекта РФ о поправке к региональной конституции (уставу) субъекта РФ, относящиеся к сфере исключительного ведения субъекта РФ, невозможно оспорить в Конституционном Суде РФ в рамках абстрактного конституционного контроля в отличие от проверки этого закона до его подписания главой субъекта РФ по обращению Президента РФ, как бы парадоксально это ни выглядило.

Можно сделать вывод, что новая редакция федеральной Конституции возлагает на Президента РФ роль не только гаранта ее самой,

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

но также и региональных конституций (уставов), а на Конституционный Суд РФ обязанность также и по правовой защите основных законов субъектов РФ. Эти положения крайне спорны, их можно рассматривать как федеральное вторжение в сферу исключительных полномочий субъектов РФ, что может нанести вред устоявшейся системе федеративных отношений, в том числе и праву субъектов РФ на собственное законодательство, установленному ч. 2 ст. 5 Конституции РФ[1]. С другой стороны, суды общей юрисдикции, которые в настоящий момент могут признавать законы субъектов РФ недействующими в рамках административного судопроизводства, не вправе проверять проекты законов до их принятия. А проверка закона о поправке к конституции (уставу) субъекта РФ после вступления его в силу фактически означает проверку самой конституции (устава) субъекта РФ. Данную деятельность суды общей юрисдикции ни при каких обстоятельствах осуществлять не могут в силу непосредственной связи региональных основных законов с федеральной Конституцией, что отмечал сам Конституционный Суд РФ[2]. Сам же Конституционный Суд РФ тоже не может проверять такие вступившие в силу положения региональных конституций (уставов) субъектов РФ, если они не находятся в пределах ведения органов государственной власти Российской Федерации или совместного ведения органов государственной власти РФ и субъектов РФ (п. «б» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Все вышеуказанное свидетельствует о недостатках существующей модели деятельности конституционных (уставных) советов по сравнению с упраздненными конституционными (уставными) судами субъектов РФ, что во многом сводит на нет возможность реального обеспечения правовой охраны конституций (уставов) субъектов РФ в рамках устоявшихся федеративных отношений. Наделение конституционных (уставных) советов правом принимать самостоятельно юридически властные акты выглядит куда более действенной мерой в части обеспечения правовой охраны как самих региональных основных законов, так и принципов разделения властей и федерализма.

---

[1] *Малютин Н.С.* Тенденции модернизации конституционного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 66.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» (Собрание законодательства РФ. 2003. № 30. Ст. 3101).

Библиографический список

Алексеев А.Н. Предварительный нормоконтроль конституционных поправок в конституционных (уставных) советах субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 28–31.

Беньяминова С.А., Баляткеев А.А., Кабанов В.А. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: в поисках статуса // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 7–89.

Василевич Г.А., Остапович И.Ю. Особенности нормотворческой активности Конституционного Суда России, Конституционного Суда Беларуси и Конституционного Совета Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 191–201.

Данилевская И.Л. О новом формате регионального конституционного контроля (к вопросу об упразднении конституционной юстиции субъектов Российской Федерации) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 31–33.

Иванова Е.Л. К вопросу о компетенции конституционных (уставных) советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 1 (87). С. 50–59.

Кургузиков М.С. Конституционный контроль в странах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 184 с.

Курятников В.В. Конституционный (уставный) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. 286 с.

Малютин Н.С. Тенденции модернизации конституционного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 63–68.

УДК 34

АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ДОБЫЧУ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В ПЕРИОД С 1682 ДО 1917 ГОДА

В.А. Шебалов
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии.
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
410000, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 10, корп. 12.
E-mail: s.khen@yandex.ru

Аннотация. Природные ресурсы являются благом, которое предоставила человечеству природа и которым он активно пользуется. Известно, что Россия на протяжении всего своего исторического периода богата природными ресурсами. Однако правовая регламентация их добычи формировалась постепенно. Можно назвать период с 1682 до 1917 г. начальным этапом формирования законодательства, регламентирующего добычу природных ресурсов, который ознаменовал прекращение нерационального и бесконтрольного использования ресурсов. В данной работе природные ресурсы для более удобного и последовательного изучения необходимо разделить на следующие виды: земельные, водные, лесные, биологические ресурсы, а также ресурсы недр. Такое разделение на виды природных ресурсов позволило обнаружить тенденции в развитии законодательства и в последующем сделать обобщенные выводы.

Ключевые слова: природные ресурсы, земля, вода, лес, биологические ресурсы.

ANALYSIS OF RUSSIAN LEGISLATION REGULATING THE EXTRACTION OF NATURAL RESOURCES IN THE PERIOD FROM 1682 TO 1917

V.A. Shebalov
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.
12 room, Volskaya str., 10, Saratov, 410000, Russia.
E-mail: s.khen@yandex.ru

Abstract. Natural resources are the benefits that nature has provided to humanity and which it actively uses. It is known that Russia has been rich in natural resources throughout its entire historical period. However, the legal regulation of their production was formed gradually. The period from 1682 to 1917 can be called the initial stage of the formation of legislation regulating the extraction of natural resources, which marked the end of the irrational and uncontrolled use of resources. In this work, natural resources for more convenient and consistent study should be divided into the following types: land, water, forest, biological resources, as well as subsoil resources. This division into types of natural resources made it possible to detect trends in the development of legislation and subsequently draw generalized conclusions.

Keywords: natural resources, land, water, forest, biological resources.

Введение

Основоположником правового урегулирования отношений в сфере добычи природных ресурсов являлся Петр I.

Основным природным ресурсом планеты является земля. Земля рассматривалась как объект недвижимого имущества, передаваемого по наследству, о чем упоминается в Именном указе от 23 марта 1714 г. № 2789 «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»[1].

В Российской империи земля не рассматривалась как природный ресурс, а только как объект недвижимости.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что земля, являясь природным ресурсом, относится к недвижимости, имеет определенные границы, формируя территории, на которых осуществляется

[1] URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/316942-ukaz-o-edinonasledii-o-poryadke-nasledovaniya-v-dvizhimyh-i-nedvizhimyh-imuschestvah-23-marta-1714-g.

сельское хозяйство и на которых расположены иные природные ресурсы в виде воды, леса, животных, растений, полезных ископаемых в недрах.

Добыча лесных ресурсов

Именно Петром I были заложены основы лесного хозяйства России[1]. Петр I своими указами ограничил самовольную добычу леса на территории России. Лесные ресурсы стали использоваться в значительной степени в военных целях для постройки флота, а также торгового судостроения.

Одним из первых нормативных актов, изданных Петром I в сфере добычи лесных ресурсов, являлся Указ от 19 ноября 1703 г. № 1950 «Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст»[2], который устанавливал правовой статус леса вдоль берегов больших рек на территории в сторону по 50, а от малых по 20 верст как заповедного и запрещал его вырубку. Кроме того, Указ устанавливал ответственность в виде смертной казни за вырубку дуба и особо ценных деревьев.

В соответствии с Указом от 19 января 1705 г. № 2017 «О рубке леса на сани, телеги, оси, полозья и обручи без особенного позволения»[3] смягчался запрет на заготовление леса в заповедных лесах, но только для использования добытого леса в производстве деталей для транспорта, мельничных потребностей, изготовления шестеренок, а на иные цели заповедный лес рубить запрещалось.

Для обеспечения военных заводов древесиной 31 марта 1712 г. был издан Сенатский указ № 2512 «О рубке лесов в Смоленской Губ., для вывоза на Тульские и Каширские заводы»[4], кроме того, лесной фонд России необходим был для кораблестроения, и с этой целью был издан Именной указ от 15 мая 1712 г. № 2522 «О приуготовлении в Казанской и в Азовской Губ. Никите Кудрявцеву на корабельное строение лесов и об отпуске оных в Спб». Как можно видеть, защита лесов от бесконтрольного выруба не являлась целью указанных нормативно-правовых актов, а была лишь способом обеспечения военной промышленности необходимым сырьем – древесиной.

---

[1] *Черных В.В.* Лесное законодательство в период правления Петра I // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 29.

[2] URL: https://www.booksite.ru/rusles/data/ukaz.pdf.

[3] Именной указ «О рубке леса на сани, телеги, оси, полозья и обручи без особенного позволения» от 19 января 1705 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 4: 1700–1712. № 2023.

[4] URL: https://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA86806.pdf.

Продолжая политику запрета вырубки лесов, пригодных для военной промышленности и кораблестроения, издается Именной указ от 28 февраля 1715 г. № 2890 «О нерубке годных к корабельному строению лесов», запрещающий вырубку лесных насаждений, пригодных для корабельного строительства у Санкт-Петербурга и по обеим сторонам реки Невы, разрешающий заготавливать для отопления лишь осину, ель, ольху и валежник.

Именной указ от 29 мая 1715 г. № 2913 «Об отдаче отрубков и сучьев, остающихся от корабельных лесов, на делание под артиллерийские орудия колес и лафетов» вводил необходимость охраны обрубков и сучьев, остающихся после выработки корабельных лесов, и передачи их на военную промышленность для создания пушечных колес, спиц и лафетов.

Со временем происходило ослабление запретов на рубку лесов, необходимых для военной промышленности и кораблестроения. Так, Именной указ от 23 февраля 1721 г. № 3744 «О рубке торговым людям, для отпуска за море, мачтового деревья» разрешал рубить и продавать за рубеж лучшую, а именно мачтовую, древесину, пригодную для кораблестроения.

В соответствии с Именным указом от 6 апреля 1722 г. № 3941 «О назначении в губерниях Вальдмейстеров и Унтер-Вальдмейстеров, и о бытии им под ведением Адмиралтейства»[1] создается первый в истории России специальный государственный орган – Вальдмейстерская канцелярия, одной из задач которой являлась защита заповедных лесов от незаконной рубки. Далее обязанности и задачи Вальдмейстерской канцелярии только расширялись в сфере защиты лесов от преступного посягательства.

Екатерина II в период своего правления рассматривала лес не как сырьевую базу для укрепления военной мощи государства, а как источник дохода, и в связи с этим 22 сентября 1782 г. ею был подписан Именной указ № 15518 «О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущие», передающий помещикам в собственность участки леса. Данный Указ дал право помещикам свободно торговать добытой древесиной, что привело к бесконтрольной вырубке лесного фонда государства.

С целью сохранения корабельных лесов государства Российского от грабительской добычи 26 мая 1798 г. Павлом I подписывается Указ № 18533 «О создании Лесного департамента при интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии».

[1] URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/340242-ukaz-petra-i-senatu-o-vyboregenerala-valdmeystera-i-valdmeysterov-v-lesnyh-tsentrah-dlya-nablyudeniya-i-obereganiya-lesov-v-moskve-ot-6-aprelya-1722-g.

Именной указ от 26 мая 1798 г. № 18534 «О приведении в совершенную силу и действие Валдмейстерских и Форстмейстерских инструкций; об описи лесов, о пресечении злоупотребления к истреблению оных; о не рубке из казенных дач леса без билета Адмиралтейской Коллегии; о заведении на казенных землях новых рощей; о составлении при Интендантской экспедиции особого Департамента для лесной части и о бытии в оном генерал-интенданту и Обер-сарваеру»[1] предусматривал охранные мероприятия в отношении лесного фонда в виде описи лесов с обязательным указанием количества деревьев, годных для кораблестроения, запрет на бесконтрольную добычу лесов, а также запрет на экспорт древесины за границу.

Следующим большим шагом, направленным на регулирование отношений, связанных с добычей леса, являлся Лесной устав, утвержденный 11 ноября 1802 г. императором Александром I[2]. Лесной устав стал первым кодифицированным актом, который урегулировал отношения в сфере сбережения, использования и возрождения лесного массива Российского государства.

4 апреля 1888 г. Александром III подписано Положение о сбережении лесов[3] № 5120, согласно которому были ограничены частные права свободно распоряжаться лесами, находящимися в собственности. Кроме того, Положение о сбережении лесов вносило дополнение в Устав о наказаниях 1864 г. № 5120, предусматривая уголовную ответственность за ненадлежащее использование, рубку или порчу лесов.

Добыча ресурсов недр

Впервые интерес к нормативному регулированию добычи недр был проявлен Петром I, который 7 мая 1695 г. подписал Именной указ № 1512 «О посылке в Германию иностранца Матвея Поппу со штуфами свинцовой и серебряной руды для учинения оным пробы и о приглашении в Российскую службу иностранцев, знающих горное искусство»[4]. С помощью данного Указа Петр I хотел привлечь в Россию специалистов, разбирающихся в горном деле и добыче ресурсов недр, для обучения специалистов в России. Добывающая и перерабатывающая промышленность была необходима для обеспечения военной мощи

[1] URL: https://archive.org/details/PolnoesobraniezakonovRossijskojimperiis1/page/57/mode/2up?ui=embed&wrapper=false.

[2] URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/205.

[3] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/.../forest/forest/legislation/1.htm#1.

[4] URL: https://www.twirpx.com/files/science/law/igp/russia/polnoe_sobranie_zakonov/.

России. Петр I осознавал необходимость использования внутренних природных ресурсов на благо процветания России[1].

24 августа 1700 г. подписывается Именной указ № 1812 «Об учреждении приказа рудокопных дел». Данный Указ ознаменовал создание геологической службы в России.

Согласно Именному указу от 2 ноября 1700 г. № 1815 «О прииске золотых, серебряных, медных и иных руд по всему пространству России; об осмотре воеводами приисканных руд на месте, и о награждении учинивших таковой прииск частных людей»[2] каждый, кто обнаруживал медные, серебряные, золотые и иные руды, обязан был сообщать об этом в уполномоченный государственный орган, а должностное лицо данного органа обязано было прибыть на место обнаружения руды, оценить ее и заплатить нашедшему вознаграждение.

Сенатский указ от 22 июня 1716 г. № 3030 «О нечинении никаких препятствий посланному для отыскания жемчуга, всяких руд и красок капитану Вельяшеву»[3] законодательно обязывал оказывать помощь капитану Вельяшеву, посланному Петром I в поисках мест с богатыми недрами.

Именной указ от 10 декабря 1719 г. № 3464 «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах»[4] возложил обязанности по контролю за недрами Российской империи на Берг-коллегию.

Также имелись отдельные именные указы Петра I, регламентирующие поиск руд и угля на отдельных территориях Российской империи. Так, согласно Именному указу Петра I, подписанному 7 декабря 1722 г. № 4129, «О приискании на Дону и в Воронежской Губернии каменного уголья и руд»[5] регламентировалась необходимость в поиске на Дону и в Воронеже каменного угля и руд. На Днепре аналогичным Именным указом Петра I от 1 сентября 1722 г. № 4297, данным Берг-коллегии, «Об учинении поиска серной руды и каменного уголья в окрестностях Днепра» было регламентировано организовать поиск серной руды и каменного угля на территории Днепра.

---

[1] *Денисова Л.Н.* Становление российского горного законодательства в эпоху Петра Великого // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 17.

[2] URL: https://www.prlib.ru/item/358635.

[3] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8/1713%E2%80%941719/3#1.

[4] URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php.

[5] URL: https://knpam.rusneb.ru/kp/item36739.

Законодательный процесс, регулирующий добычу недр, не стоял на месте и постоянно развивался. Так, 28 июня 1782 г. Екатериной II подписывается манифест «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся»[1], согласно которому отменялась государственная монополия на добычу ресурсов недр и собственникам земли дозволялось самостоятельно добывать, перерабатывать и продавать обнаруженные в недрах собственной земли полезные ископаемые.

Добыча водных ресурсов

Первые упоминания попыток обратиться к регулированию водных ресурсов касались в первую очередь минеральных вод, обладающих медицинской целительной силой и отнесенных законодателем к полезным ископаемым. Впервые минеральные воды были включены в богатства недр Именным указом Петра I от 24 июня 1717 г. № 3092 «О приискании в России минеральных вод»[2]; данный Указ обязывал доктора Шуберта отыскать на территории Российского государства минеральные воды.

Именной указ Петра I от 20 марта 1719 г. № 3338 «О целительных водах, отысканных на Олонце»[3] ознаменовал собой следующий шаг – открытие целительных минеральных вод на Олонце и необходимость посещения этих мест с целью излечения от определенных видов болезней.

Добыча биоресурсов

Одним из первых документов, направленных на регулирование охоты, в период правления Петра I являлся Именной указ от 8 мая г. № 1188 «О невыезде на псовую охоту около Москвы в ближних местах и нестрелянии птиц»[4], который закрепил запрет на проведение охоты и отстрел птиц вблизи Москвы.

---

[1] URL: https://archive.org/details/polnoesobraniezakonovrossijskojimperiis24/mode/2up?ui=embed&wrapper=false.

[2] http://elib.shpl.ru/ru/nodes/183-t-5-1713-1719-1830.

[3] URL: https://istina.ipmnet.ru/download/7101083/1swPNR:iddkcWo3aaJKwDdlSgARmoB_LzI/#60#58.

[4] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%

Именной указ от 22 апреля 1714 г. № 2799 «О нестрелянии в Санкт-Петербургской Губернии лосей»[1] запрещал отстрел и убийство лосей на территории Санкт-Петербургской губернии.

Первым нормативно-правовым актом, регулирующим правила охоты (добычи животных), являлся Закон Российской империи от 3 февраля 1892 г. «Об утверждении правил об охоте»[2], который включал следующие новаторские положения:

1) временные (сезонные) ограничения на добычу животных и птиц;

2) охота разрешалась только при наличии охотничьего билета, выданного специализированным органом при соблюдении особого порядка. Охота с чужим охотничьим билетом, не на тот вид животного, который был указан в билете, или не в то время запрещалась под угрозой штрафа;

3) выделялись запрещенные способы охоты, к которым относилась ловля птиц при помощи силков, капканов и т.д.

Документом, поставившим рыбалку под контроль государства, являлся Именной указ от 9 января 1704 г. № 1956 «Об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской канцелярии». Петр I из рыбалки как частного занятия сделал рыбалку государственным делом.

Усилен контроль за рыбной ловлей был Именным указом от 18 января 1704 г. № 1958 «О ведении сбора с рыбных ловель со всего государства в Семеновской приказной палате»[3]. Согласно данному документу ловля рыбы на территории всего государства облагалась оброком, проводился учет всех водоемов на территории государства с целью контроля за рыбной ловлей.

Продолжая политику усиления контроля, Петр I подписал Именной указ от 21 января 1704 г. № 1959 «О переоброчке отдаваемых на откуп мостов, перевозов, мельниц, рыбных ловель и прочих статей, и об учреждении для сего особых приказов под ведением особо определенных к тому чин»[4], закрепивший создание специальных рыбонадзорных должностей, задачей которых было осуществлять контроль за уплатой рыбаками налогов в казну государства. Кроме того, данный документ затрагивал определенные организационные моменты рыбной ловли.

B8._%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B5._%D0%A2%D0%BE%D0%BC_2.djvu#1.

[1] URL: https://knpam.rusneb.ru/kp/item36738.

[2] URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003631747/?ysclid=mkbhicpboa45953345.

[3] URL: http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1704-g-ukaz-o-vedenii-sbora-s-rybnyx-lovel-vsego-gosudarstva.html.

[4] URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php.

Процесс регулирования рыбной ловли продолжался и дальше. Так, 1 января 1705 г. были подписаны статьи № 2007 «Статьи об отдаче рыбных ловель на откупы»[1], которые содержали в себе запрет на варварские и истребительные виды рыбной ловли.

С целью борьбы с самоловами, другими словами – браконьерами, 2 ноября 1705 г. подписывается Именной указ № 2079 «О ловлении откупщикам самоловами рыбы, с прибавкою оброка»[2], который устанавливал дополнительный оброк для браконьеров при нарушении правил рыбной ловли.

В 1719 г. происходит послабление в рыбной ловле на территории государства. Именной указ, подписанный 11 декабря 1719 г. № 3465, «О позволении от Санкт-Петербурга до Шлиссельбурга и до Березовых островов в море, в реках и в озерах рыбу ловить везде всем невозбранно, исключая тех озер и прудов, кои в средине дач»[3] отменял оброк на рыбную ловлю на территории всего государства, за исключением дач.

С целью увеличения популяции рыбы на территории государства 30 апреля 1743 г. подписан Сенатский указ № 8730 «О содержании и размножении казенных рыбных промыслов»[4].

С целью последующего сохранения популяции отдельных видов рыбы подписываются специальные указы. Так, согласно Именному указу от 28 февраля 1752 г. № 9949 «О позволении ловить рыбу ряпуху только в августе и сентябре месяцах» рыбу ряпуху дозволено ловить только в августе и сентябре месяцах, поскольку в других месяцах она очень маленькая и является неудобной к употреблению.

Именной указ от 10 сентября 1752 г. № 10024 «О позволении ловить рыбу ряпуху только в октябре месяце и до самых заморозков»[5] уточнил нормы Именного указа от 28 февраля 1752 г. и разрешил ловить рыбу ряпуху в октябре месяце и до самых заморозков.

Постепенно законодательство в сфере рыболовства развивается, и 8 октября 1828 г. подписывается Указ № 2330 «О неупотреблении в Белом озере и реках Шеконь и Волга самоловов и других вредных снастей, под опасением определенного штрафа»[6], который запрещает в Белом озере и реках Шексне и Волге самоловов и использование других вредных снастей.

---

[1] URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php.

[2] URL: https://old.knpam.rusneb.ru/?page=36.

[3] URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/183-t-5-1713-1719-1830.

[4] URL: https://www.prlib.ru/elisabeth_3.

[5] URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/191.

[6] URL: https://www.prlib.ru/item/358471.

С целью развития правильного и законного рыболовства и рыбоводства 22 июня 1881 г. принимается Устав Императорского российского общества рыбоводства и рыболовства. Одной из задач общества является развитие правильного, не представляющего опасности для популяций рыб рыболовства.

Необходимо отметить, что нормы рыболовного законодательства дореволюционной России содержались и в других разных по содержанию законопроектах[1].

Одним из первых нормативных актов, урегулировавших отношения в сфере пользования растениями, являлся Именной указ Петра I от 22 октября 1701 г. № 1879 «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтобы в них никаких вин не было продаваемо, о ведении оных Посольскому приказу, и об уничтожении зелейных лавок»[2], закрепивший необходимость создания государственных аптек, в которых продавали оригинальные лекарственные растения, и уничтожения иных аптек, в которых продавали растения, которые могли нанести вред жизни и здоровью.

Вновь открытые аптеки нуждались в лекарственных растениях, и с целью пополнения государственных аптек лекарственными травами 15 апреля 1702 г. был подписан Именной указ № 1909 «О покупке в Придворную аптеку лекарственных растений, коренья, мускуса, каменного масла и прочих аптекарских припасов, привозимых из Сибири, по продажной цене в Москве», который регламентировал необходимость привозить из Сибири лекарственные растения и покупать их для пополнения ассортимента в московских аптеках.

В остальном же в Российской империи каких-либо ограничений для граждан по сбору ягод, грибов, растений и т.д. для собственных нужд и продажи не имелось.

Заключение

На основании проведенного исследования нормативно-правового регулирования добычи природных ресурсов в указанный период (1682–1917 гг.) можно сделать следующие выводы:

– всплеск законодательной инициативы, направленной на урегулирование добычи природных ресурсов, пришелся на период правления Петра I;

---

[1] *Санкин Е.В., Зиновьев В.П.* Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2021. Т. 38. С. 73.

[2] URL: https://www.prlib.ru/history/619778.

– законодательство периода Российской империи не предусматривало регулирование добычи земли, поскольку земля является недвижимым объектом;

– происходит постепенное урегулирование добычи природных ресурсов. Так, например, сбор ягод, грибов, растений урегулирован в 1701 г., добыча водных ресурсов – в 1717 г.;

– происходит долгая трансформация правовой основы добычи природных ресурсов от отдельных и разрозненных нормативных актов к более структурированным законам, которые регламентировали добычу каждого вида природных ресурсов отдельно.

Библиографический список

Денисова Л.Н. Становление российского горного законодательства в эпоху Петра Великого // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 16–19.

Санкин Е.В., Зиновьев В.П. Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2021. Т. 38. С. 72–85.

Черных В.В. Лесное законодательство в период правления Петра I // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 29–35.

УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРОКУРОРОМ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Д.С. Белоусова
Кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе.
Университет прокуратуры Российской Федерации.
123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.
E-mail: dbelousowa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных тенденций в области защиты прокурором публичной собственности, сопровождаемых примерами судебной практики. Автор рассматривает проблемы и перспективы реализации прокурорами полномочий в исследуемой сфере, приходит к выводу о ключевой роли прокуратуры в вопросах защиты государственной и муниципальной собственности с учетом характера реализуемых функций, обеспечивающих максимальную широту видения фактического состояния законности, объективность и беспристрастность, поскольку надзорные и иные полномочия прокуроров не соприкасаются с полномочиями по управлению и распоряжению публичной собственностью. Автор обосновывает необходимость формирования единой государственной концепции защиты публичной собственности, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов, стабильность гражданского оборота, благоприятность инвестиционного климата при соблюдении принципа неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение.

Ключевые слова: прокурор, публичная собственность, исковое заявление, деприватизация, противодействие коррупции, принцип справедливости.

CURRENT TRENDS IN THE FIELD OF PUBLIC PROPERTY PROTECTION BY THE PROSECUTOR IN COURT

D.S. Belousova
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
15 Bldg., 2-ya Zvenigorodskaya str.,
Moscow, 123022, Russia.
E-mail: dbelousowa@yandex.ru

Abstract. This article examines current trends in the protection of public property by prosecutors, supported by case law examples. The author examines the challenges and prospects for the exercise of prosecutorial powers in this area, concluding that the prosecutor's office plays a key role in protecting state and municipal property, taking into account the nature of the functions performed, ensuring the broadest possible understanding of the actual state of law, objectivity, and impartiality, as the supervisory and other powers of prosecutors do not interfere with their authority to manage and dispose of public property. The author concludes that it is necessary to develop a unified state concept for the protection of public property that ensures a balance between public and private interests, the stability of civil turnover, and a favorable investment climate, while adhering to the principle of the inevitability of legal liability for an offense committed.

Keywords: prosecutor, public property, statement of claim, deprivatization, anti-corruption, principle of fairness.

Отношения собственности, как справедливо отмечает профессор Е.А. Суханов, являются ядром экономических отношений[1]. Соответственно, вопрос экономического благополучия страны во многом определяется тем, насколько эффективно используется публичная собственность.

Для органов прокуратуры вопрос защиты публичной собственности является приоритетом, так сложилось исторически. Законодатель щедро наградил прокурора полномочиями, позволяющими отстаивать интересы общества и государства в указанной сфере как в судебном, так и во внесудебном порядке. Эффективность работы прокуроров становится основанием для последовательного расширения процессуальных полномочий ведомства в этой сфере.

---

[1] *Ломакин Д.В.* Цивилистические проблемы в трудах профессора Е.А. Суханова: к юбилею ученого // Гражданское право. 2023. № 2. С. 14–18.

Иски прокуроров в защиту публичной собственности, в том числе так называемые деприватизационные и антикоррупционные, сегодня широко обсуждаются на всех уровнях с позиции соблюдения требования справедливости, являются предметом многочисленных споров, критических оценок.

Возвращая государству имущество, неправомерно выбывшее из его собственности, в том числе вследствие актов коррупции, прокуроры отстаивают принципы справедливости в ее широком понимании[1], охватывающем совершенно разные пласты правоотношений и уровни правоприменения, поскольку у общества сегодня действительно «накопился колоссальный запрос на социальную справедливость, подогреваемый информацией о коррупции чиновников и о вызывающе демонстративном потреблении представителей крупного российского бизнеса, сделавших свои состояния на приватизации общенародной собственности»[2], явившейся «воплощением вопиющей несправедливости и... определившей глубочайшее социальное расслоение»[3].

В свою очередь многие наши «оппоненты» трактуют такие иски прокуроров как инструмент едва ли не «захватнической» политики государства, подрывающей основы стабильности гражданского оборота, как свидетельство грубейшего нарушения конституционного принципа равенства всех форм собственности и возникшего дисбаланса публичных и частных интересов с явным перекосом в сторону публичного интереса в «лучших» советских традициях. Крупные адвокатские компании разрабатывают стратегии защиты от деприватизационных исков[4].

Это неудивительно, поскольку рассматриваемые иски прокуроров сталкивают публичный и частный интерес и справедливость как общеправовой принцип, находящий отражение в частноправовых нормах[5], должна быть, как представляется, «ориентирующим маяком» в разрешении конфликта этих двух полярных интересов.

---

[1] По мнению Ю.В. Романца, понятие справедливости «имеет триединую сущность: социальную, духовно-нравственную и юридическую». См.: *Вайпан В.А.* Теория справедливости: право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017.

[2] *Зорькин В.Д.* Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд РФ, 2024. С. 173.

[3] Там же. С. 213–214.

[4] См., например: Защита от иска прокурора о национализации, деприватизации и изъятии имущества и предприятий. URL: https://zakon.ru/blog/2024/12/20/zaschita_ot_iska_prokurora_o_nacionalizacii_deprivatizacii_i_izyatii_imuschestva_i_predpriyatij; Защита от деприватизации. Практические аспекты. URL: https://aronovlaw.ru/media/zashhita-ot-deprivatizaczii-prakticheskie-aspekty.

[5] *Гонгало Б.М., Новикова Н.А.* Справедливость как принцип частного права и критерий его эффективности // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 79–90.

Собственно, руководствуясь требованием справедливости, Конституционный Суд РФ принял одно из самых обсуждаемых постановлений № 49-П[1] о неприменении сроков давности к антикоррупционным искам прокуроров, поскольку возможность «искусственной» реабилитации неправомерно нажитого капитала через использование механизмов исковой давности «подрывает веру граждан в законность, добро и справедливость»[2].

В последние годы наметилась тенденция к усилению роли прокуратуры в вопросах защиты государственной и муниципальной собственности, многократно возросла исковая активность ведомства на данном направлении.

Реализация прокурорами процессуальных полномочий в 2022–2024 гг. позволила вернуть государству 16 тыс. объектов недвижимости стоимостью 661 млрд руб., в том числе 235 тыс. га земель стоимостью 581 млрд руб.

Анализ деятельности прокуроров на данном направлении позволил мне выделить ряд актуальных тенденций, сопровождающих на современном этапе работу органов прокуратуры по защите публичной собственности в судебном порядке:

1) возросшее количество обращений прокуроров в суды с требованием об изъятии имущества в пользу государства обусловлено в том числе новыми подходами к выбору оснований для предъявления соответствующих исков. Исковая инициатива прокуратуры сегодня строится на внедренной практике комплексного «сплошного» мониторинга состояния законности в рассматриваемой сфере, предполагающего анализ материалов СМИ, информационных систем, в том числе ЕИС в сфере закупок, ГАС «Правосудие», данных публичной кадастровой карты, сведений, полученных в рамках межведомственного взаимодействия, и др.

Именно такой подход позволил выявить огромный пласт нарушений при распоряжении публичной собственностью, которые длительное время оставались вне поля зрения правоохранителей, в том числе в связи с их высокой латентностью;

2) работа по защите публичной собственности выстроена с учетом определенных приоритетов. Основное внимание прокуроров сконцентрировано на обеспечении возврата в государственную и муниципальную собственность стратегически важных объектов, в том числе

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда».

[2] Там же.

относимых некоторыми учеными (например, представителями уральской школы) к категории так называемых публичных доменов[1]: особо ценные земельные участки (земли в пределах особо охраняемых природных территорий, береговой полосы, земли сельскохозяйственного назначения, лесного фонда); объекты транспорта, ЖКХ, энергетики, сельского хозяйства, обороны, а также активы иных стратегических предприятий, в том числе находящихся под иностранным контролем.

По искам прокуроров государству возвращены земли Сочинского национального парка[2], имущественные объекты Министерства обороны РФ в районе бухты Улисс во Владивостоке, предназначенные для базирования военных судов Тихоокеанского флота, однако незаконно переданные коммерческим структурам (дело № А51-7363/2025), имущественные объекты Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (дело № А56-92699/2025), незаконно приватизированные имущественные комплексы Челябинского электрометаллургического комбината (дело № А60-5228/2024), группы компаний «Кубань-Вино»[3] и др.;

3) уход от шаблонности при подготовке исков: практически каждый иск прокурора в защиту публичной собственности уникален, способы защиты публичного интереса избираются с учетом конкретных обстоятельств дела.

Прокурорами используются все возможные способы защиты нарушенных прав публично-правовых образований – виндикация (ст. 301 ГК РФ), реституционные механизмы как последствие недействительности антисоциальных или иных не соответствующих закону сделок (ч. 2 ст. 167 ГК РФ). Громкое дело «сочинских садоводов», обстоятельства которого являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (Постановление № 3-П)[4], связано с реализацией прокурором механизма негаторного иска (о признании права отсутствующим).

Оспаривая сделки по распоряжению государственным и муниципальным имуществом в связи с незаконностью приватизации, нарушением конкурентных процедур и по иным причинам, прокуроры помимо негативных последствий таких сделок (в виде незаконного

---

[1] См.: *Винницкий А.В.* Публичная собственность: монография. М.: Статут, 2013. 732 с.

[2] См.: *Бочкарев С.А.* Конституционные параметры негаторного иска // Журнал российского права. 2025. № 2. С. 30–42.

[3] URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/693194fa9a794773d80835c8.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2025 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н.И. Гришиной, Н.З. Гулордавы и других». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

выбытия имущественных объектов, ущерба окружающей среде, угрозы безопасности государства, экономической или продовольственной безопасности и др.) тщательно исследуют обстоятельства их заключения в целях выявления возможного коррупционного фактора, факта злоупотребления полномочиями при распоряжении публичной собственностью или иного недобросовестного поведения сторон при заключении оспариваемой сделки.

При этом коррупционный мотив не обязательно должен быть подтвержден вступившим в законную силу приговором суда, а может подтверждаться материалами «общенадзорных» прокурорских проверок, находящихся в производстве следственных органов уголовных дел.

Например, Генеральная прокуратура РФ добилась возврата в казну земельных участков на острове Поджабный в акватории реки Волги площадью 40 га, незаконно переданных ООО «Э» аффилированному бывшему председателю Шестого кассационного суда общей юрисдикции Е.А.А.[1] Отсутствие на момент возбуждения производства по делу процессуального решения в отношении судьи, завладевшего недвижимостью по подложным документам, не препятствовало сбору доказательств и их представлению в процессе.

Скорректированы подходы к восстановлению имущественных прав государства в случаях, когда публичная собственность становится объектом преступных посягательств, получивших уголовно-правовую оценку. Деятельность прокуроров направлена на восстановление утраченных государственных активов и возмещение причиненного ущерба в полном объеме. Помимо взыскания в рамках уголовного судопроизводства кадастровой стоимости похищенных объектов прокуроры инициируют вопрос о возвращении в собственность государства самого имущественного объекта, поскольку компенсация кадастровой стоимости, не соразмерной с реальной рыночной стоимостью объекта, не обеспечивает полноценное восстановление прав и интересов государства как собственника.

Например, в Тюменской области по гражданскому иску территориального управления Росимущества в рамках уголовного дела в бюджет взысканы 18 млн руб. ущерба вследствие противоправного выбытия из государственной собственности 10 га земель сельскохозяйственного назначения, которые фактически не взысканы. При этом участок переведен в категорию жилищного строительства, капитализация актива составила 450 млн руб. (увеличилась в 25 раз). В связи с этим прокуратурой предъявлен иск об истребовании имущества из чужого

[1] См. решение Самарского районного суда г. Самары Самарской области № 2-2052/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

незаконного владения. Решением Тюменского районного суда с учетом правовой позиции Верховного Суда РФ (Определение от 13 мая 2019 г. № 304-ЭС19-5136) заявление удовлетворено;

4) в сложных геополитических условиях значительную роль в работе прокуроров играют вопросы устранения иностранного контроля над активами российских предприятий, имеющих стратегическое значение, в том числе незаконно приватизированных; предотвращения вывода активов в недружественные юрисдикции. Ярким примером исковой работы прокуроров в этом направлении служит обращенный в государственную собственность по иску прокурора аэропорт «Домодедово», приватизированный в 1990-х гг. и находившийся под незаконным иностранным контролем[1].

Реализуя полномочия по вступлению в процесс в случаях, определенных ч. 5 ст. 52 АПК РФ, прокуроры препятствуют использованию судебных механизмов для легализации прав на объекты публичной собственности в результате действий недобросовестных лиц, в том числе резидентов недружественных государств.

Например, вступление прокуратуры г. Москвы в споры по искам иностранной компании U.B.C. (США) пресекло действия бенефициарных владельцев по возврату под свой контроль девяти предприятий, входящих в холдинг «Главпродукт» (доля государства – 100%) и имеющих критически важное значение для обеспечения экономической и продовольственной безопасности. По итогам рассмотрения дел в признании незаконной регистрации прав государства на акции отечественных предприятий отказано (дела № А40-4763/2025, А40-4786/2025).

Вступление прокурора в арбитражный процесс на стадии апелляционного обжалования позволило предотвратить незаконный захват фирмой-однодневкой – ООО «Н» находящихся в федеральной собственности земель сельскохозяйственного назначения площадью 11 тыс. га, используемых ФГБНУ «С» для создания и селекции высокопродуктивных, конкурентоспособных гибридов и сортов зерновых и кормовых культур в соответствии со Стратегией продовольственной безопасности. Разработанная злоумышленниками схема захвата предполагала использование арбитражного суда в качестве инструмента легализации незаконной деятельности и была успешно реализована, пока в дело не вмешался прокурор.

[1] Арбитражный суд Московской области удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ и признал регистрацию иностранной собственности на аэропорт «Домодедово» недействительной. Решение оставлено в силе судами апелляционной и кассационной инстанций (дело № А41-5707/2025). Основными владельцами аэропорта являлись Дмитрий Каменщик (резидент Турции и ОАЭ) и Валерий Коган (резидент Израиля).

Исходя из обстоятельств дела, обладая сведениями о временном и носящем технический характер прекращении права владения ФГБНУ «С» спорным земельным участком (в связи с переоформлением прав на него), недобросовестными лицами было создано и зарегистрировано номинальное ООО «Н», которое обратилось в территориальное управление Росимущества с заявлением о предварительном согласовании предоставления в аренду спорного земельного участка, на что получило обоснованный отказ. Этот отказ общество обжаловало в суд в целях получения права на государственное имущество в обход конкурсных процедур и в отсутствие законных оснований. Решением Арбитражного суда Ставропольского края от 4 декабря 2023 г. требования истца удовлетворены, на территориальное управление Росимущества по Ставропольскому краю возложена обязанность принять решение о предварительном согласовании предоставления земельного участка в аренду без проведения торгов, утвердить схему расположения земельного участка. Прокурор, вступивший в дело на стадии апелляционного обжалования, убедил суд апелляционной инстанции в опрометчивости принятого судом первой инстанции решения исходя из того, что оно, с одной стороны, противоречит требованиям закона, поскольку возлагает обязанность принять решение о предварительном согласовании предоставления ООО «Н» земли неуполномоченным лицом (возможность принятия решения о предоставлении земельного участка площадью более 5 га предоставлена исключительно Росимуществу, а не его территориальным органам); с другой стороны, в некотором смысле противоречит требованиям справедливости, поскольку не учитывает интересы бюджетного учреждения ФГБНУ «С», длительное время использующего спорный земельный участок в научной и производственной деятельности в общественно полезных целях. Позиция прокурора воспринята судом апелляционной инстанции, выбытие участка не допущено, он в законном порядке предоставлен учреждению[1].

Вступая в процессы, прокуроры противодействуют схемам вывода за границу средств стратегических российских предприятий с государственным участием посредством обращения на территории России к исполнению постановлений судов недружественных юрисдикций.

Проблемы в вопросах защиты прокурорами публичной собственности в судебном порядке определенно есть – они уходят корнями в извечный спор о балансе публичных и частных интересов, в необходимость увязать стабильность гражданского оборота, благоприятность

[1] Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 апреля 2024 г. по делу № А63-15979/2023. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

инвестиционного климата с принципом неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение.

Безусловно, «болезненным» вопросом является отсутствие единой концепции о применении сроков исковой давности по искам прокуроров в защиту публичной собственности, а также о начале течения таких сроков.

В этом смысле отраженный в Постановлении № 49-П вывод Конституционного Суда РФ о неприменении сроков давности по антикоррупционным искам прокуроров решает проблему лишь отчасти, поскольку не распространяется на иные категории исков, в том числе основанных на нарушении порядка приватизации.

Имеют место факты прекращения производства по инициированным прокуратурой делам об истребовании в государственную или муниципальную собственность имущественных объектов, незаконно переданных в частную собственность ответчиков, в связи с истечением сроков давности.

Например, истечение сроков давности послужило основанием для отмены Верховным Судом РФ судебных актов об удовлетворении иска прокуратуры Ленинградской области о возврате городскому поселению объектов ЖКХ, незаконно переданных в 2007 г. ОАО «Е». Судебная коллегия указала на невозможность исчисления срока давности со дня прокурорской проверки, поскольку действия органа местного самоуправления со спорным имуществом длительное время не вызывали ни у кого претензий[1].

В свою очередь Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что положения ст. 200 ГК РФ наделяют суд необходимыми дискреционными полномочиями по определению момента начала течения срока исковой давности исходя из фактических обстоятельств дела (определения от 16 июля 2015 г. № 1681-О, от 29 сентября 2016 г. № 1982-О, от 30 мая 2024 г. № 1264-О, от 24 декабря 2024 г. № 3560-О и др.), которым «не обязательно является дата перехода соответствующего объекта из публичной собственности в частную в ходе приватизации»[2].

---

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2025 г. № 307-ЭС24-22235 по делу № А56-85715/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определения Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2025 г. № 913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Мираж» на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 196, пунктом 1 статьи 197, пунктом 1 и абзацем вторым пункта 2 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации»; от 14 апреля 2025 г. № 914-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Геатон» на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 196, пунктом 1 статьи 197, пунктом 1 и абзацем

Предметом споров правоприменителей и ученых является практика обоснования прокурорами требований об изъятии имущества в государственную и муниципальную собственность защитой нематериальных благ – таких как стабильность и безопасность общества, экономическая, продовольственная безопасность государства, право граждан на благоприятную экологическую среду и др., не предполагающих применение сроков исковой давности (абз. 2 ст. 208 ГК РФ).

К примеру, Генеральной прокуратурой РФ в 2023 г. заявлено 11 исков о признании незаконными около 1000 сделок по распоряжению землями сельскохозяйственного назначения, расположенными в районе г. Сочи и предназначенными для занятия чаеводством, которые впоследствии были распаеваны и проданы частным лицам под застройку. Судами Краснодарского края все иски удовлетворены, оставлены в силе апелляционной и кассационной инстанциями, невзирая на то, что ответчики заявляли об истечении сроков давности. Суды приняли во внимание, что неправомерное поведение территориального управления Росимущества и местной власти привело к лишению государства высоколиквидной недвижимости. Отказывая в применении исковой давности, суды обоснованно установили, что прокурором предъявлен иск в защиту не конкретного лица и его субъективного права, а всего общества и его публичного права. Иск прокурора направлен на защиту прав граждан и общества в целом на благоприятную окружающую и комфортную среду обитания, достойную жизнь, которые отнесены Конституцией РФ к числу фундаментальных и нематериальных благ, на требования о защите которых исковая давность в соответствии со ст. 208 ГК РФ не распространяется[1].

К слову, не так давно перед Конституционным Судом РФ инициирован вопрос о проверке конституционности абз. 2 ст. 208 ГК РФ в связи с удовлетворением судами различных инстанций иска прокурора об истребовании у коммерческих организаций в пользу Российской Федерации двух земельных участков и расположенных на них зданий, относимых к инфраструктуре детского оздоровительного лагеря (не подлежавшего приватизации), мотивированного защитой нематериальных прав граждан.

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение противоречит Конституции РФ, поскольку позволяет изымать у собственников имущество посредством использования иска о защите личных

вторым пункта 2 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[1] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 марта 2023 г. по делу № 88-11389/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

неимущественных прав и других нематериальных благ, на который не распространяется институт исковой давности.

Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд РФ тем не менее не высказал свою аргументированную позицию на этот счет, отдав решение вопроса о допустимости применения положений абз. 2 ст. 208 ГК РФ к имущественным спорам на откуп судейскому усмотрению.

В свою очередь Е.А. Суханов безапелляционно утверждает, что требования об изъятии (конфискации или виндикации) недвижимости нельзя рассматривать в качестве требований о защите личных неимущественных прав, которые ст. 208 ГК РФ выведены из-под действия правил об исковой давности[1].

В свете рассмотренных проблем согласимся с теми представителями цивилистической науки, которые говорят о несовершенстве института исковой давности и непроработанности в гражданском законодательстве вопроса о реализации права на иск со стороны и от лица публично-правовых образований в отношении имущественных требований к частным лицам.

Профессор С.А. Синицын на этот счет совершенно справедливо отмечает, что нормы гражданского законодательства, в частности нормы об исковой давности, не имеют сквозного межотраслевого действия и не могут распространяться на публичные правоотношения; что при заявлении прокурором иска в защиту публичных интересов его статус не измеряется гражданско-правовой квалификацией, поскольку прокурор изначально не вступает в гражданские правоотношения и не находится в них, а реализует публичную компетенцию и функцию. Более того, сами сроки исковой давности не могут нивелировать принцип неотвратимости и безусловности ответственности за правонарушения, которые причиняют вред не частным интересам отдельных лиц, а государству в целом[2].

По своей природе и назначению сроки исковой давности, предусмотренные гражданским законодательством, не действуют и не распространяются на реализацию публичной компетенции органов государственной власти и должностных лиц, в том числе при определении санкций за правонарушения, которые не являются *delicta privata*.

---

[1] Письменная позиция Е.А. Суханова по вопросам института срока исковой давности и добросовестности приобретения права в делах, связанных с отчуждением имущества из частной в государственную собственность. URL: https://alrf.ru/news/pismennaya-pozitsiya-evgeniya-alekseevicha-sukhanova-po-voprosam-instituta-sroka-iskovoy-davnosti/.

[2] *Синицын С.А.* Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 131–140.

В этой связи уместно вспомнить положения ст. 90 ГК РСФСР 1964 г., согласно которой исковая давность не распространялась на требования государственных организаций о возврате государственного имущества из чужого незаконного владения.

Не стоит ли подумать о восстановлении этих норм в отношении исков прокуроров в защиту публичной собственности, хотя бы применительно к определенным стратегически важным объектам публичной собственности? Не противоречит ли сама возможность прекращения по формальным основаниям (в связи с истечением сроков давности) дел о возврате в публичную собственность имущества, право на которое возникло незаконно, требованиям справедливости и положениям ч. 4 ст. 1 ГК РФ о невозможности легализации и защиты права, возникшего вследствие незаконного или недобросовестного поведения? Не повлечет ли применение сроков исковой давности по спорам рассматриваемой категории, а также имеющаяся практика исчисления срока давности с момента заключения оспариваемой сделки (государственной регистрации права частной собственности на объект), а не выявления нарушений прокурором дальнейшую «латентизацию» злоупотреблений при распоряжении публичной собственностью?

В этой связи, а также в свете необходимости реализации поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума[1], предполагающих необходимость регламентации вопросов применения исковой давности при оспаривании сделок приватизации в целях защиты права собственности добросовестных приобретателей имущества, назрел вопрос о доктринальной проработке и нормативной регламентации вопросов применения сроков давности по искам прокуроров в защиту публичной собственности (с учетом функционирования правоотношений на стыке гражданского и административного права).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что прокурор сегодня является основным субъектом защиты публичной собственности, использующим для этого доступные ему процессуальные (судебные) и внепроцессуальные механизмы.

Важно учесть, что прокуратура возвращает государству колоссальные объемы незаконно выбывшего из его собственности имущества не для того, чтобы завтра это имущество в порядке «перераспределения» вновь было незаконно передано иным частным лицам. В этой связи полнота и своевременность принудительного исполнения постановленных

[1] Перечень поручений по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 г., утв. Президентом РФ 14 августа 2025 г. № Пр-1826. URL: http://kremlin.ru.

по искам прокуроров судебных решений, законность использования и распоряжения обращенным в доход государства имуществом являются предметом пристального прокурорского надзора.

Жесткие внутриведомственные требования к качеству работы прокуроров гарантируют высокий профессионализм, а статус процессуального, а не материального истца (либо лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности) при рассмотрении дел рассматриваемой категории – беспристрастность, служение исключительно публичным, а не личным интересам.

Вместе с тем материалы проведенного анализа имеющихся по данной тематике теоретических источников и правоприменительной практики позволяют заключить, что важно избежать стихийности в решении рассматриваемых вопросов, назрела потребность в разработке единой концепции защиты публичной собственности, обеспечивающей на основании принципов законности и справедливости баланс публичных и частных интересов, стабильность гражданского оборота, благоприятность инвестиционного климата, с одной стороны, и неотвратимость юридической ответственности за совершенные правонарушения – с другой.

Библиографический список

Бочкарев С.А. Конституционные параметры негаторного иска // Журнал российского права. 2025. № 2. С. 30–42.

Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 279 с.

Винницкий А.В. Публичная собственность: монография. М.: Статут, 2013. 732 с.

Гонгало Б.М., Новикова Н.А. Справедливость как принцип частного права и критерий его эффективности // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 79–90.

Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве: СПб.: Конституционный Суд РФ, 2024. 352 с.

Ломакин Д.В. Цивилистические проблемы в трудах профессора Е.А. Суханова: к юбилею ученого // Гражданское право. 2023. № 2. С. 14–18.

Синицын С.А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 131–140.

УДК 347.77

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Л.В. Зарапина
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права.
Российский государственный университет правосудия.
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 6.
E-mail: zarapinalv@mail.ru

Н.Ю. Белокопытова
Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса.
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ).
357502, Россия, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56.
E-mail: nb2018@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается практика правоприменения российскими судами норм, регулирующих вопросы судебной защиты прав на интеллектуальную собственность. Дается оценка законодательных актов, определяющих права на интеллектуальную собственность и разрешенные законом способы защиты исследуемых прав. Исследуются доктринальные подходы к вопросу об определении способов защиты объектов интеллектуальной собственности, сгенерированных нейросетью. Обращается внимание на то, что в гражданском праве отсутствуют в числе охраняемых объекты научных открытий, произведения народного творчества, созданные искусственным интеллектом объекты. На основе анализа правоприменительной практики, подходов, выработанных в гражданском обороте, авторы приходят к выводу о необходимости внесения изменений в гражданское законодательство с учетом современной действительности с целью судебной защиты прав на интеллектуальную собственность.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, способы защиты, товарный знак, искусственный интеллект.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF JUDICIAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

L.V. Zarapina
Russian State University of Justice.
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia.
E-mail: zarapinalv@mail.ru

N.Yu. Belokopytova
North Caucasus Federal University Pyatigorsk Institute (Branch).
56, 40 Let Oktyabrya ave., Pyatigorsk, 357502, Russia.
E-mail: nb2018@mail.ru

Abstract. The article examines the practice of law enforcement by Russian courts of the norms regulating the issues of judicial protection of intellectual property rights. It provides an assessment of the legislative acts defining the rights to intellectual property and the legal methods of protecting the rights under study. The article explores the doctrinal approaches to the issue of determining the methods of protecting intellectual property objects generated by a neural network. It draws attention to the fact that civil law does not include scientific discoveries, folk art, or objects created by artificial intelligence among the protected objects. Based on an analysis of law enforcement practice and approaches developed in civil circulation, the authors conclude that it is necessary to amend civil legislation in order to protect intellectual property rights in court.

Keywords: intellectual property, results of intellectual activity, methods of protection, trademark, artificial intelligence.

Постепенное развитие правового регулирования, которое в сущности выступает объективным процессом оформления новых способов, форм и направлений регулирования общественных отношений в устойчивой связи если не с усложнением, то по меньшей мере с качественным изменением условий индивидуальной и общественной жизни, обусловливает возникновение ряда теоретических и практических проблем, требующих от ученого сообщества, законодателя и практиков юриспруденции глубокого осознания и деятельного участия в процессе их решения. Эффективное управление и защита интеллектуальной собственности играют ключевую роль в предпринимательской деятельности, так как это способствует созданию конкурентных преимуществ на рынке, повышает ценность бренда, обеспечивает возможность ли-

цензирования продуктов или технологий, а также привлекает инвестиции и партнеров. С каждым годом количество споров, связанных с защитой интеллектуальной собственности, увеличивается, что говорит об актуальности исследуемой проблемы.

Часть 1 ст. 44 Конституции РФ гарантирует свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и устанавливает то, что интеллектуальная собственность охраняется законом[1].

Согласно Конвенции ВОИС, подписанной в г. Стокгольме 14 июля 1967 г., «интеллектуальная собственность» включает в себя исключительное право гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, продукции, выполняемых работ или услуг[2].

Гражданский кодекс РФ (ст. 1225) закрепляет дефиницию «интеллектуальная собственность» как «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, предприятий и информационных ресурсов, которым предоставляется правовая охрана»[3].

В настоящее время ученые выделяют проблему отсутствия в числе охраняемых объектов научных открытий, произведений народного творчества, созданных искусственным интеллектом (далее – ИИ) объектов. Как отмечено в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в п. 1 ст. 1225 ГК РФ содержится исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана[4].

Таким образом, интеллектуальная собственность является важным институтом гражданского законодательства РФ, который определяет

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, от 14 июля 1967 г. (Стокгольмская конвенция) // Международные договоры и соглашения в области охраны промышленной собственности. М., 1995.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

результаты творческой, научной, исследовательской или промышленной деятельности, охраняемые законом. Законодателем не предусмотрены отдельные виды интеллектуальной деятельности, поэтому необходимо пересмотреть список объектов с учетом актуальных проблем.

Права на интеллектуальную собственность – это вид авторских прав. По мнению А.В. Мерзляковой[1], в широком смысле под защитой гражданских прав понимается возможность человека отстаивать свои законные права и интересы, используя любые разрешенные законом способы защиты:

1. Первым способом защиты интеллектуальных прав является регистрация прав на объекты интеллектуальной собственности. Патент предоставляет право владельцу на эксклюзивное использование изобретения в течение определенного периода времени. При наличии патента правообладатель сможет наложить запрет на любое использование своей интеллектуальной разработки другими заинтересованными лицами, что защитит его от убытков и других негативных последствий бесконтрольного применения уникального и перспективного решения прямыми конкурентами.

2. Второй способ – защита авторских прав, которая предоставляет защиту оригинальных произведений авторства, включая литературные, музыкальные, художественные и программные произведения. Авторские права автоматически возникают с момента создания произведения, не требуют формальной регистрации, обеспечивают право на контроль использования произведения.

3. Защита средств индивидуализации. Согласно ч. 1 ст. 1225 ГК РФ средства индивидуализации включают в себя фирменное наименование, товарный знак, наименование мест происхождения товара, коммерческие обозначения. Они обеспечивают узнаваемость и доверие потребителей, защищают от несанкционированного использования, позволяют создать имидж и установить качество товаров или услуг.

4. Защита коммерческой тайны позволяет компаниям сохранять конфиденциальную информацию о своих продуктах, процессах производства или бизнес-моделях. Она не требует публичного раскрытия информации, обеспечивает конкурентное преимущество, может быть бессрочной при условии соблюдения конфиденциальности.

Также законодатель закрепляет различные способы защиты нарушенных прав в ст. 12 ГК РФ. Применительно к защите интеллектуальных прав предусматриваются отдельные особенности их защиты в ст. 1252 ГК РФ.

[1] *Мерзлякова А.В.* Некоторые аспекты выбора способа защиты интеллектуальных прав // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 4. С. 50–53.

И.А. Абдулазизова[1] выделяет также технологию блокчейна как способ защиты авторских прав в системе интеллектуальной собственности. Блокчейн применительно к обьектам интеллектуальной собственности, защищенным авторскими правами, дает возможность легально просматривать и использовать размещенный материал. Реестры, построенные на основе блокчейна, обеспечивают хранение, распространение и передачу информации об интеллектуальных правах, лицензиатах, тем самым заменяют иные базы хранения данных.

Таким образом, интеллектуальные права в российском законодательстве представляют собой важный вид авторских прав, который обеспечивает защиту интересов создателей интеллектуальных продуктов. Различные способы защиты таких прав, включая регистрацию, авторские права, средства индивидуализации и коммерческую тайну, играют ключевую роль в обеспечении прав и интересов правообладателей.

В современном мире нарушение прав на интеллектуальную собственность происходит в самых разных формах: использование чужого результата творческого труда, нарушение авторских прав, патентов и т.д. Но самым распространенным нарушением в изучаемой области выделяют использование чужого товарного знака.

Статья 1515 ГК РФ посвящена ответственности за незаконное использование товарного знака. В ней дается определение контрафактных товаров: «товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными».

Статьей 1252 ГК РФ предусмотрено, что защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации осуществляется, в частности, путем предъявления требования о возмещении убытков к лицу, неправомерно использовавшему результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без заключения соглашения с правообладателем (бездоговорное использование) либо иным образом нарушившему его исключительное право и причинившему ему ущерб.

Обычно суды встают на сторону правообладателя товарного знака. Так, в деле № 2-1132/2018 по исковому заявлению ЗАО «Вологодский подшипниковый завод» к Дорофеевой... о взыскании денежной компенсации за незаконное использование товарных знаков суд частично удовлетворил иск в пользу истца[2]. В деле № А56-82572/2019 Арби-

[1] *Абдулазизова И.А.* Технология блокчейн как способ защиты авторских прав в системе интеллектуальной собственности // StudNet. 2020. № 3 (10). С. 67.

[2] Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 25 апреля 2018 г. по делу № 2-1132/2018. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

тражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области полностью удовлетворил требования истца, который просил запретить ООО «Жемчужина» использовать обозначение «MISS EURASIA» в рекламных материалах и при проведении мероприятий, а также на сайте: https://www.restaurantcrrm.com/ и взыскать 3 000 000 руб. компенсации за незаконное использование обозначения «MISS EURASIA»[1].

Суды считают, что никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения. Так, Арбитражный суд Московской области пришел к выводу, что по делу № А41-66964/13 ЗАО «А» поставило ООО «А» контрафактный товар – лекарственное средство, исключительное право на товарные знаки которого принадлежит ЗАО «Н», которое сразу же уведомило о нарушении его прав на товарный знак всех участников фармацевтического рынка. В связи с этим ООО «А» было вынуждено приостановить деятельность по реализации спорных лекарственных препаратов, а значит, правопреемник ЗАО «А» – компания «С» не имеет права на взыскание оплаты данного товара[2].

Суд апелляционной инстанции подтвердил, что компания «С» не опровергла довод о том, что она умышленно скрывала факт наличия исключительного права на спорные товарные знаки у другого юридического лица. Последующие инстанции подтвердили законность решения. Однако Верховный Суд РФ пришел к выводу, что спорный товар не является контрафактным, так как контрафактным считается товар, находящийся в обороте с нарушением законодательства. В данном случае, согласно судебному акту, в действиях ЗАО «Н» была установлена только недобросовестная конкуренция. Поэтому вывод о контрафактности лекарственных средств, сделанный судами, не соответствует законодательству и предыдущим судебным решениям.

Таким образом, судебная защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности заключается в возмещении убытков кредитору должником, неправомерно использовавшим результат интеллектуальной деятельности, нарушившим его исключительное право, а также в требовании о полном изъятии товарных знаков из оборота, их удалении из документации и рекламных вывесок. В основном суды

[1] Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20 января 2020 г. по делу № А56-82572/2019. Доступ из СПС «Гарант».

[2] Решение Арбитражного суда Московской области от 30 марта 2015 г. по делу № А41-66964/13. Доступ из СПС «Гарант».

встают на сторону правообладателей товарного знака, однако бывают исключения, и поэтому Верховному Суду РФ необходимо опубликовать постановление Пленума по делам, связанным с использованием контрафактного товара, которое поможет судам более четко и однообразно разрешать споры. Причиной противоречий в нормативном регулировании интеллектуальных прав и в судебной практике является сложность этой области, которая включает различных участников и разнообразные виды объектов интеллектуальной собственности.

В настоящее время не прояснен вопрос о том, кому принадлежат созданные искусственным интеллектом объекты, как регулировать связанные с ними споры.

Впервые понятие искусственного интеллекта было сформулировано Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1], которое впоследствии было зафиксировано в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»». В соответствии с п. 2 ст. 2 данного Закона искусственный интеллект характеризуется «комплексом технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»[2].

Нейросеть как своеобразный информационно-технологический комплекс структурно выступает в качестве одного из наиболее показательных примеров технологий искусственного интеллекта, развитие которых лишь несколько лет назад оказалось в центре внимания отечественных правовых исследователей и высших органов государственной власти Российской Федерации. Так, на сегодняшний день разработана соответствующая Национальная стратегия (далее – Стратегия), согласно которой для целей развития правового регулирования под

[1] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4. Ст. 5700.

[2] Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, способных «имитировать» когнитивные способности человека и получать в этой связи результаты, сравнимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Поскольку деятельность любой нейросети направлена на создание результата интеллектуального труда человека посредством имитирования свойств его разума, неудивительно, что значительную популярность приобрели сегодня сервисы, позволяющие по текстовому запросу пользователя сформировать изображение, музыкальный файл или видеоматериал, который будет обладать уникальностью относительно ранее известных объектов интеллектуальной собственности.

С учетом того, что возникновение правовой охраны на произведение литературы, науки или искусства не связывается с фактом его регистрации или обнародования (т.е. зависит исключительно от самого факта появления такого произведения в объективной форме), возникло неразрешенное на данный момент противоречие: с одной стороны, сформированный нейросетью объект в силу его возникновения способен стать объектом авторского права со всеми аспектами соответствующего статуса, но с другой – неясно, кто именно с позиции ст. 1257 ГК РФ будет обладать статусом автора такого произведения.

В научной литературе ранее уже рассматривались возможные варианты решения такой доселе не характерной для отечественного правового регулирования проблемы: в частности, исключая по естественным причинам крайне фантастическое предложение о наделении искусственного интеллекта элементами правосубъектности, ряд исследователей указывают на инициативу о признании автором созданного произведения пользователя соответствующего сервиса или разработчика нейросети[1].

Авторами не поддерживается подход, согласно которому искусственный интеллект в целом и нейросеть в частности следует рассматривать в качестве традиционных технических средств (по меньшей мере в том смысле, который вкладывается в это понятие действующим правовым регулированием), использование которых воздействует на характер возникающих правоотношений несущественно, – такая позиция в известной степени может стать своеобразным уходом от проблемы. Вместе с тем вполне разумными представляются предложения по усилению значимости в отношении такого рода но-

[1] *Купцов Н.С.* Отсутствие субъекта с правовым статусом автора как особенность авторских правоотношений с использованием нейронной сети // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой [и др.]: в 6 т. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. Т. 3. С. 192.

вых результатов интеллектуальной деятельности института исключительного права, возникновение и использование которого, как известно, не зависит от творческого труда его обладателя. Например, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, сгенерированный посредством алгоритма нейросети, можно признать за «организатором» такого создания[1]; полагаем, что им может выступать как конкретный пользователь нейросети, так и иное лицо, по инициативе которого искусственный интеллект формирует объект интеллектуальной собственности.

Проанализировав практику, можно сделать вывод о том, что в данный момент положение объектов, созданных ИИ, не урегулировано в полной мере. Считаем необходимым дать толкование Верховным Судом РФ отдельных положений, касающихся данного вопроса, закрепить на законодательном уровне признаки объекта, созданного искусственным интеллектом, в которые в том числе включить положение о том, кому принадлежит результат деятельности ИИ.

Таким образом, интеллектуальная собственность является важным институтом гражданского законодательства РФ, который определяет результаты творческой, научной, исследовательской или промышленной деятельности, охраняемые законом. Законодателем при этом не предусмотрены отдельные виды интеллектуальной деятельности – например, народное творчество, открытия, поэтому необходимо пересмотреть этот перечень с учетом современной действительности.

Защита прав на интеллектуальную собственность является важной задачей для стимулирования инноваций и развития, так как гарантирует защиту интеллектуальной собственности, обеспечивает справедливые условия для предпринимателей и помогает предотвратить копирование и плагиат. Законодатель предусмотрел разные способы защиты интеллектуальных прав: авторское право, патентное право, режим коммерческой тайны, лицензионный договор и многое другое. В настоящее время существует проблема неоднородности судебной практики разрешения дел, связанных с защитой прав на интеллектуальную собственность.

Существует множество взглядов на тему, кому принадлежат созданные искусственным интеллектом объекты и как защитить право собственности на такие объекты. Первый подход предполагает, что такие объекты необходимо отнести в собственность разработчикам искусственного интеллекта, авторы другого подхода считают, что собствен-

[1] *Черничкина Г.Н.* К вопросу развития правовой охраны произведения в условиях цифровизации с опорой на традиции // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 222.

ником объекта, созданного искусственным интеллектом, является тот субъект, кто сгенерировал конечный объект. Также существует мнение, что созданный искусственным интеллектом объект должен принадлежать непосредственно самому искусственному интеллекту.

На основе анализа правоприменительной практики необходимо пересмотреть список объектов, закрепленных в ст. 1225 ГК РФ, с учетом современной действительности и закрепить в четвертой части ГК РФ новую главу, определяющую место в гражданско-правовых отношениях объектов, созданных с помощью искусственного интеллекта, что защитит их авторов.

Библиографический список

Абдулазизова И.А. Технология блокчейн как способ защиты авторских прав в системе интеллектуальной собственности // StudNet. 2020. № 3 (10). С. 67.

Купцов Н.С. Отсутствие субъекта с правовым статусом автора как особенность авторских правоотношений с использованием нейронной сети // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой [и др.]: в 6 т. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. Т. 3. 415 с.

Мерзлякова А.В. Некоторые аспекты выбора способа защиты интеллектуальных прав // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 4. С. 50–53.

Черничкина Г.Н. К вопросу развития правовой охраны произведения в условиях цифровизации с опорой на традиции // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 220–223.

УДК 347

СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.А. Кокова
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса.
Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Аннотация. Системность является свойством, характеризующим внутреннюю согласованность права в целом. При этом система любой отрасли права характеризуется ее связанностью не только с иными отраслями права, но и с собственными внутренними компонентами. В статье предпринята попытка формирования комплексного представления о системе правового регулирования семейных отношений. Констатируется, что применимость к семейным отношениям норм гражданского законодательства свидетельствует лишь о системности, свойственной цивилистике, но сама по себе она не является доказательством несамостоятельности семейного права как отрасли права. Акцентируется внимание на том, что под семейно-правовое воздействие подпадают только внутрисемейные отношения, несмотря на то что субъекты семейного права участвуют и в отношениях, имеющих иную отраслевую принадлежность.

Ключевые слова: семейные отношения, семейные правоотношения, семейное законодательство, межотраслевые связи, семейное законодательство.

SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS

D.A. Kokova
Institute of Law, Economics and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov.
173, Chernyshevsky str., Nalchik, 360004, Russia.
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Abstract. Systematicity is a property that characterizes the internal consistency of law as a whole. The system of any branch of law is characterized not only by its interconnectedness with other branches of law but also by its own internal components. This article attempts to develop a comprehensive understanding of the system of legal regulation of family relations. It is stated that the applicability of civil law norms to family relations merely demonstrates the systemic nature inherent in civil law, but does not in itself prove the lack of independence of family law as a branch of law. It is emphasized that only intra-family relations fall under the scope of family law, despite the fact that subjects of family law also participate in relations within other branches of law.

Keywords: family relations, family legal relations, family legislation, interbranch relations, family legislation.

Предваряя формирование комплексного представления о системе правового регулирования семейных правоотношений, обратим внимание на следующий общепринятый тезис: гражданское право составляет основу частного права и используется при регулировании семейных отношений, позиционируется в качестве главного аргумента, которым оперируют сторонники позиции подчиненности семейного права гражданскому. Например, по мнению М.В. Антокольской, нормы гражданского и семейного законодательства соотносятся как общие и специальные[1]. Придерживаясь точки зрения о подотраслевом значении семейного права, Б.А. Джандарбек прямо пишет: «Семейное право является неотъемлемой частью гражданского права»[2].

Противоположную позицию в этом вопросе занимает О.Ю. Ильина, которая, признавая применимость норм гражданского зако-

[1] *Антокольская М.В.* Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 55.

[2] *Джандарбек Б.А.* Теоретические взгляды о месте и роли семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 30.

нодательства к семейным правоотношениям, заметила, что факт такой применимости не свидетельствует о подчиненности семейного права гражданскому[1]. По справедливому замечанию Н.Н. Тарусиной, субсидиарное применение норм гражданского законодательства к семейным правоотношениям обеспечивает экономию правовых средств, т.е. представляет собой особый юридико-технический прием[2]. Действительно, применимость к семейным отношениям норм гражданского законодательства свидетельствует лишь о системности, свойственной цивилистике, но сама по себе она не является доказательством несамостоятельности семейного права как отрасли права.

Интересно подчеркнуть, что в соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса РФ гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, а согласно ст. 2 Семейного кодекса РФ семейное законодательство регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи. Очерчивая круг отношений, подпадающих под семейно-правовое регулирование, законодатель поместил на первое место именно личные неимущественные отношения, что свидетельствует об их особом значении в этой предметной сфере. По мнению Н.М. Костровой, изменение соотношения между личными неимущественными и имущественными отношениями способствовало обособлению семейного права и его отделению от советского гражданского права, предмет которого составляют в основном имущественные отношения[3]. Идея о самостоятельности семейного права именно в силу преобладания в нем личных неимущественных отношений получила всестороннюю поддержку в исследованиях советских ученых-юристов[4]. Эту идею высказывают и некоторые современные ученые-юристы. Так, О.Ю. Ильина, подчеркивая, что для семейных правоотношений характерно превалирование личных неимущественных отношений, аргументирует этот вывод тем, что «связь именно такого содержания, как кровное родство, супружество и т.д., предопределяет возникновение правоот-

---

[1] *Ильина О.Ю.* Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов: монография / отв. ред. Л.В. Туманова. М.: Проспект, 2023. С. 292.

[2] *Тарусина Н.Н.* Семейное право: в оркестровке суверенности и судебного усмотрения: монография. М.: Проспект, 2014. С. 225.

[3] *Кострова Н.М.* Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1988. С. 7.

[4] См., например: *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения – особый тип правоотношений в СССР // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М., 1968. С. 33.

ношения в принципе»[1]. По поводу специфики семейных отношений А.И. Загоровский в свое время писал: «В отношениях семейных мера и счет прав затруднительны в силу особых свойств этих отношений, больше моральных, чем юридических»[2]. Несмотря на существенную трансформацию формы семейного союза, основа семейных правоотношений остается неизменной, что предопределяет известные сложности целенаправленного воздействия на эти отношения.

Нормативным основанием для применения к семейным отношениям гражданского законодательства выступает правило, зафиксированное в ст. 4 Семейного кодекса РФ. Интересно, что Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что субсидиарное применение норм гражданского законодательства к семейным отношениям необходимо «в целях обеспечения стабильности и правовой определенности гражданского оборота»[3].

Однако наряду с такими ситуациями, в которых обращение правоприменителя к ст. 4 Семейного кодекса РФ является уместным, в судебной практике встречаются случаи необоснованного упоминания этой нормы права. Так, ссылаясь на ст. 4 Семейного кодекса РФ, Верховный Суд РФ отметил, что «в состав отношений между членами семьи, урегулированных гражданским законодательством, входят отношения, связанные с правами членов семьи на наследственное имущество, открывшееся со смертью одного из них»[4]. Во-первых, отношения между членами семьи урегулированы семейным законодательством. Во-вторых, несмотря на тесную связь семейного и наследственного законодательства, эти сферы правового регулирования обладают собственным предметом и методом правового регулирования и не «входят друг в друга».

Оценивая норму ст. 4 Семейного кодекса РФ, представители юридической доктрины обращают внимание на наличествующую в ней неопределенность как в части понимания отношений, не урегулированных семейным законодательством[5], так и в части выяснения

---

[1] *Ильина О.Ю.* О значении семейно-правового статуса лица в отдельных гражданских правоотношениях // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 88.

[2] *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса: Тип. Акционерного южнорусского общества печатного дела, 1909. С. 3.

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 января 2015 г. № 5-КГ14-144.

[4] Определение Верховного Суда РФ от 5 августа 2014 г. № 6-КГ14-5. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

[5] См. об этом: *Беличенко А.В.* Отраслевая квалификация правовых норм, регулирующих семейные отношения, и правоотношений, возникающих на основании этих

существа семейных отношений[1]. Вместе с тем оговорка о субсидиарном применении к семейным отношениям норм гражданского законодательства трактуется в научной литературе в качестве нормы, предусматривающей рамки использования гражданско-правовых норм к семейным правоотношениям[2]. Б.М. Гонгало дополнительно уточнил: «Полагаю, что мы должны читать не просто (механистично) “не противоречат”. Следует исходить из того, что гражданское законодательство должно применяться с учетом специфики отношений, регулируемых семейным правом»[3]. Стало быть, если подлежащая применению к семейным отношениям норма гражданского законодательства не позволяет в полной мере учесть специфику отношений, подпадающих под семейно-правовое воздействие, то она не должна быть применена.

Некоторые ученые-юристы называют правило ст. 4 Семейного кодекса РФ внешней (или межотраслевой) аналогией[4], а другие пишут о том, что субсидиарное правоприменение может быть квалифицировано в качестве самостоятельного юридико-технического приема[5]. А.Х. Ульбашев считает, что ст. 4 Семейного кодекса РФ может восприниматься двояко: как правило, указывающее на то, что нормы семейного законодательства являются специальными по отношению к нормам гражданского законодательства, которые являются общими,

---

норм // Legal Bulletin. 2024. № 2. С. 83–95; *Беспалов Ю.Ф.* Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2020. 224 с.

[1] См. об этом: *Беспалов Ю.Ф.* Некоторые проблемы защиты имущественных прав супругов (бывших супругов) в Российской Федерации // Российский судья. 2018. № 6. С. 30–33; *Максимович Л.Б.* Имущественные права разведенных супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 60–61.

[2] *Летова Н.В.* Особенности регистрации прав супругов на недвижимое имущество на основании брачного договора: проблемы теории и практики // Нотариус. 2024. № 2. С. 24–29.

[3] *Гонгало Б.М.* Семейное законодательство: проблемы и перспективы / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 190.

[4] См., например: *Гаврилова Ю.А.* Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 46–55; *Усачева Е.А.* Ответственность плательщика алиментов за ненадлежащее исполнение алиментного соглашения: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 112–117; *Юдина Ю.В., Бузина М.В.* Алиментные обязательства второй очереди: проблемы и механизмы совершенствования правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 27–30 и др.

[5] См. об этом: *Поленина С.В.* Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 21–25.

и, как правило, указывающее на приоритет семейно-правовых норм над гражданско-правовыми[1].

Стоит поддержать О.Н. Низамиеву и Д.С. Ксенофонтову в том, что сложные вопросы, относящиеся к сфере семейно-правового регулирования, надлежит решать не с помощью норм гражданского законодательства, а при использовании общих положений семейного законодательства[2]. Действительно, достижение подлинного баланса интересов сторон семейного правоотношения возможно только в случае оценки этих интересов через призму семейного законодательства, что предопределяет необходимость обращения к нормам гражданского законодательства в исключительных случаях. Так, следует признать некорректным субсидиарное применение положений п. 1 ст. 333 Гражданского кодекса РФ по правилам ст. 4 Семейного кодекса РФ к алиментным правоотношениям, поскольку последние урегулированы специальным семейным законодательством, в том числе абз. 2 п. 2 ст. 115 Семейного кодекса РФ[3]. Следует отметить, что ныне изложенное в указанной норме правило было включено в ст. 115 Семейного кодекса РФ только в 2018 г. До этого времени суды ориентировались на позицию Верховного Суда РФ, согласно которой применение ст. 333 Гражданского кодекса РФ к алиментным правоотношениям не допускается[4]. Однако в 2017 г. Конституционный Суд РФ признал такой подход не в полной мере корректным, заметив, что он способен привести к дисбалансу интересов не только сторон алиментного обязательства, но и иных участников семейного правоотношения[5]. При этом, по мнению Конституционного Суда РФ, положения п. 1 ст. 333

---

[1] *Ульбашев А.Х.* К вопросу о соотношении гражданского и семейного права (комментарий к статье 4 Семейного кодекса РФ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 25–28.

[2] *Низамиева О.Н., Ксенофонтова Д.С.* Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: поиск эффективных механизмов обеспечения алиментных прав // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 10–14.

[3] Абзац введен Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 114 и 115 Семейного кодекса Российской Федерации».

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 4; Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2017 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.К. Костяшкина». URL: http://pravo.gov.ru.

Гражданского кодекса РФ подлежат применению к неустойке, предусмотренной п. 2 ст. 115 Семейного кодекса РФ, что, на наш взгляд, нельзя признать достаточно обоснованным.

Добавим, что, кроме ссылки на ст. 4 Семейного кодекса РФ, субсидиарное применение норм гражданского законодательства к семейным отношениям является обоснованным в случае прямого указания на необходимость такого применения в нормах семейного законодательства. Отсылки к гражданскому законодательству встречаются во многих статьях Семейного кодекса РФ (например, п. 2 ст. 33, абз. 2 п. 3 ст. 35, п. 2 ст. 43, п. 1 ст. 44, п. 3 ст. 45, п. 2 ст. 46, абз. 2 и 3 п. 3 ст. 60, п. 5 ст. 60, абз. 2 п. 1 ст. 100, п. 1 ст. 101, абз. 3 п. 2 ст. 121, п. 3 ст. 126.1, п. 3 ст. 145, абз. 2 п. 7 ст. 145, п. 3 ст. 148, п. 7 ст. 148.1, абз. 2 п. 2 ст. 152, абз. 2 п. 1 ст. 153, п. 1 ст. 153.2 Семейного кодекса РФ).

Нормативные предпосылки системы правового регулирования семейных правоотношений обозначены в ст. 3 Семейного кодекса РФ. Судя по названию указанной нормы права, законодатель исходит из четкой дифференциации семейного законодательства и иных актов, содержащих нормы семейного права. В научной литературе обсуждаются узкий и широкий подходы к трактовке термина «законодательство»[1]. Подчеркивается, что в Семейном кодексе РФ используется узкий подход к обозначенному понятию. В контексте необходимости внесения правовой определенности в базовые правовые категории, к числу которых относится и понятие «законодательство», в очередной раз поднимается проблема принятия федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»[2].

Согласно п. 2 ст. 3 Семейного кодекса РФ «семейное законодательство состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним других федеральных законов, а также законов субъектов Российской Федерации». Это положение дает основание для формулирования вывода о том, что основным актом семейного законодательства выступает Семейный кодекс РФ[3]. Если исходить из буквального толкования этой нормы права, то требует особого внимания формулировка «принимаемых в соответствии с ним других федеральных законов». Из всех федеральных законов, подлежащих применению к отношениям, связанным с семьей, прямая отсыл-

[1] См. об этом: *Рагозин В.А.* Законодательство Российской Федерации в узком и широком смыслах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 7–10.

[2] См., например: *Юртаева Е.А.* Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 12–22.

[3] См. об этом: *Беличенко А.В.* Отраслевая квалификация правовых норм, регулирующих семейные отношения, и правоотношений, возникающих на основании этих норм // Legal Bulletin. 2024. № 2. С. 83–95.

ка к Семейному кодексу РФ имеется только в Федеральном законе от 24 июля1998 г. № 124-ФЗ (далее по тексту – Закон № 124-ФЗ)[1]. Примечательно, что Закон № 124-ФЗ отличается ярко выраженным публично-правовым оттенком, воспринимая ребенка не как члена семьи, а как лицо, нуждающееся в особой защите со стороны государства. Из этого следует вывод о том, что этот Федеральный закон не имеет цели воздействия на семейные правоотношения и связан с семейным законодательством только в силу системности нормативно-правового регулирования.

Как справедливо отмечает О.Ю. Ильина, «семейные отношения в той или иной степени включены в предмет правового регулирования многих отраслей права, а нормы отраслевого законодательства так или иначе оказывают влияние на осуществление семейных прав граждан»[2]. К отношениям, так или иначе связанным с институтом семьи, применяются правила, зафиксированные в отдельных федеральных законах. Так, в первую очередь следует упомянуть Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[3]. Кроме того, нормы семейного законодательства находятся в тесной связи с нормами Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ, а норма, изложенная в абз. 3 п. 2 ст. 121 Семейного кодекса РФ, указывает на связь семейного законодательства в части организации и деятельности органов опеки и попечительства с Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ[4] и Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ[5]. Кроме того, в силу нормы абз. 2 п. 4 ст. 65 СК РФ отношения, связанные с семьей, регулируются также нормами Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ[6]. При применении

[1] Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024). Доступ из СПС «Гарант».

[2] *Ильина О.Ю.* Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Право». 2021. № 1 (65). С. 7.

[3] Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.09.2025). Доступ из СПС «Гарант».

[4] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025). Доступ из СПС «Гарант».

[5] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Доступ из СПС «Гарант».

[6] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024). Доступ из СПС «Гарант».

ВРТ обращение к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ[1] представляется неизбежным. Семейное законодательство находится в системной связи и с законодательством жилищным, о чем свидетельствуют нормы ЖК РФ (например, ч. 2 ст. 91)[2]. В Федеральном законе от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[3] есть отдельная статья, именуемая «Гражданство Российской Федерации и брак» (ст. 7). Определяя «взаимозависимых лиц», Налоговый кодекс РФ апеллирует к семейному законодательству. В свете недавних дополнений, внесенных Федеральным законом от 21 ноября 2022 г. № 465-ФЗ[4], в Семейном кодексе РФ появилась прямая отсылка и к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[5]. Бесспорно, между обозначенными нормативно-правовыми актами и раньше присутствовала межотраслевая связь, обусловленная правом ребенка на образование. Добавим, что конкретизация как видов юридической ответственности, так и конкретных противоправных деяний, осуществляемых родителями, находит воплощение в нормах КоАП РФ[6], а также УК РФ[7].

---

[1] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025). Доступ из СПС «Гарант».

[2] В соответствии с ч. 2 ст. 91 ЖК РФ «если совместное проживание граждан, лишенных родительских прав, с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав, признано судом невозможным, такие граждане по требованию законных представителей несовершеннолетних, органа опеки и попечительства или прокурора могут быть выселены в судебном порядке из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, если иное не предусмотрено законом субъекта Российской Федерации».

[3] Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025). Доступ из СПС «Гарант».

[4] Федеральный закон от 21 ноября 2022 г. № 465-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»». Доступ из СПС «Гарант».

[5] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.09.2025). Доступ из СПС «Гарант».

[6] Так, административная ответственность предусмотрена за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ), неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 5.35.1 КоАП РФ), а также за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных или одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ).

[7] Так, уголовная ответственность наступает за такие совершенные родителями противоправные деяния, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 Уголовного кодекса РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 Уголовного кодекса РФ), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 Уголовного кодекса РФ), неуплата средств на содержание детей (ст. 157 Уголовного кодекса РФ).

Нормы семейного законодательства взаимодействуют с нормами процессуальных кодифицированных актов. К примеру, в соответствии с п. 3 ст. 11 Семейного кодекса РФ «отказ органа записи актов гражданского состояния в регистрации брака может быть обжалован в суде лицами, желающими вступить в брак (одним из них)». При этом оспаривание подобных решений осуществляется в рамках производства по административным делам, особенности которого зафиксированы в гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ. Приведем другой пример: процессуальный порядок признания гражданина безвестно отсутствующим и признание гражданина недееспособным регулируется соответственно гл. 30 и 31 Гражданского процессуального кодекса РФ. Связь семейного и гражданского процессуального законодательства достаточно ярко прослеживается через норму ст. 50 Семейного кодекса РФ, регламентирующую установление судом факта признания отцовства. Примечательно также, что Гражданский процессуальный кодекс РФ даже оперирует таким специальным термином, как споры о детях (например, ч. 6.1 ст. 152, ч. 1.1 ст. 169, абз. 7 ст. 215, ч. 1 ст. 244.19 Гражданского процессуального кодекса РФ и др.).

Алиментные правоотношения, возникающие между членами семьи, косвенно подпадают под правовое воздействие со стороны норм, зафиксированных в отдельных нормативно-правовых актах[1].

Все перечисленные нормативно-правовые акты, несмотря на их связанность с семьей, не регулируют семейные правоотношения.

Подводя итог сказанному в данной части исследования, можно сделать следующие выводы.

При формировании научного представления о системе правового регулирования семейных отношений следует исходить из двух познавательных предпосылок: 1) самостоятельности семейного права и отсутствия оснований для вывода о его подчиненности гражданскому праву; 2) условной дифференциации отношений, связанных с семьей, на семейные правоотношения и правоотношения, смежные с семейными.

[1] В том числе в Федеральном законе от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (в силу прямого указания на это в абз. 2 п. 2 ст. 84 Семейного кодекса РФ); Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (например, в контексте ст. 110, п. 2 ст. 112, п. 1 ст. 117 Семейного кодекса РФ); Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (п. 6 ст. 113 Семейного кодекса РФ). Доступ из СПС «Гарант».

Библиографический список

Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 336 с.

Беличенко А.В. Отраслевая квалификация правовых норм, регулирующих семейные отношения, и правоотношений, возникающих на основании этих норм // Legal Bulletin. 2024. № 2. С. 83–95.

Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы защиты имущественных прав супругов (бывших супругов) в Российской Федерации // Российский судья. 2018. № 6. С. 30–33.

Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2020. 224 с.

Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения – особый тип правоотношений в СССР // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М.: Юрид. лит., 1968. 335 с.

Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 46–55.

Гонгало Б.М. Семейное законодательство: проблемы и перспективы / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 187–193.

Джандарбек Б.А. Теоретические взгляды о месте и роли семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 27–31.

Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса: Тип. Акционерного южнорусского общества печатного дела, 1909. 448 с.

Ильина О.Ю. О значении семейно-правового статуса лица в отдельных гражданских правоотношениях // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 88–94.

Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Право». 2021. № 1 (65). С. 7–16.

Ильина О.Ю. Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов: монография / отв. ред. Л.В. Туманова. М.: Проспект, 2023. С. 293–302.

Кострова Н.М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1988. 144 с.

Летова Н.В. Особенности регистрации прав супругов на недвижимое имущество на основании брачного договора: проблемы теории и практики // Нотариус. 2024. № 2. С. 24–29.

Максимович Л.Б. Имущественные права разведенных супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 60–61.

Низамиева О.Н., Ксенофонтова Д.С. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: поиск эффективных механизмов обеспечения алиментных прав // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 10–14.

Поленина С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 21–25.

Рагозин В.А. Законодательство Российской Федерации в узком и широком смыслах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 7–10.

Тарусина Н.Н. Семейное право: в оркестровке суверенности и судебного усмотрения: монография. М.: Проспект, 2014. 281 с.

Ульбашев А.Х. К вопросу о соотношении гражданского и семейного права (комментарий к статье 4 Семейного кодекса РФ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 25–28.

Усачева Е.А. Ответственность плательщика алиментов за ненадлежащее исполнение алиментного соглашения: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 112–117.

Юдина Ю.В., Бузина М.В. Алиментные обязательства второй очереди: проблемы и механизмы совершенствования правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 27–30.

Юртаева Е.А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 12–22.

УДК 347.441.142

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННЫХ РЕШЕНИЙ: УНИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

А.А. Крыцула
Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Северо-Кавказского филиала Российского
государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева.
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
E-mail: krytsulaa@mail.ru

Аннотация. Модернизация законодательства с учетом технического развития становится перманентным процессом, при этом право «не успевает» за стремительной трансформацией общественных отношений. 31 июня 2025 г. был принят Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступление в силу которого отложено до 1 октября 2026 г. В указанном нормативно-правовом акте предложена легальная дефиниция платформенной экономики, а также цифровой платформы. Это, в частности, свидетельствует о том, что в рамках цифровизации экономики наметился такой тренд, как платформизация. Констатируется, что наблюдаются особенности использования платформенных решений в отдельных видах правоотношений (а именно в правоотношениях C2C, B2C, B2B, B2G). В статье показан политико-правовой тренд на платформизацию отечественной экономики; описана классификация цифровых платформ на основании такого критерия, как субъектный состав участников платформы; особое внимание уделено специфике цифровых платформ в G2B-сегменте (на примере законодательства о публичных закупках). Сделан общий вывод о том, что, несмотря на попытки отечественного законодателя к унификации регулирования платформенных отношений, доминирующей в настоящий момент является тенденция к дифференциации правового регулирования.

Ключевые слова: платформизация, цифровизация, цифровые платформы, платформенные решения, гражданский оборот, гражданское законодательство.

DIGITAL PLATFORMS FOR INTERACTION OF PROFESSIONAL MARKET PARTICIPANTS (B2B SEGMENT)

A.A. Krytsula
North Caucasus Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice.
234, Red Partizan str., Moscow, 350020, Russia

Abstract. In the context of large-scale digital transformation and rapid economic changes, leveraging the benefits of technological development is an urgent need for business survival in highly competitive technology-driven markets. B2B contracts in the digital environment include the provision of cloud services, hosting services, online advertising services, sales of traditional goods and services for commercial purposes, as well as technological platforms – electronic document management systems, payment platforms, logistics, accounting, platform solutions for monitoring the execution of contracts, etc. The article shows the significance of platformization of the domestic economy, including the attention of the legislator to this process, traced through some strategic acts; the differentiation of digital platforms in the B2B segment depending on their role in the conclusion and execution of the contract is given; the specifics of B2B platform solutions are outlined; attention is paid to the digitalization of corporate relations; digital intermediaries present in the digital environment are described; such aspects of the studied problem as "digital enterprise" and the profiling of entrepreneurship in the Internet space are touched upon.

Keywords: digital transformation, platformization, entrepreneurship, digital enterprise, digital platforms, platform solutions, business account on a social network.

Введение

Принятие корпуса норм, обеспечивающих цифровизацию и платформизацию экономического оборота, является частью современной российской правовой политики. Период конца 2010-х – начала 2020-х гг. в российской законодательной среде ознаменован стремлением к «платформизации» всех сфер жизни общества. В документах стратегического планирования и нормативных правовых актах повсеместным стало использование разнообразной цифровой терминологии. Так, в национальном проекте «Национальная программа «Цифровая

экономика Российской Федерации»»[1] обращено внимание на необходимость нормативного регулирования цифровой среды через призму создания правовых условий для формирования сферы электронного гражданского оборота. Наряду с широко употребляемым термином «цифровая экономика» в нормативно-правовых актах Российской Федерации все чаще стала упоминаться платформенная экономика.

В своем Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «к 2030 г. нужно сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы»[2]. В Перечне поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 г. также обращено внимание на необходимость внедрения цифровых платформенных решений и развития платформенной экономики в целом[3]. Все это свидетельствует о том, что цифровизация и платформизация экономического оборота – это не отвлеченные понятия, а процессы, нашедшие отражение в действующей правовой политике Российской Федерации. При этом в ней можно наблюдать два разнонаправленных явления: дифференциацию правового регулирования в зависимости от отраслей права или типов платформ и при этом попытку унификации норм в сфере платформенных отношений.

О дифференциации цифровых платформ

Наиболее распространена классификация правоотношений в цифровой среде в зависимости от субъектного состава участников на платформы:

– C2C (*consumer-to-consumer*) – между потребителями;

– B2C (*business-to-consumer*) – для взаимодействия бизнеса и потребителей;

– B2B (*business-to-business*) – в предпринимательском сообществе;

– G2B (*government-to-business*) – между бизнесом и государством (в том числе в части государственных закупок).

---

[1] Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7. URL: https://digital.gov.ru.

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

[3] Перечень поручений по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 г., утв. Президентом РФ 14 августа 2025 г. № Пр-1826. URL: http://kremlin.ru.

Необходимо, однако, отметить, что, несмотря на кажущуюся универсальность, данная классификация платформ также обладает определенными недостатками. Например, А.И. Савельев предположил, что сделки сегментов C2C и B2C не обладают существенной спецификой для целей научного анализа, кроме того, бóльшая их часть предполагает исполнение в онлайн-среде[1]. Кроме того, во многом подразделение платформ по субъектам-пользователям является условным. Можно предположить, что данные сегменты наиболее широкие и распространенные в части экономического взаимодействия, хотя зачастую экономисты выделяют и иные формы электронной коммерции (например, C2G – от потребителя к правительству, G2C – от правительства к потребителю, G2G – от правительства к правительству)[2]. Представленная классификация может обозначать лишь первоначальную цель использования конкретной платформы исходя из экономической концепции ее развития и продвижения. Так, в рамках сервиса, имевшего своей целью обеспечение взаимодействия граждан, появляются специальные услуги для предпринимателей (например, функция корпоративного такси на платформе «ЯндексGo», функция телевидения для баров, ресторанов и пабов в «Okko» и др.). Зачастую сервисы, предназначенные для объединения частных лиц, фактически превращаются в предпринимательские торговые площадки[3]. Например, И.З. Аюшеева отмечает, что работа каршеринговых сервисов обладает рядом черт традиционных рыночных отношений, что может повлечь трансформацию совместного потребления в предпринимательскую деятельность[4]. В рамках социальных сетей, рассчитанных на выстраивание социальных связей частными лицами, широко распространена практика создания и продвижения бизнес-аккаунтов.

Таким образом, с расширением платформы в рамках многостороннего взаимодействия она может приобретать самых разных пользователей. Иным недостатком данной классификации служит то, что в нее затруднительно вписать поисковые системы («Google», «Яндекс» и др.), а также платформенные решения с односторонней связью,

---

[1] *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2014.

[2] *Веригина А.В., Коваль Д.В.* Приоритеты развития электронной коммерции в 2022 году // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 1. С. 96.

[3] *Сойфер Т.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy): направления развития // Гражданское право. 2019. № 5.

[4] *Аюшеева И.З.* Право общей собственности в связи с развитием экономики коллективного использования товаров и услуг // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 77.

не выполняющие в том или ином виде посреднические функции и направленные на инструментальное и технологическое сопровождение (например, облачные хранилища, специализированные рабочие программы и т.д.). Однако предназначение платформы и характер отношений между субъектами, ее использующими, влекут ряд функциональных особенностей платформы, различные цели пользователей. Все это увеличивает вероятность тех или иных правовых рисков для участников. Не уменьшается и значение специального регулирования (законодательство о публичных закупках или о защите прав потребителей), которое расширяется и деформируется под воздействием цифровизации. Наконец, не удалось избежать и посредников в этом сложном процессе[1].

Особенности цифровых платформ в G2B-сегменте (на примере законодательства о публичных закупках)

Статистику по корпоративным закупкам нельзя назвать унифицированной, поскольку каждое юридическое лицо с публичным участием самостоятельно определяет виды закупочных процедур. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», регламентирующий корпоративные закупки, предоставляет большую свободу в осуществлении закупочных процедур. Ключевую роль в данном случае играет положение о закупках (ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 223-ФЗ), имеющее правовую природу локального нормативного акта[2]. При этом даже в корпоративных закупках, как правило, бумажная форма также предусмотрена как исключение (например, в случаях технических неполадок платформы, признания электронной закупки несостоявшейся и др.[3]).

Тем не менее широко стоит вопрос об уровне цифровизации и ее положительных последствиях в разрезе исключения бумажных носителей. Так, обязательность использования ЕИС не исключает полностью бумажного документооборота, и в существующих усло-

---

[1] См. об этом, например: *Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А., Карамурзова И.Б., Кокова Д.А., Бейтуганова З.Х.* Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект // Вопросы экономики и права. 2022. № 168. С. 7–11.

[2] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.05.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[3] Единое положение о закупке государственной корпорации «Ростех». URL: https://rostec.ru/purchase/documents/?ysclid=memesftdyq207826810.

виях выдвигаются предложения по полному исключению такового и полному переходу на электронный документооборот для повышения эффективности ЕИС[1]. Кроме того, зачастую как законодателем, так и субъектами предпринимательской деятельности электронный документооборот воспринимается как обмен электронными формами бумажных документов. Понимание цифровизации в таком виде – бич не только национального делового оборота. Зачастую и зарубежные исследователи замечают, что тендерная документация готовится в бумажном виде, т.е. она полностью распечатывается, подписывается от руки и сканируется, а затем направляется в формате *pdf*[2]. Представляется, что такой подход аннулирует саму идею цифровизации закупочного процесса.

Государство практически в полной мере является организатором системы публичных закупок, на которого возложены все транзакционные издержки по обеспечению одновременно административно-правовых принципов построения системы государственного управления и при этом выстраивания отношений горизонтальных. В своей основе системы закупок имеют двустороннее влияние: с одной стороны, они выступают в качестве инструмента экономической политики, позволяя стимулировать спрос в отдельных секторах; с другой стороны, они являются настоятельной необходимостью по причине потребности обеспечения нужд государственного аппарата и социальной сферы. Закономерно, что в таких условиях роль издержек самого организатора достаточна велика. При этом изначальной целью построения системы публичных закупок является именно снижение таких транзакций[3]. Например, О.А. Беляева отмечает наличие сомнения в экономии бюджетных средств, затрачиваемых на функционирование ЕИС[4]. Одновременно интересно привести предложения об ином направлении развития B2G-сегмента, которое заключается в использовании государством внешних разработок и платформы для сотрудничества или осуществления операций[5].

---

[1] *Андреева Л.В.* Правовой режим функционирования единой информационной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 143.

[2] Digital transformation of public procurement as an opportunity for the economy / N. Pekolj, K. Hodošček, L. Valjavec, P. Ferk // LeXonomica. 2019. Vol. 11. № 1. P. 20.

[3] Там же. P. 19.

[4] *Беляева О.А.* Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 19.

[5] *Klievink B., Bharosa N., Tan Y.H.* The collaborative realization of public values and business goals: Governance and infrastructure of public–private information platforms // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33. № 1. P. 77.

В настоящий момент цифровизация системы публичных закупок проявляется в нескольких аспектах. Использование единой платформы для проведения закупок предполагает закрепление единой для всех процедуры с одновременной диверсификацией технических возможностей. Примером такой ситуации является использование типовых форм договоров, которые, однако, диверсифицируются и уточняются. Закупочные процедуры в контрактной системе предполагают также каталогизацию товаров[1]. Таковая призвана решать технологические задачи путем типизации закупок и осуществления расчетов. Создаваемый каталог снижает роль коррупционных рисков, уменьшая пространство для сговора. Каталог не позволяет использовать слишком узкие требования к закупаемому товару, он также исключает применение «двойных» раскладок для формулировок. Аналогичным каталогизации является направление стандартизации закупочных процедур. Использование стандартизированных положений о закупках может выступать основой для дальнейшей трансформации системы публичных закупок на основе облачных вычислений, искусственного интеллекта и больших данных[2]. Однако до настоящего времени в случае потребности при заключении непоименованного договора или приобретения некаталогизированного товара (что наиболее существенно в сфере закупок медицинских товаров) платформа фактически делает процедуру закупки невозможной[3].

Нельзя не упомянуть такую особенность российской системы публичных закупок, как направленность на развитие в отрыве от внешней цифровой среды в условиях невозможности участия в процедурах иностранных юридических лиц[4]. При этом сам по себе перевод государственных закупок в цифровой формат в своей основе служит расширению географии участников и повышению конкуренции. Например, одной из тенденций развития системы государственных и муниципальных закупок последних лет является закрытие части платформы

---

[1] Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2017 г. № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 23.12.2024). Доступ из СПС «Гарант».

[2] *Умнова М.Г., Лю Я.* Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. С. 2097.

[3] См. об этом: *Орсаева А.В., Кокова Д.А.* Правовое регулирование процедуры заключения сделок в Российской Федерации // Бизнес и общество. 2025. № 1 (45).

[4] *Беляева О.А.* Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 77.

Единой информационной системы в сфере закупок[1]. Поэтому такие цели, как открытость системы государственных и муниципальных закупок, а также ее эффективность, ставятся под вопрос. Таким образом, отсутствие межгосударственного элемента и изначальная территориальная определенность границ действия платформы являются особенностью платформ сегмента B2G (по крайней мере в национальном правопорядке).

В таких условиях вопрос о внедрении платформ на основе смарт-контрактов в систему государственных и муниципальных закупок является дискуссионным[2]. Предполагается, что использование смарт-контрактов в рамках закупочной деятельности позволит снизить затраты на контрактную процедуру, снизить риск мошеннических действий, автоматизировать сделки, процедуры получения и возврата обеспечения и т.д.[3] Кроме того, блокчейн позволит отслеживать операции автоматически не только на этапах закупочных процедур, но и на этапе исполнения, в частности, для отслеживания механизма казначейского сопровождения.

В свете общих тенденций к ограничению числа участников публичных закупок, проявляющихся в том числе в закрытии части Единой информационной системы, территориальном ограничении участников закупочной деятельности и в самом факте существования закрытых форм закупок, представляется, что технически приемлемым для целей публичных закупок будет закрытый (приватный) блокчейн.

Необходимо также добавить, что любую программу для ЭВМ или информационную систему мы можем рассматривать не только как инструмент осуществления каких-то процессов, но и как детальный протокол, регламент этих процессов[4]. При этом трансформация уже существующей информационной системы повлечет за собой необходимость полного изменения федерального закона и принятия нового. Одновременно с этим предполагается, что «система закупок должна быть настолько вариативна и гибка, чтобы иметь возмож-

---

[1] *Беляева О.А.* Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 75.

[2] См. об этом, например: *Захаркина А.В.* Позитивация смарт-контракта как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Право и экономика. 2019. № 11 (381). С. 25–31; *Захаркина А.В., Мартьянова Е.Ю.* Смарт-лицензия: гражданско-правовая характеристика договора // Право и экономика. 2020. № 11 (393). С. 41–47.

[3] *Беляева О.А., Трунцевский Ю.В., Цирин А.М.* Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: науч.-практ. пособие / отв. ред. И.И. Кучеров. М.: ИЗиСП; Контракт, 2019.

[4] *Амелин Р.В.* Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. С. 159.

ность подстраиваться (адаптироваться) под различные потребности заказчиков и временны́е рамки»[1]. Затруднением также является тот факт, что законодательство о закупках характеризуется объемностью и частыми изменениями, при этом оно содержит достаточно объемную регламентацию процедурных аспектов. Одновременно с этим платформа, на базе которой осуществляются закупки, фактически воплощает в себе требования закупочного законодательства, делая их нарушение невозможным (за исключением случаев сбоя работы платформы или неверно заложенных условий в работу программы).

Мы можем согласиться с тем, что система публичных закупок в Российской Федерации имеет достаточно высокий уровень электронизации[2]. Однако при рассмотрении дальнейших возможных путей оцифровки гражданско-правовых отношений с участием публично-правовых элементов, например, в части внедрения смарт-контрактов и систем распределенного реестра мы можем отметить ряд препятствий. Так, лишь одним из аспектов автоматизации процесса исполнения закупок является перевод расчетов в рамках государственных контрактов на цифровой рубль. В настоящий момент расчет осуществляется с учетом использования отдельных счетов, открываемых в управомоченных банках[3]. Использование цифрового рубля позволит исключить посредников в виде банков, что в условиях длительности и многорангговости цепочек контрактов позволит ускорить процедуру расчетов в рамках государственных заказов в разы.

Существующие нормативные требования препятствуют инициативе отдельных субъектов, на которых распространяются требования Федерального закона № 223, по внедрению технологий искусственного интеллекта, блокчейна и т.д. Система блокчейна требует высокого уровня интеграции самых разных систем, включая частные системы участников закупок, банков и т.д.[4], что предполагает высокие издержки в условиях использования закрытого блокчейна и ограниченного количества участников.

Функционал Единой информационной системы не обладает рядом особенностей, которые присущи платформам в сегментах C2C и B2C.

---

[1] *Шмелева М.В.* Цифровая трансформация системы государственных и муниципальных закупок // Юрист. 2019. № 7. С. 17.

[2] *Беляева О.А.* Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 76.

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (ред. от 28.12.2024). Доступ из СПС «Гарант».

[4] *Шмелева М.В.* Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 41.

Прежде всего непосредственно платформа не дает возможности досудебного урегулирования, которое предлагается исследователями в качестве направления развития ЕИС[1]. Представляется, что такое упущение обусловлено наделением платформы исключительно техническими функциями. При этом и в законодательстве сама платформа не рассматривается как самостоятельный посредник, в полной мере обладающий возможностью сбалансировать интересы сторон[2]. Законодательно статуируются лишь технические функции платформы. Кроме того, изначально сама система публичных закупок является институтом с существенным смешением административных и гражданско-правовых начал. В таких условиях самостоятельность участия в гражданском обороте и диспозитивность сторон, необходимые для разрешения спора контрагентами, существенно ограничены. При этом сама фигура оператора электронной площадки, несмотря на позиционирование такового как самостоятельного субъекта закупочной деятельности, представляется фактически аффилированной с заказчиком (или зависимой от него) фигурой. Зависимость эта проявляется и в том, что государство разрабатывает сами требования к торговым площадкам, приобретающие нормативный характер. Однако, несмотря на данные факторы, возможность урегулирования спора с привлечением антимонопольных органов представляется крайне необходимой, в том числе и ввиду большого количества споров из-за сбоев работы системы.

Вопрос же об использовании третейской оговорки в условиях цифровизации закупок носит «нецифровой» характер. Если споры из контрактных отношений не подлежат передаче на рассмотрение третейского суда (ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ), то в отношении корпоративных закупок такой запрет отсутствует. Дискуссия по данному вопросу, несомненно, очень интересна, но не является предметом настоящего исследования. В свою очередь использование возможностей цифровой среды остается на усмотрение третейских учреждений и участников спора. Например, Арбитражный центр при РСПП предусматривает проведение устных слушаний посредством видео-конференц-связи (ст. 47 Регламента Арбитражного центра при РСПП[3]).

---

[1] *Стырин Е.М., Родионова Ю.Д.* Единая информационная система в сфере закупок как государственная цифровая платформа: современное состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 62.

[2] См. об этом, например: *Ананьева А.А., Джиоева Е.Г., Сазонова Т.В., Целовальникова И.Ю.* Поиск баланса при формировании основ внедрения искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 35–41.

[3] Регламент Арбитражного центра при РСПП. URL: https://arbitration-rspp.ru/files/rules/02_%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD

Выводы

Доказано, что, несмотря на стремление отечественного законодателя к унификации регулирования платформенных отношений, доминирующей в настоящий момент является тенденция к дифференциации правового регулирования. Препятствиями для процессов консолидации или кодификации служат причины как объективного, так и субъективного характера. К причинам объективного характера можно отнести как широту предмета регулирования, так и стремительную трансформацию самих платформ. К субъективным причинам относятся трудности приведения к единому знаменателю уже действующего законодательства, что обусловлено отсутствием определенности в целеполагании при формировании регулирования в платформенной среде.

Библиографический список

Амелин Р.В. Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. С. 151–169.

Ананьева А.А., Джиоева Е.Г., Сазонова Т.В., Целовальникова И.Ю. Поиск баланса при формировании основ внедрения искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 35–41.

Андреева Л.В. Правовой режим функционирования единой информационной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 136–145.

Аюшеева И.З. Право общей собственности в связи с развитием экономики коллективного использования товаров и услуг // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 74–82.

Беляева О.А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 71–80.

Беляева О.А., Трунцевский Ю.В., Цирин А.М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: науч.-практ. пособие / отв. ред. И.И. Кучеров. М.: ИЗиСП, Контракт, 2019. 160 с.

Веригина А.В., Коваль Д.В. Приоритеты развития электронной коммерции в 2022 году // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 1. С. 94–104.

%D1%82%20%D0%90%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0.pdf.

Захаркина А.В. Позитивация смарт-контракта как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Право и экономика. 2019. № 11 (381). С. 25–31.

Захаркина А.В., Мартьянова Е.Ю. Смарт-лицензия: гражданско-правовая характеристика договора // Право и экономика. 2020. № 11 (393). С. 41–47.

Орсаева А.В., Кокова Д.А. Правовое регулирование процедуры заключения сделок в Российской Федерации // Бизнес и общество. 2025. № 1 (45).

Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2014. 1001 с.

Сойфер Т.В. Гражданско-правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy): направления развития // Гражданское право. 2019. № 5. С. 6–10.

Стырин Е.М., Родионова Ю.Д. Единая информационная система в сфере закупок как государственная цифровая платформа: современное состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 31–60.

Умнова М.Г., Лю Я. Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. С. 2097.

Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А., Карамурзова И.Б., Кокова Д.А., Бейтуганова З.Х. Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект // Вопросы экономики и права. 2022. № 168. С. 7–11.

Шмелева М.В. Цифровая трансформация системы государственных и муниципальных закупок // Юрист. 2019. № 7. С. 17.

Шмелева М.В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 41.

Klievink B., Bharosa N., Tan Y.H. The collaborative realization of public values and business goals: Governance and infrastructure of public-private information platforms // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33. № 1. P. 77.

Pekolj N., Hodošček K., Valjavec L., Ferk P. Digital transformation of public procurement as an opportunity for the economy // LeXonomica. 2019. Vol. 11. № 1. P. 20.

УДК 347.78

АКТУАЛЬНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 200–300 ЛЕТ НАЗАД И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

А.Г. Матвеев
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права,
профессор кафедры теории и истории государства и права.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: la-musica@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности обоснования правовой охраны интеллектуальной собственности 200–300 лет назад и в настоящее время. В XVIII в. были сформированы три базовых теории такого обоснования: трудовая теория собственности, личностная теория, теория общественной пользы. Сегодня доминирующим обоснованием такой охраны является теория утилитаризма. Эта теория создает картину привлекательной, универсальной и понятной легитимации охраны интеллектуальной собственности. Однако она не учитывает различия между институтами права интеллектуальной собственности, специфику их формирования в континентальном и англо-американском праве, охрану личных неимущественных прав автора, эмпирические экономические данные.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, товарный знак, обоснование охраны, теория, утилитаризм, искусственный интеллект.

CURRENT JUSTIFICATIONS FOR THE LEGAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY 200–300 YEARS AGO AND AT THE PRESENT TIME

A.G. Matveev
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: la-musical@yandex.ru

Abstract. This article examines the rationale for the legal protection of intellectual property 200–300 years ago and at the present time. In the 18th century, three basic theories of such justification were formed: the labor theory of property, the personal theory, and the public benefit theory. Today, the dominant rationale for such protection is utilitarianism. This theory creates an attractive, universal, and understandable justification for intellectual property protection. However, it ignores the differences between intellectual property law institutions, the specifics of their development in continental and Anglo-American law, the protection of the author's moral rights, and empirical economic data.

Keywords: intellectual property, copyright law, patent law, trademark, justification for protection, theory, utilitarianism, artificial intelligence.

Сегодня термин «интеллектуальная собственность» (*intellectual property*) носит всемирное признание и распространение. Он закреплен в международных конвенциях, российской и зарубежных конституциях, названии международной организации, входящей в структуру ООН (Всемирная организация интеллектуальной собственности). И в ближайшие годы, даже учитывая стремительность и непредсказуемость происходящих событий, вряд ли человечество откажется от использования этого неточного в гражданско-правовом смысле термина и тем более от охраны объектов, обозначаемых им.

Что такое интеллектуальная собственность? Экономисты, философы, культурологи могут долго об этом спорить. Однако для юриста этот вопрос не вызовет трудности, так как достаточно прочитать ст. 1225 Гражданского кодекса РФ и установить, что под интеллектуальной собственностью понимаются охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Таких объектов в настоящее время в России насчитывается семнадцать. Перечень объектов интеллектуальной собственности не является застывшим. Одни объекты включаются в него, другие

могут исключаться. В целом всемирная тенденция заключается в неуклонном расширении круга охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Почему интеллектуальная собственность называется «собственностью»? Для чего была установлена охрана интеллектуальной собственности и актуальна ли она сегодня?

В настоящее время, когда мировая экономика вступает в стадию деглобализации и фрагментации, еще не приняты какие-либо правовые акты, которые бы отразили те изменения, которые происходят в сфере охраны интеллектуальной собственности. Поэтому в качестве отправной точки зафиксируем назначение такой охраны, отраженное в главном акте эпохи глобализации интеллектуальной собственности – Соглашении ТРИПС от 15 апреля 1994 г. В ст. 7 Соглашения установлено, что охрана и реализация прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу и передаче и распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технологических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию, и к достижению баланса прав и обязательств[1]. Технический прогресс, социально-экономическое благосостояние – все это классические маркеры утилитаристского обоснования охраны интеллектуальной собственности. Иными словами, права интеллектуальной собственности понимаются как инструмент для развития общества, а не как естественные или какие-либо еще права, охрана которых, безусловно, должна предоставляться человеку только потому, что он совершил акт интеллектуального творчества.

Утилитаристские идеи о целях охраны интеллектуальной собственности отражены в недавно принятом Договоре ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами, от 24 мая 2024 г.[2] В преамбуле Договора подтверждается роль, которую система интеллектуальной собственности играет в поощрении инноваций, передаче и распространении знаний, а также в экономическом развитии.

Обратим также внимание на позицию Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, представленную в Замечаниях общего порядка № 17, посвященных праву каждого на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с научными, литературными или художественными трудами,

[1] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 г.

[2] Договор ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами, от 24 мая 2024 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/textdetails/19849.

автором которых он является[1]. По мнению Комитета, права человека являются фундаментальными, неотъемлемыми и универсальными правами физических лиц и при определенных обстоятельствах – групп физических лиц и общин. Права человека имеют основополагающий характер, поскольку они присущи человеческой личности как таковой. Напротив, «права интеллектуальной собственности являются, прежде всего, средством, которым пользуются государства для стимулирования изобретательства и творчества, содействия распространению продукции творчества и изобретательства, а также укрепления культурной самобытности и сохранения целостности научных, литературных и художественных трудов на благо всего общества» (п. 1 Замечаний). Права человека являются неограниченным по времени выражением основных прав человеческой личности, тогда как права интеллектуальной собственности обычно носят временный характер и могут быть аннулированы, лицензированы или переданы кому-либо еще (п. 2).

С одной стороны, приведенные положения отражают весьма привлекательную, универсальную и понятную легитимацию охраны интеллектуальной собственности. С другой стороны, они не учитывают различия между институтами права интеллектуальной собственности, специфику их формирования в континентальном и англо-американском праве, охрану личных неимущественных прав автора, эмпирические данные, подтверждающие, что чрезмерная охрана интеллектуальных прав не содействует развитию общества в целом, а защищает интересы крупных правообладателей или даже национальных экономик, являющихся нетто-экспортерами интеллектуальной собственности. А.С. Ворожевич верно отмечает, что утилитаристский подход не может объяснить все особенности правовой охраны интеллектуальной собственности, которые нередко обусловлены не экономической эффективностью, а историческими традициями, политической обстановкой, существующей в момент ее установления[2].

Посмотрим на краеугольные идеи, посредством которых в ходе парламентской и доктринальной полемики обосновывалась охрана авторских и патентных прав во время формирования их законодательной охраны, т.е. в XVIII в. Именно в это время появляются термины «интеллектуальная собственность», «литературная собственность»,

[1] Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 17 от 12 января 2006 г.: Право каждого на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является (ст. 15 (1) (c) Пакта). URL: https://www.refworld.org.ru/publisher,CESCR,GENERAL, 47ebcb6c2,0.html.

[2] *Ворожевич А.С.* Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 58.

«художественная собственность», а чуть позже – «промышленная собственность». Духовным отцом термина «интеллектуальная собственность» можно считать Джона Локка, создавшего трудовую теорию собственности и тем самым придумавшего один из самых известных и влиятельных аргументов в пользу тезиса, что автор должен обладать правами на свое произведение. По мнению Дж. Локка, к числу естественных прав относится право собственности: «Все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью»[1]. Наибольшее влияние и развитие применительно к сфере охраны творческих результатов трудовая теория собственности получила во Франции.

Так, принятию французского Декрета о праве изобретателя от 7 января 1791 г. предшествовали известные слова Станисласа де Буффлера: «Дерево, вырастающее в поле, менее, несомненно, принадлежит своему собственнику, чем идея – автору»[2]. В результате в первой статье нового закона, установившего облигаторный принцип выдачи патента, было записано: «Всякое изобретение или открытие есть собственность его автора»[3]. Иосиф Лаканаль, выступавший докладчиком перед принятием Декрета об авторском праве от 19 июля 1793 г., провозгласил: «Из всех видов собственности, без сомнения, менее всего может быть оспариваема собственность на продукты ума, и если можно чему удивляться, то это тому, что ее еще понадобилось признать и путем положительного закона обеспечить свободное пользование ею»[4]. Рассуждая о замене привилегий исключительными правами, основанными на облигаторном принципе, С.И. Раевич писал, что буржуазия, ставшая у власти в результате Великой французской революции, отменила привилегии дворянства и духовенства, объявив их противными естественным пра-

---

[1] *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 277.

[2] Цит. по: *Пиленко А.А.* Право изобретателя. Историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2001. С. 101,

[3] Там же. С. 102.

[4] Цит. по: *Табашников И.Г.* Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательства Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. С. 308.

вам человека и гражданина. Свои привилегии она, напротив, обобщила и превратила в принципы и естественные права[1].

В другом ракурсе естественные права стали фундаментом для обоснования авторского права в Германии. Здесь в трудах представителей немецкой классической философии произведение литературы и искусства понималось не просто как результат труда автора, а как продолжение его личности. Соответственно, обоснование авторского права было проведено не через естественное право собственности, а через защиту достоинства личности и личных прав. Наибольшее влияние на такой дискурс оказал И. Кант, который пояснял, что книга – это речь автора, обращенная к публике. Если издатель, публикуя сочинение автора, делает это без разрешения последнего, то он является неправомерным издателем (контрафактором)[2]. При этом, в отличие от авторского права, в капиталистическом патентном праве личность изобретателя хотя значима и заметна, но, как показал Н.А. Райгородский, сама по себе не имеет юридически релевантного значения[3]. В трудах Канта и Фихте мы не видим ни строчки о личностном обосновании патентного права. Однако во второй половине XIX в. в германской цивилистике получила некоторое распространение основанная на аналогиях с авторским правом личностная теория патентного права, самым ярким представителем которой был Отто фон Гирке. По мнению ученого, патентное право – это право на духовное произведение, вытекающее из факта духовного творчества. Существо патентного права – это личное, а не имущественное право, поскольку основной его функцией является предоставленная изобретателю возможность распоряжаться по усмотрению, когда, как и в какой форме будет опубликовано изобретение[4].

В отличие от естественно-правового обоснования авторского и патентного права в XVIII в. во Франции и Германии, в Англии и Соединенных Штатах Америки зародилась утилитаристская теория охраны интеллектуальной собственности. Права интеллектуальной собственности здесь понимаются как позитивные права, которые предоставляются законодателем для достижения определенного результата.

---

[1] См.: *Раевич С.И.* Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. 1789–1926. Франция, Италия, Польша, Голландия, Румыния, Российская империя, Австрия, Германия, Швейцария. М., 1929. С. 298.

[2] *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях // *Кант И.* Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 205–206.

[3] *Райгородский Н.А.* Изобретательское право СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 24.

[4] *Gierke O.* Deutsches Privatrecht. Leipzig, 1895. P. 848–859. Приводится по: *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 603.

Обратим внимание на то, что утилитаристские идеи об авторском праве получили развитие в Англии еще до рождения И. Бентама – основоположника философии утилитаризма. Начало XVIII в. характеризуется в этой стране борьбой издателей, проходившей на фоне отсутствия цензуры и обсуждения нового статута, призванного навести порядок в сфере книгопечатания. Первоначально члены влиятельной *Stationers' Company* просили вернуть цензуру, однако в 1707 г. они попросили парламент сохранить за авторами вечное право собственности на книги и по существу признать это право собственности за ними. Именно так в начале XVIII в. вопрос о праве собственности автора на его произведение становится предметом законотворческой полемики. Понятно, что автор и его вечное право собственности пока еще были ширмой, прикрывающей имущественные интересы крупных издателей, которые не хотели расставаться со своей монополией на печатание книг.

В 1709 г. в палату общин был внесен проект статута о сохранении за издателями права собственности на рукописи, уже купленные ими у авторов. Законопроект был одобрен и направлен в палату лордов, которые предложили внести в него существенные изменения. В частности, срок защиты литературной собственности был ограничен. Эта идея была выгодна сторонникам ограничения монополии, выступавшим за свободную торговлю книгами. Палата общин согласилась с палатой лордов, и 5 апреля 1710 г. закон, известный как «Статут королевы Анны», был принят. Полное название Статута можно перевести как «Акт о поощрении обучения путем передачи копий печатных книг авторам или покупателям таких копий в течение упомянутых в нем сроков»[1]. Соответственно, даже в названии этого акта отражена идея развития образования. В конце XVIII в. утилитарный подход к охране интеллектуальной собственности был закреплен в Конституции США, где в разд. 8 ст. 1 установлено, что для развития наук и полезных искусств Конгресс имеет право закреплять за авторами на ограниченный срок исключительные права[2].

Таким образом, XVIII в. – это время признания трех важнейших теорий, обосновывающих охрану авторского и патентного права: трудовой теории собственности, личностной теории и теории общественной пользы. При этом трудовая и утилитаристская теории применялись для обоснования обоих этих институтов, тогда как личностная теория – только для авторского права.

---

[1] Авторское право от Статута королевы Анны до новых цифровых технологий: монография / под ред. И.А. Близнеца. М.: Изд. группа «Юрист», 2025. С. 16.

[2] Конституция Соединенных Штатов Америки от 17 сентября 1787 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm.

Законодательная охрана товарных знаков и других средств индивидуализации началась после середины XIX в., а охрана объектов смежных прав (исполнений, фонограмм, передач вещания) – в течение XX в. Большинство из указанных объектов не являются результатами творческой деятельности, что, безусловно, не может не сказаться на специфике обоснования их юридической охраны.

В целом логика признания исключительных прав на средства индивидуализации представляется следующей. Промышленная революция и развитие капиталистических отношений привели к массовому производству товаров и развитию конкуренции и торговли, в том числе международной. Продвижение товаров на рынках требует рекламы и формирования у покупателей ассоциативной связи между товаром и его производителем. Товарный знак стал важнейшим инструментом индивидуализации товара и формирования такой связи. Само по себе обозначение, используемое в качестве товарного знака или иного средства индивидуализации, не имеет экономической ценности и полезности. Такую ценность и полезность товарные знаки приобретают только тогда, когда они отражают положительную репутацию компании и производимых ею товаров. В результате отсутствия охраны исключительных прав на товарные знаки присвоение чужих брендов приводит к следующим негативным последствиям. Во-первых, использование чужого товарного знака подрывает чужие инвестиции и позволяет недобросовестному конкуренту получить необоснованное преимущество и паразитировать на чужих достижениях. Во-вторых, такая практика неизбежно влечет за собой снижение качества товаров, объема продаж, а следовательно, общественного благосостояния. В-третьих, потребители лишаются достоверного и привычного им индикатора источника происхождения и качества товара.

Говоря о специфике обоснования охраны смежных прав, обратим внимание на следующее. Одной из первых работ, в которой обсуждается рассматриваемый вопрос, стала статья, опубликованная в 1954 г. Георгом Боденхаузеном. Он был сторонником точки зрения, согласно которой права исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций должны быть признаны исходя из общих принципов справедливости[1]. Напротив, первый и до сих пор ключевой международный акт в области смежных прав – Римская конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных орга-

[1] *Bodenhausen George H.C.* Protection of "Neighboring Rights" // *L*aw and *C*ontemporary *P*roblems. 1954. Spring. P. 156–171. URL: http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2592&context=lcp.

низаций от 26 октября 1961 г.[1] не содержит каких-либо пояснений относительно справедливости либо иных целей признания этих прав. В крайне лаконичной преамбуле Конвенции сказано только о желании договаривающихся государств защитить права исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций.

Сегодня смежные права – это динамично развивающаяся и потенциально открытая система. С одной стороны, легитимность классических смежных прав, к которым относятся права исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций, как правило, не вызывает сомнений. С другой стороны, право изготовителя базы данных, право публикатора и новое европейское право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций не имеют еще всемирного признания и фундаментального обоснования. Представляется, что довод справедливости и отсылка к личностной теории применимы только к обоснованию прав артистов-исполнителей, так как только здесь из всей области смежных прав охраняется выражение уникальной личности. Остальные объекты смежных прав – это результаты продюсерской и инвестиционной деятельности. Следовательно, только доводы общественной пользы являются уместными при установлении исключительных прав на эти объекты.

Как видно, эволюция охраны разнообразных объектов интеллектуальной собственности привела к безусловному доминированию утилитаристских аргументов в пользу такой охраны. Однако утилитаризм плохо объясняет необходимость охраны личных прав автора и исполнителя. Также, на наш взгляд, под влиянием глобализации и коммерциализации интеллектуальной собственности доводы общественной пользы во многом превратились в красивую риторику, за которой не стоят реальные расчеты увеличения или снижения общественного благосостояния в результате воздействия того или иного уровня охраны интеллектуальной собственности. Так, к моменту создания ВТО примерно 50 ее участников, относящихся к развивающимся странам, не предоставляли патентную охрану лекарственным средствам. До Соглашения ТРИПС государства были вправе самостоятельно, руководствуясь своими социально-экономическими потребностями, выводить из-под патентно-правовой охраны технические решения в таких отраслях, как фармацевтика и сельское хозяйство[2]. Однако участие в ВТО положило конец такой практике. В результате цены на защищенные

[1] Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г.

[2] *Шугуров М.В.* Коллизии прав человека и прав интеллектуальной собственности в условиях современного НТП: международно-правовой аспект: монография. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. С. 116.

патентами жизненно важные препараты во многих государствах резко выросли в несколько раз, что существенно снизило уровень доступности важнейших лекарств и вакцин и позволило многим специалистам и Всемирной организации здравоохранения обоснованно утверждать, что Соглашение ТРИПС противоречит такому фундаментальному праву, как право на здоровье. Одно из исследований показало, что цены на многие патентованные лекарства в странах Африки значительно выше, чем в Европе или США[1].

Сегодня – в годы безудержного развития технологии искусственного интеллекта утилитаристское обоснование авторского права, на наш взгляд, испытывает серьезную трудность. Во многих научных источниках без каких-либо расчетов или рассуждений утверждается, что разработчики генеративного ИИ несут большие затраты (что верно), следовательно, для возврата инвестиций на продукты ИИ необходимо предоставить авторско-правовую или иную аналогичную ей охрану. Вряд ли такие рассуждения можно признать полноценным применением теории общественной пользы. Здесь нет никаких хотя бы приблизительных сравнений капитальных затрат разработчиков ИИ с возможными доходами, основанными на предлагаемом механизме охраны продуктов ИИ как объектов интеллектуальной собственности. Между тем затраты на инфраструктуру и обучение ИИ настолько велики, а возможные доходы от предлагаемой правовой охраны настолько эфемерны, что, смеем предположить, генеративный ИИ никогда не станет прибыльным проектом. Здесь нужно учитывать, что уже сейчас мы живем в ситуации перенасыщения контентом, который во многих сферах искусства для потребителя стал иметь отрицательную стоимость.

Второй немаловажный аспект пересечения утилитаристского обоснования охраны интеллектуальной собственности и развития ИИ – это вопрос, нужно ли соблюдать авторские права при так называемом обучении ИИ. В мае 2025 г. Бюро авторского права США опубликовало третью часть отчета по проблеме авторского права и ИИ. В нем был сделан вывод, что коммерческое использование обширных массивов произведений, охраняемых авторским правом, для создания контента, конкурирующего с такими произведениями на существующих рынках, выходит за рамки установленных границ добросовестного использования (*fair use*), особенно если это достигается посредством неправомерно-

[1] *Donald G., McNeil Jr.* Prices for Medicine are Exorbitant in Africa. Study Says // New York Times. 17 June 2000. Приводится по: *Chapman A.* Approaching Intellectual Property as a Human Right (Obligations Related to Article 15 (1) (c)) // Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. № 3. P. 26.

го доступа к произведениям[1]. Менее чем через сутки после публикации этого отчета администрация Д. Трампа уволила Регистратора авторских прав США Ш. Перлмуттер. Скорее всего увольнение Ш. Перлмуттер отражает стремление американской администрации получить мировое господство в развитии технологии ИИ, даже если это будет нарушать авторские права. Долгое время авторское право воспринималось как некий индикатор цивилизованности и развитости общества. Но сегодня мы видим, что авторские права сами стали барьером на пути инновационного развития. При этом если говорить о затратах на инфраструктуру и обучение ИИ, то, судя по открытым данным, такие затраты в десятки или даже сотни раз превышают размер лицензионных платежей, которые разработчики ИИ должны выплатить правообладателям.

Предположим, что с такого рода проблемами общество и правовые системы столкнулись бы в эпоху господства трудовой теории собственности или личностной теории. На наш взгляд, эти проблемы решались бы очень просто. Никаких интеллектуальных прав на продукты генеративного ИИ предоставлять не следует. Право интеллектуальной собственности (в тесном смысле слова) должно охранять продукты творческой деятельности человека как субъекта права и носителя неотчуждаемых прав. Если для обучения ИИ необходимо использовать охраняемые произведения, то такое использование подлежит лицензированию и государствам как можно скорее нужно создать удобный механизм (с низкими трансакционными издержками) распоряжения исключительными правами для обучения ИИ. В заключение приведем слова, которые приписывают С.М. Кирову: «В какое интересное время мы живем, товарищи!»

Библиографический список

Авторское право от Статута королевы Анны до новых цифровых технологий: монография / под ред. И.А. Близнеца. М.: Изд. группа «Юрист», 2025. 400 с.

Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 546 с.

Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.

Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.

Пиленко А.А. Право изобретателя. Историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2001. 688 с.

[1] Copyright and Artificial Intelligence. Part 3: Generative AI Training pre-publication version. 2025. United States Copyright Office. URL: https://www.copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-3-Generative-AI-Training-Report-Pre-Publication-Version.pdf.

Раевич С.И. Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. 1789–1926. Франция, Италия, Польша, Голландия, Румыния, Российская империя, Австрия, Германия, Швейцария. М.: Госиздат, 1929. 310 с.

Райгородский Н.А. Изобретательское право СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 272 с.

Табашников И.Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательства Германии, Австрии, Франции, Англии и России. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. Т. 1. 576 с.

Шугуров М.В. Коллизии прав человека и прав интеллектуальной собственности в условиях современного НТП: международно-правовой аспект: монография. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. 644 с.

Bodenhausen George H.C. Protection of «Neighboring Rights» // *L*aw and *C*ontemporary *P*roblems. 1954. Spring. P. 156–171. URL: http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2592&context=lcp.

Chapman A. Approaching Intellectual Property as a Human Right (Obligations Related to Article 15 (1) (c)) // Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. № 3. P. 4–47.

УДК 347.235

КРИТЕРИИ НЕИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ: КОЛИЧЕСТВО VS КАЧЕСТВО

М.Ю. Назаров
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса.
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: nazarov_psu@icloud.com

Аннотация. В статье проводится праксиологический анализ критериев неиспользования земельных участков для садоводства и огородничества, введенных Постановлением Правительства РФ № 826 и применяемых в целях возможного изъятия земель. Исследуются правовые и экономические последствия закрепления формализованных количественных признаков неиспользования, включая относительные показатели площади, унифицированные временны́е сроки и совокупность условий. Обосновывается, что подобное регулирование способно исказить заявленную цель законодателя, нарушает принцип равенства собственников и снижает правовую определенность. Делается вывод о неэффективности действующей модели и необходимости перехода к качественным оценочным критериям использования земельных участков.

Ключевые слова: земельный участок, садоводство, огородничество, критерии неиспользования, изъятие земельного участка, праксиология.

CRITERIA FOR THE NON-USE OF LAND PLOTS: QUANTITY VS. QUALITY

M.Yu. Nazarov
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: nazarov_psu@icloud.com

Abstract. The article provides a praxeological analysis of the criteria for non-use of land plots intended for gardening and horticulture, introduced

by Decree of the Government of the Russian Federation No. 826 and applied for the purposes of potential land expropriation. The study examines the legal and economic consequences of formalized quantitative indicators of non-use, including relative area thresholds, standardized time limits, and cumulative conditions. It is argued that such regulation distorts the legislator's stated objective, violates the principle of equality of landowners, and reduces legal certainty. The article concludes that the current regulatory model is ineffective and substantiates the need to shift toward qualitative evaluative criteria for land use.

Keywords: land plot, horticulture, kitchen gardening, criteria for non-use, expropriation of a land plot, praxeology.

В последнее время обсуждается вопрос о правовых и экономических рисках для собственников земельных участков, предназначенных для садоводства и огородничества, возникающих в связи с возможностью изъятия данных земельных участков вследствие их неиспользования[1]. Для граждан это фактор, который может влиять на восприятие стабильности института права собственности как такового, особенно если учесть, как можно преподносить данную информацию[2].

Одной из причин проблемы изъятия земельных участков в связи с их неиспользованием являлось отсутствие подзаконного акта, который установил бы критерии такого неиспользования. С 1 сентября 2025 г. начало действовать Постановление Правительства РФ от 31 мая 2025 г. № 826 (далее – Постановление № 826, Перечень признаков), установившее данные критерии[3]. Признаки, определенные в указанном Постановлении, начинают действовать по истечении срока, предусмотренного для освоения земельного участка. Согласно п. 2 ст. 85.1

---

[1] См.: *Назаров М.Ю.* Освоение или изъятие? Риски и возможности для владельцев садовых участков после внесения изменений в земельное законодательство // Хозяйство и право. 2025. № 6 (581). С. 55–65.

[2] См., например: *Зеленая У.* Россиян предупредили о риске изъятия дач // Жилищное право. 2024. № 11. С. 5–12; *Андреева Е.М., Левитанус Б.А.* Предпосылки принудительного изъятия земель в связи с неиспользованием по целевому назначению // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 7. С. 62–76; жз *Гребенюк А., Шапенко В.* В России с сентября заработают критерии для изъятия заброшенных участков // Жилищное право. 2025. № 8. С. 37–42.

[3] Постановление Правительства РФ от 31 мая 2025 г. № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3061.

ЗК РФ[1] в настоящее время этот срок равен трем годам. Для того, чтобы земельный участок считался неиспользуемым по целевому назначению, достаточно наличия хотя бы одного из признаков.

В рамках настоящего исследования проведем праксиологический анализ[2] данной нормы права с анализом всех предложенных признаков неиспользования земельного участка с целью установления потенциального эффекта правового регулирования, сравним с целью, высказанной законотворцем, после чего сделаем вывод об эффективности или неэффективности внесенных в земельное законодательство изменений.

Для применения метода праксиологического анализа, опирающегося на логические умозаключения, требуется ввести несколько априорных аксиом, среди которых понимание того, что (1) субъект действует рационально в рамках правовой системы; (2) любая правовая норма создает стимул для определенных действий; (3) правовые нормы могут порождать не предусмотренные законотворцем последствия; (4) прямая зависимость величины трансакционных издержек от сложности правового регулирования.

Признаки, определенные Постановлением № 826, разделены для двух видов земельных участков. Первая группа – это земельные участки, на которых допускается строительство и эксплуатация зданий или сооружений, вторая группа – соответственно, земельные участки, на которых подобная деятельность не допускается. Как представляется, деление по критерию возможности строительства является разумным, поскольку способы использования данных земельных участков будут кардинально различаться.

Тем не менее нормотворец выделил общий признак неиспользования земельных участков из обеих групп. В качестве такового в подп. «а» п. 1 Перечня признаков определено захламление более чем 50% площади земельного участка предметами, не связанными с его использованием по целевому назначению, или загрязнение указанной площади земельного участка отходами производства и потребления в течение одного года со дня выявления.

Проблема начинается сразу же с использованием термина «захламление», федеральное законодательство не содержит определения

---

[1] Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[2] См.: *Мизес Л. Фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005. С. 16–17, 89, 114; *Сото Х.У. де.* Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / ред. А.В. Куряева; пер. Б.С. Пинскер. Челябинск: Социум, 2009. С. 20–21, 60.

данного термина. Однако, во-первых, существует отраслевое понимание указанного явления, так РЖД определило[1], что захламление почв и земель – это размещение на поверхности почвы или в толще земли отходов производства и потребления, а также других инородных предметов, которые ухудшают качество почв и земель.

Кроме того, на уровне одного из муниципальных образований также принят подобный акт[2], дающий собственное определение: захламление земель – это накопление (складирование) на земельных участках коммунально-бытовых отходов, отходов производственной деятельности предприятий и транспорта, порубочных остатков на просеках и лесных делянках, складирование строительных материалов, оборудования и т.п. в не предусмотренных для этих целей местах.

В результате применения телеологического толкования можно прийти к выводу, что основной акцент РЖД делает именно на негативных последствиях для почвы – ухудшении ее качества. Муниципальное образование Серебряные Пруды делает акцент на складировании вещей на земельном участке, который прямо не предназначен для данных целей.

В итоге в результате системного толкования данного признака можно прийти к выводу, что первый признак в наличии, если:

– происходит загрязнение земельного участка отходами производства и потребления;

– в результате размещения на участке вещей происходит ухудшение качества почвы;

– осуществляется складирование вещей на земельном участке, который прямо для этого не предназначен.

В отношении «захламления» применяется уточнение, что его площадь должна превышать 50% земельного участка. С первого взгляда разумно: если более половины участка используется для размещения не предназначенных для него вещей, то целевое использование не соблюдается. Но проблема относительных величин в том, что в соотношении с абсолютными значениями площадь в 50% может быть значительной по факту. Например, с декабря 2024 г. для участков

[1] Распоряжение ОАО «РЖД» от 20 марта 2020 г. № 633/р «Об утверждении порядка ликвидации загрязнения земель, образовавшихся в результате эксплуатационной деятельности структурных подразделений ОАО «РЖД»» // Экономика железных дорог. 2020. № 5.

[2] Решение Совета депутатов городского поселения Серебряные Пруды Серебряно-Прудского муниципального района МО от 17 апреля 2009 г. № 177/29 «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории городского поселения Серебряные Пруды Московской области» (ред. от 27 апреля 2012 г.). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с видом разрешенного использования ведения садоводства в г. Москве установлен максимум площади – 10 000 м² (ранее – 3000 м²)[1].

Если учитывать, что традиционно для многих регионов площадь земельных участков для садоводства и огородничества равна примерно шести соткам, то нормой, т.е. соответствующей ровно 50% площади земельного участка, а значит, не являющейся захламлением, будет, например, хранение на одном участке строительных материалов на площади 50 соток (≈8,3 стандартных садовых участков). При этом одновременно рядом может находиться обычный участок в шесть соток, для которого захламлением будет хранение тех же строительных материалов на площади, превышающей три сотки (300 м²). Так, в один момент времени осуществляются два деяния, одно из которых при этом не является нарушением действующего законодательства. Очевидно, что для целей садоводства и огородничества невозможно обосновать необходимость наличия на части участка в 5000 м² места для хранения строительных материалов.

Применение относительных значений площади, необходимой для определения критерия захламления участка, нарушает восприятие и оценку норм права со стороны граждан. Для человека может быть не понятно, почему при значительной абсолютной площади на большом земельном участке в сравнении с превышением относительной площади на маленьком участке одно и то же деяние порождает негативные последствия для садовода только во втором случае.

Государство заботится о сохранности земель. Использование земельного участка не по назначению или его неиспользование (например, через захламление) ухудшает качественные характеристики данной земли. Однако возникает вопрос: неограниченно долгое хранение строительных материалов на площади 50 соток не приведет ли к неиспользованию земельного участка? Ведь вместо хранения материалов на данной площади могли бы осуществлять садоводство и огородничество восемь отдельных собственников, которые были бы способны сохранять землю или даже повышать ее качество и ценность.

Как представляется, относительные величины в нормах права могут приводить к искажению первоначальной цели законотворца, для решения данной проблемы к критерию захламления необходимо применять не количественные значения, а качественные – оценивать, насколько определенные деяния порождают захламление исходя из обычаев определенных видов деятельности.

---

[1] О внесении изменения в постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. № 120-ПП: Постановление Правительства Москвы от 6 декабря 2024 г. № 2794-ПП // Вестник Москвы. 2024. Т. 4. № 68. 10 декабря.

Для участков, на которых невозможно возведение зданий и сооружений, предусмотрен еще один возможный признак, указывающий на неиспользование земельного участка, – наличие на более чем 50% площади земельного участка сорных растений высотой более одного метра, предусмотренных перечнем сорных растений для установления признаков неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, и (или) деревьев и кустарников (за исключением деревьев и иных насаждений, являющихся элементами благоустройства и озеленения территории земельного участка) в течение одного года со дня выявления (подп. «б» п. 2 Перечня признаков).

Перечень сорных растений утвержден отдельным подзаконным нормативно-правовым актом[1], он содержит более 100 наименований сортов растений или видов растений. Наличие подробного перечня снимает вопросы правовой определенности и правомерных ожиданий от владельцев земельных участков, поскольку становится ясно, наличие каких растений недопустимо на участке.

Однако и здесь есть вопросы. Во-первых, использование относительной величины площади. Получается, что наличие борщевика Сосновского (входит в упомянутый перечень сорных растений) на ранее рассматриваемой площади в 5000 м² не порождает состав неиспользования земельного участка (да, это образует состав правонарушения по ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ[2], но акцент именно на неиспользовании). Собственника такого земельного участка можно будет привлекать к административной ответственности, но изъять земельный участок по мотиву неиспользования не будет возможности, его соседи будут вынуждены постоянно бороться с распространением борщевика с подобного земельного участка.

Во-вторых, дополнительным критерием является превышение сорными растениями высоты в 1 метр. Здесь видятся несколько слабых моментов: не все растения из перечня сорных способны вырасти до 1 метра, но негативные последствия от низкорослых сорняков также имеются. Кроме того, как быть с одновременным определением площади, занимаемой такими сорными растениями? Каждое растение на данной площади должно быть выше 1 метра? Если среди высоких

[1] Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. Ст. 6059.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

растений есть низкорослые – ниже 1 метра, то занимаемую ими площадь необходимо исключать из данных 50%?

Решение данной проблемы в этом случае представляется аналогичным предыдущему – необходимо уйти от количественных критериев, перейдя к качественным. Факт наличия сорных растений из перечня и площадь занимаемой ими территории должны оцениваться применительно к конкретным обстоятельствам деяния.

Общим для двух признаков является срок, в течение которого должно существовать определенное обстоятельство, – один год с момента обнаружения. Анализ причин установления именно годичного срока провести практически невозможно, поскольку пояснительная записка к Постановлению № 826 не содержит соответствующего обоснования[1]. В данном контексте следует отметить, что попытка сведения человеческой деятельности к формальным моделям неизбежно сталкивается с фундаментальными ограничениями, обусловленными субъективной природой времени. Стремление к количественной оценке этих аспектов приводит к упрощению и искажению реальности[2].

Спорный годичный срок в зависимости от конкретных обстоятельств, предопределивших возникновение одного из признаков неиспользования, может быть слишком длительным по времени и способным повлечь более тяжкие негативные последствия для земельного участка. Хранение строительных материалов, зарастание 100% площади земельного участка борщевиком Сосновского или регулярный слив отработанного моторного масла – каждое из данных деяний подпадает под критерий неиспользования, если это происходит на протяжении более одного года. Однако второе и третье являются, очевидно, более опасными как для качества земли и почвы данного земельного участка, так и для имущества собственников соседних земельных участков и экологии в целом.

Как итог, срок, в течение которого должен действовать какой-либо критерий, также должен определяться дифференцированно в зависимости от существа совершаемого деяния.

Для участков, на которых возможно возведение зданий и сооружений, вводятся три дополнительных признака, связанных с наличием и состоянием соответствующих зданий и сооружений.

Первые два признака необходимо рассматривать вместе. Неиспользованием считается, если, во-первых, в течение пяти и более лет отсут-

[1] Федеральный портал проектов нормативных правовых актов «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков». URL: https://regulation.gov.ru/projects/149748/.

[2] См.: *Сото Х.У. де*. Указ. соч. С. 18, 157, 177.

ствуют здания, сооружения, для строительства которых предназначен земельный участок (подп. «б» п. 1 Перечня признаков), во-вторых, в течение семи и более лет отсутствует индивидуальный жилой дом (подп. «в» п. 1 Перечня признаков).

В данных признаках помимо проблемы с количественным определением срока в пять и семь лет есть более серьезные недостатки, нарушающие принцип равенства всех перед законом. В отличие от годичного срока, рассмотренного ранее, данные сроки могут определяться иначе, в том числе на основании судебного акта, – данная возможность благоприятно влияет на защиту права собственности лица.

Однако есть необоснованное различие в возможности изменения данных сроков, признак, установленный подп. «б» п. 1 Перечня признаков (в отличие от подп. «в» п. 1), содержит указание об установлении иного срока, в том числе в разрешении на строительство. Здесь видится прямое противоречие с действующим законодательством, так ч. 19 ст. 51 ГрК РФ[1] определяет, что разрешение на индивидуальное жилищное строительство выдается на 10 лет. Можно прийти к выводу о том, что если владелец осуществляет индивидуальное жилищное строительство в течение семи лет из 10 отведенных согласно разрешению на строительство, то он подпадает под критерий неиспользования земельного участка, поскольку Постановление № 826 не предусматривает продление данного срока на основании выданного разрешения на строительство.

Последний признак посвящен состоянию сохранности уже построенных зданий и сооружений. Подпункт «г» п. 1 Перечня признаков устанавливает наличие на земельном участке не являющихся самовольными постройками зданий, сооружений, у которых в совокупности разрушены крыша, стены, отсутствуют окна или стекла на окнах в течение одного года со дня выявления; если зданий на участке несколько, то признак должен быть у каждого из зданий. Данный признак также сужает потенциальный круг «разрушенных» зданий и сооружений.

Если на земельном участке несколько зданий и сооружений – собственно жилой дом, гараж, баня, гостевой дом, небольшое хозяйственное сооружение, все здания разрушены практически до фундамента, а в приемлемом состоянии находится только последняя хозяйственная постройка, в которой стены полностью целые, но уже отсутствуют крыша и окна, то согласно положениям Постановления № 826 такой земельный участок не будет подпадать под признаки неиспользования,

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

поскольку не у каждого здания или сооружения на участке в совокупности разрушены крыша, стены и отсутствуют окна или стекла на окнах.

Возможным решением «проблемы неиспользуемых земельных участков» видится отмена института изъятия земельных участков в связи с их неиспользованием как такового, поскольку необходимый правовой механизм уже существует в законодательстве.

Наличие сорных растений, осуществление загрязнения почвы, разрушение построек (которое в конечном счете также приведет к зарастанию участка и его загрязнению) в определенный момент времени начнет причинять вред имуществу третьих лиц. Например, сорные растения и загрязнение почвы начнут распространяться на соседние земельные участки, а загрязнение воздуха, воды произойдет на более дальнее расстояние. Данные обстоятельства можно рассматривать как причинение вреда личности или имуществу гражданина, имуществу юридического лица в смысле гл. 59 ГК РФ[1]. Лица, которым причинен вред, подают иск к собственнику земельного участка, поскольку именно имущество на земельном участке причиняет данный вред. Побудить к исполнению решения суда может стремительный рост суммы долга посредством установления астрента (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ[2]). Далее есть два пути: или ответчик возмещает вред и прекращает нарушать права третьих лиц, например, путем борьбы с сорными растениями, или ответчик бездействует и имущество в виде данного земельного участка реализуется с торгов в рамках исполнительного производства.

В итоге в действующей редакции Постановление № 826 не способствует реализации первоначальной цели законодателя, который через введение критериев неиспользования земельных участков желал осуществлять их передачу лицам, которые действительно будут осваивать земельные участки в соответствии с их целевым назначением и способами разрешенного использования. Количественные признаки с одновременным применением логического умножения порождают искажение духа закона, поскольку для граждан, живущих в реальном физическом мире, а не в идеальном мире, существующем лишь в человеческом сознании, значение имеет фактическое воплощение деяния в действительности, а не его формальное соответствие нормам права.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Библиографический список

Андреева Е.М., Левитанус Б.А. Предпосылки принудительного изъятия земель в связи с неиспользованием по целевому назначению // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 7. С. 62–76.

Гребенюк А., Шапенко В. В России с сентября заработают критерии для изъятия заброшенных участков // Жилищное право. 2025. № 8. С. 37–42.

Зеленая У. Россиян предупредили о риске изъятия дач // Жилищное право. 2024. № 11. С. 5–12.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005. 877 с.

Назаров М.Ю. Освоение или изъятие? Риски и возможности для владельцев садовых участков после внесения изменений в земельное законодательство // Хозяйство и право. 2025. № 6 (581). С. 55–65.

Сото Х.У. де. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / ред. А.В. Куряев; пер. Б.С. Пинскер. Челябинск: Социум, 2009. 202 с.

УДК 347.2/.3

ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННИКОВ, ВЛАДЕЮЩИХ СЛОЖНОСОСТАВНЫМИ ОБЪЕКТАМИ, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Ж.И. Седова
Доктор юридических наук,
доцент кафедры международного права.
Российский государственный университет правосудия.
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.
E-mail: Zhanna.sedova@el5-energo.ru

Аннотация. Генерирующие электроэнергетические компании в процессе исполнения требований законодательства РФ в области обеспечения техногенной и антитеррористической безопасности объектов топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) столкнулись со сложностями применения норм, устанавливающих требования по обеспечению безопасности (1) объектов ТЭК и (2) объектов, неразрывно связанных с объектами ТЭК, являющихся объектами регулирования смежных отраслей права и при этом составляющих один неделимый объект. В статье анализируются проблемы, связанные с исполнением требований безопасности собственниками плотины водохранилища, относящейся к тепловой электростанции, и автодороги регионального значения, проходящей по гребню этой плотины. Поскольку плотина и автодорога оказывают влияние на техническое состояние друг друга, то вопросы использования и содержания такого сложносоставного объекта можно урегулировать только посредством заключения соглашения всех заинтересованных сторон в целях защиты публичного интереса – обеспечения техногенной и антитеррористической безопасности плотины как объекта ТЭК и гидротехнического сооружения. Достижение такого соглашения возможно на базе принципа солидаризма.

Ключевые слова: сложносоставной объект, антитеррористическая защищенность, плотина, неделимая вещь, публичный интерес, объект топливно-энергетического комплекса, гидротехническое сооружение, принцип солидаризма.

PROBLEMS OF OWNERS OWNING COMPLEX OBJECTS AND THEIR IMPACT ON PUBLIC INTERESTS

Z.I. Sedova
Russian State University of Justice.
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117420, Russia.
E-mail: Zhanna.sedova@el5-energo.ru

Abstract. In the process of fulfilling the requirements of Russian legislation in the field of ensuring technogenic and anti-terrorist security of fuel and energy complex facilities (hereinafter – FEC), power generating companies have encountered difficulties in applying the norms establishing requirements for ensuring security of (1) FEC facilities and (2) facilities that are inseparably connected with the FEC facility, being the objects of regulation of related branches of law and at the same time constituting one indivisible object. The article analyses the problems related to the enforcement of safety requirements by the owners of a reservoir dam related to a thermal power plant and a regional motorway running along the crest of the dam. Since the dam and the motorway affect each other's technical condition, the issues of use and maintenance of such a complex object can only be regulated by means of an agreement of all interested parties in order to protect the public interest– ensuring the technogenic and anti-terrorist safety of the dam as an object of the fuel and energy complex and a hydraulic structure. Such an agreement can be reached on the basis of the principle of solidarity.

Keywords: compound object, anti-terrorist protection, dam, indivisible thing, public interest, fuel and energy complex facility, hydraulic structure; solidarity principle.

Введение

Практическим примером сложносоставного объекта топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) являются плотина и проходящая по гребню плотины автомобильная дорога.

Плотина является одновременно объектом ТЭК и гидротехническим сооружением (далее – ГТС), находящимся в собственности генерирующей электроэнергетической компании.

Автодорога общего пользования регионального значения принадлежит на праве собственности субъекту Российской Федерации и передана в оперативное управление государственному казенному учреждению по управлению автомобильными дорогами.

Требования, предъявляемые к обеспечению безопасности гидротехнических сооружений, регулируются Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» (далее – Закон № 117-ФЗ), а требования по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК содержатся в Федеральном законе от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (далее – Закон № 256-ФЗ). Таким образом, плотины как объекты ТЭК и ГТС подпадают под регулирование двух указанных законов, устанавливающих обязанности по обеспечению техногенной и антитеррористической безопасности для их собственников, законных владельцев и государственных органов.

Кроме того, автодорога является частью плотины и входит в состав плотины, так как согласно введению Общероссийского классификатора основных фондов[1] «*плотина включает тело плотины, фильтры и дренажи, шпунты и цементационные завесы, водоспуски и водосливы с металлическими конструкциями, крепления откосов, автодороги по телу плотины, мостики, площадки, ограждения и др.*» (выделено автором). Использование автодороги регионального значения существенно влияет на техническое состояние плотины.

Отношения, возникающие в связи с использованием автомобильных дорог и организацией дорожного движения, регулируются Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 257-ФЗ) и Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 443-ФЗ).

Таким образом, для целей исполнения в отношении плотины, по которой проходит автодорога, необходимых мероприятий в области обеспечения техногенной и антитеррористической безопасности необходимо объединение компетенций и усилий множества субъектов права: 1) собственника плотины; 2) собственника (владельца) автодороги; 3) органов и организаций, осуществляющих функции по использованию автомобильных дорог и организации дорожного движения; 4) федеральных органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность за объектами ТЭК и ГТС.

[1] См. «ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Коллизия правового регулирования вопросов безопасности единого объекта, состоящего из плотины и автодороги, проходящей по телу плотины, заключается в следующем:

– с одной стороны, владельцы плотины несут в силу закона обязанности в области обеспечения техногенной и антитеррористической безопасности плотины как объекта ТЭК и ГТС;

– с другой стороны, надлежащее исполнение этих обязанностей зависит от третьих лиц, к чьей компетенции плотина не относится: владельца автодороги, органов и организаций, осуществляющих также в силу закона функции по использованию автомобильных дорог и организации дорожного движения.

Ненадлежащее исполнение требований законов № 256-ФЗ и № 117-ФЗ в отношении плотины водохранилища влечет угрозу возникновения аварии, которая может привести к затоплению части территорий с близлежащими населенными пунктами и как следствие к причинению вреда жизни и здоровью людей, прекращению поставки тепловой и электрической энергии в населенные пункты, повреждению линий электропередачи, автомобильных и железнодорожных мостов, разрушению жилого фонда и имущества жителей. Таким образом, обеспечение безопасности плотины необходимо в целях защиты публичного интереса.

1. Характеристики сложносоставного объекта

В соответствии с п. 1 ст. 133 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) «*вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части*».

Плотина и проходящая по ней автодорога являются составными частями неделимой вещи, несмотря на то что право собственности на указанные части принадлежит генерирующей электроэнергетической компании и субъекту Российской Федерации соответственно. Как было отмечено выше, плотина включает тело плотины и автодороги по телу плотины согласно Общероссийскому классификатору основных фондов (ОК 013-2014 (СНС 2008)).

Д.О. Рахвалова указывает на то, что неделимая вещь характеризуется юридической, фактической и экономической неделимостью[1]. В рассматриваемом примере единого объекта в виде плотины и авто-

[1] *Рахвалова Д.О.* Раздел как способ создания объектов коммерческой недвижимости и приобретения на них права собственности // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 18–26.

дороги речь идет только о фактической неделимости, которая означает физическую невозможность раздела без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения, так как именно в силу конструктивных особенностей раздел неприменим[1]. Здесь следует отметить, что вопрос факта выше вопроса права, в связи с чем фактическая невозможность разделения единого объекта на части превалирует над юридической и экономической неделимостью. Поэтому совокупность триады неделимости является спорной. Правильнее было бы указать на то, что фактической неделимости для характеристики неделимой вещи уже достаточно, но она может быть усилена юридической или экономической неделимостью.

Для целей применения правового режима п. 1 ст. 133 ГК РФ к объекту необходимо наличие у него второго признака – выступления неделимой вещи в обороте как единого объекта вещных прав, в связи с чем необходимо разобраться в том, что именно понимается под словосочетанием «выступает в обороте».

Под «оборотом» следует понимать не только коммерческий оборот, но и сам факт пользования неделимой вещью как единым объектом вещных прав. Например, проехать по автодороге невозможно отдельно от плотины, если автодорога проложена по гребню плотины. Загруженность дороги автотранспортом, интенсивность движения по ней, количество большегрузного транспорта оказывают влияние на техническое состояние плотины. Понятие делового оборота как деятельности гораздо шире процесса заключения сделок. Деятельность по эксплуатации и содержанию плотины и автодороги должна быть организована двумя собственниками с учетом баланса экономических интересов обеих сторон и сохранения технических характеристик плотины и автодороги. Таким образом, у плотины и автодороги в рассматриваемом примере имеется признак выступления неделимой вещи в обороте как единого объекта вещных прав, в связи с чем к ним применим правовой режим неделимой вещи, предусмотренный ст. 133 ГК РФ.

Аналогичная позиция подтверждается судебной практикой:

– в Определении Верховного Суда РФ от 12 сентября 2016 г. № 305-КГ16-10704 по делу № А40-176241/2014 судом установлено, что плотина является неотъемлемой технологической (конструктивной) частью федеральной автодороги общего пользования;

– в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 сентября 2018 г. № Ф04-3652/2018 по делу № А03-14273/2017 судом

[1] *Рахвалова Д.О.* Раздел как способ создания объектов коммерческой недвижимости и приобретения на них права собственности // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 18–26.

установлено, что земляная плотина является частью автомобильной дороги.

В п. 4 ст. 133 ГК РФ установлено, что отношения по поводу долей в праве собственности на неделимую вещь регулируются правилами гл. 16, ст. 1168 ГК РФ.

Статьей 244 гл. 16 ГК РФ предусмотрено следующее:

– «*имущество, находящееся в собственности двух или нескольких лиц, принадлежит им на праве общей собственности*»;

– «*общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона*» (выделено автором).

Учитывая, что автодорога и плотина не могут быть разделены без разрушения или повреждения вещи, то логично утверждение о том, что указанное имущество находится в общей собственности юридического лица и субъекта РФ. Другими словами, два собственника владеют, по сути, комплексом имущества. В частности, В.А. Алексеев относит неделимые вещи, имеющие составные части, к «своего рода комплексам имущества»[1].

Согласно ст. 247 ГК РФ владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом. В соответствии со ст. 253 ГК РФ участники совместной собственности, если иное не предусмотрено соглашением между ними, сообща владеют и пользуются общим имуществом.

Таким образом, режим пользования неделимым имуществом в виде автодороги и плотины (являющихся составными частями одного неделимого объекта) должен быть установлен по соглашению между их собственниками.

В соответствии со ст. 249 ГК РФ каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению.

Автодорога и плотина являются составными частями одного неделимого объекта, раздел которого в натуре невозможен без их разрушения или повреждения, использование автодороги существенно влияет на техническое состояние плотины, в связи с чем в соглашении об использовании и содержании такого сложносоставного объекта должны участвовать:

---

[1] *Алексеев В.А.* Комплексы недвижимости, объединенные общим имуществом // Закон. 2023. № 7. С. 53–65.

– Министерство транспорта и дорожного хозяйства субъекта РФ, которому принадлежит на праве собственности автодорога;

– государственное казенное учреждение, у которого в оперативном управлении находится автодорога; и

– собственник плотины, составляющей совместно с автодорогой единую неделимую вещь.

2. Конкуренция полномочий государственных контрольно-надзорных органов в сфере обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и гидротехнических сооружений

Плотина водохранилища, являющаяся гидротехническим сооружением и объектом ТЭК, находится под государственным надзором:

1) Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (далее – Ростехнадзор) в части обеспечения субъектами ТЭК техногенной безопасности согласно требованиям Закона № 117-ФЗ; и

2) Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия) в части обеспечения субъектами ТЭК антитеррористической защищенности согласно требованиям Закона № 256-ФЗ.

На практике имел место случай, когда Ростехнадзор и Росгвардия провели самостоятельные проверки на предмет соответствия требованиям Закона № 256-ФЗ и пришли к противоположным выводам, в связи с чем возник спор относительно объема компетенций этих контрольно-надзорных органов и их пересечения по вопросам антитеррористической защищенности плотин водохранилищ (см. дело № А60-63768/2023). Такое столкновение компетенций в сфере обеспечения безопасности было вызвано тем, что плотина является одновременно объектом ТЭК и гидротехническим сооружением, в связи с чем поднадзорна двум государственным органам.

2.1. Полномочия Ростехнадзора

Постановление Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 401 «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору» (далее – Постановление № 401) определяет полномочия Ростехнадзора в сфере его деятельности, в том числе: «*Ростехнадзор осуществляет контроль (надзор) за соблюдением в пределах своей компетенции субъектами электроэнергетики и потребителями электрической*

энергии требований к обеспечению безопасности в сфере электроэнергетики» (п. 5.3.1.6 Постановления № 401).

Таким образом, федеральный государственный надзор за обеспечением субъектами электроэнергетики техногенной безопасности гидротехнических сооружений (требований Закона № 117-ФЗ) обеспечивает Ростехнадзор.

Статьей 13 Закона № 117-ФЗ определен предмет федерального государственного надзора в области безопасности гидротехнических сооружений: соблюдение юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем в процессе осуществления деятельности по эксплуатации, капитальному ремонту, консервации и ликвидации гидротехнических сооружений требований к обеспечению безопасности гидротехнических сооружений, установленных настоящим Федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в области безопасности гидротехнических сооружений.

2.2. Полномочия Росгвардии

В п. 1 ст. 6 Закона № 256-ФЗ предусмотрено, что обеспечение безопасности объектов топливно-энергетического комплекса осуществляется субъектами топливно-энергетического комплекса, если иное не установлено законодательством Российской Федерации. Пунктом 1 ст. 7 Закона № 256-ФЗ установлено, что субъекты топливно-энергетического комплекса, владеющие на праве собственности или ином законном основании объектами, которым присвоена категория опасности, обязаны соблюдать установленные Правительством РФ требования по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК, которым присвоена категория опасности.

В соответствии с ч. 4 ст. 6 Закона № 256-ФЗ войска национальной гвардии осуществляют федеральный государственный контроль (надзор) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, в том числе за обеспечением антитеррористической защищенности объектов ТЭК[1].

Предметом государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов ТЭК является соблюдение физическими и юридическими лицами, владеющими на праве собственности или ином законном праве объектами ТЭК, которым присвоена категория

[1] См. п. 7 ч. 1 ст. 2, подп. 22 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», подп. 20 п. 9 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии, утв. Указом Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

опасности, требований по обеспечению безопасности объектов ТЭК и их антитеррористической защищенности в соответствии с Законом № 256-ФЗ[1].

Выполнение требований антитеррористической защищенности плотины, по которой проходит автодорога регионального значения, невозможно без согласования антитеррористических мероприятий с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, уполномоченными осуществлять дорожную деятельность и обеспечивать организацию дорожного движения.

2.3. Полномочия органов в области организации дорожного движения

В ст. 20 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 443-ФЗ) установлено, что государственный контроль (надзор) за реализацией органом исполнительной власти, органами местного самоуправления полномочий в области организации дорожного движения осуществляется министерством дорожного хозяйства и транспорта субъекта РФ.

Также министерство транспорта и дорожного хозяйства субъекта РФ обладает полномочиями по осуществлению дорожной деятельности и организации дорожного движения в отношении автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения, расположенных на территории субъекта РФ, а также полномочиями в сфере организации дорожного движения[2]. Для целей реализации своих полномочий в области организации дорожного движения министерством транспорта и дорожного хозяйства субъекта РФ создано подведомственное государственное казенное учреждение[3].

---

[1] См. п. 5 Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, утв. Приказом Росгвардии от 26 ноября 2020 г. № 466. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См. подп. 5 п. 1 гл. 1 Положения о Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области, утв. постановлением Правительства Свердловской области от 16 ноября 2016 г. № 824-ПП «О Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. п. 5 Положения о Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области, утв. постановлением Правительства Свердловской области от 16 ноября 2016 г. № 824-ПП «О Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии со ст. 13.1 Закона № 257-ФЗ федеральный государственный надзор за соблюдением требований действующего законодательства в области дорожного хозяйства относится к компетенции Федеральной службы по надзору в сфере транспорта[1].

Реализация каждым из вышеуказанных органов своих полномочий требует соблюдения принципа баланса публичных и частных интересов и должна преследовать достижение главной цели – обеспечение безопасности объекта ТЭК.

3. Принцип солидаризма при регулировании спорных ситуаций со сложносоставными объектами

Статья 75.1 Конституции РФ закрепляет принцип солидаризма: в Российской Федерации гарантируется экономическая, политическая и социальная солидарность. Принцип солидаризма является новым, так как появился в Конституции РФ в составе внесенных в нее изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Н.С. Тимофеев относит солидаризм к социально-политической концепции, провозглашающей «первичным и основополагающим фактором жизнь и деятельность любого общества, солидарность их членов»[2], когда общество, государственные органы и хозяйствующие субъекты объединяются для достижения одной общей цели. Таким образом, судебной практике еще предстоит наполнить принцип солидаризма правовым содержанием. Как справедливо указывает Г.А. Гаджиев, для выявления богатства содержания закрепленных в ст. 75.1 Конституции РФ принципов (в том числе экономической, политической и социальной солидарности) необходимо исследовать внутреннюю логику общества и правовой системы[3].

Как было отмечено ранее, автодорога и плотина, являясь сложносоставным объектом, оказывают влияние на техническое состояние друг друга, в связи с чем для целей защиты публичного интереса (обеспечения безопасности плотины и автодороги) вопросы использования и содержания такого объекта можно урегулировать только на базе

---

[1] См. Положение о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта, утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 398. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Тимофеев Н.С.* Местное самоуправление в системе единой публичной власти // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2023. № 2. С. 24–49.

[3] См.: *Гаджиев Г.А.* Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 16–28; ARS IURIS: сб. науч. статей к юбилею Г.А. Гаджиева / под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютина. М.: Статут, 2023. 264 с.

соглашения всех заинтересованных сторон: министерства транспорта и дорожного хозяйства субъекта РФ (которому принадлежит на праве собственности автодорога), государственного казенного учреждения (у которого в оперативном управлении находится автодорога) и собственника плотины. Указанные субъекты в целях недопущения аварии на плотине водохранилища и разрушения автодороги регионального значения, используемых в публичном интересе, обязаны проявить солидарность, объединив свои усилия в достижении компромисса при заключении соглашения об условиях эксплуатации плотины и автодороги как единого сложносоставного неделимого объекта. Недопустимо осуществление эксплуатации автодороги (осуществление дорожной деятельности и организации дорожного движения) в отрыве от соблюдения требований безопасности плотины как в отрыве от объективной реальности.

Активное вовлечение уполномоченных органов и должностных лиц в решение вопроса по обеспечению безопасности плотин, по которым проходят автодороги, без ущерба для осуществления социальной функции, поддержания бизнеса (функционирование промышленных предприятий) является примером применения принципа солидаризма, закрепленного в ст. 75.1 Конституции РФ и направленного на развитие, стабилизацию экономики Российской Федерации и безопасность населения страны.

Библиографический список

Алексеев В.А. Комплексы недвижимости, объединенные общим имуществом // Закон. 2023. № 7. С. 53–65.

ARS IURIS: сб. науч. статей к юбилею Г.А. Гаджиева / под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютина. М.: Статут, 2023. 264 с.

Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 16–28.

Рахвалова Д.О. Раздел как способ создания объектов коммерческой недвижимости и приобретения на них права собственности // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 18–26.

Тимофеев Н.С. Местное самоуправление в системе единой публичной власти // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2023. № 2. С. 24–49.

УДК 347.9

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ – ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ?

Д.А. Федяев
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: fedyaev@perm.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию тенденций реформирования института судебного представительства сквозь призму специфики экономического правосудия. Автором подвергается критическому осмыслению концепция введения адвокатской монополии в арбитражном процессе. Доказывается, что для профессиональных участников гражданского оборота легализованный образовательный ценз является оптимальной и достаточной гарантией оказания квалифицированной юридической помощи, тогда как монополизация рынка консалтинга неизбежно спровоцирует необоснованный рост трансакционных издержек бизнеса и ограничение права на судебную защиту. В качестве иллюстрации регуляторного дисбаланса проанализированы процессуальные аномалии, сложившиеся в практике представительства по делам о банкротстве.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебное представительство, профессиональное представительство, адвокатская монополия.

LAWYER'S MONOPOLY – A TOOL FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF ECONOMIC JUSTICE?

D.A. Fedyaev
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: fedyaev@perm.ru

Abstract. The article investigates the trends in reforming the institution of legal representation through the prism of the specifics of economic justice.

The author critically evaluates the concept of introducing a strict advocacy monopoly in commercial litigation. It is argued that for professional participants in commercial relations, the statutory educational qualification serves as an optimal and sufficient guarantee for the provision of qualified legal assistance, whereas the monopolization of the legal consulting market will inevitably trigger an unjustified increase in business transaction costs and restrict the right to judicial protection. To illustrate the regulatory imbalance, the procedural paradoxes that have emerged in the practice of legal representation in bankruptcy cases are analyzed.

Keywords: commercial litigation, legal representation, qualified legal representation, advocacy monopoly.

Реформирование института судебного представительства в России приобрело характер перманентного процесса, вектор которого неуклонно смещается в сторону ужесточения профессиональных цензов[1]. Важной вехой на этом пути стало принятие Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ[2], установившего образовательный фильтр (наличие высшего юридического образования или ученой степени) для представителей в арбитражном, а также частично в гражданском судопроизводстве. Данный компромиссный подход прошел проверку в Конституционном Суде РФ[3]. Тем не менее Министерство юстиции РФ с завидным упорством инициирует дискуссию о введении полной адвокатской монополии. Этот призрак бродил по коридорам власти еще до проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи 2017 г.[4], периодически материализуясь в новых законотворческих инициативах. Так, не успела стихнуть острая

---

[1] См.: *Латыев А.Н.* Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства // Закон. 2012. № 9. С. 94–104; *Романов А.А.* Профессиональное судебное представительство в гражданском и арбитражном процессах России: этапы пути // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 3–6.

[2] Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Проект распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи». Подготовлен Минюстом России (по состоянию на 24.10.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

полемика вокруг отклоненного Государственной Думой в 2024 г. законопроекта Верховного Суда РФ, предполагавшего окончательное завершение внедрения профессионального представительства в гражданском процессе[1], как последовал очередной радикальный виток в виде недавнего резонансного проекта ведомства по масштабной «адвокатизации» всего цивилистического процесса[2].

На момент написания данного материала этот проект, вызвав беспрецедентную волну отторжения со стороны бизнеса и профессионального сообщества, так и не был официально внесен в Государственную Думу РФ. Однако, зная завидное аппаратное упорство регулятора в продвижении этой идеи, нет никаких гарантий, что концепция жесткой монополии не всплывет вновь при первом удобном случае, что делает ее превентивную научную оценку критически необходимой.

Градус дискуссии оказался настолько высок, что осенью 2025 г. породил ответную, весьма неоднозначную, законодательную реакцию: в Государственную Думу был внесен законопроект № 1027223-8[3], предлагающий установить прямой нормативный запрет на ограничение судебного представительства отсутствием статуса адвоката. С точки зрения юридической техники конструирование подобного превентивного «запрета на запрет» является нормотворческим нонсенсом. Не случайно документ получил негативный отзыв Правительства РФ. Такие декларативные и сугубо популистские демарши не решают фундаментальную проблему качества юридических услуг и дисциплинарной ответственности представителей, а лишь демонстрируют, что полемика между государством и юридическим сообществом окончательно зашла в методологический тупик.

Следует признать, что на сегодняшний день классическая академическая дискуссия о плюсах и минусах адвокатской монополии в значительной степени исчерпала себя. Доктринальные аргументы о необходимости защиты социально уязвимых граждан от недобросовестных юристов, с одной стороны, и риск удорожания юридической помощи – с другой, были глубоко и всесторонне исследованы[4].

---

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 235526-8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Адвокатская монополия на представительство в суде. URL: https://www.law.ru/article/28652-advokatskaya-monopoliya-na-predstavitelstvo-v-sude.

[3] Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 1027223-8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] См., например: *Бумагин А.Н.* Адвокатская монополия и ответственность адвоката за злоупотребление процессуальными правами в свете реализации конституционных норм // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 48–50; *Звягина Н.С., Баев В.Д.* Проблемы профессионального представительства в гражданском и административном

Разделяя позицию авторов, выступающих против тотальной монополизации рынка, и избегая дублирования устоявшихся аргументов, полагаем возможным сместить фокус исследования на арбитражный процесс. Как справедливо подчеркнул Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П, «реализация дискреционных полномочий в сфере нормативного регулирования института судебного представительства требует от законодателя учитывать особенности конкретного вида судопроизводства, а равно правовую природу представляемого лица (гражданина, организации, публичного образования)»[1].

Опираясь на эту правовую позицию, можно утверждать, что если в судах общей юрисдикции патерналистский подход государства еще поддается логическому объяснению, то применительно к арбитражному процессу он выглядит по меньшей мере инородным телом. В сфере экономического правосудия адвокатская монополия объективно лишена своего главного декларируемого смысла – защиты слабой стороны. Ее внедрение в жесткой форме следует рассматривать не как инструмент повышения качества судебной защиты или процессуальной экономии, а как искусственный административный барьер, продиктованный сугубо ведомственными интересами регулятора по этатизации рынка юридических услуг.

Официальный дискурс, сопровождающий любые попытки введения адвокатской монополии, неизменно строится на концепте государственной заботы. В пояснительных записках к соответствующим законопроектам в качестве *ratio legis* указывается необходимость очищения рынка от неквалифицированных специалистов, обеспечения единых этических стандартов и возможности привлечения представителя к строгой дисциплинарной ответственности силами

судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 1. С. 88–95; *Петрякова А.В.* Адвокатская монополия в России: pros & cons // Адвокатская практика. 2020. № 5. С. 9–15; *Попова Д.Г.* Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84–91; *Тай Ю.В.* Реформа рынка юридических услуг. Принять неизбежное // Закон. 2017. № 11. С. 38–54. *Фомина О.Ю.* Профессиональное представительство: доводы за и против // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 95–101; *Ярков В.В.* Проект процессуальной реформы: quo vadis? // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 10–14.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

адвокатских палат. Предполагается, что наличие адвокатского статуса априори выступает знаком качества и страховкой от процессуальной недобросовестности.

При этом инициативы по монополизации страдают очевидным эмпирическим вакуумом. В обоснованиях к законопроектам полностью отсутствуют достоверные статистические данные или результаты общественных опросов, свидетельствующие о массовом нарушении прав доверителей именно «нестатусными» юристами[1]. Право на квалифицированную помощь, закрепленное в ст. 48 Конституции РФ, означает обязанность государства обеспечить высокий уровень такой помощи желающим, а не обязанность бизнеса пользоваться исключительно услугами адвоката.

Подобная риторика разбивается о суровую прагматику арбитражного процесса. Субъекты предпринимательской деятельности – это профессиональные участники гражданского оборота, действующие на свой риск. В B2B-сегменте заказчик не нуждается в государственном патернализме при выборе консультанта: бизнес обладает достаточными ресурсами для детальной проверки привлекаемой юридической фирмы или индивидуального представителя, оценки репутации, профессионализма, рейтинга и успешности судебной практики. Конкуренция на рынке свободного бизнес-консалтинга выступает куда более безжалостным и эффективным фильтром качества, нежели механизмы корпоративного контроля внутри адвокатских палат.

Российский арбитражный процесс уже имеет весьма поучительный исторический опыт внедрения подобной монополии, о котором инициаторы реформ предпочитают не вспоминать. В первоначальной редакции ч. 5 ст. 59 действующего АПК РФ была закреплена норма, допускавшая в качестве представителей организаций исключительно их руководителей, лиц, состоящих в штате, либо адвокатов, что явилось своего рода реинкарнацией ст. 36 АПК РФ 1992 г. и вызвало заслуженную критику в науке[2]. Закономерной реакцией бизнес-сообщества стало создание юридического суррогата: сторонние консультанты на период рассмотрения спора для выступления в арбитражном суде были вынуждены временно наниматься работниками на представляемое предприятие и таким образом, обходя закон, выходить из создавше-

[1] См.: *Фомина О.Ю.* Указ. соч. С. 97; *Халатов С.А.* Достаточность адвокатов для оказания квалифицированной юридической помощи на примере населения Свердловской области // Вестник гражданского процесса. 2017. № 1. Т. 7. С. 249–260.

[2] *Шерстюк В.М.* Арбитражный процесс (в вопросах и ответах). Комментарии, рекомендации, предложения по применению Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2004. Гл. I, пар. 1.4, п. 16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

гося положения[1]. Вместо повышения качества процесса законодатель получил процессуальный фарс, при котором суды были вынуждены тратить время на проверку фиктивных приказов о приеме на работу, а не на рассмотрение спора по существу[2]. Благо такая практика просуществовала совсем недолго – до Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П, признавшего данное ограничение неконституционным[3].

Опираясь на этот прецедент, Конституционный Суд РФ в дальнейшем неоднократно подчеркивал (в частности, в уже упомянутом Постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П), что любое отступление от принципа диспозитивности при выборе представителя в арбитражном процессе допустимо лишь в том случае, если подобные ограничения продиктованы конституционно значимыми целями. Применение этого догматического теста к современным инициативам о тотальной адвокатской монополии обнажает их правовую несостоятельность. Очевидно, что ведомственное стремление регулятора к административному контролю и этатизации рынка консалтинга не образует «конституционно значимой цели», способной оправдать масштабное поражение бизнеса в праве на свободный выбор квалифицированного защитника.

Если декларируемая забота о качестве является лишь симулякром применительно к экономическому правосудию, то целесообразно проанализировать иные возможные предпосылки предлагаемых реформ. Предположим, что лоббирование монополии и принудительная интеграция всех судебных представителей в адвокатуру – при одновременном расширении полномочий самого Минюста по контролю над адвокатскими палатами, включая механизмы ведомственного обжалования решений органов адвокатского самоуправления, – позволит создать жесткую, управляемую вертикаль. В этой парадигме арбитражный процесс и потребности субъектов экономики выступают лишь сопутствующим ущербом в глобальной задаче по выстраиванию прозрачного, фискально и дисциплинарно подконтрольно-

---

[1] *Шерстюк В.М.* Отрицание отрицания в арбитражном процессуальном законодательстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 2. С. 35.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (абзац четвертый пункта 11)». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

го государству механизма оказания юридических услуг. Спорность предлагаемых мер усугубляется механизмами переходного периода, допускающими получение статуса адвоката путем упрощенного онлайн-тестирования, что девальвирует саму идею повышения квалификационных стандартов.

Сторонники введения жесткой монополии регулярно используют компаративистский аргумент, ссылаясь на то, что исключительное право адвокатов на судебное представительство является признанным мировым стандартом, и приводя в качестве примера опыт Германии с ее институтом *Anwaltszwang* (адвокатской монополии) или классическое разделение профессий в Великобритании. В свою очередь противники данной инициативы настаивают на том, что механическая трансплантация западной гильдейской модели в российские реалии носит деструктивный характер и игнорирует исторические особенности формирования отечественного рынка[1].

Слепое копирование зарубежного опыта в данном случае методологически ошибочно. В России исторически сложилось так, что наиболее мощная узкоотраслевая экспертиза в сфере экономики (сопровождение крупных инвестиционных проектов, налоговое структурирование, таможенные споры, комплексное банкротство) формировалась и аккумулировалась именно в рамках независимых консалтинговых компаний. Традиционная же адвокатура долгие годы была органично сфокусирована преимущественно на уголовном судопроизводстве и защите физических лиц в судах общей юрисдикции.

Попытка загнать высокопрофессиональный юридический консалтинг в прокрустово ложе адвокатуры порождает непреодолимый догматический и логический парадокс. Суть его сводится к следующему: корпорации безоговорочно разрешено делегировать защиту своих интересов в арбитражном суде собственному штатному юристу, не обладающему статусом адвоката. Однако если та же самая корпорация в силу исключительной сложности спора решает привлечь внешнюю команду профильных специалистов, чья квалификация объективно превосходит компетенции штатного юриста, то инициаторы реформы предлагают запретить ей это делать без обращения к адвокату.

Не говоря уже о том, что базовый статус адвоката, предполагающий сдачу единого квалификационного экзамена по всем отраслям права, сам по себе не формирует необходимых компетенций для участия в сложном коммерческом споре. Пусть прозвучит банально, но специалист по налоговому праву может досконально знать специфику возмещения НДС, но не обязан обладать глубокими познаниями в кри-

[1] *Звягина Н.С., Баев В.Д.* Указ. соч. С. 89.

миналистике или семейном праве, которые требуются для получения адвокатского удостоверения. Требование к такому специалисту получить статус адвоката для выступления в арбитражном суде представляет собой искусственный барьер, не добавляющий никакой добавленной стоимости его непосредственному доверителю.

В целом, на наш взгляд, существующий на текущий момент в арбитражном процессуальном законодательстве образовательный ценз представляет собой оптимальную, соразмерную и достаточную границу вмешательства государства в сферу экономического правосудия.

Прежде чем обсуждать тотальную адвокатскую монополию, необходимо взглянуть на актуальную судебную статистику. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, из 938 тыс. неоконченных дел по состоянию на 1 января 2025 г. 550 тыс. составили дела о банкротстве, т.е. более 58%[1]. При этом именно в этой значимой и финансово емкой сфере экономического правосудия институт профессионального представительства де-факто не работает. Еще в 2020 г. в Обзоре судебной практики № 1 (2020)[2] Верховный Суд РФ легитимировал процессуальный «костыль», обосновав специальным характером ст. 36 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[3] по отношению к ч. 3 ст. 59 АПК РФ возможность представительства в арбитражном процессе в делах о банкротстве лицами, не имеющими высшего юридического образования.

Возникает закономерный вопрос: почему для одной из самых сложных и многогранных категорий дел, изобилующей обособленными спорами о субсидиарной ответственности и оспаривании сделок, был создано подобное регуляторное исключение? Сложно избавиться от подозрения, что ответ кроется не в заботе о гражданах, а в сугубо государственном прагматизме. Наиболее частым участником банкротных дел выступает уполномоченный орган – Федеральная налоговая служба (ФНС России). На момент вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ интересы казны в судах по делам о банкротстве массово представляли рядовые налоговые инспекторы, обладающие профильным образованием, но отнюдь не высшим юридическим.

---

[1] Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 6 месяцев 2025 г. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9302.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г. Раздел «Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике». Вопрос 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Если бы образовательный ценз применялся в банкротстве бескомпромиссно, это привело бы к параличу представительства интересов государства в арбитражном процессе по делам о банкротстве. ФНС России пришлось бы экстренно мобилизовать колоссальные кадровые ресурсы для участия в тысяче рутинных заседаний по всей стране. Государство, руководствуясь принципом процессуальной экономии для себя, элегантно вывело собственных представителей из-под действия общего правила. Однако этот факт обнажает методологическое лукавство инициаторов адвокатской монополии. Регулятор пытается навязать частному бизнесу дорогостоящие услуги адвокатов в обычных хозяйственных спорах под лозунгом повышения качества правосудия, но при этом закрывает глаза на то, что более чем в трети (если не в половине, учитывая обособленные споры) арбитражных дел представители вообще не обязаны иметь юридическое образование.

В этой связи, думается, вектор реформ должен начинаться не с насаждения адвокатских гильдий, а с ликвидации существующих процессуальных аномалий. Вместо введения тотальной монополии Минюсту целесообразно присмотреться к реализации института представительства в делах о банкротстве, невзирая на ведомственные интересы налоговых органов.

В качестве еще одной альтернативы адвокатской монополии отдельного критического осмысления заслуживает идея частичного заимствования института так называемого принудительного представительства из административного судопроизводства по аналогии с правилом ч. 9 ст. 208 Кодекса административного судопроизводства РФ, обязывающей граждан, участвующих в делах об оспаривании нормативных правовых актов и не имеющих юридического образования, вести дела через представителей, имеющих такое образование.

Однако, поскольку данный подход был подвергнут критике даже применительно к административному судопроизводству[1], хотелось бы предостеречь от попыток его сплошной механической экстраполяции на арбитражный процесс. Пресекая подобные регуляторные аналогии, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П указал, что такие подходы, «будучи продиктованы спецификой административного судопроизводства с участием граждан по конкретным делам, предметом которых были публичные отношения, не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической де-

[1] См.: *Бурнос Е.Н.* О барьерах при подаче административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта: право и практика // Право и практика. 2025. № 4. С. 138; *Ильин А.В.* Обязанность вести дело через представителя при оспаривании нормативных правовых актов // Закон. 2016. № 7. С. 72–82.

ятельности, не могут быть автоматически распространены на любые дела с участием организаций в арбитражном процессе».

Оспаривание нормативного правового акта – это конфликт публично-правового порядка[1], где жесткий образовательный фильтр объективно защищает сферу публичных интересов и институты нормоконтроля от дилетантского вмешательства[2]. Споры, относящиеся к компетенции арбитражных судов, напротив, по определению имеют ярко выраженную экономическую, частноправовую природу. Лишение субъекта малого или микробизнеса, к числу которого относятся многие индивидуальные предприниматели, права на личную защиту своих интересов в суде первой или апелляционной инстанции создаст неблагоприятную ситуацию. При взыскании рядового долга по шаблонному иску нормативное принуждение к найму профессионального защитника сформирует неоправданный финансовый барьер, при котором издержки могут превысить цену иска. Подобный избыточный патернализм неизбежно вступит в прямое противоречие с конституционным правом на доступ к правосудию.

Вместе с тем концепция «принудительного» профессионального представительства приобретает иное звучание и может стать предметом отдельной научной дискуссии, если применить к ней дифференцированный подход, учитывающий специфику категорий рассматриваемых дел, состава участников и инстанционного устройства системы арбитражных судов. В доктрине обоснованно указывается на теоретическую допустимость выделения особо сложных категорий дел (например, по групповым спорам), требующих обязательного участия профессионального представителя в целях обеспечения подлинной состязательности и максимально эффективного рассмотрения. Если в судах общей юрисдикции такой подход таит риск ограничения доступа граждан к правосудию по материальному признаку[3], то в коммерческом правосудии точечное введение образовательного ценза для самих сторон в отдельных случаях видится вполне оправданным шагом. В частности, представляется допустимым обсуждение гипотезы, при которой введение обязательности образовательного ценза непосредственно для участников процесса при самостоятельном ведении ими дела могло бы рассматриваться как мера процессуальной фильтрации исключительно на стадиях обжалования, начиная с первой кассации.

---

[1] *Султанов А.Р.* Борьба за обжалование. М.: Статут, 2022. С. 388.

[2] См. абзац второй п. 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Звягина Н.С., Баев В.Д.* Указ. соч. С. 92.

Следует оговориться, что идея инстанционной дифференциации профессиональных цензов не нова. Еще в 2016 г. В.М. Шерстюк, рассуждая о векторах развития процессуального законодательства, предложил в качестве пилотного шага введение адвокатской монополии на ведение дел, например, в Верховном Суде РФ или в судах кассационной инстанции и в Верховном Суде РФ[1].

В силу пределов рассмотрения дела суд кассационной инстанции не устанавливает новые обстоятельства и не переоценивает доказательства, а проверяет исключительно правильность применения судами норм материального и процессуального права. На этом этапе разбирательство отрывается от бытовой фактуры и переходит в сферу правовой догматики, где лицо без профильного образования объективно чаще всего беспомощно. Выступления непрофессиональных участников в проверочных инстанциях зачастую сводятся к эмоциональным попыткам инициировать недопустимую переоценку доказательств, что вхолостую расходует процессуальное время суда. Установление компетентностного фильтра на стадии кассационного производства позволило бы обеспечить подлинную процессуальную экономию и повысить качество формирования судебной практики, сохранив при этом беспрепятственный доступ к правосудию на старте разрешения спора.

Однако прежде, чем переводить подобную гипотезу в плоскость реальных законотворческих инициатив, необходимы достоверные количественные данные о том, какой именно процент от общего числа кассационных жалоб подается и поддерживается в арбитражных судах округов непосредственно участниками, не имеющими юридического образования и действующими без привлечения представителей. На сегодняшний день таковые в открытом доступе отсутствуют. Поэтому приведенная конструкция на настоящем этапе должна рассматриваться не как законодательное предложение, а лишь как исследовательская модель, пригодная для дальнейшего осмысления при наличии соответствующих эмпирических данных.

Весьма вероятно, что масштаб проблемы неквалифицированного личного участия на стадии кассационного производства преувеличен и в суровой экономической реальности субъекты предпринимательской деятельности, дошедшие до третьей инстанции, и так в подавляющем большинстве случаев прибегают к услугам профессиональных юристов. Если это предположение подтвердится, то нормативное закрепление «принудительного» профессионального представительства станет таким же примером избыточного правового регулирования, на-

[1] *Шерстюк В.М.* Категории «действительность» и «возможность» в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 10–32.

правленного на решение искусственно сконструированной проблемы, как и предложение Минюста об адвокатской монополии.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод о том, что внедрение адвокатской монополии в арбитражный процесс не приведет к повышению стандартов оказания юридических услуг или качества правосудия. Напротив, эта мера разрушит сложившуюся высококонкурентную экосистему бизнес-консалтинга, лишит субъектов предпринимательской деятельности права на свободный выбор квалифицированного защитника и превратит арбитражный процесс в закрытый клуб, вход в который обусловлен формальной корпоративной принадлежностью, а не реальными профессиональными знаниями и навыками.

Попытки Минюста монополизировать рынок судебного представительства под эгидой адвокатуры представляют собой пример избыточного регуляторного вмешательства, не отвечающего запросам гражданского оборота. В арбитражном процессе, где участниками, как правило, выступают профессиональные субъекты экономики, искусственное ограничение конкуренции приведет лишь к росту издержек бизнеса и как следствие к снижению доступности правосудия без сопоставимого повышения его качества.

Библиографический список

Бумагин А.Н. Адвокатская монополия и ответственность адвоката за злоупотребление процессуальными правами в свете реализации конституционных норм // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 48–50.

Бурнос Е.Н. О барьерах при подаче административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта: право и практика // Право и практика. 2025. № 4. С. 135–144.

Звягина Н.С., Баев В.Д. Проблемы профессионального представительства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 1. С. 88–95.

Ильин А.В. Обязанность вести дело через представителя при оспаривании нормативных правовых актов // Закон. 2016. № 7. С. 72–82.

Латыев А.Н. Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства // Закон. 2012. № 9. С. 94–104.

Романов А.А. Профессиональное судебное представительство в гражданском и арбитражном процессах России: этапы пути // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 3–6.

Петрякова А.В. Адвокатская монополия в России: pros & cons // Адвокатская практика. 2020. № 5. С. 9–15.

Попова Д.Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84–91.

Султанов А.Р. Борьба за обжалование. М.: Статут, 2022. 590 с.

Тай Ю.В. Реформа рынка юридических услуг. Принять неизбежное // Закон. 2017. № 11. С. 38–54.

Фомина О.Ю. Профессиональное представительство: доводы за и против // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 95–101.

Халатов С.А. Достаточность адвокатов для оказания квалифицированной юридической помощи на примере населения Свердловской области // Вестник гражданского процесса. 2017. № 1. Т. 7. С. 249–260.

Шерстюк В.М. Арбитражный процесс (в вопросах и ответах). Комментарии, рекомендации, предложения по применению Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2004. 240 с.

Шерстюк В.М. Категории «действительность» и «возможность» в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 10–32.

Шерстюк В.М. Отрицание отрицания в арбитражном процессуальном законодательстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 2. С. 11–42.

УДК 347.2

ПРАВОВЫЕ (ЗАКОННЫЕ) ИНТЕРЕСЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ВЕЩНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Р.Х. Хабичев
Аспирант факультета подготовки специалистов для судебной системы.
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева.
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.
E-mail: khabi.99@mail.ru

Аннотация. Автором на основании системно-деятельностного подхода исследовано понятие правовых (по терминологии законодательства – законных) интересов. Использование в позитивном праве понятий «законный интерес» и «субъективное право» свидетельствует об отсутствии тождества между ними, при этом данные понятия фактически не являются однопорядковыми: субъективное право связано с его отражением в конкретной норме объективного права, тогда как «законный интерес» признается не нормой права, а принципом права, для которого характерен значительный уровень абстракции. В связи с указанной спецификой проанализированы специфические признаки «законных интересов». Сделан вывод о том, что «законный интерес» расширяет сферу дозволений, в которых существует субъективное право.

Ключевые слова: интерес, правовой интерес, законный интерес, субъективное право, вещное право, правовая цель, правовое средство.

LEGAL (LEGITIMATE) INTERESTS IN CIVIL LAW: THE SUBSTANTIVE AND LEGAL ASPECT

R.Kh. Khabichev
Lebedev Russian State University of Justice.
69, Novocheremushkinskaya str., Russia, 117418, Moscow.
E-mail: khabi.99@mail.ru

Abstract. The author, on the basis of the system-activity approach, has investigated the concept of legal (in the terminology of legislation – legitimate) interests. The use of the concepts of «legitimate interest» and «subjective law»

in positive law indicates the absence of identity between them, while these concepts are not actually of the same order: subjective law is associated with its reflection in a specific rule of objective law, whereas «legitimate interest» is recognized not as a rule of law, but as a principle of law, which is characterized by a significant level of abstraction. In connection with these specifics, the specific features of «legitimate interests» are analyzed. It is concluded that «legitimate interest» expands the scope of permissions in which subjective law exists.

Keywords: interest, legal interest, legitimate interest, subjective law, property law, legal purpose, legal remedy.

Право и интерес как явления действительности тесно связаны между собой. Не случайно основоположник юриспруденции интересов Р. Иеринг прямо отмечал, что «с интересами народа также изменяется его право, назначение которого в том именно и заключается, чтобы охранить непреложные жизненные требования общества путем принуждения»[1]. Таким образом, с позиции социологии права сущность самого права раскрывается через отражение (регламентацию) и защиту интересов социума.

Предполагается, что методологически верным является исследование правовых интересов посредством системно-деятельностного подхода. Так, по мнению Л. Берталанфи, явления окружающей действительности подлежат исследованию с позиции общей теории систем, в основе которой лежит принцип целостности системы[2].

Право, включая вещное право, как система само является элементом системы более высокого уровня (социальный системы) и не может существовать вне социума. В этом смысле право производно от общественных отношений и неизбежно отражает в себе различные интересы индивидов, социума, государства. В связи с этим В.А. Сапун справедливо отмечает, что право может решать свои задачи только потому, что оно материализуется в деятельности людей[3].

Интерес же является одним из центральных и базовых явлений для всех социальных наук, поскольку всякая деятельность, в том числе и правореализационная, всегда связана с определенными интересами

---

[1] *Иеринг Р.* Интерес и право. Ярославль: Тип. губ. зем. управы, 1880. С. 83.

[2] *Берталанфи Л.* Общая теория системы: критический обзор // Исследования по общей теории систем / под общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23, 24.

[3] *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 37–38.

субъекта, которые предопределяют направление самой деятельности. Еще Гегель писал, что «вообще ничто не осуществляется без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью»[1].

Таким образом, с позиции теории систем право (управляющая система) и деятельность, обусловленная определенным интересом (управляемая система), находятся во взаимосвязи и на них воздействует принцип обратной связи. Так, с одной стороны, правовое регулирование регламентирует социально значимое поведение[2], а с другой – право содержит правовые средства для достижения целей деятельности, в связи с чем неизбежно отражает в себе определенные интересы, в чем и проявляется единство категорий диалектики «цель» и «средство». Следовательно, как отмечает А.Я. Курбатов, право опосредованно воздействует на интересы, определяя материальные условия существования и деятельности[3].

Указанное свидетельствует об отражении и признании со стороны права не всех существующих в обществе интересов, на основе чего Ю.С. Гамбаров справедливо писал, что «не все интересы пользуются защитой и ведут к праву»[4]. Является бесспорным существование наряду с правовыми также и противоправных интересов.

Характеризуя взаимодействие интересов и права, А.В. Малько отмечает, что при положительной оценке интересов со стороны государства оно предоставляет субъекту возможности для их удовлетворения, которые приобретают свойства законных; если интересы носят антиобщественный характер, государство препятствует в их реализации и указанные интересы признаются незаконными[5].

Понятия «законный интерес», «охраняемый законом интерес» прочно вошли в правовую действительность. Так, термин «законный интерес» использовался еще в нормативных правовых актах прошлого столетия – например, в ст. 4 Положения ВЦИК о народном суде РСФСР от 30.11.1918[6], ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР

---

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. С. 24.

[2] *Кирпичев А.Е.* Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 37.

[3] *Курбатов А.Я.* Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2001. № 1.

[4] *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. С. 376.

[5] *Малько А.В.* Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61.

[6] О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

и республик 1991 г.[1] В настоящее время понятие «законные интересы» используется в ч. 2 ст. 36 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ[2], а также в отраслевом законодательстве – например, в п. 2 ст. 1, п. 3 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее – ГК РФ); в ст. 13, п. 9 ст. 67.2, п. 2 ст. 149.4, п. 2 ст. 209, п. 3 ст. 222 ГК РФ также используется понятие «охраняемый законом интерес». При этом, несмотря на отсутствие терминологического единства, общим является использование в позитивном праве данного понятия в качестве однопорядкового с субъективными правами, что обусловливает проблему выявления сущностных признаков законных (правовых) интересов. Кроме того, понятие «законный интерес» используется также и в иностранных юрисдикциях – в частности, в ст. 24 Конституции Итальянской Республики[4], ст. 21 и 52 Конституции Румынии[5], ст. 103 Конституции Кыргызской Республики[6], п. 3 ст. 110 Конституции Туркменистана[7].

Вместе с тем, несмотря на широкое распространение, в доктрине сущность «законного» интереса в гражданском праве в целом и в вещном праве в частности остается дискуссионной, что детерминировано, с одной стороны, основополагающим (базовым) характером интереса, а с другой – отсутствием в позитивном праве легального определения данного понятия.

Как отмечает М.В. Першин, исходная посылка исследования законного интереса состоит в том, что он основан на законе[8]. В литературе законный интерес также рассматривается через призму синтеза права и интересов[9]. Однако данная позиция требует уточнения, ведь интерес в абстрактной форме может быть отражен и признан не только в законах, но и в любых правовых актах, а также в иных формах права

---

[1] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] URL: https://www.governo.it/it/costituzione-italiana/parte-prima-diritti-e-doveri-dei-cittadini/titolo-i-rapporti-civili/2844.

[5] URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Romania_2003.

[6] Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-.

[8] *Першин М.В.* Частноправовой интерес: понятие, правообразование, реализация: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 154.

[9] *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 26.

(например, в принципах права), в связи с чем наиболее корректно, на наш взгляд, использование понятия «правовой интерес»[1], в противном случае существует риск возникновения логических ошибок.

Таким образом, представляется необходимым использовать термин «правовой интерес», позволяющий подчеркнуть соответствие интересов субъекта всей совокупности правовых регуляторов, что соответствует обозначенному взаимодействию права (управляющей системы) и интереса как элемента деятельности (управляемой системы). Только в этом случае объем и содержание понятия будут совпадать.

Указанное также свидетельствует о наличии дихотомии: правовых и противоправных интересов. В связи с чем одним из сущностных признаков правовых интересов является их соответствие совокупности действующих правовых регуляторов, т.е. непротивоправность, на что также указывал Н.В. Витрук[2].

Обобщая различные позиции относительно сущности правового (законного) интереса, А.В. Малько обращает внимание на понимание «законных интересов» в широком и узком смысле: в широком смысле понятие охватывает как интересы, опосредованные в субъективных правах (и юридических обязанностях), так и интересы, выраженные в самом понятии «законные интересы». В узком же смысле слова – только последние[3].

Проявление указанной двойственности связано с тем, что интересы, являясь атрибутом деятельности, относящимся к целеполаганию, тесно связаны и с правовыми средствами для достижения целей, что обусловлено действием диалектического закона единства и борьбы противоположностей, свойственного таким парным категориям, как цель и средства. Указанное проявляется в том, что в средстве та или иная цель получает определенность и конкретность[4]. В частности, в доктрине обращается внимание на использование в качестве средств достижения правовой цели юридических инструментов, закрепленных в нормах права[5].

---

[1] См.: *Ершов В.В.* Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020. С. 450; *Кулаков В.В., Воронов И.Ю.* Баланс интересов работника и работодателя // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 216.

[2] *Витрук Н.В.* Основные теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. С. 149.

[3] *Малько А.В.* Законные интересы советских граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 65.

[4] *Трубников Н.Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968. С. 68.

[5] *Филиппова С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. С. 22.

К примеру, интерес лица во владении и использовании вещи может быть удовлетворен посредством различных правовых средств: приобретение вещи в собственность в рамках предусмотренных правом первоначальных (например, изготовление или создание вещи (п. 1 ст. 218 ГК РФ)) и производных оснований (например, договор купли-продажи, мена, дарение (п. 2 ст. 218 ГК РФ)); обладание вещью на ограниченном вещном праве (например, в рамках договора аренды, безвозмездного пользования) и т.д.

Таким образом, цель и интерес могут быть реализованы путем использования различных правовых средств, в связи с чем значение интереса в целеполагании, на наш взгляд, состоит не только в осмыслении потребности в определенном благе, что на сегодняшний день в доктрине фактически устоялось[1], но и в установлении правовых средств, способных с учетом финансовых и иных возможностей данного субъекта удовлетворить его правовой интерес. На данную особенность обращают внимание Е.П. Ильин[2] и А.А. Завгородняя[3].

Однако означает ли это, что правовой (законный) интерес в узком смысле представляет собой не элемент целеполагания, а правовое средство? На наш взгляд, использование в законодательстве понятия «законный интерес» по существу есть лишь прием юридической техники, позволяющий использовать собирательную категорию, в которую посредством системно-логического метода включаются все интересы, не опосредованные объективным правом, но охватываемые либо несколькими нормами права в их системной связи, либо принципами права как наиболее абстрактной формой права[4]. Фактически частный интерес, выраженный в деятельности, признается, реализуется и защищается правом путем использования в качестве правового инструментария не самого «законного интереса» как правового средства, а правовых принципов, которые прикрыты за ширмой «законного интереса».

Следовательно, правовой интерес относится к категории целей, поскольку он непосредственно связан с лицом. Данный подход при-

---

[1] См., например: *Субочев В.В.* Законные интересы / под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2008. С. 8, 12, 23; *Архипов И.В.* Критерии баланса интересов: цивилистический аспект // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 9; *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008; *Мотова Е.А.* Генезис категории интереса в российской политико-правовой доктрине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 13, 14.

[2] *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. С. 169.

[3] *Завгородняя А.А.* Интересы в праве: сущность, виды, соотношение: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 28.

[4] *Витрук Н.В.* Система прав личности // Права личности в социалистическом обществе. М., 1981. С. 108–109.

знается и в доктрине[1]. Однако он также отражается в самом праве, поскольку свойство «правового» приобретается в случае признания данного интереса правопорядком. Данную специфику наглядно демонстрирует Р. Паунда, согласно которому существует неразрывная связь интереса с его носителем, а также возможность правом лишь признания интереса, но не создания[2], т.е. правовое регулирование есть внешний по отношению к лицу набор средств, отражающих интерес и способных его удовлетворить и/или защитить.

Большинство ученых разграничивают субъективные права и «законные интересы», а также рассматривают их в качестве различных форм признания и защиты интересов субъектов права[3]. С этим соглашается и А.В. Малько, отмечая, что речь идет о различных правовых дозволенностях[4].

Наиболее гарантированным и типичным для правопорядка правовым средством являются субъективные права, которые взаимообусловлены юридическими обязанностями. Возникновение субъективного права связано с существованием объективного права, которое вследствие юридического факта трансформируется в субъективное. К примеру, при приобретении движимой вещи в собственность в момент ее передачи (осуществления распорядительного акта) покупатель становится собственником и приобретает субъективное право собственности на данную вещь (п. 1 ст. 223 ГК РФ).

Таким образом, субъективное право является высшей правовой возможностью, которая отличается коррелятивностью, т.е. ей всегда противостоит юридическая обязанность, а вместе они составляют структурные элементы правоотношения. Следовательно, можно согласиться с Е.Я. Мотовиловкером, что «там, где интерес становится «интересным» для закона, там возникают юридические субъективные право и обязанность, появляется связь возможного с должным, возникает норма и правоотношение»[5], т.е. само субъективное право (возможность) гарантируется обязанностью (необходимостью) другой стороны.

---

[1] См.: *Пугинский Б.И.* Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. С. 73; *Филиппова С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 39–40.

[2] *Pound R.* Interests of personality // Harvard Law Review. Vol. XXVIII. 1915. № 4. P. 343, 344.

[3] См., например: *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы жизни, теории и практики // Правоведение. 2014 № 2. С. 84–98.

[4] *Малько А.В.* Законные интересы советских граждан. С. 70.

[5] *Мотовиловкер Е.Я.* Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. С. 42.

Иными словами, в отличие от субъективного права «законный интерес» есть «простая возможность», гарантированная в меньшей степени. Он, как отмечается в доктрине, лишь выступает в качестве разрешенности, незапрещенности[1], основанной тем не менее на действующей системе правового регулирования.

Приведем хрестоматийный пример: собственник земельного участка, руководствуясь п. 3 ст. 209 ГК РФ, возвел забор, отделяющий его участок от участка соседа, в связи с чем часть соседнего земельного участка была им затенена. Налицо наличие двух конфликтующих интересов, связанных с использованием земельных участков их собственниками по своему усмотрению: огородить участок (интерес собственника *А*) и использовать затененную часть участка, например, для выращивания плодовых культур (интерес собственника *Б*), однако реализация интереса собственником *Б* затруднена в связи с затенением.

В данном случае, несмотря на пересечение интересов собственников соседних земельных участков, интерес *А* гарантирован правомочиями владения и пользования земельного участка, если данным собственником соблюдены требования публичного законодательства. Например, в ст. 4.11 Правил землепользования и застройки территории (части территории) городского округа Домодедово Московской области отражен режим использования земель в границах зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности усадьбы «Спасское-Прохорово», в частности разрешается устройство оград высотой до 1,8 метра[2].

При соблюдении требований публичного права собственник *А* при установке забора будет действовать в пределах, установленных субъективным правом, которому корреспондирует обязанность иных лиц не препятствовать ему в осуществлении правомочий собственника. Интерес собственника *Б* является правовым лишь формально, в том смысле, что данный интерес фактически выходит за пределы собственного субъективного права (правомочия) и вторгается в сферу действия субъективного права собственности лица, построившего забор, т.е. в сферу прямого разграничения правом интересов сторон.

По терминологии законодателя, «законные интересы» связаны с тем, что они прямо не выражены в объективном праве, прямо им

[1] *Бородинов В.В.* Осуществление вещных прав при возникновении конфликта интересов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 26.

[2] Постановление администрации г.о. Домодедово Московской области от 21 июня 2021 г. № 1240 «Об утверждении Правил землепользования и застройки территории (части территории) городского округа Домодедово Московской области». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не гарантированы. Так, Л.С. Явич связывал категорию «законный интерес» с пробельностью в материальном праве и отмечал, что о ней речь идет, если объективное и субъективное право данный интерес не опосредовало[1]. Соглашаясь с указанной позицией, отметим, что право является целостной системой, в которой не может быть пробелов. По нашему мнению, пробел возможен только в законодательстве и иных нормативных актах и он восполняется в том числе посредством применения принципов права как наиболее абстрактных форм права, что нашло свое отражение в ст. 6 ГК РФ.

Вместе с тем, учитывая общедозволительный тип правового регулирования, специфика гражданского права проявляется в известной диспозитивности и широкой автономии воли участников гражданских правоотношений[2], характеризующейся максимой «все, что не запрещено, разрешено». В связи с этим актуально высказывание Н.И. Матузова о том, что «область дозволенного далеко не охватывается и не исчерпывается субъективными правами; она гораздо шире»[3]. Так, применительно к вещному праву В.В. Бородинов обращает внимание на неизбежность наличия интересов, лежащих вне рамок нормируемых правил поведения, прав и обязанностей»[4].

Указанное соотносится с концепцией Н.В. Витрука о переходном характере «законных интересов»[5]. Действительно, право как целостная управляющая система не может прийти в статическое положение, так как сами социальные связи и деятельность, в которых интересы внешне выражаются, находятся в постоянном движении и развитии, а между правом (управляющей системой) и деятельностью (управляемой системой) существуют обратные связи.

Таким образом, существование «законных интересов» связывается в доктрине с пробельностью в нормативно-правовом регулировании.

Вместе с тем в гражданском законодательстве предусмотрен механизм преодоления указанного пробела посредством аналогии закона и аналогии права (ст. 6 ГК РФ), что опять же свидетельствует о целостности правовой системы. Так, И.В. Архипов совершено справедливо из содержания ст. 6 ГК РФ делал вывод о том, что аналогия закона и права подтверждает возможность возникновения прав и обязан-

---

[1] *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 189.

[2] См. подробнее: *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод правового регулирования. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972.

[3] *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1972. С. 102.

[4] *Бородинов В.В.* Указ. соч. С. 25.

[5] *Витрук Н.В.* Указ. соч.

ностей (правоотношения) без конкретизации самой нормой, обычаем и т.п.[1]

К примеру, поскольку отношения собственников помещений, расположенных в нежилом здании, возникающие по поводу общего имущества в таком здании, прямо законом не урегулированы, в абз. 3 п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 разъяснено, что в соответствии с п. 1 ст. 6 ГК РФ к указанным отношениям подлежат применению нормы законодательства, регулирующие сходные отношения, в частности ст. 249, 289, 290 ГК РФ[2]. Следовательно, между собственниками нежилых помещений по поводу общего имущества возникает правоотношение, включая права и обязанности, т.е. «законный интерес» в узком смысле не возникает, несмотря на отсутствие правовой нормы, регулирующей те связи, которые возникают между сособственниками.

Применительно к теории систем отметим, что выведенный У. Эшби общенаучный закон необходимого разнообразия основан на следующем: степень разнообразия управляющей подсистемы должна быть не меньше разнообразия управляемой подсистемы[3]. Следовательно, разнообразие возможностей, предоставленных в рамках правового регулирования (управляющая система), должно быть не меньше возможностей, существующих в рамках системы деятельности (управляемая система). Однако, как отмечает В.В. Ершов, указанное недостижимо в правовой системе и потому оно компенсируется индивидуальным регулированием, в том числе судебным и договорным[4].

На наш взгляд, аналогия закона и права, а также сама категория правовых (законных) интересов, признаваемая законодателем, как раз служит достижению разнообразия, которое необходимо при отсутствии нормы права (объективного права), прямо отражающей конкретный интерес.

В качестве сущностного отличия правовых интересов, не основанных на субъективном праве, в литературе называется отсутствие корреспондирующей обязанности и как следствие отсутствие правомочия требовать соответствующего поведения у другого лица. Так,

---

[1] *Архипов И.В.* Указ. соч. С. 10.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2009.

[3] *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 293–302.

[4] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. С. 416.

по мнению А.В. Малько и В.В. Субочева, неверно говорить о наличии корреспондирующих законным интересам обязанностей[1].

Между тем о защите правового (законного) интереса речь может идти лишь в случае, когда заинтересованное лицо сталкивается с совершением действий (бездействия), влекущих невозможность реализовать свой правовой интерес. Иными словами, функция защиты неразрывно связана с наличием лица, ущемляющего либо права, либо правовые интересы. Однако предложенная характеристика «законных интересов» фактически приводит к тому, что защита интересов фактически нивелируется. В связи с чем более убедительной представляется позиция А.В. Ульянова, согласно которой «охраняемый законом интерес является основанной на нормах и принципах объективного права, гарантированной правовым запретом вмешательства посторонних лиц правовой возможностью заинтересованного лица реализовать свой интерес всеми способами, прямо не запрещенными законом»[2].

Отдельно отметим позицию Н.В. Витрука, полагавшего, что «законный интерес» есть возможность пользования социальными благами, что выражается в правомочиях заинтересованного лица действовать определенным образом, требовать определенного поведения от обязанных лиц, органов, учреждений, обращаться за защитой в компетентные органы[3].

В доктрине обоснованно отмечается, что право без возможности принуждения уже не есть право[4]. Поскольку, как писал еще И. Кант, право есть ограничение свободы каждого условием его согласия со свободой другого, то всякое ограничение свободы волеизъявлением другого называется принуждением[5].

Таким образом, возможность реализовать правовой интерес включает в себя требование (притязание) заинтересованного не совершать действий, влекущих препятствия для его реализации, а также гарантировано судебной защитой. Это находит свое подтверждение, например, в п. 1 ст. 2 АПК РФ.

---

[1] *Субочев В.В.* Законные интересы. С. 104, 121.

[2] *Ульянов А.В.* Охраняемые законом интересы в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 24.

[3] *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. С. 29.

[4] *Першин М.В.* Указ. соч. С. 160.

[5] *Кант И.* Сочинения: в 4 т., на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994. Т. 1: Трактаты и статьи. С. 283.

Подводя итог, сделаем следующие выводы:

1. Использование в законодательстве понятия «законный интерес» некорректно и может привести к логическим ошибкам в виде несоответствия понятия по своему объему и содержанию явлению, которое в нем отражено. Наиболее правильным представляется использование понятия «правовой интерес».

2. Правовой интерес в вещном праве всегда связан со сферой целеполагания в деятельности, поскольку он неразрывно связан с самим носителем интереса. Понимание «законных интересов» наряду с субъективными правами в качестве правового средства может использоваться лишь как прием юридической техники. В действительности, рассматривая законный интерес, не опосредованный субъективным правом, следует иметь в виду социальный интерес, признаваемый на основе принципов права, являющихся наиболее абстрактными формами правового регулирования.

3. Вещно-правовой интерес – атрибут деятельности, связанный с осознанием потребности в определенном благе, а также правовых средств для удовлетворения данной потребности, определяющий направленность юридически значимых действий.

4. Главное значение «законных интересов» в том, что данная категория фактически позволяет на основе принципов права и общедозволительного метода регулирования расширить сферу правовых дозволений (возможностей) за пределы субъективных прав. Указанная специфика с позиции теории систем и детерминизма основана на законе необходимого разнообразия, а также целостности права как системы, с учетом всего многообразия правовых форм регулирования правоотношений, где пределы возможностей, определенных правовым интересом, вытекают из всего многообразия наиболее абстрактных правовых форм, в частности принципов.

Библиографический список

Архипов И.В. Критерии баланса интересов: цивилистический аспект // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 9–13.

Берталанфи Л. Общая теория системы: критический обзор // Исследования по общей теории систем / под общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М., 1969. С. 23–82.

Бородинов В.В. Осуществление вещных прав при возникновении конфликта интересов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 184 с.

Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.

Витрук Н.В. Система прав личности // Права личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1981. 272 с.

Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 780 с.

Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. 630 с.

Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 628 с.

Ершов В.В. Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020.

Завгородняя А.А. Интересы в праве: сущность, виды, соотношение: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 192 с.

Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль: Тип. Ярославской губ. зем. управы, 1880. 268 с.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.

Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Кант И. Сочинения: в 4 т., на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994. Т. 1: Трактаты и статьи. 592 с.

Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 499 с.

Кулаков В.В., Воронов И.Ю. Баланс интересов работника и работодателя // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 215–221.

Курбатов А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2001. № 1.

Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 359 с.

Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы жизни, теории и практики // Правоведение. 2014. № 2. С. 84–93.

Малько А.В. Законные интересы советских граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 207 с.

Малько А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61–67.

Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1972. 292 с.

Мотова Е.А. Генезис категории интереса в российской политико-правовой доктрине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 228 с.

Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 134 с.

Першин М.В. Частноправовой интерес: понятие, правообразование, реализация: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 199 с.

Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. 224 с.

Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 321 с.

Субочев В.В. Законные интересы / под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2008. 496 с.

Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968. 148 с.

Ульянов А.В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 233 с.

Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с.

Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. 320 с.

Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.

Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. 287 с.

Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод правового регулирования. Свердловск: Б.и., 1972. 212 с.

Pound R. Interests of personality // Harvard Law Review. Vol. XXVIII. 1915. № 4. P. 343–365.

УДК 347.7

О ЗНАЧЕНИИ СТАТУСА ОТВЕТСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.С. Харина
Преподаватель кафедры трудового и международного права.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: xxxenios@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена формированием в российской правовой системе двух смежных институтов – социального и ответственного предпринимательства. Данные институты, имея различную правовую природу, демонстрируют единую сущностную характеристику, которая выражается в расширении социальной функции предпринимательской деятельности. Автор делает вывод о формировании в российской правовой системе общего института ответственного бизнеса, обладающего характеристикой общественной полезности. Рассматривается возможность переноса опыта нормативно закрепленной оценки эффективности (воздействия) из сферы ответственного предпринимательства в сферу социального предпринимательства в целях создания прозрачных оснований для предоставления мер государственной поддержки.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, ответственный бизнес, ответственное ведение бизнеса, оценка социального воздействия, ЭКГ-рейтинг.

ON THE IMPORTANCE OF THE STATUS OF RESPONSIBLE ENTREPRENEUR IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

K.S. Kharina
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: xxxenios@mail.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the emergence of two related institutions in the Russian legal system: social and responsible entrepreneurship. These institutions, while having different legal natures, share a common essential characteristic, which is the expansion of the social function of entrepreneurial activity. The author concludes that a common institution of responsible business, characterized by its social utility, is emerging in the Russian legal system. The possibility of transferring the experience of normatively established performance (impact) assessment from the field of responsible entrepreneurship to the field of social entrepreneurship is considered, with the aim of creating a transparent basis for the provision of state support measures.

Keywords: social entrepreneurship, responsible business, responsible business conduct, social impact assessment, EPS-rating.

Принципиальное различие между исследуемыми институтами заключается в субъектном составе. Социальное предпринимательство в Российской Федерации законодательно ограничено субъектами малого и среднего предпринимательства. Ответственное предпринимательство, напротив, не обладает подобными ограничениями. Несмотря на различие в субъектном охвате, оба института демонстрируют единую сущностную характеристику – расширение социальной функции предпринимательской деятельности.

Классическая или, как отмечается в исследованиях, традиционная модель предпринимательства, закрепленная в ст. 2 Гражданского кодекса РФ, определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Социальное и ответственное предпринимательство, не отрицая прибыльности как цели, дополняет эту конструкцию требованием (или добровольным обязательством) достижения социально значимого и иного полезного результата. В дан-

ном контексте правомерно говорить о формировании в российской правовой системе общего института ответственного бизнеса, обладающего характеристикой общественной полезности.

Понятия ответственного и социального предпринимательства

Понятие социального предпринимательства, закрепленное в п. 7 ст. 5 Федерального закона № 209-ФЗ, определяет социальное предпринимательство как предпринимательскую деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества[1].

Если определение социального предпринимательства получило закрепление на федеральном уровне в 2019 г., то понятие «ответственное ведение бизнеса» (ответственное предпринимательство) формируется на уровне законодательства субъектов Российской Федерации с 2022 г.[2] Отправной точкой институционализации ответственного предпринимательства следует считать законодательство Владимирской области. Впоследствии нормы, регламентирующие ответственное ведение бизнеса, получили развитие в ряде иных регионов[3]. Как отмечают И.В. Ершова и Е.Е. Енькова, «режим деятельности ответственных субъектов предпринимательства относится к числу ординарных»[4].

Так, согласно п. 2 ст. 2 Закона Владимирской области от 5 декабря 2022 г. № 116-ОЗ «ответственное ведение бизнеса – деятельность ответственного субъекта предпринимательской деятельности, направленная на социально-экономическое и инвестиционное развитие

---

[1] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Более 30 регионов России приняли закон о развитии ответственного ведения бизнеса. 2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/25996773.

[3] Закон Московской области от 30 июня 2025 г. № 109/2025-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса в Московской области»; Закон Саратовской области от 26 декабря 2025 г. № 110-ЗСО «О развитии ответственного ведения бизнеса в Саратовской области»; Закон Республики Татарстан от 26 декабря 2025 г. № 89-ЗРТ «О развитии ответственного ведения бизнеса в Республике Татарстан»; законопроект № 334-26/07 «О развитии ответственного бизнеса в Пермском крае». URL: https://zakon.zsperm.ru/data/docs/2026/8811160/391236.pdf.

[4] *Ершова И.В., Енькова Е.Е.* Система мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: масштабирование лучшей практики // Право для лидерства: сб. материалов XII Московского инновационного юридического форума (г. Москва, 25–26 марта 2025 г.). М.: Изд. центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 123–127.

Владимирской области, улучшение экологии и охраны окружающей среды, использование наилучших доступных технологий, улучшение условий труда, заботу о работниках и членах их семей, реализацию экологических, социальных, образовательных, благотворительных и иных проектов, связанных с повышением качества жизни населения Владимирской области, а также участие в достижении национальных целей Российской Федерации и целей развития Владимирской области»[1].

Приведенная дефиниция носит открытый характер, что проявляется в использовании формулировки «и иных проектов», а также закрепляет многоаспектность ответственного поведения, включающего экономическую (инвестиционное развитие), социальную (забота о работниках, повышение качества жизни), экологическую (улучшение экологии, наилучшие доступные технологии) и публично-правовую (достижение национальных целей) составляющие.

Анализ регионального законодательства позволяет выделить несколько моделей определения ответственного предпринимательства, сложившихся в период 2022–2025 гг. Например, Белгородская область (Закон от 30 октября 2024 г. № 415) делает дополнительный акцент на соответствии национальным интересам Российской Федерации, определяя ответственное ведение бизнеса как деятельность, «соответствующую национальным интересам Российской Федерации и способствующую устойчивому развитию Белгородской области»[2].

Костромская область[3] расширяет перечень критериев за счет включения налоговой составляющей «увеличения налоговых отчислений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации», а также безопасности ведения бизнеса как самостоятельного элемента.

Ханты-Мансийский автономный округ демонстрирует наиболее лаконичный подход, определяя ответственное ведение бизнеса как деятельность, «направленную на достижение национальных целей развития Российской Федерации и способствующую социально-экономическому развитию автономного округа»[4].

---

[1] Закон Владимирской области от 5 декабря 2022 г. № 116-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса во Владимирской области». Доступ из СПС «Гарант».

[2] Закон Белгородской области от 30 октября 2024 г. № 415 «О развитии ответственного ведения бизнеса в Белгородской области». Доступ из СПС «Гарант».

[3] Закон Костромской области от 13 декабря 2024 г. № 563-7-ЗКО «О развитии ответственного ведения бизнеса в Костромской области». Доступ из СПС «Гарант».

[4] Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 сентября 2025 г. № 70-оз «О развитии ответственного ведения бизнеса в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Доступ из СПС «Гарант».

Общие черты ответственного и социального предпринимательства

Обращаясь к анализу соотношения концепций ответственного и социального предпринимательства, стоит выявить их общие черты, обусловленные единой социально ориентированной природой данных явлений.

Ключевым общим началом, объединяющим оба исследуемых института, выступает достижение социально полезного результата как приоритетного вектора осуществления предпринимательской деятельности. В Российской Федерации для социального предпринимательства указанный признак имеет императивный характер. Социально полезный результат является не просто этическим ориентиром, а основой приобретения специального правового статуса, имея ключевую роль наравне с направленностью на получение прибыли.

Социально полезный результат социальных предприятий может проявляться в различных направлениях: трудоустройство лиц, относящихся к определенным социально уязвимым категориям; производство товаров, выполнение работ или оказание услуг, целевой аудиторией которых выступают указанные категории граждан; осуществление деятельности в социально значимых сферах (образование, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт, социальное обслуживание, экология и др.)[1].

Что касается ответственного предпринимательства, то социально полезный результат в данной конструкции выступает одним из равнозначных проявлений принципа социальной ответственности. В отличие от социального предпринимательства, где социальная цель является единственно возможной, в рамках ответственного ведения хозяйственной деятельности социально полезный результат рассматривается в системе иных критериев ответственного поведения, включая, в частности, достижение экологически полезного результата, улучшение условий труда и др.

Второй общей чертой, характеризующей механизм легитимации указанных видов деятельности, является необходимость включения субъекта в публичный реестр.

Для субъектов социального предпринимательства таким инструментом выступает Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Включение в данный Реестр осуществляется в заявительном

[1] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

порядке на основании условий, утвержденных Приказом Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773. Наличие статуса социального предприятия, подтвержденного реестровой записью, является необходимым условием для доступа к мерам государственной поддержки, предусмотренным законодательством.

Аналогичный публично-правовой механизм формируется и в сфере ответственного предпринимательства. В настоящее время на уровне субъектов Российской Федерации создаются реестры ответственных субъектов предпринимательской деятельности.

Третьей общей чертой, объединяющей институты социального и ответственного предпринимательства, выступает направленность на повышение эффективности работы хозяйствующих субъектов в сочетании с предоставлением со стороны государства системы мер поддержки, выступающих в качестве правового стимула для приобретения соответствующего статуса.

В доктрине ответственное ведение бизнеса рассматривается не только как этическая конструкция, но и как инструмент повышения экономической эффективности. Как отмечается в аналитических материалах Министерства экономического развития РФ, ответственное ведение бизнеса в трактовке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выступает в качестве инструмента, позволяющего достичь несколько результатов: «для повышения эффективности работы компаний, увеличения их оценочной стоимости, снижения рисков возникновения судебных споров, а также для улучшения инвестиционного климата в стране в целом»[1]. Таким образом, ответственность в предпринимательской деятельности приобретает не только социально ориентированное, но и экономически целесообразное измерение, что делает ее привлекательной для хозяйствующих субъектов с точки зрения стратегического развития.

Аналогичный функциональный эффект прослеживается и в сфере социального предпринимательства. Статистические данные о деятельности социальных предприятий в Российской Федерации свидетельствуют, что приобретение соответствующего статуса позволяет субъектам малого и среднего предпринимательства демонстрировать более высокую устойчивость в условиях экономической нестабильности по сравнению с традиционным предпринимательством. Так, сектор демонстрирует рост на 11,7% до 140 млрд руб., при этом 82%

[1] Брошюра Минэкономразвития «Международные стандарты ответственного ведения бизнеса ОЭСР. Рекомендации для российских компаний». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3773afa7b2064c2ae833ec69f2ea2b4/standarti_oesr.pdf.

социальных предприятий успешно развиваются более трех лет (против 20% выживаемости традиционного МСП)[1].

Основой предоставления преференций субъектам социального предпринимательства выступает ч. 5 ст. 25 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, которая устанавливает открытый перечень видов поддержки, предоставляемых социальным предприятиям, включающий финансовую, имущественную, информационную (освещение деятельности), консультационную поддержку.

Особое место в системе мер поддержки занимает образовательная поддержка, которая в соответствии с п. 7 ч. 5 ст. 25 Федерального закона № 209-ФЗ включает «организацию профессионального обучения, профессионального образования, дополнительного профессионального образования и содействие в прохождении независимой оценки квалификации работников социальных предприятий». Указанный вид поддержки имеет стратегическое значение, поскольку направлен на повышение человеческого капитала и компетентностного уровня субъектов социального предпринимательства, что в конечном счете способствует их устойчивости и конкурентоспособности. Кроме того, государством обеспечивается содействие в поиске партнеров и развитии кооперационных связей (п. 6 ч. 5).

Аналогичный механизм стимулирования предусмотрен региональным законодательством об ответственном предпринимательстве. Важно подчеркнуть, как отмечают И.В. Ершова, Е.Е. Енькова, что указанные меры не посягают на добросовестную конкуренцию[2]. В качестве модельного примера выступает ст. 5 вышеупомянутого Закона Владимирской области от 5 декабря 2022 г. № 116-ОЗ, которая закрепляет систему мер поддержки ответственных субъектов предпринимательской деятельности, которая включает финансовую, консультационную, инвестиционную, имущественную, информационную поддержку и др. Примечательно, что региональное законодательство ответственного предпринимательства, как и федеральное регулирование в сфере социального предпринимательства, исходит из принципа открытости перечня мер поддержки, допуская их расширение с учетом социально-экономической специфики региона и потребностей бизнеса.

---

[1] Социальное предпринимательство в России. 2025. URL: https://reg-nko.ru/research/socialnoe-predprinimatelstvo-v-rossii.

[2] *Ершова И.В., Енькова Е.Е.* Система мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: масштабирование лучшей практики // Право для лидерства: сб. материалов XII Московского инновационного юридического форума (г. Москва, 25–26 марта 2025 г.) М.: Изд. центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 123–127.

Оценка воздействия

Немаловажным аспектом институционализации как социального, так и ответственного предпринимательства выступает оценка эффективности (воздействия) деятельности хозяйствующих субъектов, позволяющая верифицировать достижение заявленных социально полезных результатов и принимать решения о предоставлении мер государственной поддержки.

Если законодатель не устанавливает для социального предпринимательства требования об обязательной оценке социального воздействия, то в отношении ответственного предпринимательства предусмотрен нормативно закрепленный инструментарий оценки эффективности. Так, в соответствии со ст. 4 Закона Владимирской области от 5 декабря 2022 г. № 116-ОЗ признание коммерческой организации ответственным субъектом предпринимательской деятельности осуществляется уполномоченным органом с учетом количественного значения ЭКГ-рейтинга.

Оценка деятельности ответственных субъектов предпринимательской деятельности осуществляется на основе ГОСТ Р 71198-2023[1], который утверждает методику оценки субъектов предпринимательской деятельности, направленную на определение уровня их благонадежности, социальной и экологической ответственности; порядок формирования индекса деловой репутации на основе проведенной оценки.

Указанный стандарт предусматривает оценку деятельности по трем ключевым направлениям: экология, кадры, государство. Индекс деловой репутации (ЭКГ-рейтинг) является неотъемлемым элементом процедуры признания бизнеса ответственным. Региональным законодательством установлено пороговое значение индекса для включения хозяйствующего субъекта в Реестр ответственных субъектов предпринимательской деятельности – 91 балл.

В отличие от ответственного предпринимательства в сфере социального предпринимательства, как было отмечено ранее, утвержденная на нормативном уровне методика оценки социального воздействия в настоящее время отсутствует. Это объясняется, как правило, сложностью и многообразием направлений социальной предпринимательской деятельности. Как отмечает М.С. Нестерова, «в отношении некоторых видов социального предпринимательства «очевидные» количествен-

[1] «ГОСТ Р 71198-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29 декабря 2023г. № 1765-ст). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ные показатели будут достаточны для оценки степени социального воздействия», однако «существуют виды социального предпринимательства, степень социального воздействия которых сложно оценить лишь на основе таких показателей»[1].

Вместе с тем отдельные направления деятельности социальных предприятий поддаются количественной оценке. Например, количество произведенных товаров или предоставленных услуг, число трудоустроенных лиц из числа социально уязвимых категорий может быть исчислено без существенных затруднений. Однако для комплексной оценки социального воздействия требуются более сложные методики, учитывающие долгосрочный эффект деятельности социальных предприятий. Так количество произведенных товаров и предоставленных услуг не отражает их качество и степень удовлетворения потребностей благополучателей, а число трудоустройств не отражает влияние получения работы на качество жизни человека, что, безусловно, является важнейшим фактором измерения в данном случае.

В отсутствие нормативно закрепленной методики оценки социального воздействия социальных предприятий ключевую роль в разработке оценочных инструментов играет фонд региональных социальных программ «Наше будущее», который предлагает социальным предпринимателям руководствоваться методом SROI – оценкой социального возврата на инвестиции. Данная методика представляет собой подход, позволяющий измерять и учитывать социальные, экологические и экономические издержки и выгоду проекта, конвертируя социальные результаты в денежный эквивалент[2].

На наш взгляд, опыт ответственного предпринимательства, выражающийся в наличии нормативно закрепленной методики оценки и формализованного рейтингования (ЭКГ-рейтинг с установленным пороговым значением), необходимо перенести в сферу социального предпринимательства. Это позволило бы объективизировать процедуру подтверждения социального статуса предприятия (а статус социального предпринимателя нужно подтверждать ежегодно[3]) и создать прозрачные основания для дифференцированного предоставления мер

---

[1] *Нестерова М.С.* К вопросу об оценке социального воздействия социального предпринимательства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 159.

[2] Оценка эффективности социального бизнеса: ключ к устойчивому развитию и осознанной ответственности. 2025. URL: https://ria.ru/20250328/sroi-2007673847.html.

[3] Приказ Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773 (ред. от 22.02.2024) «Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия» (зарегистрировано в Минюсте России 27.12.2019 № 57022).

государственной поддержки. Указанное направление представляется перспективным с точки зрения дальнейшего совершенствования законодательства о социальном предпринимательстве.

Таким образом, развитие ответственного предпринимательства не только имеет самостоятельное значение для совершенствования регионального законодательства, но и выступает важным фактором эволюции института социального предпринимательства.

Библиографический список

Ершова И.В., Енькова Е.Е. Система мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: масштабирование лучшей практики // Право для лидерства: сб. материалов XII Московского инновационного юридического форума (г. Москва, 25–26 марта 2025 г.) М.: Изд. центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 123–127.

Нестерова М.С. К вопросу об оценке социального воздействия социального предпринимательства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 157–161.

Рубцова Н.В. Социально ответственный бизнес в контексте реализации национального проекта «Семья» // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7 (131). С. 85–92.

УДК 343.132:004.9

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ ПО БАНКОВСКИМ СЧЕТАМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

А.Б. Афанасьев
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: afanasev.67@yandex.ru

С.И. Афанасьева
Кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: svetlana.afan@gmail.com

Аннотация. В статье исследованы проблемы правового регулирования отношений, связанных с ограничением права клиента/вкладчика распоряжаться денежными средствами, находящимися на банковском счете. Рассмотрена возможность применения положений ст. 115.2 УПК РФ о приостановлении операций с денежными средствами в отношении отдельных видов банковских счетов. Анализ гл. 45 ГК РФ позволил сделать вывод о наличии целого ряда счетов, в отношении которых законодатель не допускает возможность приостановления операций по счету. Требует своего развития регулирование приостановления операций по счету в отношении счетов со множественностью лиц на стороне клиента, по счетам, где права на денежные средства принадлежат третьим лицам, а также в отношении денежных средств, которые находятся на закрытых банковских счетах.

Ключевые слова: счет, вклад, приостановление операций, ограничение прав, расходные операции, запрос, банковская тайна, процессуальное принуждение.

SUSPENSION OF OPERATIONS FOR BANK ACCOUNTS: LEGAL ISSUES REGULATION AND APPLICATION PRACTICES

A.B. Afanasev
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: afanasev.67@yandex.ru

S.I. Afanaseva
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: svetlana.afan@gmail.com

Abstract. The article examines the problems of legal regulation of relations related to the restriction of a client's/depositor's right to manage the funds held in a bank account. The possibility of applying the provisions of Article 115.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the suspension of transactions with funds in relation to certain types of bank accounts is considered. An analysis of Chapter 45 of the Civil Code of the Russian Federation has led to the conclusion that there are a number of accounts for which the legislator does not allow the suspension of account transactions. The regulation of suspending account transactions in relation to accounts with multiple clients, accounts where the rights to funds belong to third parties, and funds that were held in closed bank accounts requires further development.

Keywords: account, deposit, suspension of operations, restriction of rights, expenditure operations, request, bank secrecy, procedural coercion.

В ст. 35 Конституции РФ закреплен один из основополагающих правовых принципов: «никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда»[1]. Правомочия собственника включа-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 (дата обращения: 04.12.2025).

ют в себя владение, пользование и распоряжение принадлежащим ему имуществом. Данное регулирование в полной мере относится и к денежным средствам, находящимся на банковских счетах и во вкладах. Пункт 1 ст. 858 ГК РФ закрепляет общее правило о запрете ограничения распоряжения денежными средствами, находящимися на счете. Однако в случаях, предусмотренных законом, допускается ограничение права владельца счета распоряжаться собственными денежными средствами вследствие наложения ареста на денежные средства, приостановления операций по счету, в том числе блокирования (замораживания) денежных средств. Ограничение права распоряжаться денежными средствами должно быть обусловлено исключительно публичными интересами.

Как отмечается в юридической литературе, конкурентоспособность банков, эффективность их деятельности напрямую зависит от внедрения новых банковских продуктов, технологий (процессов), многие из которых затрагивают сферу расчетов (электронные расчеты, расчеты с использованием сети «Интернет», иные электронные банковские услуги)[1]. Но в то же время на протяжении последних пяти лет отмечается ежегодный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), а также появление новых способов их реализации. В соответствии с информацией, предоставленной Следственным комитетом РФ, в настоящее время отмечаются факты совершения практически всех видов преступлений с использованием ИКТ. По данным МВД России, в 2024 г. было зарегистрировано 380,3 тыс. киберпреступлений, предусмотренных ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ, в результате совершения которых 344,4 тыс. потерпевших причинен материальный ущерб в размере 188,7 млрд руб.[2]

В целях усиления борьбы с преступностью, особенно в части противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, повышения эффективности предварительного расследования преступлений данного вида Федеральным законом от 31.07.2025 № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ введена новая ст. 115.2, закрепившая право следователя и дознавателя в ходе досудебного производства при наличии достаточных оснований приостанавливать три вида опе-

[1] *Афанасьев А.Б., Сыропятова Н.В.* Реформирование гражданского законодательства в сфере регулирования видов банковских счетов в условиях инновационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 257.

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (законопроект № 1110676-8). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

раций: 1) с денежными средствами по банковским счетам (вкладам, депозитам); 2) с электронными денежными средствами; 3) с денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. Такое приостановление законодатель признает иной мерой процессуального принуждения, включив ее в поименованный перечень иных мер процессуального принуждения, закрепленный в ч. 1 ст. 111 УПК РФ.

Следует заметить, что 25 октября 2025 г. в столице Вьетнама г. Ханое началось подписание Конвенции ООН против киберпреступности. Конвенция открыта для подписания до 31 декабря 2026 г. Представленный юридически обязывающий документ закрепил единые международные стандарты в сфере борьбы с киберпреступностью.

Вопрос о возможном приостановлении операций по банковским счетам (вкладам, депозитам) заслуживает особого внимания. Законодатель, регулируя данные правоотношения, использует термины, содержащиеся в гл. 44 и 45 ГК РФ, Федеральном законе от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках), Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о национальной платежной системе).

В соответствии с ч. 1 ст. 846 ГК РФ основанием для открытия счета того или иного вида клиенту или указанному им лицу является заключение договора банковского счета. Действующее регулирование (инструкция Банка России от 30 июня 2021 г. № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)»)[1] выделяет несколько видов банковских счетов: текущий счет; расчетный счет; счет, предусмотренный бюджетным законодательством; корреспондентский счет; корреспондентский субсчет; публичный депозитный счет; счет доверительного управления; специальные банковские счета – залоговый счет, номинальный счет, счет эскроу. В ч. 5 ст. 845 ГК РФ назван еще один вид банковского счета – совместный счет, в котором на стороне клиента выступают несколько физических лиц. Статья 30.8 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» посвящена договору счета цифрового рубля. Статья 36.4 Закона о банках и банковской деятельности регулирует отношения по поводу так называемого договора социального банковского счета (ст. 36.3 – договора социального банковского вклада). Более того, договор банковского счета может предусматривать включение банковского счета в группу банковских

[1] Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам): Инструкция Банка России от 30 июня 2021 г. № 204-И (ред. от 27.12.2024) (зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2021 № 64669) // Вестник Банка России. 01.09.2021. № 61.

счетов, в том числе принадлежащих разным лицам. Многообразие видов банковских счетов обусловлено субъектами, которые могут открывать те или иные виды банковских счетов, и правовым режимом банковских счетов. Помимо сказанного нужно отметить, что действующее законодательство допускает открытие банковских счетов в валюте Российской Федерации, в иностранной валюте, в драгоценных металлах, что также создает дополнительные сложности в регулировании данных правоотношений.

Необходимо подчеркнуть, что в отношении некоторых банковских счетов законодатель установил прямой запрет на возможность приостановления операций. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 860.5 ГК РФ не допускается приостановление операций по номинальному счету в отношении обязательств владельца счета. Аналогичный запрет установлен и для счетов эскроу по обязательствам депонента перед третьими лицами и по обязательствам бенефициара. Полагаем, что запрет на приостановление операций по указанным банковским счетам является обоснованным. Права на денежные средства, находящиеся на номинальном счете, принадлежат не лицу, которое открывает счет (владелец счета), а бенефициару (или бенефициарам), в связи с чем недопустимо обременять данные денежные средства обязательствами владельца счета. Расходные операции по счету эскроу также не могут быть приостановлены исходя из правового режима данного счета, поскольку ни депонент, ни бенефициар не вправе распоряжаться денежными средствами, находящимися на нем, что вытекает из обеспечительной функции указанного счета. Часть 1 ст. 860.14 ГК РФ также запрещает приостановление операций с денежными средствами, находящимися на публичном депозитном счете, по обязательствам бенефициара, депонента и владельца счета.

Запрет на приостановление операций по банковскому счету предусмотрен также нормами Закона о национальной платежной системе. В соответствии с ч. 11 ст. 29 указанного Закона не могут быть приостановлены операции по счету, открытому Банком России иностранному центральному клиринговому контрагенту. Следует особо подчеркнуть, что операции по указанному счету не могут быть приостановлены ни по какому из оснований, предусмотренных действующим законодательством. Часть 9 ст. 30 данного Закона устанавливает запрет на приостановление операций по счету гарантийного фонда платежной системы.

По договору банковского счета доверительному управляющему может быть открыт счет доверительного управления для совершения операций с денежными средствами в связи с осуществлением деятельности по доверительному управлению (ч. 1 ст. 1018 ГК РФ). Полагаем, что на денежные средства, находящиеся на счете довери-

тельного управления, не может вводиться ограничение распоряжения ими в форме приостановления расходных операций по счету. С одной стороны, законодатель запретил обращение взыскания на имущество, переданное учредителем доверительного управления, по его долгам. С другой стороны, имущество, переданное в доверительное управление, обособляется как от имущества учредителя доверительного управления, так и от имущества доверительного управляющего. Думается, что запрет на обращение взыскания следует трактовать широко, включая запрет на арест денежных средств и на приостановление операций по счету.

Часть 5 ст. 845 ГК РФ регулирует отношения по поводу совместного счета, когда на стороне владельца счета выступают несколько клиентов – физических лиц. Особенностью данного счета является то, что права на денежные средства на нем принадлежат совладельцам счета либо пропорционально внесенным клиентами на счет денежным средствам (или третьими лицами в пользу каждого из клиентов), либо договором банковского счета предусмотрена непропорциональность. Если совместный счет открыт супругами, то права на денежные средства являются их общими правами, иное может быть предусмотрено брачным договором, о котором должен быть уведомлен банк. Таким образом, права на денежные средства, находящиеся на совместном счете, принадлежат нескольким лицам, что должно предполагать возможность обращения взыскания, а равно и ограничения распоряжения денежными средствами только в отношении денежных средств, принадлежащих конкретному клиенту. То есть должна иметь место раздельная ответственность совладельцев совместного счета. Однако ч. 2 ст. 858 ГК РФ запрещает арест находящихся на совместном счете денежных средств по обязательствам одного из клиентов, если сумма требования превышает размер его доли. Ограничение суммы, в пределах которой допускается приостановление операций по счету, данной нормой не урегулировано, что следует признать пробелом.

С учетом вышесказанного напрашивается вывод о том, что для своевременного и эффективного использования уголовно-процессуального инструментария по приостановлению операций с денежными средствами по банковским счетам органам предварительного расследования придется апеллировать к цивилистическим нормам, устанавливающим систематизацию банковских счетов, процессуальный режим каждого вида банковского счета, и учитывать законодательные запреты на приостановление операций по ним.

Нововведенная уголовно-процессуальная регламентация приостановления операций по банковским счетам (вкладам, депозитам) предусматривает специальные основания, определенный порядок,

ограниченный срок и соответствующие правовые последствия ее применения.

Так, основанием для приостановления должны быть достаточные данные, позволяющие сделать вывод, что банковские счета (вклады, депозиты) использовались при совершении преступления путем проведения операций по зачислению денежных средств. Для выяснения необходимой информации руководитель следственного органа, следователь, начальник органа дознания, дознаватель вправе направлять операторам по переводу денежных средств (к ним относятся Банк России; кредитные организации, получившие лицензию на перевод денежных средств; государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»; филиалы иностранных банков, имеющие право осуществлять операции по переводу денежных средств на основании лицензии, выданной иностранному банку, – ст. 11 Закона о национальной платежной системе) соответствующие запросы, которые подлежат исполнению не позднее трех рабочих дней с момента их поступления или в сроки, указанные в таких запросах. При наличии технической возможности запросы могут быть направлены посредством систем электронного документооборота в форме электронного документа, подписанного уполномоченным должностным лицом усиленной квалифицированной электронной подписью, в установленном федеральным законом порядке, с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информации. Если указанные запросы могут быть обработаны посредством автоматизированных информационных систем операторов по переводу денежных средств, то они подлежат исполнению в течение 24 часов с момента их поступления, если иные сроки не установлены федеральными законами. Порядок взаимодействия данных операторов с заинтересованными федеральными государственными органами при исполнении запросов устанавливается Правительством РФ по согласованию с Банком России[1].

Как справедливо отмечает О.Д. Жук, одной из проблем расследования преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий продолжает оставаться длительность получения информации от оператора по переводу денежных средств. Автор приводит данные, что средний срок подготовки ответа кредитной

[1] См. Проект постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил взаимодействия операторов по переводу денежных средств, операторов электронных денежных средств, операторов подвижной радиотелефонной связи с заинтересованными федеральными государственными органами при исполнении запросов, предусмотренных частью десятой статьи 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 13 августа 2025 г.) (подготовлен МВД России, ID проекта 01/01/08-25/00159334).

организации на запрос органов предварительного расследования составляет более одного месяца[1]. Поэтому представляется оправданным введение законодателем пресекательного срока формирования оператором по переводу денежных средств ответа на запрос органов предварительного расследования.

В направляемом запросе может запрашиваться информация, позволяющая идентифицировать клиента: абонентский номер; номер платежной карты; номер договора и иная информация. В ответе на запрос оператор по переводу денежных средств должен предоставить следующие сведения: фамилия, имя и отчество (при наличии) владельца счета (вклада, депозита); дата и место рождения; данные о документах, удостоверяющих личность; место жительства или место пребывания; номера телефонов; номер счета; остаток на счете; наименование кредитной организации, в которой открыт счет.

В отношении запроса соответствующие поправки были внесены в ст. 26 Закона о банках и банковской деятельности, в которой предусмотрено правовое регулирование банковской тайны. Согласно указанной статье с таким запросом в кредитную организацию могут обратиться ранее указанные субъекты – руководитель следственного органа, следователь, начальник органа дознания, дознаватель. Но делается оговорка о том, что следователь для направления запроса должен получить согласие руководителя следственного органа, дознаватель – согласие прокурора. В ч. 10 ст. 115.2 УПК РФ не предусмотрено, что для обращения с запросом необходимо получение такого согласия. Но изложение самой ч. 10 начинается с условия: «Если иное не предусмотрено федеральным законом»[2]. В данной правовой ситуации ст. 26 Закона о банках и банковской деятельности устанавливает иное – приоритетное правовое регулирование субъектного состава для обращения с запросом, чем ст. 115.2 УПК РФ. Соответственно, направление запроса следователю необходимо согласовать со своим руководителем, дознавателю – с прокурором.

Думается, что законодатель рассматривает запрос как один из действенных способов получения информации для обоснования в дальнейшем решения о приостановлении операций по банковским вкладам (счетам, депозитам). Следовательно, данные для обоснования решения о приостановлении таких операций могут быть получены и другими

[1] *Жук О.Д.* О приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами в ходе досудебного производства по уголовному делу // Законодательство. 2025. № 7. С. 72.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Российская газета. 22.12.2001. № 249.

способами (например, при проведении таких следственных действий, как обыск, выемка, осмотр, личный обыск и др.).

При наличии надлежащих оснований следователь или дознаватель выносит санкционированное руководителем следственного органа или прокурором, соответственно, постановление о приостановлении операций с денежными средствами на срок не более 10 суток. Обращает на себя внимание, что для принятия решения о приостановлении следователю или дознавателю опять необходимо получить согласие руководителя следственного органа или прокурора. Как отмечалось ранее, направление запроса в кредитную организацию следователю или дознавателю также необходимо было согласовать с указанными лицами. Думается, что такое двойное согласование – сначала запроса, потом постановления о приостановлении операций с денежными средствами – является избыточным и явно не способствует процессуальной экономии по делу, находящемуся в производстве следователя или дознавателя.

В указанный 10-суточный срок следователю или дознавателю необходимо подготовить обоснованное ходатайство перед судом о последующем наложении ареста на эти денежные средства. Следовательно, положения новой ст. 115.2 УПК РФ должны усилить действенность такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество. Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, в настоящее время, учитывая стремительную цифровизацию всех сфер общественной жизни, а также широкомасштабную популяризацию различных финансовых продуктов, особую актуальность при расследовании преступлений приобрело наложение ареста на денежные средства, находящиеся на банковском счете[1]. Данная мера избирается для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (ст. 115 УПК РФ).

При этом следует обратить внимание на отличительные особенности приостановления операций по банковскому счету (вкладу, депозиту):

1) приостановление включает прекращение расходных операций по списанию денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), снятию наличных денежных средств и закрытию банковского счета (вклада, депозита), в том числе с выдачей наличных денежных средств

[1] *Синявина Д.А.* Ограничение прав владельца банковского счета при аресте денежных средств: проблемы полного и частичного прекращения операций // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 247.

с банковского счета (вклада, депозита) с применением платежных терминалов или банкоматов;

2) приостановление осуществляется в пределах суммы денежных средств по банковскому счету (вкладу, депозиту), на который указанные денежные средства были зачислены, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они получены (переданы) в результате совершения преступления;

3) приостановление не предусматривает изъятие и передачу на хранение денежных средств по банковскому счету (вкладу, депозиту);

4) постановление о приостановлении операций по банковскому счету (вкладу, депозиту) направляется в том числе при наличии технической возможности посредством систем электронного документооборота в форме электронного документа, подписанного должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, усиленной квалифицированной электронной подписью, в установленном федеральным законом порядке, с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информации оператору по переводу денежных средств.

Копия постановления в течение 24 часов с момента его вынесения направляется следователем прокурору;

5) постановление о приостановлении операций по банковскому счету (вкладу, депозиту) подлежит незамедлительному исполнению оператором по переводу денежных средств. В течение 24 часов с момента поступления постановления оператор по переводу денежных средств уведомляет следователя или дознавателя об исполнении данного постановления и направляет сведения о банковском счете (вкладе, депозите), расходные операции по которым приостановлены;

6) при наличии оснований для применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на денежные средства, операции с которыми приостановлены, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора не позднее чем за 48 часов до истечения срока приостановления операций возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на денежные средства. В противном случае должно быть вынесено санкционированное постановление об отмене постановления о приостановлении операций, которое незамедлительно направляется оператору по переводу денежных средств. Если до истечения установленного срока приостановления операций с денежными средствами оператору по переводу денежных средств не поступило постановление суда о наложении ареста на них или постановление следователя (дознавателя) об отмене постановления о приостановлении операций, то операции с денежными средствами возобновляются.

Необходимо отметить, что на практике могут возникать ситуации, не урегулированные анализируемой нормой, поскольку она предусматривает приостановление операций *по счету* (выделено авт.). В соответствии с ч. 5 ст. 859 ГК РФ при расторжении договора банковского счета клиент дает указание кредитной организации о выдаче или перечислении остатка денежных средств на другой счет, которое она должна исполнить в течение семи дней с момента получения заявления клиента. Закон не определяет, какой должна быть судьба постановления о приостановлении операций по счету, если договор банковского счета расторгнут, банковский счет закрыт, но денежные средства в течение установленных законом семи дней не выданы клиенту или не перечислены на указанный им счет. Похожая ситуация возникает, если клиент в течение 60 дней со дня направления ему уведомления о расторжении договора банковского счета не явится за остатком денежных средств или не даст кредитной организации указание о переводе остатка денежных средств на другой счет. Полагаем, что поскольку в этих случаях кредитная организация может определить их принадлежность конкретному бывшему клиенту и денежные средства находятся у кредитной организации, в целях реализации публичных интересов допустимо приостановление операций с указанными денежными средствами (в том числе выдача наличных денежных средств или перевод на другой счет). В силу сказанного положения ст. 115.2 УПК РФ требуют дополнения с закреплением соответствующего регулирования.

Еще более сложная ситуация может возникнуть после истечения вышеуказанного 60-дневного срока, поскольку кредитная организация обязана будет перевести невостребованные денежные средства на специальный счет в Банке России (ч. 6 ст. 859 ГК РФ, указание Банка России от 06.12.2019 № 5345-У «О порядке открытия и ведения специального счета в Банке России, порядке зачисления денежных средств на специальный счет в Банке России и порядке возврата денежных средств со специального счета в Банке России»). Специфика данного счета состоит в том, что договор банковского счета между Банком России и кредитной организацией не заключается, операции по специальному счету не производятся, денежные средства обезличены, вследствие чего не представляется возможном приостановление операций с данными денежными средствами.

Следует обратить внимание, что законодатель предусматривает возможность приостановления операций с денежными средствами по банковским счетам (вкладам, депозитам) в досудебном производстве, которое включает стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Соответственно, по мысли законодателя, приостановление операций возможно и на стадии возбуждения уго-

ловного дела, видимо, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа должны получить соответствующие данные. Предусмотренные УПК РФ сроки предварительной проверки – трое суток, с возможным продлением до 10 суток – корреспондируют срокам приостановления операций с денежными средствами. Полученная информация по запросу указанных лиц на стадии возбуждения уголовного дела может использоваться для обоснования постановления о приостановлении операций с денежными средствами по банковским счетам (вкладам, депозитам) одновременно с вынесением постановления о возбуждении самого уголовного дела.

Представляется немаловажным обратить внимание на возможность судебного контроля за законностью решения о приостановлении операций по банковскому счету (вкладу, депозиту). В юридической литературе признается целесообразным ввести процедуру такого судебного контроля[1].

В соответствии со ст. 125 УПК РФ и постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» решения вышеуказанных должностных лиц, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, могут быть обжалованы в судебном порядке. В случае приостановления операций по банковскому счету (вкладу, депозиту) ограничивается конституционное право лица пользоваться и распоряжаться своим имуществом (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ). Поэтому заявитель (его защитник, законный представитель) может подать жалобу на постановление о приостановлении операций по банковскому счету (вкладу, депозиту).

Резюмируя вышесказанное, следует заключить, что реализация уголовно-процессуальных норм по приостановлению операций с денежными средствами на банковских счетах и во вкладах возможна только с учетом цивилистических норм, устанавливающих систематизацию банковских счетов и ограничения на приостановление операций по отдельным видам счетов.

Вызывает сомнение необходимость двойного согласования следователем, дознавателем сначала запроса в кредитную организацию, а затем постановления о приостановлении операций.

---

[1] *Карчевский К.А.* Приостановление операций с денежными средствами как новая мера процессуального принуждения // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11 (77). № 2. С. 324.

Закон не урегулировал вопрос о возможности приостановления операций с денежными средствами по закрытому банковскому счету, если эти денежные средства не выданы клиенту или не перечислены на указанный им счет. Полагаем, что поскольку возможно установить принадлежность данных денежных средств конкретному лицу, даже при закрытом банковском счете в целях реализации публичных интересов допустимо приостановление операций с указанными денежными средствами, в связи с чем норму ст. 115.2 УК РФ следует дополнить указанным регулированием.

Библиографический список

Афанасьев А.Б., Сыропятова Н.В. Реформирование гражданского законодательства в сфере регулирования видов банковских счетов в условиях инновационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 257–264.

Жук О.Д. О приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами в ходе досудебного производства по уголовному делу // Законодательство. 2025. № 7. С. 72–77.

Карчевский К.А. Приостановление операций с денежными средствами как новая мера процессуального принуждения // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11 (77). № 2. С. 321–325.

Синявина Д.А. Ограничение прав владельца банковского счета при аресте денежных средств: проблемы полного и частичного прекращения операций // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 246–250.

УДК 343.6

МЕТАМОРФОЗЫ ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ

А.В. Голикова
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права.
Саратовская государственная юридическая академия.
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
E-mail: golikovaa@mail.ru

Аннотация. Целью заявленного исследования является подтверждение гипотезы, согласно которой в результате изменения экономических отношений правоприменитель вынужденно расширяет перечень свойств предмета хищения, охватывая гл. 21 УК РФ все большее число посягательств в ущерб системности. Вторичность уголовного права в системе права и смещение акцентов в сущностных чертах предмета хищения помогают скорректировать начавшуюся неконтролируемую динамику расширения понятия хищения. Проверка изложенной автором гипотезы осуществляется на основе анализа доктринального подхода к пониманию термина «имущество» и судебной практики применения статей гл. 21 УК РФ. В качестве вывода отмечается, что режим оборота имущества является важнейшим свойством предмета хищения, способным остановить экспансию на содержание хищения, предопределяет характер общественной опасности данного вида посягательств, в наибольшей степени помогает верной квалификации хищений и отграничению их от иных преступлений в данной сфере.

Ключевые слова: хищение, имущественные преступления, цифровые права, игровое имущество, предмет хищения, имущественные права.

METAMORPHOSES OF THE THEFT OBJECT

A.V. Golikova
Saratov State Law Academy.
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia.
E-mail: golikovaa@mail.ru

Annotation. The purpose of this study is to confirm the hypothesis that, as a result of changes in economic relations, the law enforcement officer is

forced to expand the list of properties of the subject of theft, covering an increasing number of offenses under Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation, to the detriment of systematization. The secondary nature of criminal law in the legal system and the shift in emphasis on the essential features of the subject of theft help to correct the uncontrolled expansion of the concept of theft. The author's hypothesis is verified based on an analysis of the doctrinal approach to understanding the term "property" and the judicial practice of applying Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation. As a conclusion, it is noted that the regime of property turnover is the most important property of the subject of theft, which can stop the expansion of the content of theft, determines the nature of the public danger of this type of encroachment, and helps to correctly classify thefts and distinguish them from other crimes in this area.

Keywords: theft, property crimes, digital rights, gaming property, subject of theft, property rights.

Имущественные отношения, как и многие другие, подвергаются динамичной коррекции в связи с диджитализацией, что, естественно, должно учитываться законодателем. Цифровая сфера жизнедеятельности социума успешно интегрируется в устоявшиеся механизмы взаимодействия между участниками общественных отношений, что иногда принимает сложные формы. В частности, хищение, классический вид преступления, проходит адаптацию к современным условиям, изменяя привычные характерные черты, начиная с понятия «имущество». Традиционная характеристика предмета хищения, сложившаяся в течение последних десятилетий, объединяет в себе следующие свойства.

1. Хищение всегда посягает на предмет материального мира (вещь). Данный признак в момент своего становления в доктрине соответствовал как социальным реалиям, так и экономическим основам общества социалистической эпохи. Одновременно «предмет материального мира, в котором аккумулировалось благо потерпевшего, посягая на которое преступник причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны»[1] идеально вписывался в общетеоретическую концепцию предмета преступления как признака состава. Кроме того, анализ нормативного понятия хищения в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ, содержащем оборот «изъятие имущества», предполагает перемещение похищенной вещи

[1] Российское уголовное право. Общая и Особенная части: в 3 т.: учебник / под ред. Н.А. Лопашенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. 1: Общая часть. С. 273.

в пространстве, физическое обособление ее от общей имущественной массы потерпевшего.

2. Хищением можно считать только посягательство на предмет материального мира, обособленный от природы. Иными словами, необходимо, чтобы вещь была создана в результате человеческого труда или к ней был приложен человеческий труд. Данный признак выполняет важную функцию – позволяет отграничивать хищение от посягательства в сфере природопользования и подчеркивает экономическую составляющую охраняемых законодателем правоотношений, так как интересующий нас предмет посредством трудовой деятельности приобретает стоимость, вводится в экономический оборот.

3. Стоимость как экономическое свойство вещи, способной быть предметом хищения, кроме главной своей функции обусловливает оборотоспособность предмета материального мира, т.е. возможность его быть товаром и меняться на денежный эквивалент. Указанный аспект принципиален для понимания сущности объекта уголовно-правовой охраны – не субъективное право собственности (или иные вещные права), а система правил, обеспечивающих упорядоченную эксплуатацию предметов материального мира, а также их отчуждение. Параллельно стоимость унифицирует вещи, объединяя их в категорию имущества – материальных благ, принадлежащих конкретному лицу, делающих его участником экономических отношений.

4. Оборотоспособность вещей с позиции гражданских правоотношений как первичного регулятора всех правомочий в отношении предметов материального мира предполагает наличие и установленных «правил игры» по поводу осуществления правомочий сторон: как владеть, пользоваться, производить, хранить, отчуждать. Разные виды вещей (продукты, мебель, транспорт, бензин, недвижимость и др.) существуют в несколько различающихся правовых режимах.

5. Имущество как правовой статус предмета материального мира предполагает наличие правообладателя, в нашем случае – собственника и остальных – несобственников с собственным комплектом взаимно корреспондирующих прав и обязанностей. В результате преступления необходимо, чтобы собственник лишился доступа к своим вещам и его наличная имущественная масса уменьшилась. Иначе нельзя утверждать, что преступник создал значимый для общества дисбаланс прав и обязанностей в охраняемых правоотношениях. Бесхозяйные вещи предметом хищения быть не могут.

6. Предмет хищения – всегда чужое имущество для виновного, т.е. он точно не является собственником данной вещи, способным решать ее судьбу. Имущество, находящееся в общей собственности,

эксплуатируется и отчуждается согласно договоренности между сособственниками. Нарушение такого соглашения одной из сторон, влекущее отчуждение общего имущества, квалифицируется как самоуправство.

Перечисленные выше особенности предмета хищения отражают классическую концепцию имущественных отношений собственности, которая появилась благодаря традиционному способу установления власти над вещью – манипуляции (возложение руки на вещь или человека). Любое завладение чужой вещью без согласия собственника фактически образует состав какого-либо хищения.

Затем усложнились экономические отношения и появились вещи, обозначающие принадлежность имущества, которые не имеют собственной стоимости, но дают право на получение имущества (договор, ключ от сейфа или номерок в гардеробе). Возникло «право на имущество», существующее в материальной форме отдельно от этого «базового» имущества. Незаконное завладение такими предметами традиционно рассматривается как приготовление к хищению при наличии умысла на отчуждение. Но если эти вещи сами стали раритетами (например, старинный номерок из гардероба Мариинского театра даже советского времени имеет собственную ценность), то их изъятие само по себе наказуемое посягательство. Данный этап развития экономических отношений имеет принципиальное значение в юриспруденции, так как совершение многих видов сделок потребовало подтверждения правомочий собственника.

Появление вещей, обозначающих принадлежность невещественного имущества (права требования), которые обзавелись собственной стоимостью и стали предметом товарооборота (акции, облигации, векселя, сертификаты, транспортные бензиновые карты), иногда именуемых «денежные суррогаты»[1], дифференцировало содержание категории «имущество». Статья 128 ГК РФ делит имущество на две группы: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). Незаконное завладение чужими безналичными денежными средствами в уголовном праве легко поддается квалификации по ст. 158, 159, 159.6 УК РФ. В зависимости от привязки к конкретному, индивидуально-определенному лицу (собственнику) либо отсутствия такой принадлежности названные предметы в случае их незаконного изъятия выступают либо вещью, которая может быть

[1] См.: *Есаков Г.А.* Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. 2015. № 1. С. 48–53.

использована для завладения чужим имуществом, либо предметом оконченного состава хищения.

Следовательно, из классических обязательных свойств предмета хищения можно смело исключить вещественность как принадлежность к объектам материального мира.

Важность изучения данного вида имущества, «квазивещей» (например, криптовалюты), отличающихся от иных имущественных прав, для правового анализа метаморфоз предмета хищения заключается в том, что оно изменяет (должно изменить) точку зрения и правоприменителя, и научного сообщества в отношении сущностных признаков предмета хищения. Кроме избавления от признака вещественности имущества в хищении, которое успешно произошло в правоприменительной деятельности (п. 25.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» относит безналичные денежные средства к предмету изъятия), пересмотру должны подлежать и иные характеристики.

На наш взгляд, главным (первостепенным) для практики квалификации хищений явно становится правовой режим оборота имущества, включающий в себя информацию о сущностных чертах правил его перехода от субъекта к субъекту. В частности, незаконное завладение ценными бумагами в зависимости от их вида (на предъявителя или именные) квалифицируется либо как оконченное хищение, либо как покушение. Использование без согласия владельца дисконта при оплате товаров или услуг может оцениваться как хищение, если сумма предоставляемой скидки конвертируется в денежный эквивалент и обладает способностью быть средством платежа. В случаях снижения стоимости в качестве бонуса (премии) отдельным клиентам последние приобретают просто статус «особенного потребителя», а не дополнительные средства к оплате, значит, незаконное использование такого рода дисконта причиняет владельцу карты ущерб в виде упущенной выгоды. Незаконное завладение наличными денежными средствами считается оконченным с момента получения виновным возможности распорядиться похищенным (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Аналогичные действия в отношении безналичных денежных средств относятся к завершенному посягательству с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств (п. 25.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 30 ноября 2017 г. № 48). Следовательно, при хищении безналичных денежных средств у злоумышленника практически нет возможности для добровольного отказа от доведения преступления до конца путем отмены транзакции.

Цифровые права как разновидность объектов гражданских прав, обладающих экономической ценностью, в контексте ст. 128 ГК РФ интегрируются правоприменителем в состав хищения с разной степенью успешности. Полагаем, особенности оборота различных цифровых прав[1] позволяют в некоторых случаях признавать их предметом хищения. Например, способы незаконного завладения криптовалютой аналогичны хищению безналичных денежных средств путем грабежа[2] или мошенничества[3]. Трудности квалификации таких действий остались в прошлом благодаря появлению системы идентификации их собственника путем легализации майнинговой деятельности, работе официальных криптобирж и налоговому декларированию цифровых финансовых активов[4]. «При этом важен правовой режим оборота криптовалюты», считается он законным в Российской Федерации или нет.

В отношении иных видов цифровых прав вопрос уголовно-правовой охраны не столь однозначный. В науке уголовного права[5] подчеркивается значение экономического свойства предмета хищения – наличие стоимости в связи с участием в товарообороте. На сегодняшний день человечество придает «товарность» практически всем видам материальных и нематериальных благ, начиная с предметов в виртуальных играх, заканчивая временем собственной жизни (почасовая оплата труда) и информацией (платный доступ к цифровым текстам, персональные данные и др.). Сказанное актуализирует исследование категории предмета преступления через систему объекта уголовно-правовой охраны. Собственность как общественное отношение представляет собой правила по поводу того, как имущество переходит из рук в руки, что является основой для социальной стабильности, – все знают, как правильно получить имущество, как от него правильно избавляться

---

[1] *Юсупова А.Ф.* Криптовалюта как предмет преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 444–450.

[2] См., например: Третий кассационный суд общей юрисдикции: Кассационное определение от 6 июня 2023 г. № 77-1296/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2023 г. № 77-5316/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Серебренникова А.В.* Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). С. 38–40.

и как его легально накопить и использовать. Иными словами, уголовное право поддерживает тот режим оборота имущества, который нормативно определен. В контексте гл. 21 УК РФ речь идет о хищении свободно обращаемого имущества, сделки с которым могут совершать легально любые участники общественных отношений, но по правилам перехода права собственности.

Например, виртуальные игровые объекты (герои игры, их снаряжение, внутриигровые деньги и недвижимость и др.) включаются в разряд цифровых прав, но не являются финансовым активом. Восприятие вложения денежных средств в игру как способ хранения или приумножения капиталов – иллюзия, потому что в любой момент игра может перестать существовать по решению правообладателей. Платное пользование игрой и всеми возможностями внутри нее объединяется понятием услуги, представляя собой развлечение, способ досуга. Создание игроками рыночных отношений по поводу возмездного обмена игровыми объектами не регулируется законодательством, не относится к сфере уголовно-правовой охраны. Нарушение цифровой целостности услуги в виде неправомерного доступа к программному коду охватывается рядом статей УК РФ: ст. 272–274, а в случаях получения информации, охраняемой законом, возможно наказание за несоблюдение тайны оборота таких данных или причинение вреда субъектам исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Исключение может составлять только конвертируемая внутриигровая валюта, которую можно легально трансформировать в денежные средства, вернуть в товарооборот, можно и похитить.

Обобщая описанные выше тенденции в изменении облика предмета хищения, приходим к нескольким выводам.

1. Расширение круга объектов гражданских прав должно интересовать уголовное право с позиции присоединения к сложившейся в регулятивном законодательстве системе их реализации для поддержания баланса интересов участников таких правоотношений.

2. Имущество (как материальные, так и не овеществленные его разновидности) призвано обеспечивать экономический процесс капитализации активов как части экономики. Следовательно, режим его оборота и наличие экономической стоимости вместе могут помочь дифференцировать имущественные и неимущественные объекты гражданских прав.

3. Придание неовеществленным объектам свойств товара и появление у них экономической стоимости не означает автоматического отнесения их к категории «имущество». В противном случае придется признавать имуществом человеческие органы, ребенка, время, ценные советы и т.д.

4. Режим оборота имущества влияет на способы посягательства в его отношении, является ключевым свойством предмета хищения, предопределяет характер общественной опасности хищений, в наибольшей степени помогает верной квалификации хищений и отграничению их от иных преступлений в данной сфере.

5. Имущество как предмет хищения обладает следующими признаками: законный режим оборота (владение и отчуждение по правилам отношений собственности), наличие экономической стоимости, обособленность от природной среды, точно не принадлежит посягающему лицу.

Библиографический список

Есаков Г.А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. 2015. № 1. С. 48–53.

Российское уголовное право. Общая и Особенная части: в 3 т.: учебник / под ред. Н.А. Лопашенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. 1: Общая часть. 664 с.

Серебренникова А.В. Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). С. 38–40.

Юсупова А.Ф. Криптовалюта как предмет преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 444–450.

УДК 343.7

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРИЗНАКАХ СОСТАВОВ ХИЩЕНИЯ

А.Н. Жданов
Аспирант кафедры уголовного права и прокурорского надзора.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: alzhnil@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проявления универсального не поименованного принципа правовой определенности в уголовном праве на примере отдельно взятой проблемы, связанной с определением размера хищения в ситуации, когда на включение в него «претендуют» суммы того или иного налога (НДФЛ, НДС и т.д.). Проведен анализ актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, рассмотрены законодательные изменения, касающиеся указанного вопроса. Автором сделаны выводы относительно соответствия данных новелл уголовного закона требованиям принципа правовой определенности.

Ключевые слова: принцип правовой определенности, хищение, налог на доходы физических лиц, налог на добавленную стоимость, конституционность правовой нормы.

THE MANIFESTATION OF THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY OF THE CRIMINAL LAW IN THE SIGNS OF THEFT

A.N. Zhdanov
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: alzhnil@mail.ru

Abstract. The article examines the manifestations of the universal unnamed principle of legal certainty in criminal law using the example of a single problem related to determining the amount of embezzlement in a situation where the amount of a particular tax (personal income tax, VAT, etc.) is "claimed" to be included in it. The acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation are

analyzed, legislative acts are considered. changes related to the specified issue. The author draws conclusions regarding the compliance of these novels of the criminal law with the requirements of the principle of legal certainty.

Keywords: the principle of legal certainty, embezzlement, personal income tax, value added tax, constitutionality of a legal norm.

Наряду с прямо закрепленными в уголовном законодательстве принципами (законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма) в юридической литературе и судебной практике выделяют ряд так называемых неписаных принципов уголовного права, к числу которых относят и принцип правовой определенности. Данный принцип, будучи по своей природе универсальным, общеправовым[1], так или иначе пронизывает все право в объективном смысле этого слова, включая уголовное право. Из этого следует, что он должен проявляться и в признаках отдельных составов преступлений, в том числе составов хищения.

Под принципом правовой определенности в научной литературе понимается «основополагающая идея, в которой выражается требование определенности правового регулирования в целом, которая достигается прежде всего за счет ясности, точности, недвусмысленности и непротиворечивости норм права и индивидуально-властных предписаний, четкости порядка действия нормативного правового акта, стабильности правоотношений, устойчивости правоприменительных актов и актов реализации права»[2]. Данным требованиям, в силу общего характера принципа правовой определенности, должны соответствовать в том числе и нормы Особенной части уголовного права, посвященные описанию признаков состава хищения. В рамках настоящей статьи предполагается рассмотрение данных проявлений в проблемах, связанных с применением относительно новой правовой нормы – п. 5 примечаний к ст. 158 УК РФ.

Введению данной нормы предшествовало принятие Конституционным Судом РФ постановления от 8 декабря 2022 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» (далее также – Постановление

---

[1] *Крыжан В.А.* О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. С. 84.

[2] *Дербышева Е.А.* Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 9.

№ 53-П)[1]. Поводом к принятию данного Постановления послужил запрос суда, в котором высказана позиция о том, что п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ противоречит Конституции РФ, поскольку позволяет расценивать удержание налоговым агентом налога на доходы физических лиц в качестве противоправного изъятия суммы уплаченного налога виновным в свою пользу и тем самым включать эту сумму в предмет хищения наряду с фактически полученным путем обмана денежным довольствием.

При вынесении указанного Постановления Конституционный Суд РФ построил свою аргументацию в виде анализа указанной нормы на предмет соответствия ряду общеправовых принципов, в том числе принципу правовой определенности (Конституционный Суд РФ также использовал термин «определенность правового регулирования»). По мнению Конституционного Суда РФ, норма п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ на момент принятия рассматриваемого Постановления не соответствовала Конституции РФ, поскольку ее редакция допускала двоякое, в равной степени возможное, толкование. С одной стороны, фонд заработной платы (фонд денежного довольствия военнослужащих) уменьшается на всю величину необоснованно начисляемой заработной платы (денежного довольствия), включая ошибочно удерживаемый налог на доходы физических лиц, что образует такой признак хищения, как ущерб (абз. 2 п. 5 Постановления № 53-П). С другой стороны, у виновного лица отсутствует корыстная цель на получение суммы НДФЛ, так как данная сумма перечисляется не виновному лицу, а в государственный бюджет. Кроме того, реальную возможность распорядиться похищенным виновный (работник, военнослужащий) получает только в отношении той части денежных средств, которые ему фактически выплачиваются (абз. 3 п. 5 Постановления № 53-П). Данные обстоятельства свидетельствуют о неопределенности указанной правовой нормы.

Конституционным Судом РФ было постановлено, что федеральному законодателю надлежит внести изменения в действующее правовое регулирование с целью устранения указанной неопределенности. При этом заслуживает отдельного внимания временный порядок применения нормы п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, который был введен Конституционным Судом РФ, впредь до внесения изменений в законодательство. Из двух вариантов толкования правовой нормы необходимо было выбрать более благоприятный. Конституционный

[1] По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2022 г. № 53-П // Российская газета. 2022. 22 декабря. № 290.

Суд РФ отметил, что его решения не могут ухудшать правовое положение граждан в отношениях с государством, поскольку такое ухудшение противоречило бы самой правовой природе данного органа (абз. 2 п. 6 Постановления № 53-П). В связи с этим был введен временный порядок, согласно которому сумма уплаченного работодателем НДФЛ не подлежит включению в предмет хищения (п. 3 резолютивной части Постановления № 53-П).

Необходимо учитывать, что предусмотренный Конституционным Судом РФ временный порядок вытекает не из содержания нормы п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, а из общих принципов уголовного права и является лишь одним из двух равноправных вариантов толкования данной нормы. Из этого следует, что, во-первых, сама по себе правовая неопределенность нормы п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ не была устранена после принятия Конституционным Судом РФ Постановления, а во-вторых, предложенный данным органом временный порядок применения нормы не обязывает федерального законодателя внести в уголовное законодательство изменения именно в соответствии с данным подходом.

Как уже отмечалось ранее, ровно через год после принятия Конституционным Судом РФ Постановления № 53-П, а именно 8 декабря 2023 г., примечания к ст. 158 УК РФ были дополнены п. 5, согласно которому в случае, когда предметом хищения является доход, облагаемый налогом на доходы физических лиц, в размер хищения не подлежит включению сумма указанного налога, удержанная и уплаченная налоговым агентом в соответствии с законодательством Российской Федерации[1].

При этом следует отметить, что ни в пояснительной записке, ни в заключениях профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ, ни в заключении Администрации Президента РФ относительно проекта данного закона не содержится никакой информации о том, почему из двух вариантов решения рассматриваемого вопроса был выбран именно тот подход, при котором соответствующие суммы в размер хищения не включаются. Вместе с тем с момента принятия Конституционным Судом РФ Постановления № 53-П до внесения соответствующих изменений в законодательство в юридической литературе высказывались аргументы и в пользу противоположного подхода[2]. С одной стороны, федеральный

[1] О внесении изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 553-ФЗ // Российская газета. 2023. 30 ноября. № 272.

[2] *Кудрявцев А.Г.* К вопросу о необходимости исключения налоговых платежей из суммы похищенных денежных средств // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 8. С. 105–107.

законодатель, внося рассматриваемые изменения в ст. 158 УК РФ, не нарушил требования Постановления № 53-П, поскольку выбрал один из двух допустимых вариантов устранения неопределенности нормы п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Однако, с другой стороны, отсутствие аргументации выбора такого варианта само по себе свидетельствует о том, что неопределенность правовой нормы не устранена в полной мере.

Отчасти о не снятой неопределенности относительно вопроса о включении суммы налога в размер хищения свидетельствует позиция Верховного Суда РФ по конкретному делу, согласно которой в случае совершения хищения товара из магазина в размер хищения подлежит включению и сумма налога на добавленную стоимость[1]. Позиция прокурора, подавшего надзорное представление, сводилась к тому, что нижестоящими судами сумма налога на добавленную стоимость (НДС) была необоснованно включена в размер хищения, поскольку из содержания подп. 1 п. 1 ст. 146, п. 1 ст. 13, п. 1 ст. 39 НК РФ в их взаимосвязи следует, что объектом налогообложения (в том числе НДС) признаются операции по реализации товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации. При этом если товар был похищен, то его реализация, т.е. правомерная сделка по отчуждению этого товара, не произошла, в связи с чем продавец фактически не уплатил в государственный бюджет НДС и не понес ущерб на его сумму.

Отказывая в передаче надзорного представления для рассмотрения в судебном заседании, Президиум Верховного Суда РФ указал, что розничная цена на товары формируется с учетом НДС, который впоследствии должен быть уплачен продавцом товара, однако фактически обязанность по его оплате перекладывается на покупателя. В связи с этим понятие «фактическая стоимость имущества», закрепленное в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», подразумевает, что сумма НДС также является составной частью этой стоимости.

В связи с внесенными в уголовное законодательство изменениями и актуальной судебной практикой Верховного Суда РФ сложилась достаточно парадоксальная ситуация: при определении размера хищения в том случае, если на включение в него «претендует» сумма того или иного налога, необходимо учитывать конкретный вид налога. НДФЛ не подлежит включению в размер хищения в силу прямого указания за-

[1] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11 марта 2025 г. № 1П25ПР. URL: https://www.vsrf.ru.

кона, тогда как НДС, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ, подлежит включению в размер хищения.

Конечно, данную парадоксальную ситуацию можно объяснить разницей в предмете хищения: в случае с НДФЛ таковым выступают денежные средства, составляющие доход, подлежащий обложению налогом, а в случае с НДС предметом хищения является имущество, предназначенное для реализации, в цену которого включена сумма подлежащего последующей уплате налога. Необходимо также помнить о том, что в теории налогового права рассматриваемые налоги относятся к двум разным видам: НДФЛ является прямым налогом, а НДС – косвенным. Вместе с тем анализ различий между этими налогами не только не разрешает рассматриваемый парадокс, но и еще больше углубляет его. Полагаем, если рассматривать данный вопрос с точки зрения имущественного ущерба для потерпевшего, то оснований для включения суммы НДФЛ в размер хищения даже больше, чем для включения в него суммы НДС. Ведь в том случае, если предметом оконченного хищения является облагаемый налогом доход (зарплата, денежное довольствие и т.д.), потерпевший (работодатель) уже уплатил в бюджет НДФЛ и понес реальный имущественный ущерб на данную сумму. В случае же, если предметом хищения является имущество, реализация которого облагается НДС, потерпевший (собственник имущества) еще не уплатил в бюджет НДС и, более того, не будет его уплачивать, если похищенный товар не будет возвращен собственнику и не будет впоследствии реализован. С точки же зрения размера денежных средств или стоимости имущества, обращенных в пользу виновного лица или других лиц, ситуация с обоими видами налога аналогична. Доход, облагаемый налогом, поступает виновному лицу или иным лицам без суммы уплаченного налоговым агентом НДФЛ, а экономическая ценность поступившего к ним похищенного имущества не может по своей сути включать в себя НДС, который в случае правомерной реализации товара уплачивается в государственный бюджет, а не остается покупателю товара.

Полагаем, что на формирование позиции Верховного Суда РФ по вопросу о включении суммы НДС в размер хищения во многом оказала влияние практическая целесообразность такого подхода – гораздо проще определять размер хищения по маркировке, на которой указана цена товара с учетом НДС, чем рассчитывать размер хищения, вычитая из цены товара сумму НДС. При этом следует отметить, что такая логика также не лишена объективных оснований. По сути, похищая определенный товар, виновное лицо избавляет себя от обязанности по уплате его цены, включающей в себя в том числе

и НДС. Необходимо также учитывать, что цена товара формируется с учетом очень многих факторов. Помимо НДС к таким факторам относятся и другие потенциальные затраты продавца: зарплата работников, коммунальные платежи, амортизационные отчисления и т.д. Отличается от ситуации с хищением сумм заработной платы и субъективная сторона преступления: виновное лицо, совершая хищение имущества, исходит из его цены, определенной с учетом НДС, тогда как при совершении хищения заработной платы виновное лицо исходит из той суммы, которую он получит «на руки», за вычетом подлежащего уплате налоговым агентом НДФЛ.

Хотелось бы также отметить, что рассмотренные противоречия во многом обусловлены (хотя и не исчерпываются данной причиной) самим характером нормы п. 5 примечаний к ст. 158 УК РФ. Даже беглый взгляд на примечания к ст. 158 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что п. 5 среди остальных пунктов выглядит неким «чужеродным элементом». Пункт 1 примечаний содержит в себе определение понятия «хищение», что делает его своего рода базовой нормой для всей гл. 21 УК РФ. Пункты 2–4 представляют собой определения понятий, через которые выражены квалифицирующие признаки практически всех составов преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ, поэтому в этом смысле тоже являются своего рода общими нормами (предусматривающими определенные исключения). На фоне данных норм п. 5 примечаний выглядит слишком казуистическим, посвященным лишь относительно редкому, частному случаю, когда предметом хищения является доход, облагаемый налогом на доходы физических лиц. Норма настолько конкретна, что даже не применима к тем случаям, когда предметом хищения выступает имущество, реализация которого облагается налогом на добавленную стоимость. Вводя во исполнение предписания Конституционного Суда РФ данный пункт, законодатель фактически принял на себя роль Пленума Верховного Суда РФ и дал разъяснения о порядке применения уголовно-правовых норм о хищении в конкретной ситуации.

Как отмечалось выше, требование правовой определенности достигается прежде всего за счет ясности, точности, недвусмысленности и непротиворечивости норм права и индивидуально-властных предписаний, четкости порядка действия нормативного правового акта, стабильности правоотношений, устойчивости правоприменительных актов и актов реализации права.

Норма п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, признанная Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции РФ, закрепляет определение понятия «хищение». Как известно, любая дефиниция носит своего рода абстрактный характер, поскольку обобщает ряд

родовых и видовых признаков определяемого понятия. При этом такой абстрактный характер сам по себе не свидетельствует о противоречии дефиниции требованиям правовой определенности.

В этой связи вызывает сомнение вывод Конституционного Суда РФ о том, что п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ противоречит Конституции РФ в силу своей неопределенности. Достаточно затруднительно представить себе ситуацию, при которой определение понятия «хищение» носило бы настолько исчерпывающий характер, что само по себе позволило бы однозначно ответить даже на такой узкий вопрос, как необходимость или отсутствие необходимости включения в размер хищения суммы того или иного налога. Как известно, существует огромное количество проблем, схожих с обозначенной, связанных с применением норм о хищении, однако ни одно из решений отдельно взятых проблем не сформулировано в УК РФ в виде отдельной нормы. Правоприменительные проблемы в силу своей правовой природы неизбежны и обусловлены не только субъективными (ошибками в законодательном регулировании), но и объективными причинами (невозможность урегулировать слишком многообразные, постоянно изменяющиеся общественные отношения достаточно статичными и ограниченными по содержанию правовыми нормами и т.д.). Из этого следует, что нет никакой необходимости стремиться решить абсолютно все правоприменительные проблемы введением в законодательство излишних казуистических норм, поскольку все они никогда не будут решены, а правовая неопределенность общих норм, как наглядно видно из рассмотренного нами примера, может не устраниться, а, напротив, усугубиться.

Довод о нецелесообразности признания п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ не соответствующим Конституции РФ подтверждается также тем обстоятельством, что в последующем данная норма никак не была отредактирована, а примечания к ст. 158 УК РФ искусственно дополнены новым пунктом, посвященным решению узкой, частной проблемы. Полагаем, что введение в законодательство новой правовой нормы не способно придать определенность иной, уже существующей правовой нормы.

Ю.Е. Пудовочкиным и М.М. Бабаевым высказана позиция о том, что включение в уголовный закон п. 5 примечаний к ст. 158 УК РФ является примером «непредсказуемости законодательного решения»[1]. Данный довод авторы аргументировали тем, что законодатель не моти-

[1] *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона: проблемы типологии и оценки // Журнал российского права. 2025. № 2. С. 121–136.

вировал, по какой именно причине им был выбран именно такой вариант решения проблемы определения размера хищения (как отмечалось выше, Конституционный Суд РФ не обязывал законодателя придерживаться какого-либо определенного подхода). При этом, по мнению авторов, в данном случае непредсказуемость законодательного решения не является отрицательным явлением, поскольку последствия такого решения были спрогнозированы законодателем, т.е. являлись предсказуемыми. Соглашаясь с авторами в том, что введение п. 5 примечаний к ст. 158 УК РФ было непредсказуемым законодательным решением, отметим, что его последствия спрогнозированы не были (в частности, законодателем не продуман вопрос о включении в размер хищения сумм иных налогов, в том числе НДС). В связи с этим, по нашему мнению, непредсказуемыми являются как само законодательное решение, так и его последствия.

Полагаем, что проблему, связанную с включением в размер хищения суммы того или иного налога, гораздо уместнее было бы решать не путем внесения изменений в законодательство, а через придание большей правовой определенности правоприменительной практике (например, путем формирования позиции в постановлении Пленума ВС РФ). Поскольку судебная практика по своей правовой природе обладает гораздо большей гибкостью, чем нормативные предписания, решение обозначенной проблемы на уровне судебной практики эффективнее бы позволило снять правовую неопределенность. Иными словами, если бы Пленум ВС РФ предусмотрел, что сумма НДФЛ не подлежит включению в размер хищения, поскольку виновное лицо получает в свое распоряжение денежные средства, не включающие в себя НДФЛ, а сумма НДС входит в размер хищения, поскольку виновное лицо обращает в свою пользу имущество, цена которого определена с учетом НДС, то проблема была бы снята в полном объеме. Однако в связи с законодательным закреплением решения вопроса с НДФЛ и пробелом относительно вопроса с НДС правовая неопределенность сохраняется.

Таким образом, сам по себе сложившийся в настоящее время подход, согласно которому НДФЛ не включается в размер хищения, а НДС включается, не противоречит принципу правовой определенности, поскольку, как отмечалось выше, данные налоги относятся к разным видам налогов с различным порядком формирования и уплаты, различаются и признаки объективной и субъективной сторон хищений, связанных с данными налогами, и т.д. Однако требованиям правовой определенности противоречит сам способ решения данной проблемы – введение в уголовный закон излишней правовой нормы, посвященной лишь одному из обозначенных видов налогов.

Библиографический список

Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона: проблемы типологии и оценки // Журнал российского права. 2025. № 2. С. 121–136.

Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 238 с.

Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. С. 81–88.

Кудрявцев А.Г. К вопросу о необходимости исключения налоговых платежей из суммы похищенных денежных средств // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 8. С. 98–109.

УДК 343.2

СОГЛАСИЕ НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА И ИНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ, РАЗГРАНИЧЕНИЯ И КОНКУРЕНЦИИ

М.Я. Заборский
Ассистент кафедры уголовного права и прокурорского надзора.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: Zaborsky.mix@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения согласия на причинение вреда с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния по уголовному праву России. Автор исследует связи между согласием и теми закрепленными в гл. 8 УК РФ обстоятельствами, которые являются смежными с согласием на причинение вреда, а именно обоснованным риском и крайней необходимостью. Автор определяет критерии разграничения приведенных обстоятельств и согласия, выявляет случаи, когда такие обстоятельства способны вступать в нормативную конкуренцию, и формулирует соответствующие правила разрешения конкуренции.

Ключевые слова: согласие на причинение вреда, обстоятельства, исключающие преступность деяния, конкуренция обстоятельств, исключающих преступность деяния, крайняя необходимость, обоснованный риск, исполнение закона.

CONSENT TO CAUSE OF HARM AND OTHER CIRCUMSTANCES THAT EXCLUDE THE CRIMINALITY OF THE ACT: ISSUES OF RATIO, DIFFERENTIATION AND COMPETITION

M.Y. Zaborskiy
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, Russia, 614068.
E-mail: zaborsky.mix@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the relationship between consent to inflict harm and other circumstances that exclude the

criminality of an act under Russian criminal law. The author explores the connections between consent and the circumstances specified in Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are related to consent to inflict harm, such as reasonable risk and extreme necessity. The author defines the criteria for distinguishing between these circumstances and consent, identifies cases where these circumstances may compete with each other, and formulates appropriate rules for resolving such competition.

Keywords: consent to inflict harm, circumstances that exclude criminality, competition of circumstances that exclude criminality, extreme necessity, reasonable risk, and enforcement of the law.

Проблема согласия на причинение вреда как обстоятельства, исключающего преступность деяния, является одной из наиболее дискуссионных в теории российского уголовного права. Исследователи анализируют основания придания согласию на причинение вреда оправдывающей силы, определяют понятие согласия, выявляют условия, при которых вред, причиненный с согласия лица, будет являться правомерным. Однако при формировании научного представления о согласии на причинение вреда как потенциальном обстоятельстве, исключающем преступность деяния, не менее важным представляется вопрос о месте такого согласия в системе российского уголовного права.

С.С. Алексеев, характеризуя системность как имманентное свойство права, писал: «Право представляет собой единый нормативный механизм регламентирования (нормирования) общественных отношений. Оно функционирует как «цельный организм» в нераздельном единстве, системе своих норм, институтов»[1]. Для правильного толкования и применения права, таким образом, необходимо подходить к его познанию системно, уясняя не только формальную структуру права, но и его внутреннюю логику, взаимообусловленность элементов его системы.

В силу изложенного проблемой, закономерно вытекающей из признания согласия на причинение вреда обстоятельством, исключающим преступность деяния, является детерминация места согласия среди иных обстоятельств, включая как ситуации, которые на сегодняшний день закреплены в гл. 8 УК РФ, так и обстоятельства, необходимость выделения которых признается в науке уголовного права. Видится, что подобный системный анализ позволит целостно и непротиворечиво

[1] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Екатеринбург: Автограф, 2018. С. 115.

установить потенциальную функциональную роль согласия в архитектонике уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Необходимо отметить, что поставленная задача не может быть решена без обращения к вопросу о том, как множество обстоятельств, исключающих преступность деяния, характеризуется с философско-логических позиций, есть ли связь между элементами данной совокупности и каково ее содержание. Приведенные вопросы не являются новыми для уголовно-правовой доктрины, исследующие их ученые обособились в два лагеря.

Одни авторы полагают, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, помещенные законодателем в текст уголовного закона, представляют собой систему в том смысле, в каком она рассматривается как онтологическая категория, обозначающая совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих целостность[1]. Подобной позиции придерживается, к примеру, Е.В. Щелконогова, изучающая институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в качестве системного образования, характеризующегося такими признаками, как целостность и единство[2]. О том, что совокупность обстоятельств следует признавать системой, пишет и Т.Ю. Орешкина[3].

Более состоятельным для целей настоящего исследования видится обратный подход. А.Т. Вельтмандер верно указывает, что совокупность тех обстоятельств, которые на сегодняшний день помещены в гл. 8 УК РФ, не представляет собой систему в ее объективном смысле – со свойственными любой системе элементов признаками структурности и синергетичности, что во многом обусловлено хаотичностью и бессистемностью закрепления обстоятельств в уголовном законодательстве[4]. Отсутствие единой системы построения норм гл. 8 УК РФ и их взаимосвязи с другими нормами и институтами уголовного права констатирует и А.В. Никуленко[5]. «Набор ситуаций, включенных

---

[1] Новая философская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/СИСТЕМА.

[2] *Щелконогова Е.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 14.

[3] *Орешкина Т.Ю.* Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // Lex Russica. 2015. № 3. С. 73–84.

[4] *Вельтмандер А.Т.* Ситуация обстоятельства, исключающего преступность деяния: теоретические основания и уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 5.

[5] *Никуленко А.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 5.

в главу 8, скомпонован по случайному признаку... а связи между этими ситуациями носят неустойчивый характер», – справедливо заключает В.И. Михайлов[1].

Вместе с этим, соглашаясь с И.М. Тяжковой[2], отметим, что обстоятельства, несмотря на их относительную разрозненность, способны находиться в определенной взаимозависимости. Разные по своей правовой природе обстоятельства нередко обладают одинаковыми условиями правомерности причиняемого вреда и как следствие способны иметь предметом своего регулирования одни и те же социальные ситуации. Поэтому в общественной практике нередки случаи, когда при совершении деяния, причиняющего вред объекту уголовно-правовой охраны, присутствуют сразу несколько обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Достаточно упомянуть ставший «классическим» пример о летчике, выполняющем в ходе военных действий экспериментальный полет на новой модели военного самолета. В литературе отмечается, что лица, приказывающие испытателю отправиться в полет и тем самым подвергающие его опасности причинения вреда, находятся одновременно в состоянии обоснованного риска, поскольку преследуют социально полезную цель совершенствования авиатехники и в состоянии крайней необходимости, поскольку военные испытания направлены на устранение опасности – поражения в военных действиях[3].

Подобные ситуации, при которых одновременно наличествуют два или более обстоятельств, исключающих преступность деяния, а правомерность причиняемого вреда как следствие одновременно определяется двумя или более регулятивными уголовно-правовыми нормами, именуются в литературе конкуренцией (коллизией) обстоятельств, исключающих преступность деяния[4]. Не исключена вероятность возникновения подобной конкуренции и между согласием на причинение вреда как потенциальным обстоятельством,

---

[1] Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. X: Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 153.

[2] Курс уголовного права. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 388.

[3] Там же. С. 389.

[4] См., например: *Блинников В.А.* Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 93; *Вельтмандер А.Т.* Указ. соч. С. 18; *Лялин Д.О.* Правомерное применение оружия при отправлении профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 12; *Орешкина Т.Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. 2016. № 4. С. 71 и др.

исключающим преступность деяния, и иными обстоятельствами. Учитывая потребности правоприменительной деятельности, требующей приведения в обоснование решения конкретной правовой нормы, считаем необходимым проанализировать возможность возникновения указанной конкуренции и при установлении такой вероятности сформулировать квалификационные правила разрешения коллизии.

Таким образом, описание соотношения согласия на причинение вреда с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, требует:

– определения обстоятельств, которые являются смежными с согласием (имеют общий признак правомерности причинения вреда), а также выявления критерия(-ев) их разграничения;

– выявления фактических ситуаций, в которых согласие на причинение вреда способно вступать в нормативную конкуренцию с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, а также формулирование правил разрешения такой конкуренции.

В первую очередь необходимо обратиться к сопоставлению согласия на причинение вреда и обоснованного риска. Юридическая близость данных обстоятельств, исключающих преступность деяния, определяется сходством целей, процесс достижения которых сопровождается причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны либо поставлением их под угрозу причинения вреда.

Согласно нормативным предписаниям ч. 1 и 2 ст. 41 УК РФ обоснованный риск исключает преступность деяния лишь тогда, когда целью причинения вреда является общественно полезная цель, которая не могла быть достигнута иным способом, не связанным с риском[1]. Разъясняя значение такого условия для ситуации обоснованного риска, А.А. Чистяков указывает: «Путем причинения вреда охраняемым интересам лицо, действующее в условиях риска, должно стремиться обеспечить право другого человека (или многих людей) либо отстаивать интересы общества и государства»[2]. Схожее значение цель содеянного имеет при причинении вреда в ситуации согласия на причинение вреда. Вместе с этим при исследовании субъективных условий действительности согласия как обстоятельства, исключающего преступность деяния, мы отмечали, что цель согласия может иметь не только общественно полезное, но и общественно нейтральное содержание.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: монография / под ред. А.А. Чистякова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 28.

Мотивированный схожестью целей причинения вреда тезис о смежности согласия и обоснованного риска требует определения критерия разграничения данных обстоятельств. Таким критерием выступает в первую очередь основание возникновения регулятивного уголовного правоотношения, в рамках которого лицо будет иметь право причинить вред объекту уголовно-правовой охраны либо поставить его под угрозу причинения вреда. При согласии на причинение вреда указанное основание носит исключительно субъективный характер и представляет собой поведенческий акт – выраженное вовне волеизъявление лица, чей уголовно значимый интерес будет нарушен. В основании же обоснованного риска, как отмечается в специальной литературе, лежит юридическое событие – объективно возникающая в силу постоянного развития научно-технического прогресса необходимость совершения рискованных действий[1].

Различаются анализируемые обстоятельства и степенью осуществимости вреда, который может быть причинен в рамках регулятивных уголовных правоотношений. При обоснованном риске, по верному замечанию И.В. Талаева, наступление вредных последствий является вероятностью, а субъект, желающий достичь какой-либо социально полезной цели, всегда рассчитывает на благоприятный исход[2]. В ситуации же согласия совершение лицом, которому адресовано согласие, влекущих вред действий является в сознании субъекта согласия единственным способом преследуемой им цели (субъект согласия сам хочет, чтобы цель была достигнута именно путем причинения вреда). К примеру, для организации, разрешающей клиенту за плату повреждать или уничтожать ее имущество, такие действия являются единственным способом получения прибыли в рамках данного вида деятельности (?).

Приведенное различие обусловливает и расхождение видов вины, с которыми субъекты причиняют вред при рассматриваемых обстоятельствах.

Е.В. Щелконогова справедливо указывает, что в ситуации обоснованного риска лицо в силу достигнутых в обществе знаний имеет достаточные основания полагать, что вред от его действий не наступит[3]; соответственно, вина в случае, если негативные последствия все-таки

---

[1] См.: *Баулин Ю.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. С. 173; Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: монография / под ред. А.А. Чистякова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 19.

[2] *Талаев И.В.* Обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и отправление профессиональных функций в условиях военной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 26.

[3] См.: *Щелконогова Е.В.* Указ. соч. С. 12.

найдут место, будет выражена в виде легкомыслия. При причинении вреда с согласия лица имеют место все составляющие косвенного умысла: к примеру, лицо, причиняющее в рамках тренировочного процесса своему спарринг-партнеру увечье, осознает, что его действия способны причинить вред правам согласившегося на поединок лица, очевидно, предвидит возможность наступления таких последствий, однако относится к ним безразлично и не стремится предотвратить данные последствия, поскольку осознает, что они согласованы и не будут расценены оппонентом как негативные.

Наконец, еще одно различие между согласием на причинение вреда и обоснованным риском заключается в так называемых пределах допустимости – границах правомерности причиненного вреда в рамках возникшего регулятивного правоотношения. Если в ситуации обоснованного риска возможно причинение разного рода вреда, главное, чтобы это не было связано с угрозой для жизни многих людей, экологической катастрофой или общественным бедствием (ч. 3 ст. 41 УК РФ), то согласие допускает причинение вреда только тому объекту уголовно-правовой охраны и только в той степени, которые прямо указаны в согласии.

Несмотря на наличие сразу нескольких критериев разграничения, схожесть целей причинения вреда, определяющая смежность обоснованного риска и согласия, влечет возможность возникновения ситуаций, в которых данные обстоятельства, исключающие преступность деяния, будут способны вступить в конкуренцию. В литературе выделяется достаточно обширный перечень подобных случаев: применение лекарственных средств офф-лейбл, испытание новых лекарственных препаратов, форм вакцин[1], редактирование генома с целью излечения от врожденных генетических недугов, существенно затрудняющих жизнь[2], испытание беспилотных транспортных средств с внедренным искусственным интеллектом[3]. Во всех перечисленных случаях объект уголовно-правовой охраны может быть поставлен под угрозу причинения вреда с целью достижения общественно полезной

[1] См.: *Лопатина Т.М.* Пределы уголовной ответственности при медицинском риске // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 94; *Тер-Овакимян А.А.* Эволюция обстоятельств, исключающих уголовную ответственность медицинских работников // Медицинское право. 2024. № 4. С. 35.

[2] См.: *Блинов А.Г., Лапунин М.М.* Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 817.

[3] См.: *Русскевич Е.А., Тихомиров Е.Д.* Применение технологий искусственного интеллекта при эксплуатации беспилотных транспортных средств: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2023. № 4. С. 41.

цели лишь при наличии согласия обладателя соответствующего права (больного, выбирающего способом излечения ранее не опробованные лекарственное средство или метод лечения; лица, призванного по долгу службы испытывать новые модели военной/гражданской техники, и т.д.).

Приведенные фактические ситуации, в которых имеет место конкуренция согласия на причинение вреда и обоснованного риска как обстоятельств, исключающих преступность деяния, в силу общеправового принципа правовой определенности требуют формулирования правила разрешения такой конкуренции.

Отметим, что некоторые авторы отрицают возможность вступления нескольких обстоятельств, исключающих преступность деяния, в отношения конкуренции. К примеру, Н.Н. Аськов применительно к медицинской деятельности указывает, что обстоятельства могут лишь образовывать совокупность, но не конкурировать между собой; исследователь полагает, что признаки конкуренции отсутствуют в силу учета всех обстоятельств для правильной квалификации содеянного[1]. Не оспаривая важность комплексного подхода к оценке фактических обстоятельств каждого казуса, считаем необходимым отметить, что правоприменитель, принимая решение о прекращении уголовного дела / преследования в связи с отсутствием в деянии состава преступления, обязан обосновывать свои выводы конкретной правовой нормой из гл. 8 УК РФ и указывать конкретное обстоятельство, исключающее преступность деяния, в силу чего выработка правила выбора конкретного обстоятельства из имеющейся совокупности представляется объективно необходимой.

В науке уголовного права выработаны различные позиции к принципам разрешения уголовно-правовой конкуренции обстоятельств, исключающих преступность деяния. К примеру, И.Г. Соломоненко предлагает отдавать приоритет в уголовно-правовой оценке причиненного вреда тому обстоятельству, которое во времени возникло раньше[2]. В.А. Блинников утверждает, что правоприменитель должен использовать то обстоятельство, которое создает для причинителя вреда наиболее «выгодные условия»[3]. Придерживаясь комплексного

---

[1] *Аськов Н.Н.* Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. С. 12.

[2] *Соломоненко И.Г.* Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение. Ставрополь, 2000. С. 52–64.

[3] См.: *Блинников В.А.* Указ. соч. С. 95; *Попов К.И.* Конкуренция обстоятельств правомерного причинения вреда // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2 (74). С. 127.

подхода, А.Т. Вельтмандер отмечает, что при выборе обстоятельства должны последовательно применяться нормативный, временной принципы, а также принцип коллизии прав и обязанностей[1].

Оговоримся, что мы ставим задачу разрешить коллизию между согласием на причинение вреда и обоснованным риском именно для ситуаций, когда эти обстоятельства существуют одновременно: к примеру, когда владелец неизлечимо больного животного передает его для испытания новой ветеринарной вакцины – в данной ситуации имеет место и обоснованный риск (причинение вреда в виде возможной смерти животного, т.е. уничтожения имущества), который обусловлен необходимостью достижения общественно полезной цели, а также согласие собственника на причинение вреда своему праву собственности. В ином же случае, когда возникшая «конфликтная» ситуация регулируется лишь одним обстоятельством, речи о конкуренции, по нашему мнению, быть не может.

При определении правила разрешения конкуренции считаем возможным исходить из позиции А.Т. Вельтмандера, предлагающего применять то обстоятельство, исключающее преступность деяния, «которое в большей степени гарантирует и защищает права лица, причиняющего вред»[2]. Данный подход является корректным, о чем, в частности, свидетельствует его соответствие основополагающему международно-правовому принципу *pro homine*, предполагающему учет при толковании норм права личности человека как источника и цели закона.

Использование критерия «бóльших гарантий» при разрешении конкуренции согласия на причинение вреда и обоснованного риска позволяет заключить, что приоритет будет иметь то обстоятельство, которое предоставляет более широкие пределы правомерного причинения вреда. В ситуации согласия, как мы ранее отмечали, указанные пределы ограничены лишь тем объектом уголовно-правовой охраны, который прямо упомянут в содержании согласия, в то время как при обоснованном риске границы правомерности вреда более широки: риск не может быть сопряжен лишь с угрозой для жизни многих людей, угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Таким образом, при конкуренции таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как обоснованный риск и согласие на причинение вреда, приоритет в уголовно-правовой оценке должен быть отдан обоснованному риску как обстоятельству, предоставляющему больше гарантий защиты прав лица, причиняющего вред.

---

[1] *Вельтмандер А.Т.* Указ. соч. С. 18–19.

[2] Там же. С. 19.

Весьма схоже с обоснованным риском такое обстоятельство, как крайняя необходимость: в обеих ситуациях лицо может правомерно избрать для достижения социальной значимой цели – устранения опасности вредоносный способ[1]. Вместе с этим, как справедливо указывается в литературе, в отличие от обоснованного риска, при котором лицо имеет возможность выбора между рискованными и обычными действиями, в ситуации крайней необходимости «рискованное действие является единственным выходом для устранения опасности»[2]. Опасность, с целью устранения которой причиняется вред при обоснованном риске, является вероятностной, в то время как состояние крайней необходимости, по верному замечанию Г.С. Шкабина, возникает лишь в случае наличия фактических обстоятельств, свидетельствующих о том, что опасность неизбежно реализуется[3].

Следовательно, как в ситуации согласия на причинение вреда действия, причиняющие вред, являются единственным способом достижения стоящей перед субъектом согласия цели, так и при крайней необходимости причинение вреда является единственным (вынужденным) способом устранения опасности[4]; это позволяет утверждать о схожести рассматриваемых уголовно значимых ситуаций.

Вместе с этим согласие и крайняя необходимость имеют и существенные различия, к которым, как и при сравнении согласия с обоснованным риском, следует в первую очередь относить основание возникновения регулятивного отношения. Если согласие на причинение вреда есть субъективный акт поведения человека, то социальная ситуация, отраженная в ст. 39 УК РФ, имеет объективное содержание: в ее основании лежит случайное стечение обстоятельств, порождающее столкновение двух правоохраняемых интересов – лица, попавшего в состояние крайней необходимости и вышедшего из этого состояния путем причинения вреда интересам другого лица[5]. Помимо этого

---

[1] См.: *Чукин Д.С.* Критерии правомерности обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния в условиях военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 6. С. 70.

[2] См.: *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* Международное уголовное право и военные преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации: теория права и сравнительный анализ для квалификации преступлений // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 6. С. 84.

[3] *Шкабин Г.С.* Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 96.

[4] См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. X: Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 276.

[5] См.: *Пархоменко С.В.* Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 133.

различаются рассматриваемые обстоятельства и по «пределам допустимости» причиняемого вреда: если в ситуации согласия лицо имеет возможность нанести вред только тому объекту уголовно-правовой охраны и только в той степени, которые прямо упомянуты субъектом согласия, то в условиях крайней необходимости, по смыслу ч. 2 ст. 39 УК РФ, допустимо причинять лишь вред менее значительный, чем предотвращаемый.

Несмотря на наличие критериев разграничения, схожесть целей причинения вреда, определяющая смежность крайней необходимости и согласия, влечет возможность возникновения ситуаций, в которых данные обстоятельства, исключающие преступность деяния, будут существовать одновременно. К примеру, собственник жилого дома в случае пожара может дать согласие на слом дверей/окон для спасения оставшихся в доме членов семьи; работники организации, обеспечивающей организацию работы объектов жизнеобеспечения и испытывающей материальные затруднения, во избежание наступления ущерба интересам личности, общества или государства могут изъявить согласие на выплату им заработной платы не в полном объеме.

Конкуренция крайней необходимости и согласия на причинение вреда подлежит разрешению путем применения ранее упомянутого правила «бóльших гарантий», в соответствии с которым приоритет должно иметь то обстоятельство, которое предоставляет более широкие пределы правомерного причинения вреда. В ситуации согласия, как ранее было отмечено, указанные пределы ограничены лишь тем объектом уголовно-правовой охраны, который прямо упомянут в содержании согласия, в то время как состояние крайней необходимости предполагает возможность причинения разного рода вреда, который должен быть менее значительным, чем вред предотвращенный.

Таким образом, при конкуренции таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как крайняя необходимость и согласие на причинение вреда, приоритет должен быть отдан крайней необходимости как обстоятельству, предоставляющему больше гарантий защиты прав лица, причиняющего вред.

Исследуя соотношение согласия на причинение вреда с теми обстоятельствами, которые на сегодняшний день закреплены в гл. 8 УК РФ, нельзя не упомянуть и об иных обстоятельствах, необходимость легального признания которых обсуждается в уголовно-правовой доктрине. Интерес, в частности, представляет группа обстоятельств, связанных с причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны в результате совершения лицом деяний, дозволенных нормами регулятивных отраслей права. К таким ситуациям в литературе относят осуществление

законного права[1], исполнение закона[2], выполнение профессиональных функций[3], проведение оперативно-розыскного мероприятия.

Детальный анализ состоятельности предложений по дополнению гл. 8 УК РФ указанными обстоятельствами задачей настоящего исследования не является. Считаем возможным оговориться, что мы солидарны с позицией тех авторов, которые указывают, что действие (бездействие), предписанное или разрешенное нормой регулятивной отрасли права, не может считаться уголовно противоправным и как следствие преступным, в силу чего институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, при обосновании правомерности указанных действий применяться не может[4]. Однако, опуская дискуссию, следует отметить, что одновременное признание и согласия на причинение вреда, и исполнения закона обстоятельствами, исключающими преступность деяния, требует их разграничения, что обусловлено следующим.

Фактором, вызывающим к жизни норму об исполнении закона, пишет В.И. Михайлов, является возникновение ситуации, модель разрешения которой путем причинения вреда закреплена в нормативном правовом акте[5]. В некоторых подобных ситуациях обязательным правовым условием причинения вреда является согласие лица, которому такой вред причиняется. В правовом поле находятся, к примеру, такие случаи причинения вреда, как изъятие врачом органа и (или) ткани человека при трансплантации[6], искусственное прерывание беремен-

---

[1] См.: *Мордовина А.А.* Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 162 с.

[2] См.: *Дорогин Д.А.* Исполнение закона как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 240 с; *Скобликов П.А.* Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Уголовное уложение 1903 года и современное российское законодательство // Закон. 2023. № 11. С. 27–42.

[3] См.: *Лялин Д.О.* Правомерное применение оружия при отправлении профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 27 с; *Шкабин Г.С.* Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 52 с.

[4] См., например: *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 83; *Лялин Д.О.* Соотношение норм главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и предписаний иноотраслевого законодательства о применении оружия // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 10. С. 80; *Михайлов В.И.* Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 37 и др.

[5] *Михайлов В.И.* Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 43.

[6] Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 01.05.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

ности, медицинская кастрация с согласия лица[1], нанесение ущерба в спортивных состязаниях по видам спорта, правила которых утверждены в установленном порядке.

На первый взгляд может показаться, что при обосновании правомерности данных деяний применимы и согласие на причинение вреда, и исполнение закона. Однако, думается, данные обстоятельства не способны вступать в отношения конкуренции. Согласие на причинение вреда, как мы ранее отмечали, имеет сферой своего действия лишь те случаи причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, когда отсутствует норма регулятивной отрасли права, дозволяющая совершить соответствующие действия.

Задача введения в гл. 8 УК РФ нормы о согласии состоит в том, чтобы закрепить универсальные (распространяемые на все сферы общественных отношений) условия, при которых вред, причиняемый с согласия, будет правомерным. При этом законодатель не лишен возможности предусмотреть в иных отраслях права для отдельных, имеющих, по его мнению, наибольшую социальную важность, случаев причинения вреда с согласия лица специальные правила. Данные нормы независимо от того, будут ли они применяться при оценке действий лица непосредственно либо же опосредованно – со ссылкой на уголовно-правовую норму об исполнении закона как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, будут иметь приоритет перед нормой о согласии на причинение вреда.

Таким образом, исполнение закона и согласие на причинение вреда не являются смежными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и не могут вступать в конкуренцию.

Изложенное в настоящей статье позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Соотношение согласия на причинение вреда с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, определяется, во-первых, перечнем обстоятельств, являющихся смежными с согласием на причинение вреда, во-вторых, критериями разграничения согласия со смежными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и, в-третьих, правилами разрешения нормативной конкуренции между согласием на причинение вреда и смежными обстоятельствами, исключающими преступность деяния.

2. Согласие на причинение вреда является смежным с двумя закрепленными в уголовном законе обстоятельствами, исключающими

[1] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

преступность деяния: обоснованным риском и крайней необходимостью, что определяется сходством целей, процесс достижения которых сопровождается причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны; критериями разграничения данных обстоятельств, исключающих преступность деяния, служат основание возникновения регулятивного правоотношения, степень осуществимости вреда в рамках указанных правоотношений, а также в границах правомерности причиняемого вреда; при конкуренции обоснованного риска и согласия на причинение вреда либо крайней необходимости и согласия на причинение вреда приоритет в уголовно-правовой оценке должен быть отдан, соответственно, обоснованному риску или крайней необходимости как обстоятельствам, предоставляющим больше гарантий защиты прав лица, причиняющего вред.

3. Согласие на причинение вреда имеет косвенное сходство с таким предлагаемым в науке к введению в российский уголовный закон обстоятельством, исключающим преступность деяния, как исполнение закона, поскольку согласие лица является обязательным правовым условием причинения вреда в некоторых ситуациях, описанных в нормативных правовых актах, однако вступать в конкуренцию с исполнением закона согласие на причинение вреда не способно.

Библиографический список

Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Екатеринбург: Автограф, 2018. 192 с.

Аськов Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 277 с.

Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. 359 с.

Блинников В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 403 с.

Блинов А.Г., Лапунин М.М. Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 804–830.

Вельтмандер А.Т. Ситуация обстоятельства, исключающего преступность деяния: теоретические основания и уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 23 с.

Габай П.Г., Багмет Н.А. Использование лекарственных средств офф-лейбл: ответственность медицинского работника и медицинской организации // Российский следователь. 2017. № 17. С. 19–24.

Дорогин Д.А. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 240 с.

Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. 203 с.

Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Международное уголовное право и военные преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации: теория права и сравнительный анализ для квалификации преступлений // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 6. С. 93–104.

Курс уголовного права. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 611 с.

Лопатина Т.М. Пределы уголовной ответственности при медицинском риске // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 92–98.

Лялин Д.О. Правомерное применение оружия при отправлении профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 240 с.

Лялин Д.О. Соотношение норм главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и предписаний иноотраслевого законодательства о применении оружия // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 10. С. 76–83.

Михайлов В.И. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40–44.

Михайлов В.И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 33–42.

Мордовина А.А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 162 с.

Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. 412 с.

Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: монография / под ред. А.А. Чистякова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 28.

Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. 2016. № 4. С. 66–76.

Орешкина Т.Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // Lex Russica. 2015. № 3. С. 73–84.

Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 267 с.

Попов К.И. Конкуренция обстоятельств правомерного причинения вреда // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2 (74). С. 125–127.

Русскевич Е.А., Тихомиров Е.Д. Применение технологий искусственного интеллекта при эксплуатации беспилотных транспортных средств: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2023. № 4. С. 35–47.

Скобликов П.А. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Уголовное уложение 1903 года и современное российское законодательство // Закон. 2023. № 11. С. 27–42.

Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение. Ставрополь, 2000. 94 с.

Талаев И.В. Обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и отправление профессиональных функций в условиях военной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 208 с.

Тер-Овакимян А.А. Эволюция обстоятельств, исключающих уголовную ответственность медицинских работников // Медицинское право. 2024. № 4. С. 34–37.

Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в 10 т. Т. X: Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 507 с.

Чукин Д.С. Критерии правомерности обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния в условиях военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 6. С. 69–76.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 409 с.

Щелконогова Е.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 26 с.

УДК 343.4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ – КЛЮЧЕВОЙ ВОПРОС ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Д.А. Кучукбаев
Аспирант кафедры уголовного права и прокурорского надзора.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: kuchukbaev2000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности определения признаков предмета хищения в эпоху перехода к цифровой экономике. Установлено, что появление в обороте иного имущества, в том числе имущественных прав, исключает эффективную защиту прав потерпевших, поскольку механизм уголовно-правовой охраны адаптирован исключительно под материальные объекты. Сделан вывод о необходимости отказа от вещного признака в связи с изменением структуры экономических отношений, что находит отражение в судебной практике. Предложены варианты решения вопроса определения признаков предмета хищения, когда им является имущество, не относящееся к вещам.

Ключевые слова: имущество, хищение, предмет хищения, вещь, безналичные денежные средства, криптовалюта.

DETERMINING THE SIGNS OF A THEFT IS A KEY ISSUE IN CRIMES AGAINST PROPERTY

D.A. Kuchukbaev
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: kuchukbaev2000@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of defining the characteristics of the subject of theft in the era of transition to the digital economy. It has been established that the emergence of other property, including property rights, in circulation makes it impossible to effectively protect the rights of victims, as the mechanism of criminal law protection is adapted exclusively

to tangible objects. The article concludes that it is necessary to abandon the property-based characteristic due to the changing structure of economic relations, which is reflected in judicial practice. The article proposes solutions to the problem of defining the characteristics of the subject of theft when it is property that is not a tangible object.

Keywords: property, theft, object of theft, item, non-cash funds, cryptocurrency.

В современном мире в связи с массовым распространением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и электронных платежных систем экономика многих стран (в том числе и России) претерпела значительные изменения. Так, доля безналичных платежей в РФ превысила 87%[1], а количество граждан, ежедневно пользующихся высокоскоростным Интернетом, приблизилось к 130 млн[2].

Однако подобные сдвиги привели не только к повышению уровня жизни, но и к изменению структуры преступности. По данным МВД России, в период с января по декабрь 2024 г. более половины всех общественно опасных деяний совершалось в отношении собственности (абсолютное большинство относится к хищениям). При этом зарегистрировано более 40% преступлений с использованием ИКТ[3]. Цифровизация экономических отношений привела к качественному изменению и путей посягательств на собственность. Многие хищения чужого имущества перешли в виртуальное пространство, что приводит к получению преступниками доступа одновременно ко всему имуществу потерпевшего и как следствие к увеличению размера ущерба. В частности, объем операций, совершенных без согласия клиентов, в 2021 г. составлял 13,6 млрд руб., в 2022 г. – 14,2, в 2023 г. – 15,8, в 2024 г. – 27,5 млрд руб., объем предотвращенных изъятий чужого имущества в 2023 г. оценивался в 5,8 трлн, в 2024 г. – уже в 13,5 млрд руб.[4] Данная тенденция свидетельствует об отсутствии эффективных мер защиты и в будущем продолжит усугубляться.

---

[1] Доля безналичных платежей в России достигла 87,5%. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68e612d39a7947ddbf893e12.

[2] Путин назвал число пользователей Интернета в России. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/12/2024/6759b4709a79472b45d8949e.

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/.

[4] Итоги работы Банка России за 2024 год: коротко о главном. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2024/zaschita-prav-potrebiteley-bor-ba-s-moshennichestvom-i nedobrosovestnymi-praktikami-na-finansovom-rynke/#a_173986.

Также в гражданском обороте за последние 30 лет появилось огромное количество нематериальных объектов, лишенных физической формы, обладающих имущественной ценностью, которые фактически являются предметом всех современных сделок (например, виртуальное имущество, безналичные денежные средства). Закономерно, что они становятся предметом преступных посягательств, в связи с чем их владельцы, правообладатели терпят существенный имущественный ущерб. Например, за 2024 г. у россиян криптоактивов было похищено на общую сумму около 15 млрд руб.[1], что эквивалентно одной четвертой бюджета г. Перми[2].

С учетом того, что в 2018 г. законодателем проведена дематериализация предмета хищения (к имуществу были отнесены безналичные денежные средства, электронные денежные средства)[3], вопрос определения его признаков стал еще более актуальным. Подобный подход является закономерным, поскольку игнорировать изъятие и обращение нематериальных активов стало невозможно.

Ввиду вышеперечисленного в науке уголовного права развивается дискуссия относительно признаков предмета хищения (в особенности вещного)[4]. Согласно примеч. 1 к ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) к нему относится чужое имущество. Данное понятие не раскрыто в действующем законодательстве, что создает предпосылки для его различного толкования. Представляется, что основной причиной проблем определения признаков предмета хищения является отсутствие унифицированного подхода к понятию имущества в гражданском и уголовном праве.

В настоящее время сложились три модели решения обозначенного вопроса. Сторонники первой («традиционной») отмечают, что к имуществу необходимо относить исключительно материальные объекты, выступающие в обороте в качестве товара (вещи), поскольку изъять и (или) обратить в пользу виновного можно только активы, обладаю-

---

[1] Эксперт назвал сумму потерь россиян от краж криптовалют. Результат впечатляет. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/67f7eaf89a7947c83bc6c426.

[2] Решение Пермской городской думы от 17 декабря 2024 г. № 218 «О бюджете города Перми на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 25 апреля 2018. № 88.

[4] См., например: *Долгиева М.М.* Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 288; *Хилюта В.В.* Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 80.

щие физическими границами[1]. Ввиду этого имущество, не относящееся к вещам, не может выступать предметом хищения. Особое развитие данный подход получил в работах В.В. Хилюты. Ученый отмечает, что законодательный запрет, предусматривающий ответственность за хищение, призван охранять исключительно статику экономического оборота, соответственно, его предмет не может не обладать физической формой, поскольку в таком случае его невозможно изъять и (или) обратить в пользу виновного. Однако возможно неправомерно завладеть правом на нематериальное имущество, ввиду чего необходимо пересмотреть концепцию гл. 21 УК РФ и разделить ее на хищения и «преступления против оборота объектов гражданских прав»[2]. Согласиться с данным подходом не представляется возможным по следующим причинам.

Во-первых, современная экономика РФ имеет не вещный, а цифровой характер, в качестве товара все чаще выступают коммерчески ценные активы, не имеющие физических границ, более 87% платежей – безналичные. Продолжать применять существующий подход к понятию имущества означает оставить за чертой уголовно-правовой охраны множество потерпевших. Например, в 2024 г. число обладателей криптовалюты в РФ увеличилось до 9,2 млн человек[3], при их обращении в правоохранительные органы в большинстве случаев дело не будет возбуждено ввиду отсутствия данного актива в перечне объектов гражданских прав.

Во-вторых, разделение гл. 21 УК РФ на две группы преступлений в зависимости от формы имущества, которым завладевает лицо, не имеет оснований. Предметом хищения является чужое имущество, а не вещь. Однако подобная формулировка использована законодателем не случайно. Изменять выбранный подход означает вносить еще больше проблем в уголовное законодательство и практику.

В-третьих, понятие «имущество» в гражданском праве является собирательным: к нему отнесены как вещи (предметы материального

---

[1] См., например: Уголовное право. Часть общая. Часть особенная: учебник / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана и др. URL: https://sci.house/pravo-ugolovnoe-scibook/ugolovnoe-pravo- chast-obschayachast.html; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Проспект, 2019. С. 226; Курс уголовного права в пяти томах. Т. 3: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. С 363; *Хилюта В.В.* Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2021. С. 67–68.

[2] *Хилюта В.В.* Указ. соч. С. 67–68.

[3] В России криптовалютой завладели около 9,2 миллионов человек. URL: https://www.comnews.ru/content/233539/2024-06-04/2024-w23/1008/rossii-kriptovalyutoy-zavladeli-92-mln chelovek?rel_scan=9f1bf462-8af1-4c57-b192-9caa28b8516a%7C%7B%7D.

мира, имеющие телесные, физические границы), так и иное имущество, в том числе имущественные права (нет телесной оболочки, осязаемости, однако есть экономическая ценность, оборотоспособность, фактически могут быть в собственности). Согласно ст. 209, ч. 1 ст. 216 Гражданского кодекса РФ право собственности отнесено к вещным правам, т.е. формально установить его можно лишь на те блага, которые имеют материальную (физическую) форму. Однако те же безналичные денежные средства, цифровые права, электронные денежные средства фактически могут принадлежать гражданам, которые способны ими в том числе распоряжаться. То есть изначально понятие права собственности формировалось исключительно под реалии вещного оборота, но в связи с изменением товарно-денежных отношений данные положения вынужденно пересматриваются.

В-четвертых, представляется, что уголовное право как отрасль права является именно охранительной, т.е. его задача сводится к защите общественных отношений, которые первично урегулированы иными отраслями. Глава 21 УК РФ «Преступления против собственности» в теории не должна самостоятельно устанавливать перечень имущества, являющегося предметом таких посягательств, тем самым толкуя понятие имущества у́же, чем ГК РФ. Однако на практике происходит иначе. Это связано с невозможностью, опираясь на сформированную в конце XX в. концепцию хищения как основной группы преступлений против собственности, охранять права потерпевших на имущество, не относящееся к вещам. Зачастую правоприменителем имущество рассматривается практически всегда как вещь (за исключением безналичных и электронных денежных средств). В остальных случаях посягательства на предметы, не имеющие телесной формы (например, виртуальное имущество, криптовалюта), практически не наказуемы[1]. Подобный подход де-факто означает отсутствие возможности обладателей имущества, не относящегося к вещам, защищать свои имущественные права, что в условиях правового государства неприемлемо.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос толкования положений ст. 128 ГК РФ в части определения видов имущества. Его перечень является открытым («...вещи... иное имущество, в том числе имущественные права...»). На практике это означает, что суды не связаны доминирующей в следственной практике вещной концепцией при

[1] См., например: Суд не посчитал криптовалюту предметом преступления, исключив ее хищение из обвинения. Официальный сайт Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20200630/305983859.html.

квалификации посягательств на собственность. То есть юридических препятствий для признания предметом хищения иного (нематериального) имущества не усматривается[1]. Однако в большинстве случаев в практике подобного не происходит в силу отсутствия прямого указания в ст. 128 ГК РФ.

Представители второго подхода («унификации») полагают, что концептуально перерабатывать гл. 21 УК РФ нецелесообразно, достаточно расширить предмет хищения за счет отнесения к нему бестелесных, экономически ценных, оборотоспособных активов, являющихся предметом сделок[2]. Такая концепция видится обоснованной, поскольку позволяет решить фундаментальную проблему – наличие различных подходов к толкованию термина «имущество». При отнесении к нему имущественных прав, иного имущества права обладателей нематериальных активов будут защищены.

Необходимость пересмотра признаков предмета хищения и как следствие отнесения к нему имущества, не являющегося вещами, подчеркивает Н.А. Лопашенко: «Необходимо изменить представление об исключительной материальной сущности предмета преступлений против собственности...»[3]. Солидаризуясь с данной позицией, И.С. Мочалкина отмечает, что структура экономического оборота изменилась, в него все чаще вовлекаются нематериальные объекты, что свидетельствует о нецелесообразности рассмотрения понятия «имущество» как статичного[4]. Представляется, что данный подход соответствует текущему состоянию преступности против собственности и способствует эффективному противодействию ей. Невозможно игнорировать объективную реальность и продолжать придерживаться «традиционного» для уголовного права России понятия имущества, поскольку оно не позволяет защищать права потерпевших.

---

[1] Приговор Кировского районного суда г. Казани от 20 мая 2022 г. по делу № 1-7/2022. Сайт Кировского районного суда г. Казани URL: https://kirovsky- tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=46890225&delo_id=1540006&case_type=0&n ew=0&text_number=1&srv_num=1.

[2] См., например: *Мочалкина И.С.* Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 25, 143; *Ображиев К.В.* Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 81; *Серебренникова А.В.* Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). С. 39–40; *Лопашенко Н.А.* Преступления против собственности: авторский курс: в 4 кн. Кн. I: Общетеоретическое исследование посягательств на собственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 70; *Долгиева М.М.* Указ. соч. С. 288.

[3] *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 75.

[4] *Мочалкина И.С.* Указ. соч. С. 89.

На сегодняшний день на первый план выходят экономический и юридический признаки предмета хищения, что справедливо[1]. Такой подход находит отражение в судебной практике, в частности, по уголовным делам, связанным с изъятием криптовалюты. Так, Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 77 1255/2021 Р. и Х. были признаны виновными в разбое группой лиц по предварительному сговору, совершенном с применением предметов в качестве оружия, сопряженном с незаконным проникновением в жилище в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 162). Защитники подсудимых просили исключить из предмета хищения криптовалюту, ссылаясь на то, что она официально не признана объектом гражданских прав, ее оборот в РФ не урегулирован. Суд отверг указанные доводы, сославшись на то, что «наличие запрета в РФ на возможность оплачивать товары, работы и услуги цифровой валютой не свидетельствует об отсутствии у нее признаков имущества», тем самым однозначно указав на гражданско-правовой режим. Также в мотивировочной части обоснованно отмечено, что криптовалюта имеет экономическую ценность, владение ею не запрещено, а оборот урегулирован в Законе «О ЦФА».

Более того, суд в процессе толкования ст. 128 ГК РФ пришел к выводу, что в перечень объектов гражданских прав помимо вещей входит и иное имущество. Также в качестве обоснования своей позиции отмечено, что с точки зрения Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы РФ продажа цифровой валюты (криптовалюты) рассматривается как продажа имущества[2]. Соответственно, предмет хищения судом первой и апелляционной инстанций был определен верно.

В другом деле Октябрьский районный суд г. Тамбова признал мужчину виновным в мошенничестве (ч. 2 ст. 159 УК РФ) при следующих обстоятельствах. Мужчина вступил в переписку в сети «Интернет» с потерпевшим, в ходе диалога договорился с ним о покупке 0.03875392 единиц криптовалюты биткоина, при этом заведомо не собираясь оплачивать их реальными деньгами. Потерпевший был готов перевести криптовалюту виновному после того, как на его банковский счет будет зачислено 20 000 руб. Подсудимый направил на номер телефона мужчины SMS-сообщение о переводе указанной суммы, полагая, что он воспримет его как пришедшее от банка. Потерпевший, поверив

[1] *Архипов А.В.* Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. № 6. С. 20.

[2] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 77-1255/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в реальность перевода, передал злоумышленнику криптовалюту биткоин в обозначенном размере под влиянием обмана[1].

Недостатком подхода «унификации» является отсутствие однозначного мнения по поводу границ предмета хищения, поскольку распространять правовой режим имущества на любое коммерчески ценное благо, обладающее оборотоспособностью и являющееся предметом сделок, нецелесообразно. Уголовное право должно охранять только наиболее значимые общественные отношения вне зависимости от их распространенности / субъективной значимости для потерпевшего. Например, виртуальное имущество онлайн-игр, платные подписки, персональные данные фактически покупаются и продаются, похищаются, однако являются ли данные активы настолько ценными, чтобы предоставлять их обороту уголовно-правовую охрану, и на основании чего? Подобные вопросы не имеют однозначного ответа, поскольку не разработаны единые критерии, позволяющие относить нематериальные активы к имуществу[2].

Таким образом, вопрос определения признаков предмета хищения остается ключевым в контексте преступлений против собственности. Основной проблемой, порождающей дискуссии и неоднозначную судебную практику, остается обязательность вещного признака. Для ее решения учеными предложены две концепции:

1) «Традиционная» – предметом хищения может выступать лишь вещь, для нематериальных объектов необходима разработка иных составов преступления. Данный подход не является оптимальным ввиду необходимости внесения масштабных изменений в текст УК РФ, что приведет к значительным временны́м и материальным издержкам, создаст дополнительные квалификационные проблемы в судебно-следственной практике.

2) «Унификация» – понятие «имущество» должно толковаться уголовным правом не узко, а так же, как в гражданском законодательстве. Соответственно, к предмету хищения будут относиться вещи, иное имущество, в том числе имущественные права.

Представляется, что наиболее перспективной будет трансформация понятия хищения на основе второй концепции, поскольку изменение экономического оборота и структуры преступности требует не только оперативной, но и системной реакции правоприменителя. Кроме того, подобный подход уже частично реализуется законодателем с 2018 г.

---

[1] Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15 февраля 2019 г. по делу № 1-134/2019. Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/YvXp7Upq9TJT/.

[2] *Хилюта В.В.* Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 72.

Поскольку определение термина «имущество» является вопросом толкования права, изменения в текст УК РФ вносить не требуется. Представляется, что постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» необходимо дополнить п. 1.1 и изложить его в следующей редакции: «Под имуществом в статьях главы 21 понимаются не только вещи, но и иное имущество, в том числе имущественные права».

Библиографический список

Архипов А.В. Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. № 6. С. 16–23.

Долгиева М.М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 474 с.

Курс уголовного права в пяти томах / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. Т. 3: Особенная часть. 468 с.

Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: авторский курс: в 4 кн. Кн. I: Общетеоретическое исследование посягательств на собственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 296 с.

Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 240 с.

Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Проспект, 2019. 448 с.

Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87.

Серебренникова А.В. Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). С. 38–40.

Хилюта В.В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 68–82.

Хилюта В.В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2021. 595 с.

УДК 343.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АЛГОРИТМИЗАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ КАК СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ

К.В. Малыгин
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Заместитель председателя Пермского краевого суда
614990, Россия, г. Пермь, ул. Екатерининская, 33.
E-mail: malygink@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы повышения эффективности и качества отправления правосудия посредством его алгоритмизации и автоматизации, в том числе с использованием систем искусственного интеллекта. Отмечается, что внедрение данных систем в правоприменительную деятельность является лишь вопросом времени. Описываются возможные направления использования генеративного искусственного интеллекта в юриспруденции, а также технические ограничения и проблемы, связанные с эффектами «галлюцинаций», предвзятости, «черного ящика», и пути их преодоления. Сформированы предложения о структуре алгоритмов, лежащих в основе данных систем, содержании и форме взаимодействия с ними пользователей. Сделан вывод о необходимости и возможности сочетания алгоритмизации отправления правосудия с сохранением независимости и контроля судей за принятием правоприменительных решений.

Ключевые слова: алгоритм, алгоритмизация уголовного судопроизводства, автоматизация отправления правосудия, искусственный интеллект.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ALGORITHMIZATION IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE AS A MEANS OF ENHANCING ITS QUALITY AND EFFICIENCY

K.V. Malygin
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
Perm Regional Court.
33, Ekaterininskaya str., Perm, 614990, Russia.
E-mail: malyginkl@mail.ru

Abstract. The article explores the prospects for improving the efficiency and quality of the administration of justice through its algorithmization and automation, including the use of artificial intelligence systems. It is noted that the integration of such systems into law enforcement and judicial practice is merely a matter of time. The paper outlines possible directions for applying generative artificial intelligence in jurisprudence, as well as technical limitations and challenges associated with phenomena such as "hallucinations", bias, and the "black box" effects, and discusses strategies for overcoming them. Proposals are formulated regarding the structure of algorithms underlying these systems, as well as the content and form of user interaction with them. The study concludes that the algorithmization of the administration of justice can and should be combined with the preservation of judicial independence and oversight over the decision-making process in law enforcement activities.

Keywords: algorithm, algorithmization of the criminal procedure, automation of the administration of justice, artificial intelligence.

Вопрос алгоритмизации правоприменительной деятельности по уголовным делам не является новым для научных исследований. В области криминалистики внимание ученых неоднократно останавливалось на разработке методик раскрытия и расследования различных преступлений[1], в рамках уголовного процесса – на тактике и методике производства следственных и иных процессуальных действий, орга-

[1] См., например: *Агафонов В.В.* Методика расследования преступлений, связанных с ношением, изготовлением или сбытом холодного оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 23 с.; *Тонкий Е.С.* Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 197 с.; *Мазуров И.Е.* Методика расследования хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 188 с.

низации расследования объемных, многоэпизодных уголовных дел, проведения судебного разбирательства судом с участием присяжных заседателей и др.[1]

Однако в последние годы актуальность данных вопросов возросла. С одной стороны, активное развитие информационных технологий, их проникновение во все сферы общественной жизни приводит к усложнению общественных отношений, к увеличению объема информации, с оперированием которой связано отправление правосудия, а следовательно, к усложнению судебной деятельности и росту судебной нагрузки.

С другой стороны, данные технологии предоставляют инструменты для повышения эффективности судопроизводства, в том числе путем делегирования решения отдельных задач автоматизированным информационным системам, выстроенным на основе искусственного интеллекта, снижения затрат времени и ресурсов на поиск, обработку и анализ информации, автоматизации рутинных процессов, связанных с оборотом документов, их обработкой и созданием.

Например, используемые в судебной системе Китайской Народной Республики системы искусственного интеллекта позволяют автоматизировать процессы составления и подачи судебных исков и прогнозировать результаты их разрешения судом; осуществляют анализ и классификацию материалов дела; оценку рисков совершения подозреваемым противоправных действий при избрании меры пресечения; сопоставление доказательств для выявления содержащихся в них противоречий; анализ обстоятельств дела на основе доступной судебной практики и поиск прецедентов, соответствующих данным обстоятельствам; анализ позиций сторон для выявления расхождений в оценке доказательств и применении норм права; помощь в решении вопросов о назначении наказания; подготовку проектов судебных решений, а также проверку проектов судебных решений на наличие аномалий (противоречий), в том числе путем сверки с прецедентами по аналогичным делам; контроль исполнения судебных решений. Кроме того, данные системы обеспечивают запись судебного заседания с распознаванием голосов его участников и подготовкой протокола судебного заседания[2].

---

[1] См., например: *Маркс А.В.* Типовые системы действий следователя, связанных с задержанием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 15 с.; *Шаталов А.С.* Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. 411 с.; *Маевский С.С.* Тактика проведения отдельных следственных действий с участием защитника с учетом складывающихся следственных ситуаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 32 с.

[2] См., например: *Guo Zh., Yang J.* The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System // Legal Issues in the Digital Age, 2025. Vol. 6. № 1. P. 83–104;

Применение указанных систем в Китае носит вспомогательный характер и не подменяет судей, но оказывает им помощь в выполнении своих функций, обеспечивая сокращение сроков рассмотрения дел, высвобождение времени, необходимого для решения наиболее значимых для судьбы дела вопросов, способствует обеспечению единства судебной практики, являющейся одним из условий достижения стабильности правового регулирования и реализации принципа правовой определенности.

Судебная система России в обозримом будущем будет двигаться в том же направлении. Так, Председатель Верховного Суда РФ И.В. Краснов в своих недавних выступлениях отмечал: «Аналитические программные комплексы на основе искусственного интеллекта – вот что является перспективным направлением в развитии судебной системы. Будем активнее внедрять их в работу судов, быстрее выявлять противоречия в судебной практике и реагировать на них»[1], «...суды продолжают развивать электронную систему правосудия для дальнейшего возможного внедрения генеративного искусственного интеллекта, который поможет исключить как ошибки, так и противоречия в судебной практике»[2].

Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде все чаще исследуются российскими учеными[3].

Таким образом, внедрение различных комплексов автоматизации в деятельность по отправлению правосудия, в том числе основанных на искусственном интеллекте, является лишь вопросом времени. Однако для того, чтобы подобная модернизация приводила к развитию судебной системы, повышению ее эффективности, укреплению дове-

---

Гун Н. Судебное применение и ограничения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 1. С. 230–251; *Пэн Хайцин*. Искусственный интеллект в судебной системе Китая. URL: https://m.vkvideo.ru/video-109483738_456240158.

[1] Краснов заявил, что судьи при вынесении решений должны помнить о присяге // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1053805.

[2] Председатель ВС Краснов сообщил Путину о планах модернизации российского правосудия // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1056501.

[3] См.: Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. 216 с.; *Вехов В.Б., Пастухов П.С.* Искусственный интеллект в решении криминалистических задач // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 12 ноября 2020 г.): сб. статей / Пермский филиал РАНХиГС; отв. ред. А.Н. Самойлов. Пермь, 2019. С. 8–16.

рия к ней со стороны общества, данные комплексы должны рассматриваться исключительно в качестве инструментального дополнения к судебной деятельности, средства, повышающего возможность судей реализовывать собственные компетенции, но не заменяющего их. Алгоритмы, задействованные при создании и в работе подобных комплексов, их функционал и задачи, решаемые в судопроизводстве, а также характер взаимодействия с ними судей не должны приводить к нарушению принципа отправления правосудия только судом, к утрате независимости, объективности и беспристрастности судей, их контроля за принятием правоприменительных решений и компетентности (как результата подмены естественного интеллекта искусственным).

При этом следует учитывать технические ограничения и проблемы существующих систем искусственного интеллекта, которые оказывают влияние на возможность использования результатов их работы в юридической сфере. Можно привести некоторые из них.

В практике использования доступных систем генеративного искусственного интеллекта в юриспруденции известен так называемый эффект галлюцинаций, проявляющийся в генерации в ответ на заданный пользователем вопрос полностью или частично вымышленных данных, содержащих неверные сведения, выглядящих как достоверные[1]. Лежащие в основе таких систем Большие языковые модели (Large Language Models (LLMs)), обучаясь на значительных массивах зачастую не обработанной, не структурированной, не размеченной информации, создают новый контент с использованием алгоритмов глубокого обучения, вычисляющих (предсказывающих) вероятность элементов в лексических последовательностях[2]. Вероятностный характер указанных моделей, а также возможные недостатки и лимитированность информации, на которой они обучаются, становятся причиной проявления описанного эффекта. В результате система «выдумывает» не только несуществующую судебную практику, но и целые нормы права либо существенно изменяет действующие, дает неверные, но правдоподобно выглядящие разъяснения. В одном из случаев проявления «галлюцинаций» популярная платформа, работающая на базе искусственного интеллекта и передовых языковых моделей, отличающаяся осуществлением поиска актуальной фактологической информации, предоставлением действительных ссылок на информационные ресурсы, в ответ на просьбу сопоставить учебные образцы

[1] *Munir B.* Hallucinations in Legal Practice: A Comparative Case Law Analysis (February 24, 2025). International Journal of Law, Ethics, and Technology. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5265375.

[2] IBM. Generative AI. URL: https://www.ibm.com/think/topics/generative-ai.

протокола судебного заседания и приговора на предмет изложения в приговоре доказательств, которые не исследовались в судебном заседании, указывала полностью выдуманные доказательства, которые отсутствовали в обоих документах. Оказалось, что вследствие ошибки, возникшей при загрузке документов в систему, она не могла прочитать их и вместо того, чтобы признать невозможность выполнения запроса, сгенерировала ответ, основанный на полностью выдуманных сведениях.

Вместе с тем дальнейшее совершенствование указанных моделей, использование необходимого количества проверенной информации для их обучения и тонкой настройки, а также качественных запросов пользователей (промптов), включающих четкие инструкции, в том числе ограничения по работе с источниками и выводу результатов, минимизирует данный эффект, улучшая качество ответов, однако не исключает его полностью.

Некоторые ученые также описывают связанную с указанным эффектом проблему проявления системами искусственного интеллекта предвзятости, ссылаясь в качестве примера на широко используемое в судах США (в том числе в штатах Нью-Йорк, Висконсин, Калифорния, Флорида и др.) приложение COMPAS (*Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions* – Коррекционное профилирование правонарушителей для альтернативных мер наказания)[1]. Алгоритмы COMPAS позволяют оценить риски потенциального рецидива при решении вопросов об избрании меры пресечения и назначении уголовного наказания. На основании анализа более 100 параметров, касающихся сведений о личности обвиняемого и его криминальном прошлом, приложение выставляет ему рейтинг от 1 до 10, отражающий вероятность повторного совершения преступления. Обвиняемые с рейтингом от 5 до 10 относятся к группам среднего или высокого риска и с большей вероятностью, чем другие, дожидаются судебного разбирательства под стражей или получают более суровое наказание. Хотя, как отмечают разработчики приложения, алгоритмы COMPAS не учитывают расу обвиняемого в качестве фактора при осуществлении вычислений, ряд исследователей утверждают, что результаты работы приложения демонстрируют предвзятое отношение к чернокожим обвиняемым. В частности, среди обвиняемых, которые в итоге не совершили повторные преступления, чернокожие обвиняемые в два раза

[1] *Дьяконова С.А., Дьяконов В.П.* Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (на примере дела Loomis v. Wisconsin) // Материалы IV Уральского экономического форума (г. Екатеринбург, 20–21 октября 2022 г.). Екатеринбург, 2022. С. 58–59.

чаще, чем белые, были отнесены к группам среднего или высокого риска[1].

По нашему мнению, однако, вряд ли можно согласиться с утверждением о предубеждении алгоритмов приложения COMPAS в данном конкретном случае. Противоположный вывод скорее связан с известными тенденциями представителей некоторых общественно-политических кругов США обнаруживать предвзятость в любых проявлениях взаимодействия государства с меньшинствами. Раса обвиняемого, как указывалось выше, не анализируется алгоритмами COMPAS вовсе, а результаты работы приложения демонстрируют высокую точность прогнозов повторной преступности, показатели которой практически идентичны для представителей всех рас, – лица, помещавшиеся в группы с самым высоким уровнем риска, совершали повторные преступления почти в четыре раза чаще, чем лица с наименьшим рейтингом (81% против 22%), независимо от цвета кожи[2]. Отмеченная исследователями разница между количеством белых и чернокожих обвиняемых, отнесенных приложением к группам со средним и высоким уровнем риска, и как следствие разница между теми из них, в отношении которых этот риск не оправдался, обусловлена тем, что общий уровень рецидивной преступности среди чернокожих обвиняемых выше, чем среди белых (52% против 39%), а алгоритмы COMPAS наличие криминального прошлого справедливо рассматривают как фактор, увеличивающий риск повторного совершения преступления. Таким образом, указанные тенденции – это не предвзятость, это статистика.

В то же время, принимая во внимание тот факт, что Большие языковые модели, лежащие в основе систем генеративного искусственного интеллекта, обучаются на совокупности предоставленных им данных, используют внешние источники информации при формировании ответов, в их работе действительно могут проявляться социальные предубеждения, присутствующие в таких данных и источниках[3]. Это же верно и для данных, содержащих недостоверные, ошибочные сведения, и свидетельствует о необходимости внимательного отношения к качеству информации, используемой при обучении моделей искусственного интеллекта и их настройке.

Сложность с выявлением и устранением описанных и иных недостатков в работе генеративных моделей искусственного интеллекта

[1] A computer program used for bail and sentencing decisions was labeled biased against blacks. It's actually not that clear // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/17/can-an-algorithm-be-racist-our-analysis-is-more-cautious-than-propublicas/.

[2] Ibidem.

[3] IBM. Generative AI. URL: https://www.ibm.com/think/topics/generative-ai.

обусловлена так называемой проблемой «черного ящика», связанной с непрозрачностью логических процессов, лежащих в основе формирования их выводов. Искусственный интеллект, построенный на алгоритмах глубокого машинного обучения, таких как нейронные сети, осуществляющих автоматическое извлечение и обработку значимых сведений из необработанных данных посредством огромного количества взаимосвязанных искусственных нейронов, организованных в слои, является настолько же сложным для понимания, как и человеческий мозг. Не существует простого способа разметить и описать процесс принятия решений в этих сложных системах, в связи с чем невозможно в полной мере понять, как обученный искусственный интеллект принимает решения или делает прогнозы. Даже инженеры, создающие соответствующие алгоритмы, зачастую не могут понять или объяснить, что именно происходит внутри них и как возникает конкретный результат[1].

В настоящее время, однако, в приложениях искусственного интеллекта внедрены и используются режимы работы, предполагающие, помимо вывода ответа на запрос пользователя, изложение развернутого объяснения – как данный ответ был получен, какие логические цепочки были выстроены и источники информации использованы, с приведением гиперссылок на данные источники, что упрощает проверку достоверности результатов работы соответствующих систем, увеличивает доверие к ним. Кроме того, как указывалось выше, пользователи могут устанавливать четкие инструкции по порядку выполнения запросов, границы при выборе источников информации (например, оперирование реальными прецедентами и опубликованными нормативными правовыми актами), требования к форме и содержанию ответов. Поэтому при внедрении в деятельность по отправлению правосудия систем искусственного интеллекта необходимо развивать компетенции судей и аппарата суда, связанные с взаимодействием с такими системами.

Разработчики систем искусственного интеллекта в сфере юриспруденции также могут устанавливать разную степень их «свободы» при решении различных задач, далеко не все из которых требуют задействования собственно «генеративных» возможностей искусственного интеллекта, основанных на сложных моделях машинного обучения (глубокого обучения), связанных с самостоятельным выявлением закономерностей (паттернов) и алгоритмов в обучающих данных и последующим применением их для анализа вновь введенной информации и создания новых информационных продуктов. Некоторые правовые

[1] *Bathaee Y.* The Artificial Intelligence Blackbox and The Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology. Spring 2018. Vol. 31. № 2. P. 891–892.

вопросы успешно решаются классическими алгоритмами, которые предполагают наличие закрытого перечня условий, четко определенных связей между ними и правовых последствий. Искусственный интеллект в этих случаях может извлекать из документов значимую информацию, в том числе под контролем пользователя, а ее дальнейшая обработка осуществляться указанными алгоритмами. Такие закономерности и алгоритмы могут быть и должны быть (при наличии возможности) выработаны юристами и введены в соответствующие системы.

В информатике под алгоритмом принято понимать конечный набор правил (инструкций), устанавливающих последовательность операций, предназначенных для решения задач определенного типа[1]; строго определенную последовательность действий, определяющих процесс перехода от исходных данных к искомому результату[2].

Возможность алгоритмизации правоприменения обусловлена возможностью предварительного определения перечня исходных данных (обстоятельств), имеющих значение для решения правового вопроса, выявления закономерностей между ними и построения универсального порядка реализации данных закономерностей для получения искомого результата. Построенный на основе такого порядка алгоритм должен обладать свойствами дискретности, понятности, результативности, определенности и массовости[3]. Это предполагает разделение алгоритма на последовательность отдельных действий, каждое из которых занимает свое место в установленном порядке, начинается по завершении предыдущего, является строго определенным, однозначно понятным и не допускает произвольного толкования. Выполнение указанных действий должно приводить к решению задачи или выводу сообщения о том, что задача при заданных условиях решения не имеет. При этом алгоритм должен выступать универсальным решением для задач одного типа, обеспечивая его массовое (многократное) применение в определенной области с различными исходными данными.

Но может ли деятельность, связанная с решением задач в области правоприменения, и в целом процесс отправления правосудия быть алгоритмизированы в указанном выше смысле, с построением конечного набора инструкций, которые сможет выполнить машина под управлением искусственного интеллекта?

---

[1] *Knuth D.E.* The Art of Computer Rogramming: fundamental algorithms. 3rd ed. Addison-Wesley. P. 4.

[2] Основы алгоритмизации и программирования: учеб. пособие / Т.А. Жданова, Ю.С. Бузыкова. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. С. 8.

[3] *Лобачева М.Е.* Основы алгоритмизации и программирования: учеб. пособие. Самара: КС ПГУТИ, 2019. С. 4.

Ф. Галиндо Аюда полагает, что такая возможность ограничена. Опираясь на коммуникативную теорию права, исследователь указывает, что существовавшее в традиции позитивизма представление о совпадении текста закона с законом сегодня ставится под сомнение. Помимо текста закона при определении содержания норм права необходимо учитывать особенности конкретных конфликтов и связанных с их разрешением видов юридической деятельности, опираться на условия, в которых закон реализуется. Искусственный интеллект, являясь лишь имитацией человеческого интеллекта, не может разрешать конфликты в соответствии с правилами и процедурами демократического общества, поскольку не обладает способностью к пониманию и размышлению в соответствии с ценностями, смыслами, критериями, жизненными перспективами и взглядами[1].

М.В. Самсонова и И.И. Черных также обращают внимание на недостатки формального подхода к определению права и правоприменению, используемому при построении алгоритмов. Данный подход, математический по своей природе, хотя и обеспечивает предсказуемость и единообразие в реализации правовых предписаний, снижает риск принятия произвольных судебных постановлений, но не учитывает исторический и социальный контекст, в котором применяется закон, значимый для его толкования, не обеспечивает гибкости правоприменения, что приводит к механическому выполнению судьями формальных требований, к восприятию обществом права и суда в качестве инструмента, что в конечном счете подрывает доверие к судебной системе[2].

В то же время ученые отмечают, что по делам, не требующим проявления творчества при разрешении спора, опыта при установлении обстоятельств дела и толкования при их правовой оценке, применение алгоритмов и основанного на них программного обеспечения возможно для автоматизации правоприменения. Для этого правоотношения должны обладать следующими признаками: урегулированность абсолютно определенными нормами права, не содержащими оценочных понятий и относительно определенных гипотез и диспозиций, а также относительно определенных или альтернативных санкций; максимальная определенность прав и обязанностей субъектов; четкое документальное оформление на основании формализованных требований, с возможностью представления документов в универсальном формате;

[1] *Галиндо А.Ф.* Алгоритмы, социология права и правосудие // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 37–38.

[2] *Самсонова М.В., Черных И.И.* От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 56–57.

накопление данных о субъектах и их правоотношениях в информационных системах, позволяющих осуществить верификацию. Таким правоотношениям, по мнению авторов, соответствуют дела, связанные со взысканием задолженности за ЖКУ, по обязательствам перед банками, страховыми организациями и другим обязательным платежам и санкциям, рассматриваемые в рамках приказного производства[1].

О.В. Грицай и Е.Н. Губина, как и предыдущие авторы, дела, рассматриваемые в порядке приказного производства, допускают в качестве предмета алгоритмизации и автоматизации путем разработки и внедрения в практику работы мировых судей соответствующего сервиса. Однако в остальном выступают против возложения функций отправления правосудия на какую-либо «роботизированную систему» и в целом автоматизации принятия судебных решений, ссылаясь на нарушение принципа непосредственности, предполагающего самостоятельную реализацию судом своих процессуальных функций[2].

По мнению А.Б. Алексеевой, неприспособленность искусственного интеллекта к моральному выбору, который требуется при осуществлении правоприменительной деятельности, наличие правовых норм, предусматривающих судейское усмотрение при разрешении дел, и уникальных юридических казусов не позволяют заменить человека алгоритмом при отправлении правосудия. Использование алгоритмизации в правосудии и делегирование искусственному интеллекту функций правоприменителя возможно лишь при совершении типовых рутинных процедур, разрешении «шаблонных» дел, в которых фактические обстоятельства и их правовая оценка стандартны и могут быть формализованы (например, иски о взыскании алиментов, недоимки по налогам и т.п.)[3].

Анализируя взгляды ученых, собственный опыт алгоритмизации в области уголовного судопроизводства, а также практику использования систем генеративного искусственного интеллекта, полагаем, что полностью описать алгоритмом правоприменение невозможно, поскольку оно не основывается исключительно на букве закона, но должно учитывать условия его реализации. Общественные отношения, являющиеся предметом правового регулирования, не явля-

---

[1] *Самсонова М.В., Черных И.И.* От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 58, 61–62.

[2] *Грицай О.В., Губина Е.Н.* Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 64–68.

[3] *Алексеева А.Б.* Цифровизация правоприменения: преимущества и риски // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 1 (76). С. 211–213.

ются статичными, но развиваются, порой не укладываясь в формулы, установленные текстами нормативных правовых актов, и не могут быть ими исчерпывающим образом описаны, в связи с чем последние требуют толкования. Этим обусловливается изменение исходных данных, значимых для решения правовой задачи, но главное – закономерностей в их правовой оценке, которые не всегда могут быть точно и окончательно определены, что порождает неопределенность в правоприменении и препятствует построению конечной и универсальной последовательности инструкций, составляющих алгоритм. Алгоритм в таком случае, являясь математическим воплощением закона, может тормозить развитие правоприменения при условии, если этим алгоритмом правоприменение будет определяться.

Это, однако, не значит, что алгоритмизация правосудия заведомо бесперспективна. Право далеко не всегда и не во всех делах является неопределенным, флюидным явлением. Напротив, как правило, правоотношения полностью укладываются в логику закона. Это особенно актуально для уголовного судопроизводства, имеющего дело с определенными уголовным законом признаками преступления, правилами (часто математическими) назначения наказания и применения иных мер уголовно-правового характера, что делает данную сферу более подходящей для алгоритмизации.

Алгоритмы могут изменяться вслед за изменяющимися условиями и закономерностями правоприменения. Генеративный искусственный интеллект способен помогать в выявлении указанных закономерностей в больших массивах данных, составляющих судебную практику, способствуя обеспечению контроля за стабильностью правоприменения как необходимого условия правовой определенности.

При этом алгоритмизацию правосудия необязательно рассматривать как полную его автоматизацию, связанную с заменой судьи «машиной» и передачей искусственному интеллекту правоприменительных функций. Построенные на основе искусственного интеллекта информационно-аналитические системы можно и необходимо рассматривать и имплементировать в судебную деятельность в качестве инструмента, оказывающего помощь в применении закона, с сохранением судейского усмотрения как в отношении определения содержания значимых для работы алгоритма обстоятельств, так и в отношении принятия окончательного решения об использовании полученного результата. В тех случаях, когда составляющие алгоритм инструкции не позволяют в полной мере учесть особенности правовой ситуации, имеющие существенное значение для ее правильного разрешения, у судьи должна быть возможность отказаться от использования алгоритма или предложенного им решения. Однако для этого алго-

ритм должен быть доступен для изучения, открытым для понимания заложенных в основу его работы закономерностей, а у судьи должно быть сформировано представление о них. Поэтому применение при отправлении правосудия систем искусственного интеллекта не должно приводить к утрате судьями компетенций, а способствовать их развитию и приобретению новых.

Уровень автоматизации принятия правоприменительных решений также может быть различным в зависимости от вариативности условий, влияющих на вынесение решения, роли судьи в их определении и наличия возможности сформулировать их закрытый перечень.

Отправление правосудия не является произвольной деятельностью. Хотя разрешение дела и предполагает судейское усмотрение, но оно не абсолютно, а реализуется в рамках, определенных законом. Порой при рассмотрении некоторых правовых вопросов данные рамки установлены «жестко» и не предполагают или существенно ограничивают свободу судьи. Поэтому автоматизация и лежащая в ее основе алгоритмизация могут охватывать не весь процесс принятия решения по делу, а те его части, которые можно четко структурировать, определив значимые обстоятельства и последовательность совершения логических (математических) операций над ними.

Однако и допускаемое законом судейское усмотрение при определении условий, значимых для решения правовой задачи, само по себе не исключает алгоритмизацию соответствующей деятельности, а требует введения в алгоритм программных элементов, отвечающих за опрос судьи о результатах (значениях) данного усмотрения.

На этих принципах был построен разработанный Пермским краевым судом и внедренный в деятельность судей Пермского края программно-аналитический комплекс «Наказание», который в автоматическом режиме реализует следующие возможности:

- определение категории тяжести преступления;
- контроль правильности определения стадии преступления с учетом требований ч. 2 ст. 30 УК РФ;
- контроль правильности определения порядка судебного разбирательства по уголовным делам в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте;
- проверка возможности назначения наказания в виде лишения свободы в соответствии с ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88 УК РФ;
- определение пределов наказания в виде лишения свободы в отношении совершеннолетних и несовершеннолетних лиц;
- применение всех правил, предусмотренных ст. 62, 65, 66, 68, 88 УК РФ, связанных с определением указанных пределов, в том числе при рассмотрении уголовного дела в общем и особом порядке, при

сокращенной форме дознания и заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

• контроль правильности применения ч. 3 ст. 68 УК РФ;

• контроль учета отягчающих наказание обстоятельств при признании присяжными заседателями подсудимого заслуживающим снисхождения;

• вывод норм уголовного закона и разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда РФ, примененных при решении указанных вопросов.

Алгоритм, положенный в основу данного программного комплекса, включает в себя:

– набор переменных, вводимых пользователем, отражающих обстоятельства, влияющие на решение вопроса о назначении наказания в виде лишения свободы и определение его пределов, в том числе: минимальный и максимальный сроки лишения свободы в соответствии с санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ; возраст осужденного на момент совершения преступления; стадия преступления; смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства; решение присяжных заседателей о снисхождении; решение о применении правил рецидива преступлений, предусмотренных ч. 2 или ч. 3 ст. 68 УК РФ; порядок судебного производства по уголовному делу;

– инструкции, устанавливающие последовательность операций с указанными выше переменными, отражающие закономерности, существующие между ними и решением установленных для комплекса задач, исходя из требований уголовного закона и соответствующих предмету правовых позиций Верховного Суда РФ и сформировавшейся судебной практики кассационного округа;

– пояснения, связанные с определенными результатами работы комплекса, выводимые для пользователя.

Как видно из набора переменных, используемых в работе алгоритма, часть из них отражает справочные сведения, в том числе об уголовно-правовой санкции за совершенное преступление, о личности осужденного, о стадии преступления, порядке судебного производства и др., которые могут быть почерпнуты из уголовного закона или материалов уголовного дела. В настоящий момент данные сведения вводит пользователь комплекса путем выбора из предложенных ему вариантов. Однако функции по их извлечению и отражению в алгоритме могут быть возложены на системы искусственного интеллекта, построенные на основе Больших языковых моделей, с которыми они уже эффективно справляются.

Другая же часть переменных требует решения правовых вопросов: о наличии или отсутствии смягчающих и отягчающих наказание

обстоятельств, о применении тех или иных норм, связанных с назначением наказания (например, ч. 2 или 3 ст. 68 УК РФ при наличии рецидива преступлений и смягчающих обстоятельств), отданных уголовным законом на судейское усмотрение и являющихся исключительной компетенцией судьи. В рассматриваемом программном комплексе сведения об указанных переменных также вводятся пользователем по результатам собственного правового анализа материалов дела. Таким образом, автоматизация решения правовых задач, основанная на алгоритмах, построенных на выделенных из уголовного закона закономерностях, эффективно объединена с реализацией судьей собственного усмотрения при определении как исходных данных для работы алгоритма, так и норм уголовного закона, подлежащих применению.

Следует отметить, что и в отношении второй группы переменных системы искусственного интеллекта могут применяться в качестве вспомогательного инструмента, используемого судьей для анализа материалов уголовного дела в целях проверки полноты установления значимых обстоятельств, сопоставления сведений о них из материалов дела и судебного решения либо его проекта, а также с судебной практикой для выявления возможных отклонений. Однако необходимым условием реализации указанных возможностей является документирование и сохранение результатов уголовно-процессуальной деятельности в форме электронных документов, доступной для компьютерной обработки. Поэтому заслуживает поддержки мнение исследователей, утверждающих, что основой цифровой трансформации уголовного судопроизводства в направлении внедрения в него систем искусственного интеллекта является электронное уголовное дело[1].

В любом случае при использовании систем искусственного интеллекта судья является не сторонним наблюдателем, а субъектом, определяющим основные параметры отправления правосудия, активно взаимодействующим с указанными системами для достижения баланса между автоматизацией и реализацией судейского усмотрения с сохранением контроля над принятием правоприменительных решений. Таким образом, внедрение в правоприменительную деятельность искусственного интеллекта должно осуществляться на основе принципа сочетания технологических инноваций с сохранением и приумножением судейских компетенций в современной системе правосудия.

Реализация данного принципа в практике функционирования описанного программно-аналитического комплекса проявляется в том, что

[1] *Моругина Н.А.* Цифровая трансформация уголовного судопроизводства России и зарубежных стран: монография. М.: Норма, 2026. С. 150.

результаты его работы носят исключительно информационно-ориентирующий характер, выступая средством дополнительного контроля правильности решения соответствующих правовых вопросов, и не могут использоваться без проверки на соответствие нормам уголовного закона и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, ответственность за правильное применение которых лежит целиком и полностью на судье, рассматривающем уголовное дело. В конечном счете, несмотря на жестко определенные на основании закона пределы наказания в виде лишения свободы, решение о применении данного наказания и определении его конкретного срока в указанных пределах находится в исключительной компетенции судьи.

Формы взаимодействия между судьей и системами искусственного интеллекта могут быть различными. Оно может осуществляться как по заранее сформулированным «сценариям», содержащим выработанные и проверенные запросы и инструкции по их выполнению (промпты), позволяющие добиться получения максимально точных ответов, библиотека которых может размещаться в системе, так и по свободным запросам, правильности составления которых (основам промптинга) необходимо обучаться.

Структура программных продуктов, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта, должна включать:

– элементы, отвечающие за взаимодействие с пользователем в целях ввода запросов и значимой для работы системы информации;

– элементы, отвечающие за взаимодействие со сторонними информационными ресурсами (базами данных) в целях автоматизации введения исходной информации;

– элементы, отвечающие за обработку введенной пользователем и (или) полученной в автоматическом режиме информации на различных уровнях для формирования промежуточных и итоговых результатов;

– собственно алгоритмы решения значимых вопросов в зависимости от собранных данных, в основе которых должны лежать выверенные правовые позиции (их наличие является материальным условием правильной работы алгоритма);

– элементы, отвечающие за формирование и вывод информации о каждом этапе работы системы и ее результатах, обеспечивающие прозрачность логических операций над введенными данными и их проверку.

В качестве заключения отметим, что предметом алгоритмизации может быть широкий спектр правоприменительной активности: как порядок рассмотрения уголовного дела судом, проведения отдельных судебных действий, разрешения ходатайств, так и мыслительная дея-

тельность, связанная с оценкой результатов судебного разбирательства для решения поставленных перед судом вопросов процессуального и материального права, в том числе оценки доказательств с точки зрения их относимости и допустимости, квалификации деяния, назначения наказания и др. Искусственному интеллекту может быть поручено сопоставление доказательств друг с другом (для выявления внутренних и внешних противоречий), анализ и сравнение содержания различных документов (например, на предмет отражения в протоколе судебного заседания факта исследования доказательств, на которые имеется ссылка в приговоре) и многое другое.

Однако это не предполагает полного самоустранения судьи от соответствующей деятельности, поскольку любые результаты применения программ автоматизации подлежат проверке и выступают средством дополнительного контроля правильности решения той или иной правоприменительной задачи, но не заменителем правоприменителя. Не должен утрачиваться контроль судьи за принятием правоприменительных решений, уменьшаться степень его самостоятельности и независимости, а также уровень его профессиональных компетенций.

Библиографический список

Агафонов В.В. Методика расследования преступлений, связанных с ношением, изготовлением или сбытом холодного оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 23 с.

Алексеева А.Б. Цифровизация правоприменения: преимущества и риски // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 1 (76). С. 211–213.

Вехов В.Б., Пастухов П.С. Искусственный интеллект в решении криминалистических задач // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 12 ноября 2020 г.): сб. статей / Пермский филиал РАНХиГС; отв. ред. А.Н. Самойлов. Пермь, 2019. С. 8–16.

Галиндо А.Ф. Алгоритмы, социология права и правосудие // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 37–38.

Грицай О.В., Губина Е.Н. Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 64–68.

Гун Н. Судебное применение и ограничения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 1. С. 230–251.

Дьяконова С.А., Дьяконов В.П. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (на примере дела Loomis v. Wisconsin) // Материалы IV Уральского экономического форума (г. Екатеринбург, 20–21 октября 2022 г.). Екатеринбург, 2022. С. 58–59.

Жданова Т.А., Бузыкова Ю.С. Основы алгоритмизации и программирования: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2011. 56 с.

Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. 216 с.

Лобачева М.Е. Основы алгоритмизации и программирования: учеб. пособие. Самара: КС ПГУТИ, 2019. 160 с.

Маевский С.С. Тактика проведения отдельных следственных действий с участием защитника с учетом складывающихся следственных ситуаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 32 с.

Мазуров И.Е. Методика расследования хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 188 с.

Маркс А.В. Типовые системы действий следователя, связанных с задержанием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 15 с.

Моругина Н.А. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства России и зарубежных стран: монография. М.: Норма, 2026. 208 с.

Самсонова М.В., Черных И.И. От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 56–57.

Тонкий Е.С. Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 197 с.

Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 411 с.

Bathaee Y. The Artificial Intelligence Blackbox and The Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology. Spring 2018. Vol. 31. № 2. P. 891–892.

Guo Zh., Yang J. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System // Legal Issues in the Digital Age. 2025. Vol. 6. № 1. P. 83–104.

Knuth D.E. The Art of Computer Programming: fundamental algorithms. 3rd ed. Addison-Wesley. 677 p.

Munir B. Hallucinations in Legal Practice: A Comparative Case Law Analysis (February 24, 2025). International Journal of Law, Ethics, and Technology. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5265375.

УДК 343.7

НЕОСТОРОЖНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

А.С. Павлов
Аспирант кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности.
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева.
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20А.
Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической Академии.
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Савушкина, стр. 6/2.
E-mail: pavlov.anton@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторического развития уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за неосторожные преступления против собственности в России. В работе рассматривается эволюция законодательства от древнейших источников права до современного состояния, анализируются особенности регламентации неосторожных посягательств на собственность, изменения в понимании форм вины и их влияния на квалификацию преступлений. Особое внимание уделяется трансформации подходов к установлению ответственности за причинение имущественного вреда по неосторожности, а также сравнительному анализу различных исторических периодов развития уголовного законодательства в данной сфере. Исследование позволяет выявить закономерности развития правовых норм и определить тенденции их дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: неосторожные преступления, преступления против собственности, уголовно-правовое регулирование, эволюция законодательства, вина, формы вины, российское законодательство.

NEGLIGENT CRIMES AGAINST PROPERTY: EVOLUTION OF CRIMINAL LAW REGULATION IN RUSSIA

A.S. Pavlov
Astrakhan State University.
20A, Tatishchev str., Astrakhan, 414056, Russia.
Astrakhan Branch of Saratov State Law Academy.
6/2, Savushkin str., Astrakhan, 414056, Russia.
E-mail: pavlov.anton@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the historical development of criminal law norms regulating liability for negligent crimes against property in Russia. The work examines the evolution of legislation from the earliest sources of law to the current state, analyzes the peculiarities of regulating negligent encroachments on property, changes in understanding of forms of guilt and their influence on crime qualification. Special attention is paid to the transformation of approaches to establishing liability for causing property damage through negligence, as well as to the comparative analysis of various historical periods in the development of criminal legislation in this sphere. The research makes it possible to identify patterns in the development of legal norms and determine trends for their further improvement.

Keywords: negligent crimes, crimes against property, criminal law regulation, evolution of legislation, guilt, forms of guilt, Russian legislation.

Право собственности как социально-экономический и правовой институт занимает центральное место в системе общественных отношений, обеспечивая стабильность экономики, социальную справедливость и реализацию прав личности. Право собственности, гарантированное Конституцией РФ в ст. 8 и 35, защищается государством, в том числе посредством уголовного закона. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) охрана собственности является одной из задач уголовного права, а гл. 21 УК РФ непосредственно устанавливает составы преступлений против собственности и предусматривает за их совершение уголовную ответственность.

История развития неосторожных преступлений против собственности сопровождалась постоянным изменением подходов законодателя к вопросу наказуемости неосторожных деяний и выбору объекта охраны. В связи с этим изучение уголовной ответственности за преступления с неосторожной формой вины в основных исторических памятниках отечественного права представляется необходимым.

Еще со времен Русской Правды известны отдельные положения об ответственности за посягательство на собственность. Например, в ст. 18 Краткой редакции Русской Правды содержалось положение, согласно которому: «А если кто сломает копье, щит или испортит одежду и хозяин захочет удержать у себя, то он получает доплату деньгами за порчу»[1]. Но, несмотря на наличие ответственности за эти преступные деяния, в исследуемом акте отсутствовало как понятие вины, так и, соответственно, разделение ее на формы. Об этом же писал Г.Ф. Цельникер: «...в «Русской правде» не была предусмотрена внутренняя, индивидуальная оценка лицом совершаемого им деяния, а сами правонарушения не разграничивались на умышленные и неосторожные. Критерием разграничения правонарушений выступали объективные обстоятельства»[2].

Позднее в ст. 8 Псковской судной грамоты, предусматривающей ответственность за кражу, законодателем использовалась конструкция «по его вине»: «Что бы и на посад(е) покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине; и в третий ряд изличив живота ему не дати, крам кромъскому татю»[3]. Анализируя Псковскую судную грамоту, И.И. Исаев пишет: «...наказания за кражу дифференцируются в зависимости от размера похищенного, способа совершения и повторности (ст. 1, 7, 8, 20, 27 и др.)»[4]. В связи с сопоставлением вины размеру украденного отметим, что к ключевым признакам преступного деяния в изученном нормативном акте относили не только повторность и способ кражи, но и упомянутую вину, отражающую не субъективную составляющую, а объективно измеряемый вред, что соответствует архаичному принципу объективного вменения.

Аналогичное положение о вине, основанное на объективных критериях, закреплено в нормах Двинской и Белозерской уставных грамот XIV–XV вв. К примеру, в ст. 7 Двинской уставной грамоты употребляется формулировка «...вины полтина», а в ст. 14 Белозерской уставной грамоты используется конструкция «...вины четыре рубли заплатят горожаня...»[5].

---

[1] См.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 48.

[2] См.: *Цельникер Г.Ф.* Вина в российском праве: общетеоретический и исторический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 40–41.

[3] См.: Псковская судная грамота (1397–1467). 2-е изд. Одесса: Гор. тип. и лит. Алексомати, 1868. VI, 16. С. 2.

[4] См.: *Исаев И.А.* История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 64.

[5] См.: Хрестоматия по истории российского права / И.Ю. Маньковский, В.В. Русанов, Е.П. Титаренко. 2-е изд. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2019. Ч. 1. С. 143.

Вызывает интерес подход законод ателя к оценке деяний, имеющих природу нарушения правил осторожности. Это наглядно прослеживается в ст. 11 Двинской уставной грамоты, регулирующей случаи ненамеренного убийства холопа: «А кто осподарь огрешиться, ударит своего холопа или робу, а случится смерт, в том наместници не судят, ни вины не емлють»[1]. В свою очередь если убийство произошло не от руки его хозяина, то, по словам И.И. Исаева, «взимался штраф, как за уничтожение имущества, либо господину в качестве компенсации передавался другой холоп»[2]. Получается, что в эту эпоху гибель холопа от руки его господина, даже при отсутствии умысла, не влекла ответственности, поскольку холоп рассматривался не как личность, а как объект собственности, которым собственник мог распоряжаться по своему усмотрению.

Аналогичный подход законодателя сохранялся вплоть до XVII в. В рамках данного периода эволюции законодательства не отразилось четкого представления о дифференциации ответственности за преступления против собственности по форме вины. Законодательство фокусировалось на внешних проявлениях деяния (например, на факте кражи или поджога и пр.), а не на субъективном отношении лица к содеянному.

Первые попытки дифференциации преступлений против собственности по форме вины были предприняты в Соборном уложении 1649 г. (далее по тексту – Уложение 1649 г.). Уложение 1649 г., как пишет А.В. Наумов, – «это крупный кодифицированный правовой акт, оказавший серьезное влияние на дальнейшее развитие российского уголовного права»[3]. Оно содержало развернутую систему уголовно-правовых норм и в нем впервые в истории российского права была предпринята попытка разграничения деяний на три категории: умышленные, неосторожные и случайные[4]. Так, в ст. 223–228 гл. X Уложения 1649 г. законодатель детализировал основания ответственности за ущерб, причиненный поджогом, выделяя три его вида: умышленный («...по недружбе»), неосторожный («...от пастухов небреженьем») и случайный («...без хитрости»).

---

[1] См.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 186.

[2] См.: *Исаев И.А.* История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 43.

[3] См.: *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. 1. С. 23.

[4] См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право: курс: в 3 т. М., 2008. Т. 1: Общая часть. С. 67.

Примечательно, что ст. 223 Уложения 1649 г. не дифференцирует санкции в зависимости от формы вины: как для умышленного, так и для неосторожного поджога предусмотрена обязанность выплаты пени государству и возмещения убытков потерпевшему. Этот подход, как отмечал В.И. Сергеевич, демонстрирует противоречивость правовой конструкции: «...неосторожность (небрежение) отличена от случая (безхитростно), но зато смешана с умыслом (нарочным делом)...»[1]. При таких обстоятельствах освобождение от ответственности в рассматриваемых нормах допускалось лишь при доказанности отсутствия вины, когда поджог квалифицировался как случай («...без хитрости»).

Таким образом, в Соборном уложении 1649 г. при решении вопроса о виновности учитывается сознание и воля, однако законодатель, формально признавая в преступлениях против собственности различия между умыслом, неосторожностью и случаем, не развил эту дифференциацию в системе санкций.

Важным источником уголовных предписаний в начале XVIII в. становится первый систематизированный акт уголовно-правовых норм России – Артикул воинский 1715 г. (далее по тексту – Артикул 1715 г.)[2], который являлся по своей сути военным уголовным кодексом и действовал одновременно с Уложением 1649 г.

Анализ текста Артикула 1715 г. демонстрирует отсутствие единой терминологической системы: законодатель использовал для обозначения неосторожности вариативные формулировки – «небрежение и винность» (арт. 179), «неосмотрителен» (арт. 40), «с лености или от неосторожности» (толк. к арт. 41). При этом умышленная форма вины определялась через маркеры преднамеренности: «нарочно без указу» (арт. 178, 181).

Артикул 1715 г., как и Уложение 1649 г., также закреплял ответственность за преступления против собственности, но для неосторожной формы вины выделял только два артикула, которые были связаны с поджогом. Так, арт. 87 устанавливал ответственность за пожар на служебной квартире, возникший по небрежности или вине офицера или солдата, а арт. 179 содержал схожее положение для солдат и офицеров, убывших без правовых оснований в населенный пункт и учинивших небрежением или неосторожностью, или виною в нем поджог.

---

[1] См.: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. С. 262.

[2] См.: Артикул воинский купно с процесом, надлежащий судящим. Напечатася повелением царского величества в Санкт-Питербурхе лета Господня 1715 апреля 26 дня // Памятники российского права: учеб.-науч. пособие: в 35 т. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I. 152 с.

Толкование к арт. 87 предписывало освобождать от наказания в случае невиновного или неосторожного причинения вреда. В свою очередь по арт. 179 при совершении деяния в силу небрежения или неосторожности освобождение от наказания не регламентировалось. Санкция предусматривала возмещение убытков, но в данных нормах, в отличие от Уложения 1649 г., законодатель оговорился, что дополнительное наказание ставится в зависимость от вида вины в преступлении.

Крупнейший памятник отечественного права XIX в. – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее по тексту – Уложение 1845 г.). В ст. 5 Уложения 1845 г. все преступления и проступки были разделены на умышленные и неумышленные. В комментарии к данной статье Н.С. Таганцев указывал, что «понятию умышленных деяний противопоставлялись не одни только деяния бессознательные, но и неосторожные, случайные и совершенные ошибочно (ст. 3–5, 92–103 и 110 Уложения 1845 г.)»[1]. Причем вариаций неумышленных преступлений множество: «...по одному лишь легкомыслию...» (ст. 257); «...за небрежение о сохранении вверенных по службе казенных или иных денежных сумм...» (ст. 380); «...от нерадения Казначея...» (ст. 501); «...неумышленно повредит шлюзы...» (ст. 1475); «...причинит пожар... без намерения... вследствие нарушения предписанных законом правил осторожности...» (ст. 2116); «...за утрату по неосторожности пакетов с деньгами...» и др. В этом понимании «неумышленность» как составляющая нормы находит свое отражение в том числе среди норм, предусматривающих ответственность за преступления против собственности.

Уложение 1845 г. значительно расширило перечень преступлений против собственности, совершенных по неосторожности, по сравнению с предшествующими законодательными актами. Данные нормы распределены по разным главам Уложения 1845 г. Для более лаконичного изложения материала предпримем попытку классифицировать их по предмету посягательства.

Первую группу составляют неосторожные преступления, посягающие на государственное (казенное) имущество, регламентирующие ответственность за утрату казенного имущества вследствие пожара или иного несчастья по нерадению ответственного чиновника (ст. 501); неумышленное повреждение шлюзов, плотин, водоспусков и других

[1] См.: *Таганцев Н.С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года = Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных тысяча восемьсот восемьдесят пятого года. Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым / сост. проф. С.Н. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. С. 1–2.

гидротехнических сооружений (ст. 1475); нерадивость в исполнении обязанности по сбору в казну податей, пошлин и иных сборов (ст. 381) и др.

Вторая группа затрагивает частное имущество. Закон определял наказание за следующие преступления: легкомысленное истребление или повреждение надгробных памятников и наружное повреждение могил (ст. 257); утрата чиновниками почтового ведомства по неосторожности пакетов с деньгами или посылок (ст. 1529); пожар, допущенный без намерения, но вследствие нарушения предписанных законом правил осторожности (ст. 2116) и др.

Ко второй группе также можно отнести ст. 1413, предусматривающую наказание за поджог лесов по неосторожности. Основанием для такого отнесения является вывод М.А. Джангуразова о том, что «поскольку леса в рассматриваемый исторический период находились в частной собственности, они в принципе могут рассматриваться как чужое имущество. Таким образом, эти деяния могут быть отнесены к группе преступлений, связанных с уничтожением или повреждением имущества»[1].

К третьей группе можно причислить нормы, устанавливающие запрет на посягательство на собственность в двух ее формах одновременно. Например, за небрежное хранение вверенного казенного и частного имущества, повлекшее его утрату (ст. 380).

Наказание за неосторожные преступления против собственности по Уложению 1845 г. были значительно мягче, нежели за умышленные. Так, за небрежность в сохранении имущества по ст. 380 самым строгим наказанием являлось удаление от должности, в то время как за умышленное аналогичное деяние по ст. 382 лицо приговаривалось к высшей мере наказания за преступления такого рода: от лишения всех чинов до ссылки на каторжную работу в крепость.

Уголовное уложение 1903 г. (далее по тексту – Уложение 1903 г.) восполнило сразу несколько пробелов Уложения 1845 г. В ст. 48 Уложения 1903 г. дано определение как умышленного, так и неосторожного деяния. Хотя виды каждой формы вины еще не были разделены между собой, фактически такое разграничение имело место. Так, под неосторожным преступлением понималось преступное деяние, при котором виновный не только не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть, но также, когда он хотя и предвидел наступление последствия, обусловливающего преступность его деяния, легкомысленно

[1] См.: *Джангуразов М.А.* Преступления, связанные с уничтожением или повреждением имущества: законотворческий, теоретический и правоприменительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 30.

предполагал такое последствие предотвратить. Уложение 1903 г. более точно терминологически определяло вину в преступлении, используя следующие конструкции: «неосторожность» (ст. 565, 566); «небрежность» (ст. 426, 636); «легкомыслие» (ст. 574, 603). Но также казуально использовались и иные, менее определенные, трактовки: «неисполнение правил о мерах предосторожности» (ст. 236, 237); «неумышленно» (ст. 666); «несоблюдение надлежащей осторожности» (ст. 232); «неосмотрительность» (ст. 231).

Неосторожные преступления против собственности в Уложении 1903 г., несмотря на более глубокую систематизацию закона, были расположены в рамках одной гл. XXX «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов». Так, например, в ст. 565–568 гл. XXX Уложения 1903 г. регламентирована ответственность за неосторожное повреждение имущества, включая телеграфные/телефонные линии; железнодорожные пути и подвижной состав; предостерегательные знаки; судоходные пути, пароходы, морские суда, а ст. 569 определяла правила освобождения от ответственности, если виновный, совершивший деяние по неосторожности, самостоятельно или по его приказу устранил причиненную его деянием опасность или в самом начале прекратил действие огня, взрыва или потопления.

Помимо преступлений, непосредственно посягающих на собственность, в Уложении 1903 г. появилась группа деяний, ответственность за совершение которых наступала в случае создания угрозы повреждения имущества. Так, согласно ст. 236, 237 наказание назначалось за неисполнение правил о мерах предосторожности от пожара на определенных объектах.

Советский период, представленный УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., характеризовался иным подходом ко многим институтам права. Но учение о вине все же сохранило некоторую преемственность. Так, УК РСФСР 1922 г., аналогично Уложению 1903 г., разделил преступные деяния на умышленные и неосторожные с интуитивным выделением небрежности (в современном понимании) и легкомыслия в качестве видов последнего[1].

Неосторожность как форма вины не была включена в УК РСФСР 1922 г., но при этом указывалась в отношении преступлений против собственности в ст. 128, предусматривающей ответственность за бесхозяйственность, основанную на небрежном или недобросовестном

[1] Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (ред. от 25.08.1924) (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе государственных учреждений и предприятий, или их уполномоченных, результатом которой являлось расточение имущества учреждения или предприятия или трудновозместимый ущерб их состоянию.

УК РСФСР 1926 г., практически продублировав положения предыдущего уголовного закона о содержании вины, предпринял попытку адаптировать уголовное законодательство к новым социальным реалиями, расширив перечень неосторожных преступлений против собственности[1]. К числу таковых теперь относилась не только бесхозяйственность (ст. 128), но и неосторожное повреждение телеграфного кабеля, если оно могло вызвать перерыв телеграфного сообщения (ст. 80).

Формально неосторожными преступлениями против собственности можно считать ст. 79.2 УК РСФСР 1926 г. о порче и поломке принадлежащих совхозам, машинно-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин вследствие преступно-небрежного отношения к этому имуществу, а также ст. 79.4 УК РСФСР 1926 г. о гибели лошади или приведении ее в непригодное состояние вследствие преступно-небрежного обращения с ней. Однако ввиду отсутствия законодательного определения термина «преступно-небрежное» мы относим данные нормы к неосторожным в порядке допущения, по признаку наличия небрежности.

Отличительным от дореволюционного законодательства моментом является то, что перечисленные нормы ни в УК РСФСР 1922 г., ни в УК РСФСР 1926 г. не являлись частью главы об имущественных преступлениях.

УК РСФСР 1960 г., не продвинувшись дальше в понимании вины, сократил количество норм, в результате которых по неосторожности причинялся вред имуществу[2]. К числу неосторожных преступлений против собственности УК РСФСР 1960 г. относил следующие деяния: неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст. 150); повреждение морского телеграфного кабеля (ст. 205). Причем ст. 150 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества, сопряженное с гибелью людей, иными тяжкими последствиями, уничтожением или повреждением лесных массивов посредством неосторожного обращения с огнем или

[1] Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (ред. от 27.04.1959) (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

[2] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.

иными источниками повышенной опасности, появилась в уголовном законодательстве впервые.

Что касается второй нормы о неосторожном повреждении морского телеграфного кабеля, регламентированной ст. 205 УК РСФСР, то она имела место и в предыдущем нормативном акте, но здесь нашла дальнейшее развитие: ответственность наступала не только в случае, если такие действия могли повлечь общественно опасные последствия в виде перерыва телеграфного сообщения, но и тогда, когда деяния действительно прервали данный источник связи.

Несмотря на скромное количество норм об ответственности за преступления против собственности по неосторожности, УК РСФСР 1960 г. так или иначе заложил основу для современного УК РФ.

Таким образом, проведенный анализ эволюции уголовно-правовой регламентации неосторожных преступлений против собственности позволяет проследить ключевые векторы развития этого института. Исторический путь исследуемых преступлений начинается с архаичных норм Русской Правды, где ответственность определялась исключительно через призму материального ущерба, без учета субъективной стороны деяния. Средневековые правовые акты, такие как Псковская судная грамота и уставные грамоты, закрепили подход, ныне известный как принцип объективного вменения, при котором тяжесть наказания зависела от размера нанесенного ущерба.

Важным этапом стало законодательство XVII в., впервые попытавшееся разделить преступления на умышленные, неосторожные и случайные. Однако, как показал анализ Соборного уложения 1649 г., дифференциация носила декларативный характер: санкции за умышленное и неосторожное преступление против собственности продолжали оставаться одинаковыми. Лишь в XIX в. с принятием Уложения 1845 г. законодатель ввел градацию наказаний в зависимости от формы вины. Кроме того, неосторожные преступления против собственности в Уложении 1845 г. были размещены в разных главах, что одновременно расширяло объект правовой охраны и вносило казуистику в систему норм данного законодательного акта.

Впоследствии особое значение для определения неосторожных деяний имело Уголовное уложение 1903 г., которое не только их закрепило, но и расширило, несмотря на сокращение общего количества преступлений против собственности с неосторожной формой вины. В этот период впервые появились нормы, криминализирующие не только реальный вред, но и создание угрозы имуществу через нарушение правил предосторожности.

Советская эпоха, невзирая на идеологический пересмотр многих правовых институтов, сохранила преемственность в вопросах вины.

УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. сократили количество неосторожных составов против собственности, при этом оставили практически в неизменном виде положение о том, что является неосторожным преступлением, тем самым заложив основу для современного УК РФ.

В современный период уголовное законодательство России синтезировало исторический опыт, создав сбалансированную систему защиты собственности. Критерии ответственности за неосторожные деяния теперь учитывают не только факт причинения ущерба, но и степень общественной опасности, тяжесть последствий и субъективное отношение виновного. При этом эволюция норм демонстрирует, что развитие института не завершено: изменение социально-экономических условий, появление новых форм собственности и технологий требуют постоянной адаптации правовых механизмов.

Таким образом, многовековая история регулирования неосторожных преступлений против собственности отражает поступательное движение от формализма к комплексной оценке деяния. Законодатель, постепенно отказываясь от архаичных подходов, пришел к необходимости сочетать защиту имущественных прав с принципами вины, справедливости и индивидуализации ответственности.

Библиографический список

Артикул воинский купно с процесом, надлежащим судящим. Напечатася повелением царского величества в Санкт-Питербурхе лета Господня 1715 апреля 26 дня // Памятники российского права: учеб.-науч. пособие: в 35 т. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I. 152 с.

Джангуразов М.А. Преступления, связанные с уничтожением или повреждением имущества: законотворческий, теоретический и правоприменительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 227 с.

Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 797 с.

Наумов А.В. Российское уголовное право: курс: в 3 т. М., 2008. Т. 1: Общая часть. С. 67.

Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. 1. С. 23.

Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. 430 с

Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. 488 с.

Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года = Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных тысяча восемьсот восемьдесят пятого года. Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым / сост. проф. С.Н. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

Хрестоматия по истории российского права / сост. И.Ю. Маньковский, В.В. Русанов, Е.П. Титаренко. 2-е изд. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2019. Ч. 1. 209 с.

Цельникер Г.Ф. Вина в российском праве: общетеоретический и исторический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. 235 с.

УДК 343.1

МЕГАИНДУСТРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

П.С. Пастухов
Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Профессор кафедры публичного права
факультета образования.
Пермский институт ФСИН России.
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин.
Пермский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации».
614060, Россия, г. Пермь, б-р Гагарина, 10.
E-mail: pps64@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы цифровой информации, ее значение в динамике технологичной преступности как средства или орудия преступления. Показаны перспективы использования цифровой информации как технико-криминалистического, информационно-технологического средства для собирания цифровых следов. Автор формулирует собственное определение информации как передаваемые, воспринимаемые, обрабатываемые данные в материальной и идеальной среде, способствующие уменьшению неопределенности о чем-либо. При помощи цифровой информации обеспечивается электронное документирование доказательственной информации при производстве по уголовным делам. Электронное документирование как эргономичное документационное обеспечение производства по уголовным делам позволяет в процессе оформления документов добиться точности и аутентичности уголовно-процессуальных доказательств. Электронное документирование и разработанные в нем документы позволят сделать процесс доказывания технологичным, а управление всеми материалами уголовного дела рациональным и эргономичным.

Ключевые слова: цифровая информация, информационные технологии, доказательства, доказывание, процессуальная форма, документирование, электронный документ, электронный документооборот, искусственный интеллект.

THE MEGA-INDUSTRIAL IMPORTANCE OF DIGITAL INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

P.S. Pastukhov
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.

Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia.
125, Karpinskogo str., Perm, 614012, Russia.

Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration.
10, Gagarina str., Perm, 614060, Russia.
E-mail: pps64@mail.ru

Abstract. The article examines the modern problems of digital information, its importance in the dynamics of technological crime as a means or instrument of crime. The prospects of using digital information as a technical, forensic, information technology tool for collecting digital traces are shown. The author formulates his own definition of information as transmitted, perceived, and processed data in a material and ideal environment that helps reduce uncertainty about something. Digital information is used to provide electronic documentation of evidentiary information in criminal proceedings. Electronic documentation as an ergonomic documentation support for criminal proceedings makes it possible to achieve the accuracy and authenticity of criminal procedural evidence during the paperwork process. Electronic documentation and the documents developed in it will make the proof process technologically advanced, and the management of all criminal case materials rational and ergonomic.

Keywords: digital information, information technology, evidence, proof, procedural form, documentation, electronic document, electronic document management, artificial intelligence.

Информация всегда имела и будет иметь первостепенное значение в жизни человека как разумного, мыслящего существа, так как выступает фундаментальным условием развития общества, основным методом познания мира. Посредством информации мы получаем знания о предметах, явлениях, событиях, фактах и иных обстоятельствах прошлого, настоящего, а на основе полученных знаний конструируем будущее.

Информация как сложная научная категория подвергается анализу в рамках различных отраслей знаний. В современном информационном обществе акцент сместился на анализ цифровой информации. Обстоятельное исследование цифровой информации провел А.И. Зазулин в своей диссертации[1]. Детальный анализ цифровой информации с позиции криминалистической науки дал А.Б. Смушкин[2]. Автор данной статьи провел сравнительное исследование понятий «цифровая» и «электронная» информация и дал свое определение электронной цифровой информации как «зафиксированной любым способом, но трансформируемой в человекочитаемый вид с помощью электромагнитных взаимодействий и кодированной с использованием цифрового кода, пригодной для автоматической обработки, находящейся в информационно-технологических устройствах и передаваемой между ними любым способом либо распределенной между ними».

Не вступая в дискуссию относительно различных взглядов, подходов, концепций понятия «информация», будем опираться на данное собственное определение для дальнейшего раскрытия главной научной идеи статьи о роли информации в модернизации уголовного судопроизводства. Информация – это передаваемые, воспринимаемые, обрабатываемые данные в материальной и идеальной среде, способствующие уменьшению неопределенности о чем-либо.

Это классическое понимание информации необходимо для понимания эволюции средств и методов передачи, восприятия, обработки данных посредством цифровой информации и ее внедрения в уголовное судопроизводство. В связи с технологизацией и цифровизацией всех сфер деятельности законодателю, ученым и правоприменителю

---

[1] *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.

[2] См.: *Смушкин А.Б.* О необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе трактовки основных информационных категорий // Криминалистъ. 2022. № 1 (38). С. 99–104; *Он же.* Электронная цифровая информация как центральный объект электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 21. № 1. С. 142–154.

важно осознать, что источники отражения криминалистической информации, средства и методы передачи и восприятия, а также обработки могут и будут постоянно меняться. Нам важно, чтобы научно-технические достижения из сферы информационных технологий были интегрированы в уголовно-процессуальную деятельность с целью оптимизации и рационализации процесса доказывания.

Об эволюции средств, методов передачи и восприятия, а также обработки информации свидетельствуют происшедшие изменения в части технологий обращения с информацией. Исторические переходы показывают корреляционные взаимосвязи между объемом, скоростью, точностью, объективностью, сферой распространения информации и темпами развития общества. Переход от жестов, мимики, устной речи к примитивному письму на камнях, глиняных дощечках, бересте, папирусной бумаге позволил людям передавать информацию не только из уст в уста, но и из поколения в поколение посредством письменности. Книгопечатание многократно увеличило доступ людей к знаниям, полученным предшествующими поколениями, а также увеличило скорость распространения информации при расширении пространства, преодолевая границы государств.

С появлением электричества и технологических возможностей распространения информации с помощью телеграфа, телефона, радиосигналов, телевизионного вещания увеличились все показатели распространения информации: скорости, объема, охвата аудитории, наглядности, объективности и др.

Переход человечества от использования аналоговой информации к цифровой открыл новые возможности, которые кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. В результате перехода к использованию цифровой информации произошла смена технологического уклада всех видов социально-экономической деятельности человека. Такая смена уклада связана с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, основанному на информационных технологиях, знаниях и услугах. Роль информационных технологий в постиндустриальном обществе заключается в создании инфраструктуры обращения информации и обеспечении быстрого доступа к ней, упрощении коммуникации и автоматизации многих процессов в деятельности человека.

Одним из основных результатов цифровой трансформации общества стало соединение информации с технологиями, что привело к созданию цифрового общества, главным критерием которого является создание единого информационного пространства. Информация приобрела новое качество в системе всех видов общественных отношений, в том числе в структуре правоотношений.

В информационном обществе информация, уровень ее применения и доступности оказали влияние и на криминальную сферу, спровоцировав появление новых видов преступлений, повысив уровень их технологичности. С появлением информационно-технологичной преступности произошли и происходят кардинальные изменения в уголовно-процессуальной и технико-криминалистической деятельности. Государственно-правовая противопреступная деятельность должна учитывать происшедшие изменения и должна быть научно обоснованной, т.е. эффективной.

Изменения в сфере криминальной деятельности связаны с тем, что информация превратилась в ценность, а поэтому стала одним из самых частых объектов преступного посягательства. Превращение информации в ценность связано с изменением правовой природы денег, ценных бумаг, цифровых финансовых активов и иных видов собственности. Еще одно значимое изменение связано с созданием цифрового управления названными активами, т.е. с экономико-правовыми сущностями. Трансформация наличных денег в безналичные, а затем и в электронные превратила управление деньгами теперь с помощью онлайн-приложений банков в компьютерах и смартфонах в создание цифровой бухгалтерской строки о движении денежных средств по нашим счетам, т.е. в информацию об их движении.

Использование информационных технологий в денежном обращении обеспечивает минимизацию расходов на выпуск, обращение, хранение, утилизацию денег; создает удобство управления; увеличивает скорость распоряжения; предоставляет возможность совершать дистанционные сделки. Все эти новые качества и свойства денег возникли благодаря новым свойствам цифровой информации, информационным технологиям, обслуживающей их инфраструктуре.

Такие же кардинальные изменения цифровая информация произвела в сфере обращения ценных бумаг. Бумажные облигации, акции трансформировались в бездокументарные, а точнее, в электронные записи в реестрах, депозитариях, биржах. Цифровая трансформация ценных бумаг привела к появлению цифровых финансовых активов, т.е. прав, включающих денежные, по ценным бумагам, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в ***информационную систему***. Для управления цифровыми финансовыми активами у нас появились ***цифровые права***, которыми признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Экономический эффект, дружелюбный интерфейс управления денежными средствами и цифровыми финансовыми активами создают конкурентные

преимущества для распространения цифрового управления на другие активы собственника.

Благодаря названным конкурентным преимуществам цифровая информация и технология блокчейна стали основой для создания криптовалюты, которая стала вытеснять традиционные фиатные деньги. Если фиатные деньги (национальная валюта) обеспечены всем имуществом государства, должны приниматься всеми органами и организациями, то криптовалюта – это вычисленная контрольная сумма информационных операций в технологии блокчейна, опирается на доверие пользователей. Цифровая информация на основе блокчейна становится эквивалентом (эталоном) обмена с использованием программного алгоритма для создания строго определенного количества единиц криптовалюты, а поэтому как бы виртуальной единицей измерения стоимости денег. При создании любой криптовалюты определено конечное (ограниченное) число единиц криптовалюты, что позволяет считать ее эквивалентом обмена наряду с золотом или другим драгоценным металлом. Например, математически определено, что будет выпущено не более 21 млн биткоинов. Это дало повод считать биткоин «цифровым золотом», которое пришло на смену обычного.

Технологической основой для создания криптовалюты послужила технология блокчейна, сущность которой заключается в строгом учете всех информационных операций, вычислении и получении блоков информации (в процессе добычи всем узлам сети приходится решать сложную вычислительную задачу). Блок достается только одному, наиболее мощному узлу. С точки зрения здравой логики эта задача абсолютно бесполезна и является пустой тратой энергии и времени. Но конкурентные преимущества и пользовательские удобства побуждают и даже вынуждают государства разрешать использование криптовалюты, пусть пока и в ограниченном правовом режиме. Практика свидетельствует, что уже в нескольких государствах введена официальная цифровая валюта, которая признается новой формой денег.

Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровой валютой признается ***совокупность электронных данных*** (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением

оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам[1].

Вторым значимым эволюционным шагом, в дополнение к информационно-электронно-цифровой трансформации денег и иных цифровых активов, стало цифровое управление, которое по своей сущности тоже является передачей информационных сигналов. Двоичная форма информации оказалась наилучшим и самым рациональным способом кодирования, хранения, обработки, систематизации, передачи информационных сигналов по управлению денежными средствами и собственностью, т.е. автоматизации процессов управления. Наряду с увеличением скорости обращения информации, расширением круга субъектов взаимодействия при получении информационных распоряжений, расширением объема информационных потоков, точности передачи цифровая информация объективизирует существующие отношения. Объективизация существующей действительности с помощью цифровой информации позволяет ***разделить информацию и объект собственности*** через создание цифрового двойника или цифрового профиля объекта, личности, счета и др. Таким образом, новая технология управления деньгами и объектами собственности позволяет ***создавать цифровой образ*** существующей действительности.

Отрыв информации от объекта, существующей действительности, создание цифрового образа существующей действительности, т.е. абстрактной модели, приводит к необходимости ***правового регулирования***. Вот поэтому, согласно ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), информация может являться ***объектом*** публичных, гражданских и иных правовых ***отношений***[2].

Описанное выше значение цифровой информации вызвано объективными процессами построения цифровой экономики[3]. В рос-

---

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.10.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (вместе с Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») (ред. от 01.08.2024). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сийском законодательстве цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются ***данные в цифровом виде***, обработка больших объемов и использование результатов их анализа позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Из этого следует, что цифровая экономика основана на цифровых технологиях, которые включают использование Интернета, мобильных устройств, облачных сервисов, искусственного интеллекта и других инновационных технологий для создания, передачи и управления информацией и ресурсами, т.е. именно ту технологическую среду, где растет количество преступлений.

Исследователи цифровой экономики отмечают, что лидером в применении цифровых новшеств является банковско-финансовая индустрия, где применяется масса удобных и полезных решений и продуктов, основанных на применении передовых информационных технологий, таких как онлайн-банкинг и мобильный банкинг; система электронных платежей и отчетности; инструменты краудфандинга; применение скоринговых моделей для качественной оценки кредитных рисков; нейросети и алгоритмы, помогающие в принятии финансовых и инвестиционных решений; использование облачных сервисов хранения данных; применение цифровых валют и технологии блокчейна; осуществление финансовых операций по системе P2P-кредитования[1].

С правовой точки зрения образ существующей действительности, цифровых двойников, цифровых профилей осуществляется с использованием документированной информации, что составляет одну из основ доказательственной деятельности. Документирование информации реализуется с использованием информационных систем, способствует автоматизации по управлению цифровыми профилями и поэтому нуждается в правовом регулировании.

Еще одним из важных, ценностных элементов информации являются сведения, составляющие неприкосновенность частной жизни, охраняемую Конституцией РФ. Иными охраняемыми законом конфиденциальными сведениями являются персональные данные, логины, пароли к аккаунтам участников информационного взаимодействия. Информация в виде логинов, паролей и СМС-кодов, позволяющая получить доступ к банковским счетам, к управлению любыми цифровыми финансовыми активами, служит для криминальных элемен-

[1] *Кот Е.М., Пильникова И.Ф. [и др.].* Цифровая экономика: понятие, особенности и инструменты // Право и управление. 2024. № 5.

тов своего рода преступной «отмычкой», используемой для хищения электронных денежных средств.

Новое направление цифровой информации как объекта преступного посягательства связано с цифровым управлением производственными процессами. Преступные элементы с помощью вредоносных программ пытаются заблокировать работу юридических лиц, вымогают денежные средства для разблокировки. В сговоре с экономическими субъектами преступные хакерские группировки пытаются нарушить работу экономических конкурентов, где каждый час простоя обходится большими экономическими потерями. Воздействие на блокировку экономико-информационных отношений приводит к материализации прямого и косвенного ущерба.

Все это свидетельствует о том, что цифровая информация как цифровое управление стала самым важным активом в сфере экономической деятельности. Она стала основой маркетинга, главной автоматизированной и роботизированной технологией производства и продажи товаров, оказания услуг, денежного обращения, средством коммуникации посредством электронного документооборота в системе межведомственного электронного взаимодействия, а главное – средством повышения производительности труда. Цифровая информация стала инструментом, орудием труда, средством производства, методом охраны и контроля.

Признавая цифровую информацию важным активом в сфере экономической деятельности, российское законодательство принимает меры к ее правовой охране и непосредственной защите. Так, согласно ст. 16 Закона об информации защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации[1].

Сделаем промежуточный вывод о влиянии цифровой информации на криминальную активность. Главное заключается в том, что цифровая информация и цифровое управление стали ценностью. В этой связи цифровая информация, т.е. электронные данные на основе технологии блокчейна, заложенная в основу производства и обращения электронных денег, вкупе с их управлением, распоряжением стала объектом преступного посягательства. Преступные элементы используют

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

современные аппаратно-программные средства и способы получить доступ к цифровой информации в виде логинов, паролей, СМС-кодов с целью перехватить управление над аккаунтами и совершить хищение электронных денежных средств и других видов собственности, находящихся под цифровым управлением.

Помимо преступлений в сфере экономики цифровая информация используется для огромного числа других преступлений: экономического, политического и военного шпионажа, совершения преступлений на почве ненависти, распространения наркотиков и других товаров, запрещенных в обороте. Особую тревогу вызывает легкость вовлечения в преступную деятельность. Организаторы преступлений, находясь за рубежом, нанимают российских граждан для совершения терактов и других преступлений, переводят им деньги, а сами остаются в недосягаемости для российских правоохранительных органов в силу недружелюбной политики государств.

Более того, информация используется не только как средство или орудие совершения преступления, но и как информационное оружие против сознания граждан, подстрекающее их к публичному распространению под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. В этой ситуации через воздействие на информационные правоотношения происходит посягательство на национальную безопасность.

Все сказанное свидетельствует о том, что количество преступных посягательств на электронные денежные средства, цифровые финансовые активы, электронное управление собственностью через цифровую информацию будет только увеличиваться. Государство в лице правоохранительных органов, законодатель и ученые должны осознать общественно опасные последствия и проводить проактивную уголовно-правовую политику.

Углубленное изучение материально-правового аспекта цифровой информации и ее влияние на виды, количество, динамику преступлений также важно для криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности.

Как было отмечено выше, информация – это главный способ познания окружающей действительности. Именно так, информация традиционно определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, т.е. знание о предметах, фактах, идеях и т.д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста.

Опираясь на авторское определение информации как передаваемых, воспринимаемых, обрабатываемых данных в материальной и идеальной среде, способствующих уменьшению неопределенности о чем-либо, мегаиндустриальное значение цифровой информации в уголовном судопроизводстве видится в расширении источников, средств, методов ее передачи, приема и обработки. Указанная триада работы с данными определяется как информационный процесс и приводит к получению объективных знаний.

Применительно к теме исследования и доказательственному процессу информацию, основываясь на технологических стандартах, следует рассматривать как ***любой вид знаний***, которыми могут обмениваться пользователи, о предметах, фактах, понятиях и т.д. в рамках конкретного контекста[1]. В другом технологическом стандарте под информацией понимаются любые данные, представленные в электронной форме, написанные на бумаге, высказанные на совещании или находящиеся на любом другом носителе, используемые для принятия решений, включая компоненты программного обеспечения системы обработки[2]. Еще одним примером, в котором информация определяется как знание, служит ГОСТ Р 7.0.95-2015[3]. В этом госстандарте информация (сведения) определена как содержащаяся в документе, отражающая его смысл независимо от формы представления этой информации.

В складывающихся современных условиях информационного общества важно не только осознать всю опасность преступных посягательств с использованием цифровой информации, но и познать и использовать ее технологические свойства и преимущества в целях противодействия преступности.

Первостепенное криминалистическое значение цифровой информации заключается в том, что это цифровой след в виде файлов, лог-файлов, метаданных и всех иных идентификаторов личности и информационно-технологических устройств. Во-вторых, цифровая информация представляет собой технико-криминалистическое средство или даже информационно-технологическое средство для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов.

---

[1] ГОСТ Р ИСО/МЭК 10746-2-2000. Информационная технология. Взаимосвязь открытых систем, управление данными и открытая распределенная обработка. Ч. 2. Базовая модель Information technology. Open Distributed Processing. Part 2. Reference Model. Дата введения: 2002.

[2] ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015). Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь. М.: Стандартинформ, 2016.

[3] ГОСТ Р 7.0.95-2015. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики. М.: Стандартинформ, 2018.

Только с помощью компьютерных устройств и цифровой информации в виде компьютерных программ можно работать с цифровыми следами.

Цифровая информация вкупе с технологиями выступает средством взаимодействия органов расследования с иными правоохранительными органами, субъектами информационно-технологических систем, обладающих криминалистически значимой информацией, позволяющих им получать доказательственную информацию в режиме реального времени[1].

Кроме того, информация и технологии в виде автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) являются средством дистанционного распознавания, идентификации человека[2], абонентов сотовых сетей, маркированной товарной продукции, транспортных средств и маршрутов их передвижения, участников денежных операций, событий, происшествий, чрезвычайных ситуаций[3].

Идентификация в режиме реального времени или в кратчайшие сроки после обнаружения следов преступлений осуществляется за счет криминалистической регистрации, которая представляет собой различные виды учета. Существующие системы криминалистического учета всех видов способствуют криминалистической идентификации по габитоскопическим[4], геномным[5] и другим видам учета.

---

[1] Приказ МВД России от 19 июня 2018 г. № 384 «Об утверждении Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в ***режиме реального времени*** и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени» (ред. от 20.05.2024).

[2] *Пастухов П.С., Абшилава Г.В.* Трансформация криминалистической идентификации в структуре уголовно-процессуального доказывания // Ex jure. 2024. № 4. С. 109–126; *Пастухов П.С.* Эволюция криминалистической идентификации как метода научного познания в информационном обществе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 6–8 апреля 2022 г.). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 211–215.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»» (ред. от 05.04.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 11.09.2018) // Бюллетень текущего законодательства. М., 2007.

[5] Постановление Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 42. Ст. 5926.

Дистанционная идентификация стала возможной по нескольким причинам. Прежде всего из-за способности цифровой информации объективизировать существующую действительность, создавая цифровой двойник или цифровой профиль лица или объекта, личности, счета и др. Возможности объективизации существующей действительности с использованием цифровой информации могут рассматриваться в отрыве от источников отражения, храниться отдельно от следоносителей, систематизироваться, передаваться, т.е. быть независимыми от людей ввиду детализации создаваемого образа. Такая детализация реализуется благодаря технологической особенности цифровой информации на нано-, ДНК-уровне, созданию побитовой копии при создании цифрового двойника, цифрового профиля, 3D-моделей вещественных доказательств и даже сложных событий.

С помощью цифровой информации стало возможным визуализировать следы преступлений, их общие и частные признаки в мельчайших деталях и удобном масштабе, создавать наглядно-образные 3D-модели вещественных доказательств и реконструировать события преступлений.

Эволюционное значение цифровой информации необходимо использовать для модернизации уголовно-процессуальной деятельности. Новые возможности использования цифровой информации надо рассматривать через призму нового подхода к документированию доказательственной информации взамен традиционного протоколирования. Новация подхода к документированию информации состоит в ее фиксации на материальном носителе без привязки к протоколу следственного действия. Посредством документирования обеспечивается быстрота, простота, объективность, наглядность доказательственной информации. Информационно-технологическое документирование при производстве по уголовным делам необходимо реализовать через систему межведомственного электронного взаимодействия. При реализации правовой регламентации документирования, расширении технологических способов фиксации доказательственной информации и перечня иных процессуальных действий процесс доказывания становится рациональным, эргономичным, т.е. научно-технологичным, отвечающим потребностям информационного общества[1]. Электронное межведомственное взаимодействие обеспечивает эффективность надзорной деятельности, ведомственного и судебного контроля, повышает прозрачность деятельности, приближая сбор доказательств к технологии блокчейна, тем самым гарантируя права и законные интересы участников уголовного процесса.

[1] *Пастухов П.С.* Понятие и значение документирования доказательственной информации по уголовным делам // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 344–357.

Новый взгляд на использование цифровой информации для документирования доказательственной информации открывает перспективы для совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Перспективность документирования состоит в создании электронных документов без предварительного документирования на бумажном носителе. Именно документирование уголовно-процессуальных документов в электронном виде не только упрощает, ускоряет, удешевляет процесс фиксации, но и объективизирует доказательственную информацию, позволяет создавать цифровую модель электронного уголовного дела[1].

Цифровая информация создает условия для модернизации уголовного судопроизводства посредством создания цифровой платформы для реализации информационной системы электронного документооборота участника уголовного процесса, закрепленные в ст. 474.1, 474.2 УПК РФ[2]. Указанными нормами предусмотрено использование федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» либо создание информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, либо систем электронного документооборота участников уголовного судопроизводства с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Указание в ст. 474.1, 474.2 УПК РФ на использование Единого портала и информационных систем однозначно свидетельствует о создании платформенной организации уголовно-процессуальной деятельности. Именно по такому пути развиваются все виды деятельности в России и во всем мире[3].

Цифровые платформы позволяют использовать информационно-аналитические возможности искусственного интеллекта для формирования различных систем учета органов внутренних дел[4], а также

---

[1] См.: *Зуев С.В., Моругина Н.А.* Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 83–94; *Моругина Н.А.* Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 84–89.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См., например: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех»» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2407.

[4] Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2022. 216 с.

информационных массивов, созданных вне криминалистической деятельности, ***обрабатывать большие объемы данных*** через совокупность подходов, инструментов и методов автоматической обработки структурированной и неструктурированной информации, поступающей из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время[1].

Подводя итог исследованию цифровой информации, сделаем несколько выводов о ее мегаиндустриальном значении для уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности для совершенствования процесса доказывания.

1. Информация – это передаваемые, воспринимаемые, обрабатываемые данные в материальной и идеальной среде, способствующие уменьшению неопределенности о чем-либо. Законодателю, ученым и правоприменителю важно осознать, что источники отражения криминалистической информации, средства и методы передачи и восприятия, а также обработки могут и будут постоянно меняться в связи с научно-техническим прогрессом. Важно научно-технические достижения из сферы информационных технологий интегрировать в уголовно-процессуальную деятельность с целью оптимизации и рационализации процесса доказывания.

2. Цифровая информация, конвертируемая в уголовно-процессуальные доказательства (ст. 74 УПК РФ), выступает основным методом познания обстоятельств преступления (ст. 73 УПК РФ). Цифровые средства и методы передачи, восприятия и обработки доказательственной базы способны кардинально усовершенствовать процесс доказывания.

3. В уголовно-правовой сфере цифровая информация превратилась в ценность, а поэтому стала одним из самых частых объектов преступного посягательства. Превращение информации в ценность связано с изменением правовой природы денег, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, всех других видов собственности. Цифровое управление названными активами превратило управление ими в цифровую бухгалтерскую запись в электронном устройстве. Кроме того, цифровая информация стала средством, орудием преступления, а многочисленные информационные сети, включая Интернет, стали средой совершения преступлений.

---

[1] *Пастухов П.С., Вехов В.Б.* Искусственный интеллект в решении криминалистических задач // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 12 ноября 2020 г.): сб. статей / Пермский филиал РАНХиГС; отв. ред. А.Н. Самойлов. Пермь, 2019. С. 8–16.

4. В криминалистической деятельности цифровая информация также имеет многоаспектное значение как след преступления, информационно-технологическое средство для собирания цифровых следов, технологическое средство взаимодействия органов расследования, дистанционной идентификации. Использование классических технико-криминалистических и современных информационно-технологических средств позволяет визуализировать, а поэтому объективизировать доказательственную информацию.

5. В уголовно-процессуальной деятельности цифровая информация, наряду с аналоговой, является основой доказательства. В отличие от аналоговой цифровая информация выступает более рациональным и оптимальным средством фиксации доказательств посредством документирования такими способами, как копирование, сканирование, аудиозапись, видеозапись, изначальное сохранение доказательств в электронной форме, т.е. без предварительного документирования на бумажном носителе. Благодаря цифровой информации при производстве по уголовным делам развивается электронный документооборот, межведомственное электронное взаимодействие, платформенная организация уголовно-процессуальной деятельности.

6. В перспективе цифровая информация обеспечит использование искусственного интеллекта, нейросетей, автоматизацию и роботизацию процесса доказывания и осуществление электронного судопроизводства.

Библиографический список

Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.

Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 83–94.

Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2022. 216 с.

Кот Е.М., Пильникова И.Ф. [и др.]. Цифровая экономика: понятие, особенности и инструменты // Право и управление. 2024. № 5.

Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 84–89.

Пастухов П.С. Понятие и значение документирования доказательственной информации по уголовным делам // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 344–357.

Пастухов П.С., Вехов В.Б. Искусственный интеллект в решении криминалистических задач // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 12 ноября 2020 г.): сб. статей / Пермский филиал РАНХиГС; отв. ред. А.Н. Самойлов. Пермь, 2019. С. 8–16.

Пастухов П.С. Эволюция криминалистической идентификации как метода научного познания в информационном обществе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 6–8 апреля 2022 г.). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 211–215.

Пастухов П.С., Абшилава Г.В. Трансформация криминалистической идентификации в структуре уголовно-процессуального доказывания // Ex Jure. 2024. № 4. С. 109–126.

Смушкин А.Б. О необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе трактовки основных информационных категорий // Криминалистъ. 2022. № 1 (38). С. 99–104.

Смушкин А.Б. Электронная цифровая информация как центральный объект электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 21. № 1. С. 142–154.

УДК 343.2

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИЗНАКОВ В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Е.А. Соловьева
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимосвязи признаков состава преступления (предмет преступления и преступные последствия) на примере составов преступлений против собственности. Автор полагает, что связь между этими признаками проявляется в том, что они позволяют определить количественные и качественные характеристики друг друга. На основе этой связи делается вывод, что дополнительные расходы, которые несет потерпевший в связи с передачей имущества виновному лицу, не могут включаться в размер ущерба от хищения, поскольку они не связаны с предметом преступления. Кроме того, автор доказывает, что значимость похищенного имущества для потерпевшего не может учитываться при определении квалифицирующего признака кражи – «совершенной с причинением значительного ущерба гражданину».

Ключевые слова: состав преступления, признак состава преступления, взаимосвязи признаков состава преступления, уголовная ответственность, конструирование составов преступления.

THE OBJECT OF THE CRIME AND CRIMINAL CONSEQUENCES: ON THE RELATIONSHIP BETWEEN ELEMENTS IN OFFENCES AGAINST PROPERTY

E.A. Soloveva
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Abstract. This article examines the interrelationships between the elements of a crime (the subject matter of the crime and the consequences) using examples of crimes against property as a basis. The author asserts that the connection between these elements is manifested in their ability to determine each other's quantitative and qualitative characteristics. Based on this connection, it is concluded that additional expenses incurred by the victim in connection with the transfer of the item to the guilty party cannot be included in the scope of damages resulting from the theft, as they are not related to the subject matter of the crime. Furthermore, the author argues that the personal value of the stolen property to the victim cannot be taken into account when determining the qualifying attribute of theft as "committed with the infliction of significant damage to a citizen".

Keywords: elements of a crime, component of the offense, interrelationship of elements of a crime, criminal responsibility, constructing offenses.

Состав, выступая информационной законодательной моделью преступления[1], имеет сложную структуру, т.е. каждый элемент представляет собой самостоятельный конструкт или свою систему, включающую в себя не только компоненты (признаки состава преступления), из которых он состоит, но и внутренние, и внешние связи между ними. Однако в существующих исследованиях взаимодействие элементов состава преступления освещается фрагментарно[2]. Основное внимание уделяется лишь отдельным парным корреляциям: объекту и объективной стороне, субъекту и субъективной стороне, а также связи между субъективной и объективной сторонами[3].

---

[1] *Соловьева Е.А.* Состав преступления как информационная модель // Ex jure. 2025. № 2. С. 136-148. DOI:10.17072/2619-0648-2025-2-136-148.

[2] *Жалинский А.Э.* Избранные труды: в 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Т. II: Уголовное право. С. 215.

[3] *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: ЮРКНИГА, 2003. С. 43, 266–328.

Объяснимо это лишь тем, что состав преступления многие отождествляют с абстрактным предметом, который понимается как образ реально существующего преступления. Такие абстрактные предметы казуально пассивны, а потому не могут иметь каких-либо свойств, связей и отношений с другими явлениями. Вместе с тем состав преступления в нашем понимании выступает идеализированным объектом: он не только создается путем абстрагирования от реального преступления, но и включает в себя элементы, которые самому преступлению (деянию) не характерны (например, объект преступления), а также отражает связи (отношения) между компонентами явления (преступления).

Представляется, что в составах преступлений против собственности связь между признаками «предмет преступления» и «преступные последствия» прослеживается наиболее явно. Предмет преступления в составе преступления характеризует признак «объекта, воздействуя на который преступник стремится причинить или причиняет вред объекту»[1]. В составах преступлений против собственности к таким предметам относятся чужое имущество (оно выступает предметом для всех преступлений против собственности); право на чужое имущество (ч. 1–7 ст. 159, ч. 1–4 ст. 159.6, ч. 1–3 ст. 163 УК РФ); действия имущественного характера (ч. 1–3 ст. 163 УК РФ). В свою очередь преступные последствия в составе преступления отражают «произошедшие в объекте уголовно-правовой охраны негативные изменения, предусмотренные диспозицией статьи Особенной части»[2]. К ним в составах преступлений против собственности относят имущественный реальный ущерб (ч. 1–4 ст. 158, ст. 158.1, ч. 1–7 ст. 159, ч. 1–4 ст. 159.1, ч. 1–4 ст. 159.2, ч. 1–4 ст. 159.3, ч. 1–4 ст. 159.5, ч. 1–4 ст. 159.6, ч. 1–4 ст. 160, ч. 1–3 ст. 161, ч. 1–4 ст. 162, ч. 3, 4 ст. 163, ч. 1, 2 ст. 164, ч. 3 ст. 166, ч. 1, 2 ст. 167, ст. 168 УК РФ), упущенную выгоду (ч. 1, 2 ст. 165 УК РФ).

Представляется, что предмет преступления как признак состава преступления выступает мерилом преступных последствий: он позволяет оценить количество и качество последних.

Так, количественная характеристика преступных последствий в составах преступлений против собственности определяется в прямой зависимости от стоимости предмета: если стоимость предмета

[1] *Лопашенко Н.А.* Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления: авторский курс: монография. М.: Юрлитиформ, 2020 С. 417.

[2] Там же. С. 418.

хищения превышает 5 тыс. руб.[1], 250 тыс. руб., 1 млн руб.[2], то можно утверждать о причинении лицом значительного, крупного и особо крупного ущерба.

Указанная взаимосвязь позволяет решать вопрос о размере ущерба в преступлениях, в которых собственник или владелец похищаемого предмета несет дополнительные затраты (например, затраты, возникающие в связи с дистанционной передачей имущества виновному; расходы, связанные с комиссией за перевод денежных средств в банке; налоги на доходы физических лиц, уплачиваемые работодателем за сотрудника, которому необоснованно начислена заработная плата, и др.): размер ущерба как признак преступных последствий в составах преступлений против собственности ограничен стоимостью предмета преступления.

Вместе с тем на практике неоднозначно решается вопрос об исключении комиссии за перевод денежных средств из размера ущерба: в некоторых случаях суды прямо оговаривают в приговорах, что комиссия за перевод денежных средств не может учитываться при определении ущерба[3], в других – упускают связь между предметом преступления и преступными последствиями и включают в ущерб комиссию за перевод денежных средств[4].

Кроме того, в судебной практике отсутствует единообразие и в решении вопроса об учете различных видов налогов при исчислении размера ущерба от хищения. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 8 декабря 2022 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда»[5] указал на недопустимость включения НДФЛ в размер ущерба при хищении. Эта правовая позиция получила закрепление

---

[1] Здесь необходимо помнить о том, что не только стоимость похищенного определяет значительный ущерб.

[2] Для некоторых специальных видов мошенничества установлены другие размеры ущерба (например, в п. 1 примеч. к ст. 159.1 УК РФ, примеч. к ст. 159.2 УК РФ).

[3] Приговор Заводского городского суда г. Кемерово от 24 марта 2025 г. № 1-149/2025; Приговор Якутского городского суда Республики Саха от 12 марта 2025 г. № 1-532/2025; Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 6 апреля 2025 г. № 22-1153/2025. URL: https://sudact.ru/.

[4] Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 24 марта 2025 г. по делу № 1-120/2025; Приговор Южно-Сахалинского городского суда от 11 ноября 2019 г. по делу № 1-1090/2019. URL: https://sudact.ru/.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2022 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в п. 5 примеч. к ст. 158 УК РФ, где прямо указано на нецелесообразность учета данного налога[1]. Вместе с тем в марте 2025 г. Верховный Суд РФ разъяснил нижестоящим судам о необходимости исчисления размера ущерба с учетом НДС. Так, Верховный Суд РФ указал, что А. и М. совершили хищение из магазина розничной торговли товара (четырех пачек кофе) общей стоимостью 3199 руб. 96 коп., которая была сформирована с учетом НДС. Суд посчитал, что фактическая стоимость товаров для целей квалификации преступления должна определяться исходя из розничной цены товара на момент совершения деяния, исчисленной в том числе с учетом суммы НДС, ссылаясь при этом на направленность субъективной стороны виновных лиц (а именно на то, что виновные осознавали стоимость товара, сформированную с учетом НДС)[2]. Вместе с тем Верховный Суд РФ, включая в ущерб НДС, не учитывает иные возможные расходы потерпевшего, которые он несет в связи с реализацией товара. Думается, что ограничение размера ущерба лишь стоимостью похищенного (без учета дополнительных затрат, которые несет потерпевший в связи с передачей имущества виновному) является более верным подходом, чем привязка к осознанию виновным всех расходов потерпевшего. В противном случае в размер ущерба необходимо включать и другие расходы, которые осознавались виновным при совершении хищения, однако судебная практика по этому вопросу складывается совершенно иным образом. Следовательно, связь между предметом преступления и преступными последствиями предопределяет количественную характеристику последних, а значит, при исчислении размера преступных последствий нельзя учитывать дополнительные расходы, которые несет потерпевший в связи с передачей имущества виновному.

Кроме того, предмет в составах преступлений против собственности определен как имущество, право на имущество, действия имущественного характера, что предопределяет и качественную характеристику преступных последствий – они могут выражаться лишь через имущественный ущерб. При толковании квалифицирующего признака «значительный размер ущерба гражданину» суды пытаются обосновать значительный характер преступных последствий через категорию значимости для потерпевшего, что, на наш взгляд, включает

[1] Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 553-ФЗ «О внесении изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11 марта 2025 г. № 1П25ПР «Об отказе в передаче надзорного представления для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

прежде всего оценку не имущественного ущерба, а морального вреда. В связи с этим думается, что судебная практика, по сути, широко толкует квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину».

Так, приговором Свердловского районного суда г. Перми от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-109/2025 Б. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку тайно похитил велосипед стоимостью 14 235 руб. В мотивировочной части суд при определении квалифицирующего признака значительности ущерба учел значимость для сына потерпевшей похищенного велосипеда[1]. В другом деле Свердловский районный суд г. Перми учел при определении значительного ущерба факт того, что похищенное имущество было главным средством передвижения потерпевшей, а потому был значимым для нее[2]. Значимость для потерпевшего похищенного имущества при определении значительного размера ущерба была учтена и в других приговорах[3]. Представляется, что учет значимости для потерпевшего или других лиц, близких для потерпевшего, не характеризует материальный ущерб, а потому не может быть учтен при квалификации хищения и вменения лицу квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину».

Качественную связь предмета преступления и преступных последствий можно проследить и на примере состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. В составе вымогательства, совершенного в особо крупном размере, признак предмета ограничивает преступные последствия, указывая, что последствия в виде особо крупного размера можно определить лишь в отношении имущества. Верховный Суд РФ в п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымо-

---

[1] Приговор Свердловского районного суда г. Перми от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-109/2025. URL: https://sverdlov-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=398816255&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

[2] Приговор Свердловского районного суда г. Перми от 21 февраля 2025 г. по делу № 1-30/2025. URL: https://sverdlov-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=404952548&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

[3] Приговор Интинского городского суда Республики Коми от 20 марта 2025 г. № 1-27/2025. URL: https://intasud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=193512221&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; Приговор Ельнинского районного суда Смоленской области от 20 декабря 2019 г. по делу № 1-74/2019. URL: https://elnya--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=111046523&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; Приговор Кунгурского городского суда Пермского края от 25 марта 2025 г. по делу № 1-87/2025. URL: https://kungur--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=403410983&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

гательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» достаточно расширительно толкует этот квалифицирующий признак, добавляя к нему еще и стоимость права на имущество и производство работ или оказания услуг: «Вымогательство считается совершенным в крупном либо особо крупном размере, если требование направлено на передачу чужого имущества, права на имущество, производство работ или оказание услуг, стоимость которых на момент предъявления требования превышает стоимость, указанную в пункте 4 примечания к статье 158 УК РФ». Тем самым Верховный Суд РФ опять разрывает (не учитывает) связь между предметом преступления и преступными последствиями в квалифицированном составе вымогательства. На это обращает внимание Н.А. Лопашенко, которая считает, что «требование передачи права на имущество или совершения действий имущественного характера в особо крупном размере не подпадает, согласно буквальному толкованию закона, под особо квалифицированный состав вымогательства»[1].

Как было указано выше, не только предмет преступления определяет качественную и количественную характеристику преступных последствий, но и наоборот. В составах преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ, не указан предмет преступления, диспозиция состава преступления обозначает лишь преступные последствия. Вместе с тем имущественный ущерб предопределяет особенности предмета в составах этого преступления. В составах причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием предметом может выступать лишь имущество, которое должно обладать одновременно двумя признаками: оно на момент совершения деяния не находится у собственника или иного законного владельца и (или) является частью имущества виновного или передано ему самим собственником или законным владельцем и оно подлежит передаче собственнику или иному законному владельцу.

Таким образом, предмет преступления (как признак состава преступления) характеризует не просто пассивный объект посягательства. Его ключевая функция – служить основой для определения характера и масштаба преступных последствий. Аналогичная роль и у преступных последствий: они позволяют охарактеризовать предмет преступления. В этом и проявляется взаимосвязь признаков предмета и преступных последствий в составах преступлений против собственности.

[1] *Лопашенко Н.А.* Преступления против собственности: авторский кур: монография: в 4 кн. М.: Юрлитинформ, 2019. Кн. IV: Корыстные (без признаков хищений) и некорыстные посягательства на собственность. С. 74.

Библиографический список

Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Т. II: Уголовное право. 590 с.

Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: авторский курс: монография: в 4 кн. М.: Юрлитинформ, 2019. Кн. IV: Корыстные (без признаков хищений) и некорыстные посягательства на собственность. 178 с.

Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления: авторский курс: монография. М.: Юрлитиформ, 2020. 437 с.

Соловьева Е.А. Состав преступления как информационная модель // Ex jure. 2025. № 2. С. 136-148. DOI:10.17072/2619-0648-2025-2-136-148.

Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: ЮРКНИГА, 2003. 478 с.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И АНАЛИЗА ДАННЫХ О ДВИЖЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М.Н. Филиппов
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: fmn01@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности получения и анализа данных о движении автотранспортных средств в ходе расследования дорожно-транспортных преступлений путем обращения к сведениям, записанным с помощью регистратора данных о событии. Анализируется электронная система транспортного средства, ее составляющие и их назначение. Определены параметры, которые фиксируются регистратором событий, а также период времени, в течение которого это происходит. Приведены способы изъятия цифровых данных из блока управления автомобиля, а также используемые для этого технико-криминалистические средства. Обозначены проблемы, препятствующие использованию данных регистратора о событии в расследовании дорожно-транспортных преступлений, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: цифровые следы, дорожно-транспортное преступление, автомобиль, электронная система транспортного средства, регистратор данных о событии.

MODERN POSSIBILITIES FOR OBTAINING AND ANALYZING DATA ON THE MOVEMENT OF MOTOR VEHICLES DURING THE INVESTIGATION OF TRAFFIC CRIMES

M.N. Filippov
Perm State National Research University.
15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: fmn01@list.ru

Abstract. The article discusses the possibilities of obtaining and analyzing traffic data during the investigation of traffic crimes by referring to information recorded by the event data recorder. It analyzes the electronic system of a vehicle, its components, and their purpose. The article defines the parameters that are recorded by the event recorder, as well as the time period during which this occurs. It also provides methods for extracting digital data from the vehicle's control unit and the technical and forensic tools used for this purpose. The article identifies the challenges that hinder the use of EDR data in traffic accident investigations and suggests possible solutions.

Keywords: digital traces, traffic crime; car, electronic vehicle system, event data recorder.

Интенсивное развитие цифровых технологий в России, начавшееся еще в 60-е годы XX в., привело к тому, что в настоящее время продукты информационно-телекоммуникационных технологий проникли во все сферы жизни общества и государства. Смартфоны, компьютеры, планшеты, телевизоры, фото-, видео-, аудиоаппаратура, программное обеспечение как продукты технологий указанного выше вида активно используются для удовлетворения как индивидуальных, так и общественных потребностей. Благодаря открывшимся возможностям не только повысилась производительность труда, но и, в частности, увеличилось количество технологичных противоправных деяний. Насколько актуален этот тезис, можно судить по статистическим данным, опубликованным на официальном сайте МВД России. В 2024 г. свыше 40% преступлений от общего количества противоправных деяний было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[1]. Этот показатель стал выше на 13% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года.

[1] Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/.

Люди, используя информационно-телекоммуникационные технологии, оставляют цифровые следы, которые могут раскрыть данные о них, в частности сведения о «возрасте, половой, расовой и этнической принадлежности, гражданстве, сексуальной ориентации, мыслях, предпочтениях, привычках, хобби, истории болезни и проблемах здоровья, психологических расстройствах, статусе занятости, принадлежности к какому-либо сообществу, отношениях, геолокации, распорядке дня»[1], и, конечно, о преступной активности.

Эти данные могут и должны использоваться в доказывании по уголовным делам, в частности, для подтверждения или опровержения факта совершения преступления, проверки показаний участников уголовного процесса, проверки алиби лица, имеющего статус подозреваемого или обвиняемого.

В рамках расследования очень важно иметь представление о том, какие цифровые следы остаются в результате совершения преступлений, знать местонахождение данных следов, владеть методами и способами их поиска, обнаружения, фиксации и последующего анализа. Мы разделяем мнение ученых о том, что для работы с цифровыми следами необходимы новые компетенции, так как классическая криминалистика содержит «неполные и несистемные знания о работе с цифровыми следами»[2].

Помимо указанных выше объектов (компьютеры, смартфоны и пр.) носителем, источником цифровых следов может являться автомобиль, который в ходе совершения преступления может выступать как предмет преступного посягательства, средство или орудие преступления. В 2024 г. правоохранительными органами было зарегистрировано 3046 случаев совершения краж автотранспортных средств, 10 731 случай неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), 18 261 случай нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств[3]. На примере современного автомобиля проанализируем специфику образования цифровых следов.

Научно-технический прогресс коснулся и продуктов автомобильной промышленности, которые в настоящее время оборудуются электронной системой, которая позволяет контролировать и управлять механическими, пневматическими и гидравлическими системами

---

[1] Cybercrime Module 4 Key Issues: Digital Evidence. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-4/key-issues/digital-evidence.html.

[2] *Пастухов П.С.* Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 625.

[3] Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/.

автомобиля. Основу электронной системы автомобиля составляют несколько элементов: электронная система управления автомобилем (ЭСУА); электронная система управления двигателем (ЭСУД) по контролю за впрыском топлива и зажиганием; специализированная бортовая система автомобиля (СБСА), включающая противоугонную систему и информационную систему водителя; локальные вычислительные сети (ЛВС)[1], представляющие собой мультиплексные системы, благодаря которым обеспечивается передача данных между узлами. Следователю необходимо иметь представление о работе электронной системы автомобиля для того, чтобы понимать характер действий специалиста на месте происшествия, давать ему конкретные указания по предварительному исследованию узлов автомобиля, а также быть информированным о возможностях автотехнической экспертизы и не испытывать затруднений при формулировании вопросов эксперту в рамках назначения указанной выше судебной экспертизы.

ЭСУА включает в себя системы как активной, так и пассивной безопасности. Система активной безопасности направлена на повышение управляемости автомобилем и включает в себя, в частности, антиблокировочную систему (ABS), действие которой направлено на недопущение блокировки колес во время экстренного торможения. Благодаря данной системе автомобиль начинает тормозить прерывисто, что препятствует уходу транспортного средства в неуправляемый занос.

ЭСУА дополняет система распределения тормозных сил (EBD), которая оптимизирует длину тормозного пути, уменьшая его. Это происходит благодаря работе датчиков вращения колес, которые позволяют дифференцировать тормозную силу на каждое колесо в зависимости от характера поверхности, на которой находится та или иная шина.

Еще одной составляющей активной безопасности автомобиля является система курсовой устойчивости (ESP). Данная система обеспечивает управляемость транспортным средством при поворотах, торможении благодаря работе датчиков, которые, срабатывая, притормаживают определенные колеса, препятствуя сносу транспортного средства или уходу его в занос.

Система экстренного торможения (BA), дополняя ЭСУА, оказывает помощь водителю в сокращении тормозного пути в случае экстренного торможения. Это происходит благодаря дожиманию педали тормоза, когда водитель во время движения резко нажал на нее.

В зависимости от марки, модели, комплектации автомобили могут оборудоваться и другими составляющими ЭСУА – противобуксовоч-

[1] *Коваленко О.Л.* Электронные системы автомобилей: учеб. пособие. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. С. 3.

ной системой (ASR), системой помощи при спуске (HDC), системой распознавания опрокидывания (ARP), системой предотвращения фронтального столкновения (CMSF), системой контроля давления в шинах (TPMS) и иными. В любом случае данные системы действуют благодаря множеству датчиков, которые встроены в ЭСУА.

Как уже было замечено ранее, электронную систему управления автомобилем дополняет также система пассивной безопасности (SRS), которая включает в себя установленные в транспортном средстве ремни и подушки безопасности, датчики фиксации удара или наклона.

В ходе эксплуатации транспортного средства описанные выше системы запускаются и начинают функционировать. Датчики систем, получая информацию при движении автомобиля и обрабатывая ее, посылают сигналы в блоки управления, тем самым внося изменения в окружающую среду, что приводит к появлению цифровых следов. Сохранение данных зависит от наличия в автомобиле так называемого регистратора данных о событии автомобиля – *Event Data Recorder* (EDR), под которым понимается совокупность электронных блоков управления систем автомобиля, в которых имеется функция записи событий. Согласно одному из источников регистраторы указанного вида впервые были разработаны компанией *General Motors* в 1974 г.[1] Однако массово EDR стал устанавливаться в транспортные средства позднее: *Volvo* (с 1994 г.); *Isuzu* (с 2000 г.); *Ford*, *Mercury*, *Lincoln*, *Chrysler* и *Toyota* (с 2001 г.); *Hyundai* (с 2003 г.); *Saab* (с 2005 г.)[2]. Согласно стандарту GB39732-2020 в Китае с 2022 г. автомобили оснащаются регистраторами указанного типа, а в Европе с июля 2024 г. установка EDR в транспортные средства является обязательной. В России требование об оснащении автомобилей регистраторами данных о событии отсутствует, тем не менее некоторые производители его выполняют, что подтверждается наличием в руководствах по эксплуатации автомобилей, выпускаемых на территории Российской Федерации, записей, например, *Jetour 90 X90 Plus*[3] или *Evolute i-Space*[4] об установленной в транспортном средстве системе записи данных о событии.

---

[1] *Duncan A.* Event Data Recorders and Collision Investigation. URL: https://www.experts.com/articles/event-data-recorders-and-collision-investigation-by-warren-forensic-engineers.

[2] *Сараев А.В., Данец С.В., Комов Е.А., Волков Ю.В.* Исследования дорожно-транспортного происшествия с использованием современной информационной системы // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2014. Т. 2. № 3-1 (8-1). С. 300.

[3] Руководство по эксплуатации Jetour 90 X90 Plus. URL: https://jetour-autoprodix.ru/media-link/x90-plus-manual?ysclid=ml6j1id3av329200310.

[4] Руководство по эксплуатации Evolute i-Space. URL: https://www.evolute.ru/media-link/i-space-manual.

Регистратор данных о событии автомобиля позволяет при столкновениях, опрокидываниях при ДТП или в условиях, приближенных к аварии, сохранять (в зависимости от автопроизводителя) до нескольких десятков параметров движущегося транспортного средства. Такими параметрами, как правило, являются следующие:

1) идентификационный номер автомобиля (VIN);

2) состояние защелки замка ремней безопасности водителя и пассажиров (ремень застегнут или нет);

3) состояние включения сигнальной лампы фронтальной подушки безопасности;

4) развертывание подушек безопасности водителя и пассажира;

5) показания спидометра (скорость движения автомобиля, скорость движения при аварии);

6) частота вращения коленчатого вала двигателя;

7) угол поворота рулевого колеса;

8) положение рычага переключения передач;

9) степень нажатия педали акселератора, тормоза;

10) время включения систем экстренного торможения;

11) состояние систем ABS, ESP, SRS;

12) сигналы от датчиков света и дождя;

13) количество событий при аварии;

14) время между первыми двумя столкновениями;

15) угол крена автомобиля при опрокидывании[1].

Данные электронной системы автомобиля в зависимости от автопроизводителя регистратор может записывать или непрерывно, или при наступлении события: изменение скорости транспортного средства в продольном или поперечном направлении; срабатывание датчика удара; раскрытие подушки безопасности; выдвижение активного капота авто. Если фиксация события осуществляется непрерывно, то при заполнении памяти EDR данные перезаписываются. В случае включения регистратора в момент наступлении события записывается, как правило, период времени, охватывающий от 5 до 20 секунд до момента столкновения (опрокидывания), заканчивая 1-й секундой после него, что, однако, достаточно для того, чтобы установить важные обстоятельства дорожно-транспортного происшествия.

Вместе с тем необходимо помнить о том, что в ходе расследования дорожно-транспортных преступлений цифровые следы, содержащиеся в электронной системе управления автомобилем, необходимо не только зафиксировать, но и изъять и исследовать. Классические технико-криминалистические средства в этом случае не позволяют решить

[1] Регистратор данных о событии. URL: https://sudexpertiza.by/assets/docs/8vist/pre.pdf.

поставленные задачи. Для работы со следами такого вида разработаны и применяются специальные универсальные комплексы. К таковым, в частности, относятся комплекс *Vetronix*, аппаратно-программный комплекс *Bosch Crash Data Retrieval Tool*, устройство для извлечения данных *CrashCube* компании *Launch*, *PC-Crash*. Также в настоящее время разработаны комплексы для работы с цифровыми данными EDR отдельных автопроизводителей: *GIT Hyundai Kia EDR 2.0 Tool*, *Tesla EDR Retrieval Tool*[1].

Комплектация стандартного аппаратно-программного комплекса включает в себя ноутбук со специализированным программным обеспечением, интерфейс-модуль, USB-кабель. Также комплекс отдельно может дополняться комплектом кабелей и адаптеров для соединения с блоком управления. Это позволяет обеспечить доступ к предаварийным и аварийным данным транспортных средств.

Подключение к автомобилю для получения сведений с регистратора данных о событии автомобиля осуществляется несколькими способами:

1) через канал связи для передачи данных, т.е. через диагностический разъем автомобиля (SAE J1962, OBD-II);

2) путем прямого соединения, используя контактные клеммы, с платой регистратора для извлечения необработанных двоичных кодов[2].

Также технически данные могут быть извлечены через кабель, подключенный напрямую к электронному блоку управления, однако экспертами данный способ не рекомендуется по причине невозможности в дальнейшем проверки факта внесения изменения в данные.

Выгруженная из блока управления цифровая информация представляет собой образ памяти блока управления. Следует отметить, что приведенные выше способы извлечения данных, во-первых, не искажают извлекаемую информацию, а во-вторых, дают возможность при необходимости получить образ цифровой информации повторно.

Программное обеспечение аппаратно-программных комплексов позволяет не только обработать полученную информацию, но и представить данные в табличном виде, например: изменение скорости автомобиля до ДТП, изменение скорости транспортного средства после ДТП, показатели числа оборотов двигателя, педалей газа и тормоза.

---

[1] Crash Data Group Company products. URL: https://crashdatagroup.com/collections/hyundai-kia-edr-tools.

[2] *Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н.* Использование данных информационных систем транспортных средств при расследовании преступлений // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 57.

Необходимо отметить, что за рубежом данные регистраторов данных о событии автомобиля используются в доказывании по уголовным делам. Имеются примеры из судебной практики Австралии, Канады, США, Великобритании, когда на основе указанных данных судами принимались итоговые решения.

В России отсутствует практика активного использования записей EDR в следственно-судебной практике. Обусловлено это прежде всего тем, что экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел не обеспечены оборудованием, а также программным обеспечением для извлечения и анализа данных EDR. Кроме того, у специалистов-криминалистов отсутствуют умение и навыки по использованию указанного оборудования. Игнорирование записей EDR субъектами расследования происходит и по причине отсутствия взаимодействия между отечественными автопроизводителями, официальными дилерами и правоохранительными органами, хотя в этом должны быть заинтересованы обе стороны: у правоохранительных органов имелась бы возможность привлекать для работы на месте происшествия и проведения дальнейших исследований специалистов по обслуживанию автомобилей с имеющимся у них специализированным оборудованием, а автопроизводители, получая информацию о механизме ДТП, могли бы использовать эти данные в целях совершенствования конструктивных элементов моделей транспортных средств, а также систем активной и пассивной безопасности автомобилей.

Итак, на примере цифровых следов, которые формируются в ходе работы электронной системы управления автомобилем, мы хотели обратить внимание на следующий факт: в процессе расследования преступлений необходимо обязательно проводить работу по собиранию и исследованию цифровых данных. Мы убеждены, что использование цифровых следов в доказывании по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях будет способствовать повышению эффективности расследования, в том числе за счет расширения возможностей расследования.

Использование цифровых данных в расследовании ДТП не снимает обязанности по собиранию трасологических следов. В любом случае доказывание требуется осуществлять на основе совокупности доказательств. Необходимо осознавать, что цифровые следы не являются заменой трасологическим следам, а дополняют их, помогают избежать ошибок при установлении механизма дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, при анализе обстоятельств дорожно-транспортного происшествия важное значение имеет установление объективных параметров движения транспортного средства на момент ДТП и до

него. Очевидно, что использование при расследовании дорожно-транспортных преступлений информации, зафиксированной электронными системами управления транспортного средства, позволяет более полно, объективно и беспристрастно установить механизм происшествия, роль и влияние на ход его развития водителя транспортного средства. Не следует забывать, что эти данные требуют своего подтверждения и должны рассматриваться в совокупности с иными собранными по делу доказательствами.

Библиографический список

Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н. Использование данных информационных систем транспортных средств при расследовании преступлений // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 55–60.

Головчанский А.В. Использование данных электронных систем безопасности и управления транспортного средства при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 165–170.

Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 25 (4). С. 175–192.

Сараев А.В., Данец С.В., Комов Е.А., Волков Ю.В. Исследования дорожно-транспортного происшествия с использованием современной информационной системы // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2014. Т. 2. № 3-1 (8-1). С. 297–306.

Коваленко О.Л. Электронные системы автомобилей: учеб. пособие / О.Л. Коваленко; Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 80 с.

Пастухов П.С. Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 622–639.

Смушкин А.Б., Вехов В.Б. Криминалистическое исследование высокоавтоматизированных транспортных средств // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 2. С. 423–438.

Duncan A. Event Data Recorders and Collision Investigation. URL: https://www.experts.com/articles/event-data-recorders-and-collision-investigation-by-warren-forensic-engineers.

Krivitski A.M., Zaluzhny G.I., Zaluzhnaya O.G., Zasimovich E.A. Car electronic systems diagnostics // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (41). P. 160–164.

Crash Data Group Company products. URL: https://crashdatagroup.com/collections/hyundai-kia-edr-tools.

Cybercrime Module 4 Key Issues: Digital Evidence. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-4/key-issues/digital-evidence.html.

УДК 343.1

ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

А.С. Холоимова
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: vasilenko_as@pfur.ru

Аннотация. В статье исследуется потенциал применения искусственного интеллекта (ИИ) в медиации по уголовным делам. Анализируются технологические, правовые и этические аспекты внедрения ИИ-систем в процедуры восстановительного правосудия. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал ИИ в автоматизации анализа дел, предварительной оценке конфликтов и поддержке принятия решений. Рассматриваются конкретные примеры применения ИИ-систем в медиации, включая анализ эмоционального состояния участников, выявление медиабельности споров и подготовку медиативных предложений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиация, уголовное правосудие, восстановительное правосудие, цифровая трансформация, автоматизация, кибербезопасность, этические аспекты, правовая интеграция, гибридные модели.

THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDIATION OF CRIMINAL CASES

A.S. Kholoimova
Peoples Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba.
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198.
E-mail: vasilenko_as@pfur.ru

Abstract. The article examines the potential of applying artificial intelligence (AI) in mediation of criminal cases. The technological, legal, and ethical aspects of implementing AI systems in restorative justice procedures

are analyzed. The research results demonstrate significant potential of AI in automating case analysis, preliminary conflict assessment, and decision-making support. Specific examples of AI system application in mediation are considered, including analysis of participants' emotional states, identification of mediation suitability of disputes, and preparation of mediation proposals.

Keywords: artificial intelligence, mediation, criminal justice, restorative justice, digital transformation, automation, cybersecurity, ethical aspects, legal integration, hybrid models.

Современная юридическая практика переживает фундаментальную трансформацию под воздействием цифровых технологий. Искусственный интеллект открывает беспрецедентные возможности для модернизации процедур медиации в уголовных делах, обещая повысить эффективность, доступность и справедливость восстановительного правосудия. Внедрение этих технологий может кардинально изменить подходы к разрешению конфликтов, однако требует осмысления правовых, этических и практических аспектов их применения.

Методологическая база исследования предполагает четкую терминологическую дифференциацию ключевых понятий. Искусственный интеллект представляет собой комплексную научную область, направленную на разработку компьютерных систем, способных к обработке информации и формированию выводов на ее основе. Нейронные сети выступают одним из инструментов реализации искусственного интеллекта, представляя собой многоуровневую структуру взаимосвязанных искусственных нейронов.

Искусственный интеллект в контексте медиации по уголовным делам представляет собой комплекс технологий, способных автоматизировать анализ дел, обеспечивать предварительную оценку конфликтов и поддерживать принятие решений. Современные системы способны обрабатывать большие объемы данных, выявлять закономерности в исходах медиативных процедур и предлагать персонализированные подходы к разрешению споров[1].

Основой применения ИИ в медиации служит концепция «усиленного интеллекта» (*enhanced intelligence*), которая предполагает не за-

[1] См.: *Westermann H., Savelka J., Benyekhlef K.* LLMediator: GPT-4 Assisted Online Dispute Resolution. URL: https://arxiv.org/pdf/2307.16732; *Collini E., Nesi P., Raffaelli C., Scandiffio F.* Explainable Artificial Intelligence for Agile Mediation Propensity Assessment // IEEE Access. 2024. Vol. 12. P. 37782–37798. DOI: 10.1109/ACCESS.2024.3375766; *Bernhardt W.* The Use of Artificial Intelligence in the Field of Justice. URL: https://www.nomos-elibrary.de/index.php?doi=10.5771/9783748926979-173.

мещение человеческого участия, а его дополнение технологическими решениями. Такой подход позволяет сохранить центральную роль медиатора, одновременно расширяя его возможности через доступ к аналитическим инструментам и базам данных[1].

Цифровизация правосудия предполагает интеграцию инновационных технологий в судебную систему. Инициативы Верховного Суда РФ и Совета судей России свидетельствуют о готовности профессионального сообщества к внедрению элементов «слабого искусственного интеллекта» в судопроизводственный процесс.

Современные платформы на базе ИИ демонстрируют впечатляющие возможности автоматизации медиативных процессов. Система *LLMediator*, использующая возможности GPT-4, способна переформулировать сообщения участников конфликта, готовить черновики медиативных предложений и поддерживать ход переговоров в режиме реального времени. В зарубежных странах уже внедрены ИИ-медиаторы, которые либо полностью, либо частично заменяют собой живого медиатора. Такие ИИ-медиаторы круглосуточно без отпусков и больничных в режиме онлайн готовы провести процесс медиации от первичной консультации до заключения соглашения. Наиболее интересным с диагностической точки зрения является аспект анализа потенциальной медиабельности спора[2].

В этом плане заслуживает внимания зарубежный опыт, в частности проект «Giustizia Agile». Координируемый итальянским Университетом Тосканы и поддерживаемый Министерством юстиции Италии, он продемонстрировал любопытные возможности, которые предоставляет искусственный интеллект с точки зрения в том числе и оценки медиабельности спора. Созданная система позволяет проанализировать документы сторон и в результате определить ключевые аспекты спора, а также сформировать проекты мотивированных рекомендаций для судей. При этом система принимает во внимание обстоятельства, которые могут способствовать успешному примирению, в том числе при помощи медиации и других программ[3].

В Российской Федерации анонсирован суперсервис «Правосудие онлайн». Этот сервис был запланирован как комплексная платформа,

---

[1] *Поляков В.В.* К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 21–28. DOI: https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2504.

[2] *Westermann H., Savelka J., Benyekhlef K.* LLMediator: GPT-4 Assisted Online Dispute Resolution. URL: https://arxiv.org/pdf/2307.16732.

[3] *Collini E., Nesi P., Raffaelli C., Scandiffio F.* Explainable Artificial Intelligence for Agile Mediation Propensity Assessment // IEEE Access. 2024. Vol. 12. P. 37782–37798. DOI: 10.1109/ACCESS.2024.3375766.

в рамках которой объединены государственные и негосударственные сервисы, предоставляющие широкие возможности оперативной и безопасной коммуникации участников процесса[1]. Он позволяет интегрировать биометрическую аутентификацию, внедрить интерактивного помощника для упрощения заполнения заявлений, а также обеспечить возможность удаленного участия в процедурах.

Применение блокчейн-технологий позволит существенно повысить уровень безопасности и прозрачности медиативных процессов. Интеграция распределенных реестров позволяет создавать неизменяемые записи о ходе переговоров, гарантировать конфиденциальность данных и автоматизировать исполнение медиативных соглашений через смарт-контракты[2].

Практика зарубежных стран позволяет прийти к выводу, что системы обработки естественного языка способны анализировать тональность сообщений участников, выявлять эмоциональное состояние сторон и предлагать корректировки коммуникационных стратегий. Это особенно важно в уголовных делах, где эмоциональная составляющая конфликта часто препятствует конструктивному диалогу между потерпевшим и правонарушителем[3].

Этические вызовы применения ИИ в медиации по уголовным делам затрагивают фундаментальные принципы правосудия. Восстановительное правосудие основывается на человеческих качествах эмпатии, сострадания и духовности. Однако исследования показывают, что современный ИИ способен эффективно распознавать и анализировать человеческие эмоции, включая невербальные сигналы, определять эмоциональное состояние по выражению лица и анализировать голосовые характеристики[4].

Проблема ответственности остается центральным вызовом интеграции ИИ в медиативные процедуры. Неопределенность в распределении ответственности за рекомендации и возможные ошибки системы создает правовую неопределенность. В традиционной медиации решение принимают сами стороны, а медиатор лишь способствует достижению

---

[1] *Бурдина Е.В., Капустин О.А.* Онлайн примирение как средство повышения доступа к правосудию // Право и политика. 2021. № 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.12.37170.

[2] *Demertzis K., Rantos K., Magafas L., Skianis C., Iliadis L.* A Secure and Privacy-Preserving Blockchain-Based XAI-Justice System // Information. 2023. Vol. 14. P. 477. DOI: https://doi.org/10.3390/info14090477.

[3] *Westermann H., Savelka J., Benyekhlef K.* LLMediator: GPT-4 Assisted Online Dispute Resolution. URL: https://arxiv.org/pdf/2307.16732.

[4] *Junaidi J.* Artificial Intelligence in The Implementation Of Criminal Case Settlement Law Using Restorative Justice Based On Progressive Law // ICL-C EAI. 2025. DOI: 10.4108/eai.11-11-2023.2351325. URL: http://eudl.eu/doi/10.4108/eai.11-11-2023.2351325.

взаимоприемлемого результата. Поскольку ответственность за итоговое решение изначально лежит не на медиаторе, ее невозможно возложить и на искусственный интеллект[1].

Кибербезопасность представляет серьезный риск утечки конфиденциальной информации. ИИ подвержен риску кибератак и системных сбоев, что ставит под сомнение защищенность конфиденциальных данных. Однако ответственность за разглашение информации остается на участниках процедуры, а за утечку данных – на сотрудниках, отвечающих за информационную безопасность[2].

Справедливость решений может быть нарушена из-за потенциальной предвзятости, основанной на обучающих данных. Системы ИИ уязвимы для искажений, присутствующих в данных для обучения. Вместе с тем исследования показывают, что при должной подготовке нейросетей ИИ демонстрирует впечатляющие результаты и может превосходить живых медиаторов в обеспечении нейтральности и беспристрастности[3].

Российское законодательство содержит лишь фрагментарные нормы о применении цифровых технологий в правосудии. Существующее законодательство о медиации практически не затрагивает уголовную сферу, ограничиваясь гражданскими и административными спорами. Отсутствует комплексное регулирование использования ИИ в медиативных процедурах, что создает правовую неопределенность[4].

---

[1] *Степанов С.К.* Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 2. С. 14–30. DOI: https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30; *Балалаева Ю.С.* К вопросу о презумпции опасности искусственного интеллекта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 177–182. DOI: https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-177-182.

[2] *Безверхов А.Г., Юдин А.В.* Биометрия и право: вопросы теории и права // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 1. С. 7–8.

[3] *Кобленков А.Ю.* О перспективах использования цифровизации и искусственного интеллекта в качестве технологий обеспечения личной безопасности граждан и сотрудников полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 147–152. DOI: https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-147-152.

[4] См.: *Лаптев В.А.* Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 180–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186; *Корнакова С.В., Мищенко Е.В., Мишин В.В.* Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 176–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.176-186; *Туранин В.Ю., Яковлев Д.В., Посохова Я.В.* Медиация в России: перспективы и альтернативы // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 1. С. 90–97. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97; *Арзуманова Л.Л.* Медиация как альтернативная форма досудебного урегулирования налогового спора: доктринальные подходы и правоприменительная практика // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 156–166. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).156-166.

Конституционные гарантии права на справедливое судебное разбирательство требуют пересмотра такого подхода в контексте применения автоматизированных систем принятия решений. Необходимо обеспечить соблюдение принципов состязательности, равенства сторон и презумпции невиновности при использовании ИИ.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 1 судебное примирение должно проводиться в здании суда, что при малом количестве судебных примирителей объективно затрудняет доступ граждан к средствам судебного примирения[1]. Цифровые коммуникации могли бы расширить доступ к инфраструктуре правосудия.

Зарубежные юрисдикции демонстрируют различные подходы к интеграции ИИ в медиативные процедуры. Европейский союз разрабатывает комплексное регулирование применения искусственного интеллекта в системе правосудия, включая требования к прозрачности, подотчетности и человеческому контролю над автоматизированными решениями[2].

Департамент ООН по политическим вопросам и миростроительству проводит эксперименты по использованию искусственного интеллекта в дипломатическом посредничестве, реализуя проекты консультационной поддержки с применением ИИ в Йемене, Ливии и ряде других государств. Технологии искусственного интеллекта позволяют посредникам анализировать значительные массивы текстовой информации, выявлять позиции сторон и находить возможные точки соприкосновения, автоматически выделяя ключевые темы переговоров и области совпадения интересов.

В Соединенных Штатах активно развивается применение технологий разрешения споров онлайн (ODR) в судебной системе. Так, платформы наподобие *JusticeBot* предоставляют гражданам цифровые инструменты, позволяющие самостоятельно оценивать правовую ситуацию и готовиться к процедурам медиации[3].

Существенных результатов в сфере восстановительного правосудия достигла Новая Зеландия: соответствующие программы позволили со-

---

[1] *Капустин О.А.* Организация судебной деятельности в современный период: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 100 с.

[2] *Pięta K.* Artificial Intelligence in Mediation and Arbitration // ADR Arbitraż i mediacja. 2025. Vol. 16. № 2. P. 87–103. DOI: 10.17951/adr.2023.2.87-103.

[3] См.: *Alessa H.* The role of Artificial Intelligence in Online Dispute Resolution: A brief and critical overview // Information & Communications Technology Law. 2022. Vol. 31. № 3. P. 319–342. DOI: 10.1080/13600834.2022.2088060; *Westermann H., Benyekhlef K.* JusticeBot: A Methodology for Building Augmented Intelligence Tools for Laypeople to Increase Access to Justice // Nineteenth International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL 2023). Braga, 2023. ACM, New York, 2023. P. 1–10. DOI: 10.1145/3594536.3595166.

кратить уровень повторной преступности среди их участников до 17%. Хотя искусственный интеллект непосредственно в этих практиках пока не применяется, накопленный опыт демонстрирует эффективность комплексного подхода к урегулированию конфликтов.

Как отмечается на платформе *AI Mediation Dispute Resolution*, использование искусственного медиатора обладает рядом преимуществ по сравнению с участием человека: такие системы функционируют круглосуточно без выходных и праздничных дней, а стоимость процедуры значительно ниже. Вместе с тем возможности искусственного медиатора в настоящее время ограничиваются преимущественно рассмотрением несложных и малозначительных споров.

Важнейшим условием успешного проведения медиации является выявление подлинных интересов сторон, поскольку именно они во многом определяют медиабельность конфликта. Сложность состоит в том, что нередко сами участники спора не до конца осознают собственные истинные интересы. Это связано с особенностями человеческой психики, взаимодействием сознательных и бессознательных процессов, а также с действием психологической защиты или корыстных мотивов, способных маскировать реальные потребности сторон.

В этой связи искусственный интеллект может стать значительным инструментом поддержки медиатора при определении медиабельности спора. Использование ИИ для предварительной работы со сторонами и выявления их действительных интересов способно существенно снизить нагрузку на медиатора-человека и повысить результативность медиационной процедуры.

Так, например, в деле о хищении дорогостоящего велосипеда потерпевший может занимать жесткую позицию, настаивая на максимально строгом наказании виновного. Однако более детальный анализ ситуации может показать, что велосипед был приобретен в кредит и фактические финансовые трудности побуждают потерпевшего добиваться денежной компенсации, превышающей его рыночную стоимость.

В зарубежной практике уже применяются системы искусственного интеллекта, позволяющие оценивать медиабельность конфликтов. На подготовительном этапе такие системы анализируют позиции участников и прогнозируют перспективы применения медиации. Современные исследования также подтверждают способность ИИ осуществлять глубокий анализ межличностных конфликтов и эффективно участвовать в медиационных процедурах с участием нескольких сторон.

Развитие технологий свидетельствует о том, что нейросетевые системы постепенно осваивают сферы, традиционно связанные с психо-

логической деятельностью человека. Российские проекты, в частности нейросеть «Нейро Петр», демонстрируют возможности применения ИИ в психологическом консультировании, включая предоставление базовых рекомендаций и постановку наводящих вопросов, способствующих самоанализу.

Российская правовая система пока находится на начальной стадии осмысления потенциала использования искусственного интеллекта в медиации по уголовным делам. При разработке стратегии внедрения подобных технологий необходимо учитывать особенности национальной правовой культуры и традиции централизованной организации правосудия. В качестве пилотных проектов целесообразно рассматривать дела о преступлениях небольшой тяжести, а также правонарушения несовершеннолетних[1].

Одним из возможных промежуточных решений может стать формирование специализированных центров медиации с использованием технологий искусственного интеллекта. Такие центры могли бы выступать связующим звеном между традиционной судебной системой и потенциальной автоматизацией отдельных процедур, обеспечивая контролируемую среду для тестирования технологий и подготовки специалистов[2].

Интеграция подобных решений с Единой информационной системой обеспечения деятельности судов позволит создать комплексную цифровую платформу, предназначенную для анализа уголовных дел и поддержки процессов принятия правовых решений. Электронный формат примирения с использованием возможностей судебной цифровой платформы востребован не только по причине санитарно-эпидемиологических ограничений, но и из-за организационных проблем, связанных с недостаточным количеством судебных примирителей[3].

Тенденция к увеличению обращений к суду и ежегодное возрастание количества дел заставляют пересмотреть представление о судебной защите как об основной форме разрешения спора. По мнению Консультативного совета европейских судей, элементом механизма

---

[1] *Шестакова Л.А.* Заключение медиативного соглашения как новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования) в отношении несовершеннолетних // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 122–126. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-122-126.

[2] *Flora H.S., Aspan H.* Restorative Justice in the Digital Era: Criminal Law Mediation Through Online Platforms // Jurnal Nawala. 2025. Vol. 2. № 6. P. 26–37. DOI: 10.62872/mb21wr19.

[3] *Бегичев А.В.* Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 2. С. 485–500. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-485-500.

доступа к правосудию является система внесудебной мирной юрисдикции[1].

Подготовка кадров требует разработки специальных образовательных программ для медиаторов, судей и сотрудников правоохранительных органов. Необходимо формирование компетенций в области цифровых технологий и этики ИИ[2].

Партнерство с технологическими компаниями и научными организациями может ускорить разработку отечественных решений, адаптированных к специфике российского права. Важно обеспечить импортозамещение критически важных технологий[3].

Аспект	Возможности	Риски и вызовы	Решения
Технологические	Круглосуточная доступность, низкая стоимость, анализ эмоций	Кибербезопасность, системные сбои	Блокчейн, многоуровневая защита данных
Правовые	Снижение нагрузки на суды, повышение доступности	Отсутствие регулирования, неопределенность ответственности	Разработка специального законодательства
Этические	Беспристрастность, отсутствие предрассудков	Дефицит эмпатии, алгоритмическая предвзятость	Гибридные модели, человеческий контроль
Практические	Выявление истинных интересов, автоматизация процессов	Сопротивление внедрению, недостаток кадров	Поэтапное внедрение, обучение специалистов

Потенциал искусственного интеллекта в медиации по уголовным делам представляет собой многогранное явление, объединяющее значительные технологические возможности с серьезными правовыми и этическими вызовами. Анализ показывает, что современные системы ИИ уже способны эффективно выполнять многие функции медиатора: от анализа документов и выявления истинных интересов сторон до проведения полноценных медиативных процедур.

---

[1] *Бурдина Е.В., Капустин О.А.* Онлайн примирение как средство повышения доступа к правосудию. Право и политика. 2021. № 12. С. 29–45.

[2] *Hutagalung T.S.* The Effectiveness of Restorative Justice Implementation in the Juvenile Criminal Justice System in Indonesia // Jurnal Smart Hukum (JSH). 2023. Vol. 2. № 1. P. 37–46. DOI: 10.55299/jsh.v2i1.1353.

[3] *Кобленков А.Ю.* О перспективах использования цифровизации и искусственного интеллекта в качестве технологий обеспечения личной безопасности граждан и сотрудников полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 147–152. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-1-147-152.

Зарубежный опыт демонстрирует практическую применимость ИИ в различных аспектах разрешения конфликтов – от локальных споров до международных дипломатических переговоров. Системы искусственного интеллекта показывают способность к эмоциональному анализу, беспристрастности и круглосуточной доступности, что может существенно расширить доступ к медиативным услугам.

Однако успешная интеграция ИИ в российскую систему медиации по уголовным делам требует комплексного решения правовых вопросов. Необходима разработка специального законодательства, определяющего статус ИИ-систем, механизмы распределения ответственности и гарантии защиты прав участников процедуры.

Этические аспекты применения технологий требуют особого внимания к сохранению гуманистических ценностей восстановительного правосудия при использовании автоматизированных систем. Гибридные модели, сочетающие возможности ИИ с человеческим контролем, представляются наиболее перспективными для практической реализации.

Российская правовая система имеет возможность извлечь уроки из международного опыта и разработать собственную модель применения ИИ в медиации, учитывающую национальные особенности и правовые традиции. Поэтапное внедрение технологий с постоянным мониторингом результатов позволит минимизировать риски и максимизировать пользу от цифровой трансформации системы правосудия.

Библиографический список

Арзуманова Л.Л. Медиация как альтернативная форма досудебного урегулирования налогового спора: доктринальные подходы и правоприменительная практика // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 156–166. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).156-166.

Балалаева Ю.С. К вопросу о презумпции опасности искусственного интеллекта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 177–182. DOI: https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-177-182.

Бегичев А.В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 2. С. 485–500. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-485-500.

Безверхов А.Г., Юдин А.В. Биометрия и право: вопросы теории и права // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 1. С. 7–8.

Бурдина Е.В., Капустин О.А. Онлайн-примирение как средство повышения доступа к правосудию. Право и политика. 2021. № 12. С. 29–45.

Капустин О.А. Организация судебной деятельности в современный период: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 100 с.

Кобленков А.Ю. О перспективах использования цифровизации и искусственного интеллекта в качестве технологий обеспечения личной безопасности граждан и сотрудников полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 147–152. DOI: https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-147-152.

Корнакова С.В., Мищенко Е.В., Мишин В.В. Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 176–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.176-186.

Лаптев В.А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 180–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186.

Поляков В.В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 21–28. DOI: https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2504.

Степанов С.К. Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 2. С. 14–30. DOI: https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30.

Туранин В.Ю., Яковлев Д.В., Посохова Я.В. Медиация в России: перспективы и альтернативы // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 1. С. 90–97. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97.

Шестакова Л.А. Заключение медиативного соглашения как новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования) в отношении несовершеннолетних // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 122–126. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-122-126.

Alessa H. The role of Artificial Intelligence in Online Dispute Resolution: A brief and critical overview // Information & Communications Technology Law. 2022. Vol. 31. № 3. P. 319–342. DOI: 10.1080/13600834.2022.2088060.

Bernhardt W. The Use of Artificial Intelligence in the Field of Justice. URL: https://www.nomos-elibrary.de/index.php?doi=10.5771/9783748926979-173.

Collini E., Nesi P., Raffaelli C., Scandiffio F. Explainable Artificial Intelligence for Agile Mediation Propensity Assessment // IEEE Access. 2024. Vol. 12. P. 37782–37798. DOI: 10.1109/ACCESS.2024.3375766.

Demertzis K., Rantos K., Magafas L., Skianis C., Iliadis L. A Secure and Privacy-Preserving Blockchain-Based XAI-Justice System // Information. 2023. Vol. 14. P. 477. DOI: https://doi.org/10.3390/info14090477.

Flora H.S., Aspan H. Restorative Justice in the Digital Era: Criminal Law Mediation Through Online Platforms // Jurnal Nawala. 2025. Vol. 2. № 6. P. 26–37. DOI: 10.62872/mb21wr19.

Hutagalung T.S. The Effectiveness of Restorative Justice Implementation in the Juvenile Criminal Justice System in Indonesia // Jurnal Smart Hukum (JSH). 2023. Vol. 2. № 1. P. 37–46. DOI: 10.55299/jsh.v2i1.1353.

Junaidi J. Artificial Intelligence in The Implementation of Criminal Case Settlement Law Using Restorative Justice Based on Progressive Law // ICL-C EAI. 2025. DOI: 10.4108/eai.11-11-2023.2351325. URL: http://eudl.eu/doi/10.4108/eai.11-11-2023.2351325.

Pięta K. Artificial Intelligence in Mediation and Arbitration // ADR Arbitraż i mediacja. 2025. Vol. 16. № 2. P. 87–103. DOI: 10.17951/adr.2023.2.87-103.

Westermann H., Benyekhlef K. JusticeBot: A Methodology for Building Augmented Intelligence Tools for Laypeople to Increase Access to Justice // Nineteenth International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL 2023). Braga, 2023. ACM, New York, 2023. P. 1–10. DOI: 10.1145/3594536.3595166.

Westermann H., Savelka J., Benyekhlef K. LLMediator: GPT-4 Assisted Online Dispute Resolution. URL: https://arxiv.org/pdf/2307.16732.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.А. Шадрин
Аспирант Высшей школы права.
Югорский государственный университет.
628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16.
E-mail: shadrin_ma_1985@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы доказывания в суде присяжных, обусловленные развитием современных технологий. Развитие информационных технологий и искусственного интеллекта может как облегчить выполнение присяжными заседателями своей функции, так и создать им затруднения в процессе принятия объективных решений по уголовным делам. Кроме того, развитие искусственного интеллекта может поставить под сомнение целесообразность сохранения института присяжных заседателей. Обоснована необходимость разработки и реализации дополнительных мер защиты присяжных заседателей от незаконного воздействия и гарантий принятия ими объективных решений.

Ключевые слова: правосудие, суд присяжных, объективность, информационные технологии, искусственный интеллект, незаконное воздействие, меры защиты присяжных заседателей.

PROBLEMS OF PROVING IN JURY TRIALS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF MODERN TECHNOLOGIES

M.A. Shadrin
Ugra State University.
16, Chekhova str., Khanty-Mansiysk, 628012, Russia.
E-mail: shadrin_ma_1985@mail.ru

Abstract. The article discusses the actual problems of proving in the jury trial caused by the development of modern technologies. The development of information technology and artificial intelligence can both make it easier for jurors to perform their functions and make it difficult for them to make objective decisions in criminal cases. In addition, the development of artificial intelligence may call into question the expediency of maintaining the

institution of jurors. The necessity of developing and implementing additional measures to protect jurors from undue influence and guarantees for their objective decision making is substantiated.

Keywords: justice, jury trial, objectivity, information technologies, artificial intelligence, undue influence, measures to protect jurors.

Современные технологии, в том числе искусственный интеллект, создавая новые возможности для развития общества и улучшения условий жизни человека, сказываются и на функционировании системы уголовного судопроизводства. Пока сложно спрогнозировать, как будет трансформироваться система уголовного судопроизводства под влиянием этих технологий, однако, как отмечают исследователи, не исключено, что в будущем меры правового принуждения будут применяться не только к лицу, которое уже совершило преступление, но и к тем лицам, которые в будущем с высокой вероятностью могут совершить преступление, при этом вывод о наличии такой вероятности будет формулироваться искусственным интеллектом на основе анализа большого массива сведений о поведении данных лиц[1].

Современные информационные технологии уже применяются при совершении преступлений, для противодействия расследованию преступлений, для повышения эффективности работы по представлению доказательств в ходе судебного следствия. В настоящее время искусственный интеллект используется, к примеру, для создания так называемых глубоких подделок («дипфейков»), создания и распространения материалов экстремистского характера, поиска противоправной информации, дискредитации правоохранительных органов, дезинформирования населения, манипулирования общественным сознанием с использованием недостоверной информации, формирования у населения предубеждений[2]. В связи с этим правоприменителям в процессе раскрытия преступлений и доказывания вины лиц, их совершивших, следует учитывать возможности применения таких технологий.

Круг проблем, возникающих в процессе доказывания по уголовному делу в случае использования в преступной деятельности современных технологий, расширяется, если уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Обусловлено

---

[1] Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 25–26.

[2] *Галяшина Е.И., Антонян Е.А., Богатырев К.М.* Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности: монография / отв. ред. Е.И. Галяшина. М.: Проспект, 2025. С. 55–60.

это тем, что при рассмотрении уголовных дел данным составом суда принятие решения по основному вопросу уголовного дела – по вопросу о виновности или невиновности подсудимого отнесено законом к компетенции коллегии присяжных заседателей, которую образуют граждане, не являющиеся профессиональными судьями. В соответствии с ч. 7 ст. 335 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями. При этом законодательство не содержит адресованное присяжным заседателям требование мотивировать свой вердикт: в силу положений ст. 389.27 УПК РФ приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, не может быть отменен или изменен в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, структура такого приговора в соответствии со ст. 351 УПК РФ не включает в себя приведение доказательств, подтверждающих наличие фактических обстоятельств уголовного дела, установленных вердиктом. Изложенные особенности порядка рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей существенно изменяют сам процесс доказывания по сравнению с ординарным порядком производства по уголовным делам, а отсутствие у присяжных заседателей обязанности мотивировать свое решение и невозможность его обжалования по мотиву необоснованности увеличивают вероятность воздействия на присяжных заседателей со стороны заинтересованных лиц с целью вынесения благоприятного для них вердикта.

Необходимо отметить, что содержащееся в ч. 7 ст. 335 УПК РФ ограничение, заключающееся в возможности исследования в присутствии присяжных заседателей только тех фактических обстоятельств уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями, обусловлено предназначением института присяжных заседателей. Законодателем данный правовой институт рассматривался ранее и рассматривается до настоящего времени как способ преодоления «обвинительного уклона» профессиональных судей и принятия решения о виновности или невиновности подсудимого на основе объективного и беспристрастного подхода к делу[1]. В связи с этим решение проблем доказывания в суде присяжных, обусловленных применением современных информационных технологий, должно обеспечивать объективность присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел. Несмотря на различия во взглядах исследователей на понятие объек-

[1] *Шадрин М.А.* Становление суда присяжных в российской судебной системе // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21. Вып. 1. С. 21–22.

тивности в уголовном судопроизводстве, объективность сводится к беспристрастности, принятию процессуальных решений в соответствии с объективными законами познания на основе фактов, установленных в порядке, определенном законом, без внешнего влияния на принимающего процессуальное решение субъекта[1]. Практика рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей показывает, что нередко участники судебного разбирательства совершают какие-либо действия, в результате которых присяжные заседатели могут утратить способность объективно исследовать и оценить собранные по делу доказательства. Такие действия в судебных решениях и научной литературе обозначаются термином «незаконное воздействие на присяжных заседателей». Информационные технологии могут служить инструментом такого воздействия. В то же время значение современных технологий в суде присяжных не является только негативным: они позволяют повысить эффективность представления присяжным заседателям доказательств, довести до присяжных заседателей доказательственную информацию в максимальном объеме и в доступной для восприятия форме, тем самым помочь принять объективное решение.

В настоящее время можно выделить следующие актуальные проблемы доказывания в суде присяжных и обеспечения объективности присяжных заседателей в процессе доказывания, обусловленные применением современных технологий.

1. С развитием технологий обостряется давно исследуемая юридической наукой *проблема определения понятия специальных знаний и разграничения специальных и обыденных (общедоступных) знаний*[2]. Исследователями данной проблемы предложено множество вариантов ее решения, выделены признаки понятия специальных знаний, критерии, позволяющие отграничить их от общедоступных знаний. С содержательной точки зрения, к примеру, специальные знания можно определить как совокупность знаний в определенных областях науки, техники, искусства или ремесла, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта. Если исходить из субъективного критерия, то специальные знания могут рассматриваться как знания, необходимые для решения вопросов, возникших при расследовании и рассмотрении в суде дел, и которыми не обладают участники

[1] *Барабаш А.С., Брестер А.А.* Метод российского уголовного процесса. СПб: Юридический центр Пресс, 2013. С. 106–119, 122.

[2] См.: *Дьяконова О.Г.* Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М.: Проспект, 2022. С. 16–26; *Лазарева Л.В.* Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 9–22, 37–64; *Трапезникова И.И.* Специальные знания в уголовном процессе России: монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 45–81.

судебного разбирательства. Такой подход затрудняет возможность установления объема понятия специальных знаний, поскольку знания, являющиеся специальными для одного лица, могут не быть таковыми для другого лица. В то же время подобный подход к разграничению специальных и общеизвестных знаний имеет предпосылки, поскольку их соотношение, как верно отмечено учеными, исторически изменчиво: с развитием науки и техники знания становятся доступными все более широкому кругу лиц и в повседневность входят новые технические средства, с развитием науки обыденные представления об окружающем мире утрачивают свою актуальность[1].

Применительно к доказыванию в суде с участием присяжных заседателей проблема разграничения специальных и общеизвестных знаний также актуальна. К примеру, если присяжным заседателям предоставляются сведения о преступлении, совершенном с применением современных технологий, то нельзя не учитывать, что профессиональные участники судебного разбирательства и присяжные заседатели могут быть в разной степени осведомлены о таких технологиях. Более того, в состав коллегии могут входить присяжные заседатели с разным уровнем знаний о современных технологиях, одни из которых используют эти технологии в повседневной жизни, а другие нуждаются в разъяснениях специалиста для того, чтобы уяснить, каким образом с помощью той или иной технологии могло быть совершено рассматриваемое преступление. При этом действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает механизмов, позволяющих сторонам определить готовность кандидатов в присяжные заседатели или присяжных заседателей воспринимать информацию о фактических обстоятельствах рассматриваемого дела без привлечения лица, сведущего в вопросах применения современных технологий. Неосведомленность кандидатов в присяжные заседатели в вопросах науки и техники по смыслу закона не является препятствием для участия в рассмотрении дела, а потому вопросы сторон при формировании коллегии присяжных заседателей, направленные на выяснение знаний кандидатов о примененных при совершении преступления современных технологиях, на основании ч. 8 ст. 328 УПК РФ могут быть отклонены председательствующим. К примеру, при формировании коллегии присяжных заседателей по уголовному делу по обвинению Ю. в совершении преступлений, связанных с распространением информации в сети «Интернет», защитник задавал кандидатам вопросы о том, известны ли им понятия «интернет-страница», «страница сообщества в социальной сети», «сетевой адрес», «репост», «интернет-ссылка». Поскольку эти вопросы не были

[1] См.: *Дьяконова О.Г.* Указ. соч. С. 21; *Трапезникова И.И.* Указ. соч. С. 77.

направлены на установление обстоятельств, препятствующих участию кандидатов в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжных заседателей, председательствующим они были сняты в соответствии с ч. 8 ст. 328 УПК РФ. При этом 17 из 26 кандидатов в присяжные заседатели не являлись пользователями социальных сетей, в которых подсудимый, согласно предъявленному обвинению, распространил противоправную информацию, девять из 26 кандидатов в присяжные заседатели не были знакомы с понятием «репост»[1]. По завершении процедуры формирования коллегии никакие вопросы присяжным заседателям в соответствии с законом заданы быть не могут.

В том случае, если участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты принято ошибочное решение об отсутствии необходимости привлечения специалиста, присяжные заседатели, не имеющие представления о примененных виновными лицами современных технологиях, могут неверно воспринять информацию о фактических обстоятельствах рассматриваемого дела. Исправить эту ошибку в суде апелляционной инстанции невозможно, поскольку выводы коллегии присяжных заседателей не могут быть пересмотрены в связи с их несоответствием фактическим обстоятельствам дела. Если же специалист привлекается для дачи разъяснений, в которых коллегия присяжных заседателей не нуждается (в силу того, что присяжные заседатели знакомы с примененными при совершении преступления современными технологиями), это может привести к затягиванию судебного разбирательства и вызвать негативную психологическую реакцию присяжных заседателей, что в свою очередь повлияет на их объективность.

С точки зрения тактики проведений судебных действий следственного характера с участием присяжных заседателей большое значение имеет *выбор специалиста, привлекаемого для дачи разъяснений*. Он должен не только обладать необходимыми знаниями в области применения современных технологий, но и быть способен излагать относящиеся к его компетенции сведения в доступной для восприятия присяжными заседателями форме. Если разъяснения специалиста окажутся непонятными для присяжных заседателей, то они не смогут принять объективное решение относительно фактических обстоятельств уголовного дела.

2. Присяжным заседателям в силу того, что они не являются профессиональными участниками судебного разбирательства, сложнее создать целостный мысленный образ события преступления на основе воспринятой в судебном заседании доказательственной информации.

[1] Уголовное дело № 2-18-18 // Пермский краевой суд. Документ опубликован не был. Источник: личный архив автора (участник процесса).

В связи с этим одним из условий усвоения присяжными заседателями доказательственной информации является *обеспечение наглядности сведений об обстоятельствах совершенного преступления*. Наглядность как инструмент повышения эффективности процесса представления присяжным заседателям доказательств широко применяется на практике, необходимость использования такого инструмента при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей подтверждена научными исследованиями[1].

Для обеспечения наглядности исследуемых сведений о преступлении, к примеру, в ходе допроса в судебном заседании составляются и демонстрируются затем присяжным заседателям схемы, потерпевшими, подсудимыми или свидетелями (очевидцами) воспроизводятся в зале суда отдельные действия, которые совершались участниками рассматриваемого события, представляются вещественные доказательства, исследуются различные видеозаписи и фотодокументы. Для визуализации представляемой присяжным заседателям информации могут использоваться различные технические средства (например, документ-камеры, манекены, средства измерений)[2].

Развитие информационных технологий и искусственного интеллекта позволяет расширить круг возможных инструментов визуализации информации. К их числу относится, к примеру, 3D-моделирование, представляющее собой реконструкцию действий преступника и процесса формирования объектно-следовой обстановки на месте происшествия в виде анимации (видеофильм), демонстрирующей в динамике хронологию и последовательность протекания процессов в событии преступления. Такая технология уже применяется в зарубежных странах, ее использование изучается российскими учеными, имеется определенный опыт представления в ходе судебного разбирательства 3D-модели исследуемого события и в отечественной судебной практике[3]. В практике рассмотрения дел в штате Флорида (США)

---

[1] См.: *Серова Е.Б., Спасов М.А.* Использование принципа наглядности при представлении государственным обвинителем доказательств в суде с участием присяжных заседателей // Криминалистъ. 2018. № 2 (23). С. 56–57; *Спасов М.А.* Проблемные аспекты использования государственным обвинителем средств визуализации в прениях сторон по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей // Криминалистъ. 2024. № 4 (49). С. 72 –73; *Холопов А.В.* Научные методы и технические средства в судебном следствии: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 188–194.

[2] Подробнее о применяемых средствах визуализации и способах обеспечения наглядности см.: *Серова Е.Б., Спасов М.А.* Указ. соч. С. 58–63; *Холопов А.В.* Научные методы и технические средства в судебном следствии. С. 159–188.

[3] См.: *Холопов А.В.* 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистъ. 2023. № 3 (44). С. 86–87.

отмечен случай, когда адвокат прибегнул к VR-симуляции, чтобы судья и присяжные заседатели посмотрели на ситуацию глазами его доверителя, утверждавшего, что он угрожал потерпевшим оружием в условиях самообороны, и убедились в его правоте[1]. В то же время использование моделирования с помощью технических средств влечет возникновение новых проблем. Во-первых, поскольку речь идет о наглядной модели рассматриваемого события, создание такой модели – это не воспроизведение информации с ее носителя, это перевод информации, выраженной языком символов, в образы. В связи с этим неизбежны вопросы: кто создал модель, каким образом и насколько адекватно созданная модель отражает обстоятельства происшедшего, все ли значимые сведения учтены, не произошло ли искажение информации в процессе перевода с языка символов в образы, как это проверить и в каком порядке. Во-вторых, 3D-моделирование может подменить самостоятельную работу присяжных заседателей по мысленной визуализации (моделированию) события преступления и, соответственно, может отучить их давать самостоятельную оценку доказательствам и объективно подходить к рассматриваемому делу.

Использование в судебном заседании того или иного способа обеспечения наглядности представляемой присяжным заседателям информации о преступлении, в том числе предусматривающего применение современных технологий и технических средств, сопряжено с решением проблем процессуального и материально-технического характера. Во-первых, необходимо обоснование допустимости требуемого способа обеспечения наглядности доказательства в условиях действующего уголовно-процессуального регулирования. Во-вторых, для применения такого способа при рассмотрении конкретного уголовного дела должны быть созданы соответствующие материально-технические условия.

3. Развитие технологий передачи информации и искусственного интеллекта создало новую проблему – *использование современных технологий для оказания незаконного воздействия на присяжных заседателей*. Современные технологии могут быть использованы в качестве инструмента для воспрепятствования привлечению конкретного виновного лица к уголовной ответственности путем формирования у присяжных заседателей искаженного восприятия обстоятельств уголовного дела и исследуемых в судебном заседании доказательств.

Современные технологии распространения информации позволяют вне установленной законом процедуры исследования обстоятельств

[1] В США впервые использовали VR-симуляцию в качестве доказательства в суде // BFM.RU. 2025. URL: https://www.bfm.ru/news/565169.

уголовного дела доводить до присяжных заседателей сведения, либо не являющиеся достоверными или проверенными, либо формирующие предубеждение к участникам судебного разбирательства[1]. Способами сообщения присяжным заседателям таких сведений, в частности, могут быть: распространение информации, не подлежащей исследованию в присутствии присяжных заседателей, в социальных сетях через персональные страницы или в группах, в которых могут состоять присяжные заседатели или их близкие, выступление в средствах массовой информации (например, на телевидении, в периодическом печатном или сетевом издании) с изложением позиции по делу, в том числе сопряженное с сообщением сведений, к примеру, о том, что в ходе предварительного следствия были допущены грубейшие нарушения закона, в судебном заседании председательствующий препятствует представителям той или иной стороны в реализации их прав и не позволяет им в полном объеме довести до присяжных заседателей свою позицию по делу.

Так, при рассмотрении Чусовским городским судом Пермского края уголовного дела в отношении П. накануне допроса подсудимого в одной из популярных социальных сетей пользователем «В. Ф.» на своей странице были размещены два документа – протокол опроса адвокатом свидетеля В. и вынесенное за день до этого постановление суда об отказе в удовлетворении ходатайства адвоката о допросе В. в качестве свидетеля в присутствии присяжных заседателей. К этим документам был дан комментарий, содержащий отрицательное отношение к принятому судом решению и в целом негативно характеризующий работу суда и органов прокуратуры. Также в комментарии на основе протокола опроса содержался вывод о причастности иного лица, а не подсудимого П. к совершению преступления. Затем указанные процессуальные документы и аналогичный комментарий к ним были размещены данным пользователем в этой же социальной сети в одной из групп, объединяющих жителей г. Чусовой. В результате, учитывая масштаб распространения информации на ограниченной территории, присяжные заседатели не могли не быть осведомлены (лично или через близких им лиц) о наличии сведений о совершении преступления иным лицом при иных обстоятельствах, изложенных

[1] Проблема использования современных информационных технологий в противоправных целях актуальна не только для рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей. Она имеет гораздо больший масштаб. Проведенными криминологическими исследованиями установлено, что средства массовой информации могут оказывать криминогенное влияние при использовании манипуляций, дезинформации и пропаганды, при этом в условиях цифровой эпохи деструктивный потенциал данных инструментов многократно усиливается. См.: *Шпак А.А.* Криминогенный потенциал средств массовой информации: манипуляция, дезинформация и пропаганда // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21. Вып. 4. С. 40–44.

в протоколе опроса свидетеля В. Итогом рассмотрения дела стало вынесение оправдательного вердикта[1].

Не всегда информационное воздействие оказывается в ходе рассмотрения дела судом присяжных. Возможно распространение сведений об обстоятельствах уголовного дела до его поступления в суд. Таким образом, может быть сформировано общественное мнение по вопросу о виновности или невиновности подсудимого, которое будет оказывать влияние на восприятие присяжными заседателями обстоятельств уголовного дела. Так, перед рассмотрением с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении Ш. жители Кесовогороского района Тверской области в группах в социальной сети, объединяющих жителей данного района, активно обсуждали обстоятельства уголовного дела, комментировали их, давали характеристики сторонам. Одновременно шел сбор подписей в поддержку обвиняемого[2].

Встречаются на практике ситуации, когда об оказании незаконного информационного воздействия на присяжных заседателей заявляется не стороной обвинения, а стороной защиты. К примеру, во время рассмотрения Кировским районным судом г. Перми уголовного дела в отношении Х. подсудимый заявил об оказании на присяжных заседателей незаконного воздействия в связи с тем, что в эфире одной из местных телевизионных компаний в выпуске новостей, а затем и на платформах телекомпании в сети «Интернет» была распространена информация о ходе судебного следствия, об обстоятельствах уголовного дела, в том числе о том, что ранее подсудимый уже привлекался к уголовной ответственности, в новостном сюжете также содержалось утверждение о доказанности предъявленного обвинения[3]. В предварительном слушании по уголовному делу в отношении Ч., рассмотренному с участием присяжных заседателей (ходатайство о рассмотрении дела данным составом суда заявлено обвиняемым по окончании ознакомления с материалами уголовного дела), защитником обращалось внимание суда на то, что после направления уголовного дела в суд средствами массовой информации распространены сведения о ходе предварительного следствия по делу[4].

---

[1] Уголовное дело № 1-156/2024 // Чусовской городской суд Пермского края. Документ опубликован не был. URL: https://chusovoi.perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo.

[2] Уголовное дело № 1-22/2019 // Бежецкий межрайонный суд Тверской области. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Уголовное дело № 1-272/2024 // Кировский районный суд города Перми Пермского края. Документ опубликован не был. Источник: личный архив автора (участник процесса).

[4] Уголовное дело № 2-5/2023 // Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Технологии искусственного интеллекта позволяют не просто обрабатывать, а генерировать новую информацию. В сфере уголовного судопроизводства искусственный интеллект может использоваться для подделки аудиозаписей или видеодокументов, содержащих сведения, имеющие отношение к уголовному делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей. Созданные с помощью искусственного интеллекта документы могут быть представлены присяжным заседателям в судебном заседании либо распространены по информационно-телекоммуникационным сетям и доведены до присяжных заседателей вне установленной законом процедуры исследования обстоятельств уголовного дела, в результате чего они уже не смогут принять объективное решение по уголовному делу. Прецедент использования и искусственного интеллекта в доказывании по уголовному делу отмечен в практике рассмотрения уголовных дел судами США. В одном из судов в штате Аризона председательствующий позволил воспроизвести в судебном заседании видеофайл с обращением убитого к присутствовавшим в зале суда. Видеофайл был изготовлен с использованием технологий искусственного интеллекта; аватар, созданный на основе фотографий, видеозаписей, аудиозаписей, воспоминаний родных и друзей, воспроизводил внешность и голос убитого. В результате получился «дипфейк» кинематографического качества[1].

Таким образом, развитие технологий в современном мире позволяет повысить эффективность деятельности участников уголовного судопроизводства по представлению присяжным заседателям доказательств и в то же время затрудняет принятие присяжными заседателями объективного решения по делу, если современные технологии применяются при совершении преступлений или для противодействия объективному разбирательству уголовного дела путем оказания информационного воздействия на присяжных заседателей. В связи с этим требуется разработка и реализация комплекса мер защиты присяжных заседателей, в том числе уголовно-правового характера, от незаконного информационного воздействия, а также процессуальных гарантий обеспечения их объективности при рассмотрении уголовного дела.

Необходимо также отметить, что внедрение в сферу уголовного судопроизводства технологий искусственного интеллекта в перспективе может поставить под сомнение целесообразность сохранения института присяжных заседателей в том виде, в котором он существует

[1] *Бородовский Д.* Искусственный интеллект помог жертве убийства обратиться к преступнику // Hi-Tech.Mail.Ru. 2025. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/126709-iskusstvennyj-intellekt-pomog-zhertve-ubijstva-obratitsya-k-prestupniku/.

сейчас. Развитие искусственного интеллекта, как указывают Р.В. Костенко и А.Н. Ильяшенко, создает возможности для качественного преобразования процесса оценки доказательств и перехода от оценки доказательств на основе внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке доказательств с использованием искусственного интеллекта, в результате акценты в доказывании будут смещены от субъективно-интуитивного к объективно-аналитическому подходу в оценке доказательств по уголовным делам, что позволит преодолеть естественные когнитивные ограничения человеческого познания при сохранении способности к комплексному анализу многоаспектной доказательственной информации[1]. Достоинствами применения искусственного интеллекта при оценке доказательств являются возможность анализировать масштабные массивы данных и выявлять неочевидные взаимосвязи и закономерности, обеспечивая более полную и объективную картину исследуемых обстоятельств совершенного преступления, а также отсутствие когнитивных искажений[2]. В случае реализации в уголовном судопроизводстве такой модели оценки доказательств суд присяжных, предназначенный для принятия объективных решений по уголовным делам, может не выдержать конкуренции с искусственным интеллектом, который может быть столь же объективным, но затрачивающим меньшее количество времени и других ресурсов.

Библиографический список

Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб: Юридический центр Пресс, 2013. 218 с.

Бородовский Д. Искусственный интеллект помог жертве убийства обратиться к преступнику // Hi-Tech.Mail.Ru. 2025. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/126709-iskusstvennyj-intellekt-pomog-zhertve-ubijstva-obratitsya-k-prestupniku/.

В США впервые использовали VR-симуляцию в качестве доказательства в суде // BFM.RU. 2025. URL: https://www.bfm.ru/news/565169.

Галяшина Е.И., Антонян Е.А., Богатырев К.М. Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности: монография / отв. ред. Е.И. Галяшина. М.: Проспект, 2025. 272 с.

[1] *Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н.* Искусственный интеллект в оценке доказательств по уголовным делам: от внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 3. С. 152–153.

[2] Там же. С.153

Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М.: Проспект, 2022. 480 с.

Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. Искусственный интеллект в оценке доказательств по уголовным делам: от внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 3. С. 152–157.

Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 224 с.

Серова Е.Б., Спасов М.А. Использование принципа наглядности при представлении государственным обвинителем доказательств в суде с участием присяжных заседателей // Криминалистъ. 2018. № 2 (23). С. 56–63.

Спасов М.А. Проблемные аспекты использования государственным обвинителем средств визуализации в прениях сторон по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей // Криминалистъ. 2024. № 4 (49). С. 71–77.

Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России: монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. 132 с.

Холопов А.В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистъ. 2023. № 3 (44). С. 84–90.

Холопов А.В. Научные методы и технические средства в судебном следствии: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.

Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. 328 с.

Шадрин М.А. Становление суда присяжных в российской судебной системе // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21. Вып. 1. С. 18–24.

Шпак А.А. Криминогенный потенциал средств массовой информации: манипуляция, дезинформация и пропаганда // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21. Вып. 4. С. 40–44.

ПЕРМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

~ 2026. Выпуск 9 ~

Подписано в печать 11.09.2026. Выход в свет 16.09.2026.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 23. Тираж 200 экз.
Заказ №

Распространяется по свободной цене